

ЕВГЕНИЙ
ЩЕПЕТНОВ

ИСТРИНСКИЙ ЦИКЛ

ЛЕКАРЬ

МАГ

ВОЕНАЧАЛЬНИК

СЕРЫЙ ВЛАСТЕЛИН

БФ-коллекция

Евгений Щепетнов

**Истринский цикл: Лекарь.
Маг. Военачальник. Серый
властелин (сборник)**

«АСТ»

2012, 2013

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Щепетнов Е. В.

Истринский цикл: Лекарь. Маг. Военачальник. Серый властелин (сборник) / Е. В. Щепетнов — «АСТ», 2012, 2013 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-107900-0

Кем он был на Земле? Простым человеком, прошедшим всё, что может приготовить злая судьба. Как он выживет в мире, где нет пороха и электричества, где властвует право сильного, где магия обычное дело, а тиранозавры разумны и бегают по лесам, как олени? Но он выживет и станет величайшим магом, сильнейшим воином, его будут любить женщины и бояться злобные враги. Его окружают красивые женщины, борющиеся за право быть рядом с ним, друзья, готовые поддержать в трудную минуту, и враги, время от времени пытающиеся лишить всего, что он сумел добиться в этом мире. Впереди у него тяжкие испытания, которым подвергает его жизнь, но он избегает вражеских ловушек, учится магии, борется с врагами и побеждает. Снова и снова жизнь готовит Владу приключения – и весёлые, и страшные. Ему предстоит побывать в пещерах ящероловцов, освободить близких людей из плена изуверов-захватчиков, посетить остров, где затаилось всемирное Зло...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107900-0

© Щепетнов Е. В., 2012, 2013

© АСТ, 2012, 2013

Содержание

Лекарь	7
Глава 1. Пробуждение	7
Глава 2. Обретение	20
Глава 3. Бой	33
Глава 4. Клиника	45
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	83
Глава 8	94
Глава 9	106
Глава 10	117
Глава 11	128
Глава 12	140
Глава 13	152
Глава 14	164
Глава 15	176
Глава 16	188
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Евгений Щепетнов
Истринский цикл: Лекарь. Маг.
Военачальник. Серый властелин
Сборник

© Евгений Щепетнов, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Лекарь

Глава 1. Пробуждение

Щека Владимира ощущала шероховатую колючую поверхность. Он не мог определить, что это... Его глаза стали медленно открываться, муть в них постепенно проходила и... взгляд уткнулся в темный потолок над головой. Доски потолка, почему-то не покрытого известкой или какой-то краской, были темны, как бы закопчены. Владимир стал мучительно вспоминать – где он, что с ним?

Он шел из спортзала к машине, которую припарковал у банка напротив, через дорогу. Как обычно поставить машину было негде – какие-то уроды заставили все парковочные места своими грязными авто, заляпанными смесью песка и снега, и ему нашлось место только на вершине сугроба, образованного той же смесью песка, грязи и снега. Он с мстительной радостью загнал туда свою «Ниву», в который раз с удовольствием констатируя, что в нашей жизни вездеход не роскошь...

Занятия прошли как обычно. Он начал с тренажера, прокачав грудные мышцы, перешел на отжимание штанги, потом на другой снаряд, третий... и через два часа, выпив пол-литровую бутылочку противной негазированной воды (в который раз он обругал себя, что забыл купить в магазинчике литровую бутылку газировки – тут, в буфете спортзала, все было в два раза дороже), вышел на улицу.

Владимир стал ходить в спортзал после того, как почувствовал, что стал сильно набирать вес. Ему только что исполнилось пятьдесят лет... грустная дата. Как пел один бард в песне про тридцать лет: «А потом начинаешь спускаться, каждый шаг остороженько взвесь: пятьдесят – это так же, как в двадцать, ну в семьдесят – так же, как десять...»¹

Так что Владимиру, судя по этим словам, было сейчас двадцать лет.

Он был атлетического сложения – сказала спортивная молодость: занятия рукопашным боем, дзюдо, штангой. Отец в юности увлек его упражнениями с гириями. Увы, самостоятельные занятия тяжелой атлетикой плохо сказались на его фигуре. Никто не подсказал ему, что когда поднимаешь железо, необходимо стягивать живот ремнем, чтобы не растянуть брюшные мышцы, так что живот с годами покрылся слоем благоприобретенного жира – пиво, вкусные копчености – и это его сильно раздражало.

Отвратительно. И силы хватало, и реакция у него была молниеносная, как у двадцатилетнего, но зеркало, это мерзкое изобретение цивилизации, демонстрировало ему седого бородастого мужика, слегка смахивающего на Николая II, только у того седины не было... А может, была? Может, и была, но уж точно не такая. Император не прошел через лихие девяностые, не был под следствием по навету, не выживал, вытаскивая свою семью из нищеты. Владимир не любил вспоминать об этом времени, тогда ему пришлось испытать все – от состоятельной жизни, до полной нищеты. При мысли об этом у него щемило сердце. Теперь дети были взрослые, более-менее устроенные, жена не работала – содержала хозяйство, их небольшой загородный домик, а у него самого был небольшой стабильный доход от мелкого бизнеса.

Володя опять пошевелил головой, насколько позволила шея, глаза окончательно сфокусировались, он осмотрел помещение. Большая комната была темна, и лишь отблески огня метались по бревенчатым стенам, выскакивая лучами из щелей и дырочек в печи. Печи? Какой к черту печи – наконец-то дошла до него абсурдность происходящего: откуда печь в городе?

¹ Юрий Кукин «Тридцать лет».

Как он оказался в этом сарае? Он попытался сесть, но руки и ноги не слушались. После небольшого усилия его накрыла волна тошноты, и он провалился во тьму...

Следующее пробуждение было уже полегче, глаза открылись сразу, а нос почувствовал запах какого-то варева. На его груди стояла глубокая, похоже, деревянная чашка, а к губам была приставлена такая же деревянная, наполненная чем-то вроде бульона, которая настойчиво пыталась пропихнуться через его сомкнутые челюсти.

– Пей! Пей, а то сдохнешь!

Он скосил глаза и увидел женское лицо. Волосы, обтягивающие маслянистой блестящей волной голову небольшой пожилой женщины, были собраны в гладкий хвост. Владимир подумал: «Как бабушка. Она тоже все мазала волосы маслом... Что за дурацкая привычка мазать волосы маслом! Вот откуда взялась в русских сказках присказка «маслена головушка». Эта дурацкая мысль не помешала ему раскрыть рот, и в него пролилась теплая пахучая струя варева. Чтобы не захлебнуться, он жадно сглотнул... Затем еще, еще... Владимир боялся поперхнуться, но ему вдруг очень захотелось есть, и неожиданно для себя он поднял руку – что далось ему уже легче – и подтянул чашку к губам, но... едва не захлебнулся бульоном, залив себе глаза и лицо, и тотчас закашлялся.

– Ну что ты как ребенок, – сердито прикрикнула женщина, – ну вот все пролил, теперь мокрый будешь лежать!

Она вытерла ему лицо тряпочкой... И у него из глаз вдруг полились слезы – чувство собственной беспомощности, слабости было сродни ощущениям младенца – ему вдруг показалась такой родной и близкой эта незнакомая женщина, как будто он увидел свою давно умершую мать... Руки незнакомки были теплые, шершавые, и от них веяло силой, добротой и какой-то уверенностью... В животе его приживался крепкий бульон, распространяя по телу усталость и сон. Владимир снова уснул.

Следующее пробуждение было активнее. Кто-то тряс его за плечо, не обращая внимания на то, что он пытался спрятаться в спасительной темноте. Когда спишь, не так все страшно и странно, вроде как ничего и не случилось.

Реальность опять поставила Владимира перед фактом: он неизвестно где, бессильный, слабый фактически, почти что умирающий. Он попытался что-то сказать нависшей над ним женщине, но из горла вырвался какой-то клекот, хрип. Женщина приказала ему молчать, поставила на грудь чашку с пахучим бульоном и стала, макая в нее хлеб, совать ему в рот пропитанные варевом кусочки. Хлеб был размокший, пах одуряюще вкусно, и Владимир, давясь, начал его глотать, пока женщина не заявила:

– Все, хватит на сегодня, а то плохо будет.

Он опять расслабился, только теперь не сразу уснул, а стал следить взглядом за перемещающейся по комнате незнакомкой, прислушиваясь к ощущениям тяжести в животе. Тошнота, видимо, отступила, тело настойчиво требовало пищи. Владимир стал вычислять, куда же он попал? Как оказался в деревне?

Он вышел из спортзала, налетел порыв сильного ветра, поднявший снежную пыль и ударивший в глаза мельчайшими ледышками. Ветер задувал через полы не до конца застегнутой куртки, пробирал до костей – Владимир ощутил озноб.

Потом он уселся на водительское сиденье, воткнул ключ в замок зажигания, повернул – машина затарахтела стартером, завелась, заглохла. Он поморщился и снова повернул ключ. Наконец «Нива» завелась и неровно заработала своим усталым двигателем, прошедшим огни и воды. Владимир собрался сдать назад, включив заднюю скорость, потом передумал и достал из кармана сотовый телефон (он оставлял его там, занимаясь в спортзале), чтобы проверить пропущенные звонки или смс.

В этот момент вдруг раздался сильный хлесткий звук, как будто кто-то ударил по крыше машины железной цепью. Лобовое стекло треснуло, покрывшись сеткой, двигатель сразу

заглох, а в салоне что-то заискрило и запахло озоном. Не понимая, что произошло, Владимир выругался, ошеломленный, собрался было открыть дверь, чтоб вывалиться из кабины, но тут внезапно заметил перед лицом сияющий шарик, с мандарин размером, который парил перед ним и медленно колебался из стороны в сторону в причудливом ритме, подчиняясь какому-то неизвестному источнику.

Владимир осторожно убрал голову подальше от шарика. «О, черт, неужели шаровая молния? Участь Рихмана что-то мне никак не катит... пожить бы еще», – подумал он и стал осторожно отодвигаться от опасного объекта в сторону, намереваясь пролезть на заднее сиденье. Шарик, как будто на невидимой ниточке потянулся за ним, все приближаясь и приближаясь... Владимир зашевелился быстрее, шарик тоже ускорился... «А-а-а! Сволочь, отстань!» Шарик приблизился к его лицу и с шумом соприкоснулся с головой. Вспышка, грохот, тело свело судорогой, закрутило, и сознание покинуло Владимира.

Следующий раз Владимир очнулся уже на лежанке в бревенчатом доме... Он стал размышлять: что же это было, что упало на машину? Вспомнил, что «Нива» стояла под столбом электросети. Может, провод свалился, оборвался? Скорее всего. Еще когда он шел в спортзал, обратил внимание, что провода облеплены льдом после прошедшего дождя. Отвратительно, на улице мороз три градуса, а идет дождь – дорога сразу превращается в каток, провода провисают, покрытые льдом, деревья сгибаются под тяжестью замерзшей воды, ломаются с треском ветки, троллейбусы двигаются осторожно, выбрасывая снопы искр из-под контактов, как будто работает гигантская электросварка. Такое за жизнь Владимира он наблюдал не менее трех раз – природные аномалии подобного рода были нечасты, но и не так уж феноменальны – природа есть природа, сюрпризов у нее предостаточно.

Вот только такой подарочек, как падение оборванного электропровода на его машину, был ему абсолютно не нужен. Владимир любил свою «проходимку», на которой он форсировал реки, после чего вода плескалась в фарах, и удалить ее оттуда становилось проблемой, пролезал по такой грязи, в которой пешеход бы увяз и оставил там свои сапоги навечно... и вот теперь какой-то мерзкий провод раздолбал ее. И денег на ремонт нет... Он опомнился – каких денег? Тут бы еще понять – где он вообще-то находится? Что с ним? «Ладно, – успокоился он, – надо немного укрепиться, и там все выяснится».

У него опять защемило сердце – близкие будут переживать, куда он делся. Что бы с ним ни случилось, он всегда возвращался домой. Пьяный ли, грязный, больной или раненый – всегда приползал домой. Дом – это свято. И вот теперь... Глаза его закрылись, мозг не выдержал перегрузки, Владимир провалился во тьму.

Так продолжалось, по его подсчетам, не меньше недели – женщина кормила его из рук, вкладывая в рот размоченные в бульоне кусочки хлеба и заливая из ложки отвар, вскоре сменившийся некой кашей из растолченного мяса пополам с жидкостью. Вскоре его организм укрепился настолько, что стал шевелиться, а потом взбунтовался и его потянуло на хм-м... В общем, женщина отвела Владимира к заведению во дворе, так как воспользоваться кадкой (такие он видел только в киносказках Роу) он не рискнул.

В заведении Владимир огляделся в поисках туалетной бумаги или хотя бы газетки (чтоб заодно узнать, где он), но не обнаружив ничего, кроме большого сосуда вроде кумгана, усмехнулся: «Татары, что ли? Ну, или восток...»

Пошатываясь и дрожа от слабости, он вышел обратно на улицу и осмотрелся. Вокруг стоял мачтовый сосновый лес, похожий на тот, что он видел на картинах Шишкина. Бревенчатый дом находился на большой поляне, а за ним раскинулся какой-то огород, на котором росло непонятно что – разглядеть подробности было невозможно. Зимой и не пахло, а вот хвоей... Запах лесных трав и раздавленной клубники буквальношибанул в нос...

Владимир сделал несколько шагов по направлению к дому и женщине, стоявшей к нему спиной. При дневном свете он рассмотрел ее, насколько мог: невысокая, крепкая, голова заты-

нута простым коричневым платком, на теле что-то вроде сарафана, на плечах шаль – было немного прохладно и сыро, видимо, ночью прошел дождь.

Она обернулась на шорох, и на ее жестком, покрытом морщинами лице возникла полуулыбка.

– Ну что, оклемался? Я думала, не жилец. Ну, пошли в дом... обопрись на меня, а то шандарахнешься и испачкаешь мне мозгами крыльцо, а я его только что вымыла.

Они побрели в дом. Владимир с трудом преодолел ступеньки крыльца, наконец, забрался в комнату и, кашляя и задыхаясь, свалился на топчан. Руки и ноги предательски дрожали, а в глазах плавали радужные круги.

«Да, Вова, – подумал он, – задохлик ты стал еще тот. Надо как-то выкарабкаться – не вечно же тут валяться... а где тут-то? Где я? Надо с женщиной поговорить». Он собрался с силами, со скрипом и хрустом в суставах приподнялся и спустил ноги с топчана, стараясь удержать равновесие.

Женщина возилась у печи, чем-то булькая, что-то куда-то переливая, потом обернулась и направилась к нему с чашкой. Судя по пару, в ней плескалось очень горячее варево. Она пододвинула ногой к топчану табуретку и поставила деревянную посудину на нее, погрозив Владимиру пальцем:

– Не хватай, горячо! Пусть остынет. Сейчас ложку и хлеба принесу.

Владимир в очередной раз подсознательно отметил: что-то в ее речи неправильно – то ли акцент какой-то, то ли слова как-то непривычно ставит, ну как бы слышишь речь мордвина – говорит по-русски, правильно, но либо в ударениях, либо произношении что-то не так... Это легко уловить на слух, особенно, когда за свои пятьдесят лет наслушаешься любых акцентов и говоров. С опытом легко начинаешь сразу определять, откуда человек – а тут непонятно. Да и обстановка странная...

Женщина подошла к нему, сделала легкое движение рукой, как будто подкинула что-то – у потолка загорелся шарик вроде электрической лампочки. Владимир вздрогнул и вытаращил глаза, ошеломленный увиденным. Хозяйка дома, в свою очередь, удивленно воззрилась на него:

– Ты чего, светлячка не видал ни разу? Чего так напугался?

– Не видал... у нас так не умеют. – Он посмотрел на женщину и с волнением спросил: – Я вообще где? Это что за местность, как я сюда попал? Вы кто? Как мне попасть в город? Мне надо связаться с семьей, они волнуются, потеряли меня, наверное. Что это за глушь? Я ведь в городе был, когда потерял сознание.

– Сколько вопросов сразу... Ну, начнем по порядку. Я Марьяна. И не надо меня на вы звать – я простая деревенская целительница, только дворян на вы зовут и по имени-отчеству. Ты на моем хуторе, рядом деревня Карауловка, двести дворов. Самый близкий город Лазутин, пятьдесят верст вниз по реке. Как ты тут оказался – я не знаю. Я тебя нашла на огороде. Грядку мне всю помял. Да сама я пол-огорода истолкла, пока тебя тащила в дом – вот ты наел телеса. Хотя это тебя и спасло – ты месяц лежал в обмороке, пока очнулся. Не было бы запасов в теле – умер бы от голода. И так чуть не умер. Вовремя оклемался. Думала, тащить опять придется, яму копать надрываться... – Женщина ехидно хмыкнула. – Если бы я не была целительницей – не выжил бы. Я уж и так и сяк тебя силой поднимала, руки накладывала, и только через месяц ты начал оживать, шевелиться. Я, конечно, не сильная колдунья, но кое-что могу, вот на пределе моих способностей это и было. Могу лечить силой, могу травами отпаивать, могу небольшие колдовства делать – вот как светлячок этот – но это все умеют, кто Силы касаться может, и ты тоже... Я по ауре вижу – можешь, только не обучен. Вот все что могу сказать. Давай ешь, пока совсем не остыло, потом будем разговаривать. Жуй, жуй... набирайся сил.

Марьяна придвинула к нему миску с похлебкой, Владимир стал хлебать, заедая куском хлеба, отрезанным от каравая. Полученная информация его ошеломила. Ну, он любил фэн-

тези, про попаданцев всяких – что-то ему нравилось, что-то его раздражало, но в общем это было неплохое времяпровождение, – но вот чтобы самому попасть... Куда? Хрен знает куда. Говорит вроде по-русски, но цивилизацией тут и не пахнет. Все застыло на уровне средневековья... А может, и бронзового века? Да запросто. Стоп – на печи чугунная плита, нож стальной – это не бронзовый век точно. Значит, примерно средневековье. На это указывает и упоминание о дворянах. Раз есть дворяне – есть двор, есть царь и так далее. Параллельный мир? Ну почему бы и нет. Владимир допускал, что в жизни есть много чего неизвестного, недоступного пониманию. А уж про шаровые молнии столько всяких таинственных историй было – до сих пор так никто и не знает, что это такое, куда они деваются и откуда приходят. И самое главное – куда уходят. Кого-то они убивают, а кого-то не трогают... В общем, ему повезло как утопленнику – забросило хрен знает куда и зачем, без средств к существованию, без информации, без надежды на возвращение. Его взяла такая тоска, что впору завывать в голос, как собаке... Он бросил ложку – кусок в горло не лез.

Марьяна внимательно посмотрела на него:

– Так, кончай нюнить. Ты жив, скоро будешь здоров, люди и без ног и без рук живут, а ты здоровый сильный мужик, что-нибудь придумаешь, крыша над головой есть, еда – слава тебе, Боже – у нас есть, а там как судьбе угодно. Прекращай, бери ложку и ешь. Окрепнешь – будешь мне по хозяйству помогать, а там разберемся. Ко мне люди ходят лечиться, я им помогаю, мне платят, еды приносят, проживем. Не выгоняю же я тебя... грех немощным отказать в помощи. Вот окрепнешь – там сам решишь, что и как.

Владимир дохлебал суп и откинулся на лежанку... На него опять накатила усталость, и он провалился в тревожный сон.

Через неделю Владимир уже свободно перемещался по двору, выполняя мелкие работы, вроде колки дров или копания огорода. Тело уже укрепилось, кожа не висела, как складчатая простыня, мускулам возвращалась былая сила. Нет худа без добра – лишний вес ушел, оставив лишь свитые в жгуты мышцы и крепкие кости, Владимир все реже присаживался на чурбак, утихомиривая бьющееся, как птица в клетке, сердце и умиряя одышку. Ему нравилось колоть дрова – работа на свежем воздухе и физические упражнения быстро развивали его тело, у него проснулся ужасный голод, он был готов есть целыми днями, так что Марьяна беззлобно поругивалась и кричала, что он проглот и она на него не напасется харчей.

Впрочем, она была явно довольна, что Владимир быстро восстанавливается – это была ее заслуга, как целительницы, и как художник или скульптор, восхищенный своим талантом, она радовалась своим успехам в целительстве. Поставить на ноги практически безнадежного больного было очень интересно. Как сказали бы врачи, «интересный случай». Видимо, люди двух миров мало отличались друг от друга психологией. Только вот цивилизация в одном случае пошла технологическим путем, а в другом – путем развития духовных способностей, говоря языком мира Владимира, местные же это называли магией, или Силой.

Владимир, по мере возможности, выпрашивал у Марьяны об этом мире, и через месяц у него уже сложилось примерное представление о том, как все выглядит. Конечно, деревенская целительница мало что могла пояснить о дальних странах, но о жизни в этой стране она могла рассказать довольно подробно.

Эта страна представляла собой конгломерат из различных народов и народностей, от русских до китайцев. Как понял Владимир, китайцы мигрировали из своей страны из-за перенаселения или каких-то еще причин, но обосновались тут, в средней полосе, приняв подданство.

Страна называлась Истрия (Владимир так и не понял, откуда взялось название). Во главе стоял император, ему подчинялись герцоги, графы и разнообразные сложные структуры: поместь каких-то торговых гильдий и дворянских родов. Тут не было такого четкого деления на дворян, которые ничего не делают и лишь являются получателями дохода от земель, и купеческим сословием: дворяне тоже торговали и состояли в гильдиях, а купцы могли купить

себе титул, правда, с какими-то ограничениями, впрочем, нечто подобное было и в Российской империи.

Самым главным фактором, влияющим на жизнь, было наличие магии. Ну, к примеру, если вы зарядили пушку порохом, надеясь раскидать кишки противника по кустам, а в стане противника находится боевой маг, то по кустам будут раскиданы не его, а ваши кишки. Он просто взорвет порох на расстоянии. Не могут долететь до цели и снаряды, если отправить их издалека, или ракеты – их можно взорвать в воздухе. Из-за электрических разрядов, сопровождающих заклинания (впрочем, это громко сказано – заклинания, или волшба, творились здесь как-то по-другому, без завываний, воплей или речитативов, Владимир пока не разобрался, как это происходило), не могли работать электроприборы, которые неминуемо сгорели бы просто на корню. Так что об электронике тут не могло быть и речи. То же самое касалось двигателей внутреннего сгорания и тому подобных вещей, тут могли работать только паровые двигатели, но они как-то не получили распространения – слишком низкий КПД и большое потребление материалов. Впрочем, Владимиру казалось, что это просто следствие консервативности людей и непонимание ими выгод от этих машин. Но ведь он смотрел на проблему с точки зрения современного человека технологичного мира.

Дни в избушке текли размеренно, спокойно. Днем время от времени приходили люди, которых Марьяна принимала в пристройке к дому – что-то вроде этакой клиники, как она говорила: «Ну не тащить же болезни в дом...» Владимиру после приходилось вымывать стол и топчан в этой «клинике», иногда залитые гноем и кровью. Марьяна на это злорадно хихикала и приговаривала: «Вот тебе хлеб целителя! А ты думал, розами тут пахнет?!» Владимир ничего в таких случаях не думал, кроме виртуозных ругательств в адрес больных и ехидной старушенции.

Впрочем, старушенцией ее можно было назвать только с натяжкой – язык не поворачивался – настолько она была энергичной, крепкой, Возраст ее можно было определить... хм-м, нельзя было определить... «От шестидесяти до... Бог знает, сколько они тут живут», – думал Владимир.

После осторожных расспросов он узнал, что возраст живущих в этой стране напрямую зависит от способностей обладать так называемой Силой. Выходит, очень сильные магики могут жить практически неограниченно – но таких было очень мало, Марьяна в своей жизни (а ей было сто двадцать лет) их не встречала. Это было примерно так же, как встретить долгожителя с Кавказа – он где-то там есть, живет уже сто восемьдесят лет, но где-нибудь в Воронеже его нет. Ты не видишь сурка – а он есть!

Марьяна могла прикладываться к Силе, но ее каналы были в состоянии пропустить только небольшое ее количество, а потому мощными способностями она не блистала. Зажечь магический светлячок, воздействовать на ауру больного с целью излечения, срastить небольшую ранку или остановить кровь, убить бактерии в ране, ну и еще ряд небольших чудес были доступны ей. Даже чтобы срastить кость, ей бы потребовалось неделю сидеть непрерывно над ней, возложив руки и истощив себя до изнеможения. Посему основным способом лечения были гомеопатические средства и способы обычных врачей всех миров – шины, лекарства, скальпель.

Умение целить, как правило, не передавалось по наследству, в одной семье. Как понял Владимир, у Марьяны семьи не было – муж давно умер, он не был магиком. Так и текла ее жизнь тихо и спокойно... до тех пор, пока на грядку календулы не свалился здоровенный стокилограммовый мужик.

Утро началось с истошных воплей петуха, который влетел на плетень и, надсаживаясь, орал на всю округу, заявляя свои права на окрестные земли и гарем. Владимир потянулся, с хрустом распрямив руки и поводя плечами. Потом резко спустил ноги с лежанки, откинув шерстяное одеяло и отходя от тревожного сна. Его все мучили кошмары – в голове проплывали

какие-то обрывки прежних воспоминаний, и все почему-то заливалось светом, как из неоновой лампы. Это повторялось день ото дня, и никакие тяжелые физические работы, усталость, даже целебные отвары не могли заглушить смятение души.

Он почесал левое плечо и в который раз посмотрел на появившееся на нем темное пятно, от которого отходили «ветви» – это был след вхождения в тело шаровой молнии. Что интересно, выходного пятна не было, хотя обычно в этом случае где-нибудь на ноге всегда бывает выходное – энергия молнии (если это была молния) как бы потерялась в организме. Владимир встал, еще раз потянулся, надел штаны, натянув их на свои единственные трусы.

Надо сказать, что о нижнем белье тут и не слыхивали. Люди спали или в одежде, или голые. Или в таких рубашках, которые Владимир видел в исторических фильмах... Марьяна смеялась, глядя, как он упорно держится за пережитки своего мира, будучи вынужден стирать свои трусы через день. Ей это казалось ужасно смешным и глупым, о чем она обязательно сообщала при каждой удобной возможности.

Сегодня у клиники уже ждали трое крестьян, один держал навесу замотанную тряпкой руку, тряпка была пропитана кровью, а лицо его выглядело бледным. Рядом стояли еще две телеги с бабой на сносях и молодой девушкой, накрытой чем-то вроде брезента. Марьяна уже сушила, нагревая на печке во дворе горячую воду и готовя отстиранные холщовые бинты.

Прием начался с мужика. Владимир уже привычно ассистировал: разматывал бинты, обмывал руку стонущему больному. Марьяна предельно серьезно подсказывала ему, что и как надо делать, указывая на необходимые предметы, обращала внимание на состояние руки больного.

Владимир не был новичком в лечении, что облегчало ему понимание слов целительницы. За свои годы он получил много знаний, от курсов санитаров, некогда пройденных им при военкомате, до разнообразной информации, добытой из книг, интернета... и еще черт знает откуда. Эти сведения неожиданно всплывали у него в голове, кусками и мгновенно, что его удивляло. Ну как он мог вспомнить картинку из анатомического атласа, которую видел в четвертом классе сельской школы? После этого прошло сорок лет!

Но, видимо, это были последствия удара шаровой молнии, которая открыла закупоренные каналы для доступа информации, надежно упакованной в мозг любого человека. Для того чтобы ее извлечь, нужны какие-то стрессовые ситуации – в литературе описывалось немало случаев, когда люди проявляли фантастические способности после каких-то странных событий. Некоторые вдруг начинали говорить на мертвых языках, другие демонстрировали феноменальные данные в математике – перемножали в голове многозначные числа, третьи вообще переставали спать и никогда не уставали, да много чего еще.

И такие случаи, как у Владимира, тоже наблюдались: ему сразу вспомнилась, когда он думал над этим, статья о некоем Бобе Петрелла из Америки, который также ничего не забывал. Он тогда подивился и позавидовал – вот счастливчик. И забыл об этом... до поры до времени. Теперь, при его желании, перед ним вставали целые страницы текста, который он когда-то видел, слова, которые он когда-то слышал... Первое время его голова раскалывалась от потока хлынувшей информации, несколько дней он с трудом мог говорить и осознавать мир вокруг, перепугав Марьяну, но постепенно все нормализовалось. Видимо, потоки знаний как-то вошли в нужное русло и теперь при желании, без всякого усилия, он мог вызвать любую информацию.

Побочным и закономерным эффектом этой способности было то, что он с первого раза запоминал, услышав или увидев все, что ему показали. Это не означало, будто он сразу мог стать гениальным хирургом или целителем – есть еще такое понятие, как память тела, а она нарабатывается только многократным повторением одних и тех же нужных движений. Впрочем, и это у него получалось очень легко. От дальнейшей карьеры лекаря его отделяло лишь то, что он не умел пользоваться Силой, хотя, как сказала Марьяна, способности у него имелись. Беда в том, что его мозг, мозг рационального человека технологического мира, не мог,

не хотел допустить в себя мысль о возможности пользоваться чем-то «нефизичным», чем-то, отрицаемым материалистической наукой.

Марьяна часто нападала на него, требуя, чтобы он начал брать у нее уроки магического, но он отнекивался, боясь, что не получится. Ему и хотелось попробовать – вдруг он и правда маг, ну как в книжках, но и что-то останавливало его, все это казалось чем-то несерьезным и странным. Он сам не знал, почему он так опасается, что он потеряет от уроков, и все-таки отбивался от целительницы, выдвигая все новые предлоги: то он еще слаб, то готов начать со следующей недели, или потом... и на этом все застыло.

Рука крестьянина была сильно переломана, практически, как из мясорубки. Владимир поморщился – по-хорошему, в его мире, эту руку бы ампутировали, с такой кашей ничего сделать нельзя. Сможет ли Марьяна что-то сотворить?

Он смотрел за ней: целительница положила руку на стол, стала расправлять раздавленную конечность. Потом взяла что-то вроде пинцета и начала удалять кусочки кости и оторванной ткани из ран. Крестьянин сидел спокойно, даже не морщился. Перед началом операции Марьяна, проведя рукой по голове, отключила у него все болевые ощущения – Владимира каждый раз поражало это умение, а Марьяну сильно забавляло восхищение ученика – с ее слов, снятие боли является первым умением, которое постигают целители-магики. Толку от операции, если больной скончается от болевого шока?

Наконец раны были очищены – если можно назвать ранами лепешку вместо руки. Марьяна поморщилась, потом тихонько сказала, глядя на мужика, сидящего с остекленевшим взглядом:

– Руку-то я ему сохраняю, но пользоваться ей он как следует не сможет... не хватает у меня умения, Силы мало. Чтобы действительно восстановить ему руку, надо целителя-магика высшего разряда, а я кто – деревенская целительница. Ну что могу, то и сделаю, все равно у него денег на высшего целителя нет и не будет – те стоят столько, сколько он за всю жизнь не заработает.

Владимир задумался. А чем этот мир отличается-то? В его мире, если нет бабок, сдохнешь, поскольку не сможешь нанять дорогих врачей, купить дорогие лекарства. Чем отличается этот мир от его мира? Ничем.

– Вот ты, Влад, скотина ты эдакая, сколько раз я тебя уговаривала: учись, учись. Может, спасли бы мужику руку. А ты как хряк безмозглый, одно свое хрюкаешь: па-аа-том! Па-а-том! Врезала бы тебе... – Марьяна осторожно взяла руку мужика и стала сшивать.

Владимиру стало стыдно. И правда, чего он ерепенится? Может, вдвоем и в самом деле мужику бы помогли... надо как-то заняться... завтра. Завтра. Он четко решил для себя, что завтра он займется учением, о чем сразу сообщил целительнице.

Она фыркнула – сколько раз уже было такое. Владимир заверил ее, что уж завтра точно. После завтрака, если приема больных не будет. Если будет – вечером. На том и сошлись. Кстати, Марьяна сразу стала звать его Владом и предложила и ему звать себя так – только двоим имели длинные имена. Простолюдины обходились короткими.

Наконец возня с иглами и нитками закончилась, Марьяна наложила руки на поврежденную конечность, ее лицо разгладилось, кисти рук вдруг засветились неярким светом, который как бы отходил от ладоней и вливался в раны... Они на глазах зарубцовывались, приобретали вид давно перенесенной травмы. Потом целительница устало убрала руки, села на подставленную Владимиром табуретку:

– Все, больше сделать ничего не могу... Жить будет, рука двигаться почти не будет... Хорошо если разработает с годами, но не до конца – это точно. Нечего было пить и в молотилку соваться. – Она снова поднялась, провела над головой крестьянина ладонью, тот очнулся и сразу посмотрел на руку.

– Все, Митрофан, большего сделать ничего не могу. Если соберешь тысячу золотых, езжай в столицу, тебе новую руку отрастят. Я, что могла, сделала. С тебя пять серебряников.

– Издеваешься, Марьяна?! Какие тысячи золотых?! Я за год на всю семью пятьдесят если сделаю, и то хорошо. Какие золотые, обалдела?

– Слышь, мужик, ты базар-то фильтруй, а то щас тебе еще и ноги лечить надо будет, я поспособствую! – Владимир увлекся и заговорил на жаргоне своего мира. – Так, плати и вали отсюда, нам еще людей принимать, ты не один такой у нас.

Мужик неловко достал мешочек с деньгами, отсчитал и, недовольно бурча, вышел из клиники. В дверь тут же сунулись следующие посетители, но Марьяна замахала руками:

– Кыш, кыш, полчаса подождете, нам еще прибрать тут надо после этого оборота!

Голова в двери исчезла, а лекари стали отмывать стол и собирать инструменты.

Наконец все было прибрано. Марьяна налила себе чаю из заранее приготовленного чайничка – чай был крепкий, заваренный с лесными травами, по запаху Владимир распознал клубнику и бадан – съела небольшую лепешку, чтоб немного восстановить силы, и жестом приказала ему пригласить следующего больного.

Девушка с лихорадкой – на нее ушло пять минут. Владимир понял так, что Марьяна уничтожила в крови девушки болезнетворные бактерии, подстегнув обмен веществ и молниеносно награв и остудив кровь в сосудах, – это также стоило пять серебряников.

Следующий за ней ребенок с чирьем занял еще меньше времени, его исцеление обошлось в два серебряника.

Наконец площадка у клиники опустела, и целители остались одни. Марьяна устало побрела в дом и прилегла на топчан. Владимир накрыл ее одеялом и пошел приготовить новый чай. Марьяна протестующее приговаривала:

– Щас, щас я передохну и встану, приготовлю чо-нить поесть, не беспокойся. – Но Владимир решительно подоткнул одеяло и сказал, чтобы она не дергалась и спокойно лежала... Она успокоилась и вдруг спросила: – Слушай, Влад, а что такое «фильтруй базар»?

Владимир от неожиданности хмыкнул и смущенно сообщил ей, что на воровском жаргоне это означает «сведи за словами». Мол, чисто автоматически вылетело.

– У нас половина страны сидела в тюрьме, а вторая носила им передачи, вот и влезли такие обороты. Ну, типа, чтобы запугать собеседника... Шибко разозлил колхозник...

– А что такое колхозник?

– Так, Марьяна, отстань... я пойду чай заварю. Потом как-нибудь расскажу. Завтра с утра будешь меня учить магии. Я слов на ветер не бросаю.

Следующий день начался проливным дождем, превратившим черноземные дороги в сплошное болото, в которое нога погружалась чуть ли не до колена. Естественно, поток больных сразу прекратился, остановленный естественными причинами. Тут сам Бог велел заняться уроками. После завтрака, состоявшего из стакана сметаны и краюшки хлеба, лекари усадились напротив друг друга на топчане, в позе лотоса, практически упираясь коленями. Марьяна взяла руки Влада в свои и стала руководить его действиями:

– Расслабься, закрой глаза и представь, что ты огонек в черной пустыне... Ты висишь в воздухе... твои чувства тянутся к той реке, из которой ты вылился. Ты должен увидеть реку Силы и потянуться к ней душой, соприкоснуться с ней, попробовать потянуть из нее Силу. Давай, ищи реку... Пусти мысль вперед... Ищи... ищи... ищи...

Владимир замер, его мысли плавали где-то далеко... он никак не мог освободить голову от них. Сразу лезло: как там без меня, как моя семья... что они делают... Потом он немного успокоился, расслабился... мысль блуждала в пространстве, он вроде как начал ощущать что-то, потянулся... но нет. Ушло. Он с досадой открыл глаза:

– Не получается ни черта. Я же говорил!

– Ты же паразит не старался! Стараться надо! Ты думаешь, сразу приходит все?! Люди годами учатся, а ты за раз хотел все освоить! Наглец! Пошли чаю попьем, а потом снова будем заниматься. Нечего было... Это... базар фильтровать надо было! Обещал учиться – учись!

Владимир поперхнулся и закашлялся – смешно было слышать жаргонизмы его мира от старушки божьего одуванчика. Она глянула на иконостас в углу и перекрестилась. Потом быстро побежала собирать на стол.

Надо сказать, что по поводу веры Владимир давно уже выяснил: о Христе тут не слыхивали, хотя верховный бог был один. Впрочем, имелось также множество богов типа языческих. Словом, религия тут почти не отличалась от той, что существовала в его мире, в общих чертах.

Целители сели за стол, Марьяна налила в деревянные, расписанные по типу хохломы кружки, травяного отвара, и они занялись чаепитием, используя вместо сахара густой белый мед. Марьяна всем видам сахара предпочитала именно мед, считая его, и справедливо, лекарством от большинства болезней. Да и просто так было вкусно.

Наконец чай был допит, и Марьяна опять потянула Владимира на топчан. Они уселись в прежних позах. Владимир про себя выругался, эти вычурные восточные асаны ему всегда не нравились – ноги через минуту начинают болеть, спина затекает, поясница ноет – не двадцать же лет уже. Но делать нечего – расслабился, закрыл глаза, подал руки Марьяне. Вдруг почувствовал слабость, и мысли стали отлетать далеко-далеко, оставляя пустоту и черное пространство. Последняя мысль была: «Подпоила, зараза, вот хитрая бабулька!» Затем остались только ее слова, ее вкрадчивый тихий голос:

– Ты огонек в черной темноте... ты колышешься и горишь... ты хочешь потянуться к реке, от которой ты отделился... ищи, ищи... почувствуй реку, тепло. Тепло. Теплее... смотри – вот она, река... Осторожно подлети к ней и почувствуй ее... Ты должен осторожно коснуться ее и попробовать наладить канал... Подлети ближе... касайся разумом... тянись к ней, тянись... осторожно тянись... Осторожно!!! Медведь чертов! Что ты делаешь?!!

Владимир висел в черной пустоте, следуя словам Марьяны... Такое впечатление было, будто бы она тащит его через огромный космос, сияющий звездами и замусоренный метеорами и космической пылью. Наконец он почувствовал что-то... как будто теплое дуновение коснулось его щеки... Он потянулся по направлению к теплу и вдруг увидел Ее. Река Силы текла в пространстве как огромный поток. Она пронизывала буквально все, начинаясь неизвестно где и нигде не заканчиваясь.

Владимир понимал, что на самом деле это не совсем река, как и не совсем космос – просто его подсознание, его мозг воспринимали все это именно так. Сознание человека технологического мира выстроило себе четкую картину и теперь придерживалось ее.

Огонек-Владимир подлетел к громадной реке, как мотылек к пламени. Он слышал как издалека, как из глухого динамика слова Марьяны... она чего-то требовала от него... А, ясно: он должен как-то прикоснуться к реке, потянуть из нее Силу... Но он не знал, как это сделать, и просто как бы взял и вцепился в реку рукой, пытаясь оторвать от нее кусок... Руки, конечно, не было – просто ему как привиделось: будто его рука вцепилась в реку Силы и начала делать отвод потока. Словно в воображаемом берегу образовалась дырочка, и поток Силы хлынул в нее, как бы наполняя резервуар в его теле... Он впустил в себя реку, подумал и еще раз рванул – образовался канал... Владимир стал наполняться быстрее. Он рванул снова, и еще более мощный поток хлынул в него, опаливая его огнем и выжигая изнутри.

На периферии сознания метался и визжал голос Марьяны, он отмахнулся от него и продолжил впитывать поток Силы – это было сродни оргазму. Он, как та крыса с вживленными электродами, не мог оторваться от источника удовольствия и все тянул и тянул Силу из реки... пока вдруг не почувствовал дикую боль. Сознание помутилось – поток Силы остановился, а Владимир слетел с топчана, больно ударившись головой о табуретку и приложившись ухом об

пол. Марьяна в ярости пинала его ногой в бок, возвышаясь над ним, как Пизанская башня, и вопила, вопила, словно сирена пожарной машины. Владимир почти не разбирал слов, только:

– Ублюдок тупоголовый! Хряк кастрированный! Скотина тупоумная! Что творишь?! Ты какого черта присосался как клещ! Я тебе, придурку, сказала: осторожнее, а ты чего творишь?!

Владимир даже подивился разнообразию ругательств в лексиконе старушки-одуванчика, потом успокоился – все-таки ей сто двадцать лет, за столько лет и он много нового узнает, особенно при таких-то учителях. Он провел по лицу и взвыл от боли – Марьяна разбила ему нос и, похоже, сломала. Кровь залила всю грудь, нос торчал набок. Мужчина с трудом поднялся и сел за стол. Марьяна, продолжая поносить его, подошла к столу и уселась рядом.

– Марьян, ты обалдела, что ли? Ты же мне нос сломала! Я как теперь буду с таким носом жить-то?

– Болван, – устало откликнулась она, – нос-то дело поправимое. А вот хотел бы ты жить, гадя под себя и пуская слюни? Так бывает со всеми, кто черпал Силы не по силам. Ты не умеешь контролировать себя и Силу, я спасла тебя. Еще бы минута, и ты – овощ. Теперь ты понимаешь, что к чему?

Владимира пробил озноб, и не только от стреляющей боли в носу и распухшего уха – стать идиотом ну никак не входило в его планы.

– Скажи спасибо, болван, что я вовремя успела тебя приложить кулаком! Да у тебя, как оказалось, резерв в магическом узле большой... Хм, раз в сто больше, чем у меня, насколько я поняла. Я тебе говорила, что ты перспективный. Я ведь за сто двадцать лет сумела развить узел до такого объема, а ты сразу – даже завидно. Ладно, давай, гадина, лечить тебя теперь.

Она встала перед Владом, задравшим к ней голову, и начала осторожно ощупывать лицо. Потом заявила:

– Так. Сейчас будет ну очень больно. Я не могу снять с тебя боль, так как ты гораздо выше меня по уровню магии, и я не могу навести на тебя обезболивание, понимаешь? Это сродни воздействию на душу, а твоя душа сопротивляется воздействию. Лечить тебя могу, а вот обезболить, или усыпить, или еще что-то такое из мороков напустить – нет. Придется потерпеть. – С этими словами злостная бабка зверски дернула Влада за нос так, что кровь, слезы и вопли смешались в равных пропорциях, и он потерял сознание.

Очнувшись, он увидел перед глазами носки тапок Марьяны, перемещающиеся вправо-влево.

– Вставай давай, чего там разлегся-то?.. Все уже.

Владимир ощупал лицо – нос был на месте, ухо не болело. Пока он лежал, целительница провела лечение и восстановила все как было. Даже лучше: он одной ноздрей не очень хорошо дышал с юности из-за перелома хряща, полученного при неизвестных обстоятельствах. Да мало ли таких обстоятельств в юности – от дворовых разборок до некой игры в секции дзюдо, почему-то называемой регби и имеющей к ней такое же отношение, как пьяные танцы гостей на свадьбе к балету «Лебединое озеро».

Он поднялся и пошел умываться на улицу. С небес хлестала вода, гремел гром... Владимир стоял под дождем, смывающим с него кровь и слезы, и мечтал, чтобы сейчас в него ударила молния и он снова переместился в свой мир, к своей семье... Увы, молнии били где-то там, далеко от него. Да и где гарантия, что удар молнии перенесет его на родину, а не превратит в жаркое? Он был в этом совсем не убежден.

Владимир подошел к кадке, уже полной дождевой воды, и стал умываться. Затем, дрожа, снял штаны и рубаху, хорошенько прополоскал их, отжал и, не разворачивая, понес в дом, шлепая по жидкой грязи босыми ногами. У порога смыл грязь с ног, зачерпнув ковшиком воды из кадки у двери, и ввалился в комнату. Там было тепло и уютно – в печи трещали заранее заложенные дрова, на столе стоял чугунный чайничек с парящим отваром, мед, хлеб, в чаш-

ках парила пшеничная каша с тающим кусочком масла. Владимир достал из сундучка запасные штаны с рубахой, переделся в сухое и, все еще вздрагивая от холода, уселся за стол.

Они молчали, некоторое время слышался только стук ложек от края чашек. Несмотря на то, что недавно они позавтракали, есть хотелось ужасно – Влад всегда замечал, что после работы с Силой Марьяну сразу тянет поесть, видимо, на такие упражнения с магией организм затрачивает много энергии, и ему требовалось восстановление. Доев кашу, они разлили чай и, смакуя букет и аромат, посидели друг против друга. Говорить не хотелось.

Наконец еда и чай возымели действие, Влад согрелся. Марьяна некоторое время задумчиво смотрела в центр стола, не поднимая глаз, а потом неожиданно сказала:

– Испугалась я. Видела я, как выжгло одну девчонку, мою двоюродную сестру. Симпатичная была девка. Задушили ее.

– Как задушили?

– Как? А вот так... – И Марьяна страшно и вполне натуралистично изобразила хрип из горла и конвульсии умирающего тела.

– Да нет, – содрогнулся от увиденной картины Владимир, – я имел в виду другое. Что, свои задушили? Зачем? Что, ничего нельзя было сделать?

– Ничего... – Марьяна уперла палец в столешницу и начала водить по ней, как бы чертя невидимые узоры, – ничего не может помочь, если человека выжгло Силой. Пытались в прошлом как-то воспитывать этих... растений. Ну, как детишек неразумных. Но ничего не получается. Если душу выжигает, то тело без души – это просто оболочка. Убийство тут бывает чисто из жалости. Мне тебя не хотелось убивать. Понимаешь? – Она подняла голову и посмотрела на Владимира. – Мы год уже тут с тобой живем, привыкла как-то... Знаю, что скоро уйдешь – тебе тут тесно, хочется мир поглядеть, устроиться как-то получше. Но лучше ты уйдешь живой и здоровый, чем вперед ногами. Так что – слушай бабушку, иначе пропадешь. Понимаешь?

– Да понимаю я все. Получилось так. Такая сладость, такое удовольствие... Я не смог оторваться.

– Могу себе представить... хотя я и слабее тебя во много раз. Будь осторожнее с этим. Всегда есть опасность потерять себя, а меня рядом не будет. Ну что же, теперь можно учиться по-настоящему. Я многому тебя научить не могу – боевая магия мне вообще недоступна, сил мало, светлячок и заживление ран – вот мой уровень. Я научу тебя всему, что умею, а дальше ты будешь сам учиться.

– А сложно учиться? Надо какие-то там слова знать, заклинания?

– Ты где наслушался? У вас там, в твоём мире, что ли? У нас самое главное – концентрация. Ты должен представить то, что ты хочешь сделать, и потянуться за силами к магическому узлу. То есть у тебя в районе центра подреберья есть как бы шар такой, и когда ты магичишь, ты тянешься к нему и высвобождаешь Силу. Вот эта Сила и есть основа твоих магических дел.

– А если она кончается, Сила эта?

– Тогда ты тянешься к реке Силы и наполняешь резервуар. У тебя теперь имеется постоянный канал к ней, перекрытый твоим духом. Как только сосредоточиваешься, открываешь затвор – и Сила потекла в тебя. Не спрашивай меня, что такое Сила, что такое река – этого никто не знает. Мы можем только пользоваться ей и все. Все разговоры, типа откуда она взялась – выеденного яйца не стоят. Болтология одна. Никто не знает. Просто прими как факт – вот она есть и все тут. Я так поняла, что у вас ее нет, иначе ты бы знал.

– Да, у нас об этом только сказки. Где-то наши миры разошлись... Язык один, а вот история разная. И про магию у нас ничего не известно. Есть какие-то зачатки – кто-то что-то вроде может, но такого, как тут – нет. Все бы знали. – Владимир помолчал, потом добавил: – Неужели магичить так легко? Вот захотел, и получилось? Как-то странно...

– А ты кого вообще видел из людей-то? Крестьян? Меня? Почему ты думаешь, что это так легко и всем доступно? Из десяти-двадцати тысяч один попадает с зачатками магии, а

из тех, кто с зачатками, только половина доходят до овладения магией, остальные выгорают. Из оставшихся только единицы дорастут до сильного мага, остальные на моем уровне застревают – не могут развить магический узел. Кто-то из тех, кто с зачатками магии, вообще не хочет становиться магом – а что если выгорит? Зачем быть магом, когда и так жить хорошо. Теперь ясно?

– Ясно. Вот ты, зараза, а если бы я правда выгорел? Чего ты не предупредила, что отсеив такой большой?

– А ты бы тогда решился попробовать? Я-то как-то прошла посвящение – это так у нас называется. Когда ты к реке Силы прикасаешься. А почему ты бы не прошел? Ты сильный, умный, я же вижу. И что, ты всю оставшуюся жизнь собирался тут на хуторе просидеть, грязь месить и бинты отстирывать? Так хоть надежда есть выбраться, я бы посильнее в магии была – разве ж я тут сидела... – Марьяна пригорюнилась, подперла рукой голову и опять уставилась в столешницу. – Так и тянет все послать и куда-нибудь убежать. Так все обрыдло...

– Ну так и уехала бы, а чего?

– Да кто меня там ждет... Магичить там можно, только вступив в гильдии, если поймают на неуплате налога и магичанье без вступления в гильдию – накажут. Могут отрезать от реки Силы на время. А то и навсегда. А потом ты поймешь, что значит, когда ты мог к ней прикоснуться, а теперь не можешь... Впрочем, ты уже понимаешь. Это слаще, чем... между мужиком и бабой, слаще меда... Те, кого отрезают, долго потом не живут. Года три-пять и умирают. Так что все серьезно. Не вздумай в городе лечить или брать заказы без вступления в гильдию – для себя можешь магичить, для своих близких, а на заказ не моги. Поймают – удушат... если смогут. – Она хитро усмехнулась. – Всегда есть те, кто над законом. Одолеют, если смогут. А не одолеют... Ну в общем, так вот. Давай-ка теперь будем учиться пользоваться даром. Чтобы было не даром.

Глава 2. Обретение

Через несколько часов Владимир уже знал, что он бестолковый болван, ушастый дерьмовый енот и вонючий хромой уж... «Откуда у ужа ноги?» – спросил он и получил ответ: «Это такой дерьмовый уж». Однако это не помешало Владимиру освоить создание шара-светлячка и разнести печь. В комнате было гадко: куча кирпича, чадящий дым от разбросанных по полу и с трудом залитых водой дров. А в глазах, ослепленных вспышкой, радужные круги...

Началось все невинно. Марьяна приказала ему создать светляка, магический светильник. Он должен питаться от Силы, которую в процессе изготовления закачивает в него магик. Для этого надо было всего лишь подумать о том, что такой шар должен быть создан, и – ап! – в углу повис маленький, с мандарин, шарик. Ну, кончилось это дурно: по принципу «кашу маслом не испортишь» Влад черпанул из узла силы и представил висящий в углу шар, вот только шар тот оказался диаметром полтора метра и сиял, как прожектор заходящего на посадку стратегического бомбардировщика, даже сквозь закрытые веки пробивало.

Пришлось его гасить, после яростных, перемежаемых ругательствами объяснений Марьяны. Оказалось, что можно, потянувшись к шару, погасить его, перекачав энергию в свой магический узел. Это было похоже на прикосновение к реке Силы, но только в гораздо меньшем масштабе.

Как выяснилось, погасить шар или впитать магию какого-то из магиков может только тот, кто сделал магический объект или является специалистом классом выше. Например, погасить шарик Марьяны Влад мог, а вот она погасить его шар не могла, и даже если бы могла, сто раз подумала бы, делать это или нет. Неизвестно, сколько Силы он закачал в шар, и если ее количество превысило бы объем узла – может, выжечь бы и не выжгло, но на неделю в постель точно бы уложило.

Дальше было еще хуже – Владимиру вдруг захотелось посмотреть, как он может создавать электрический разряд... В общем, Марьяна выжила чудом, печка не выжила совсем. Ветвистая голубая молния врезалась в покрывающую зев печи чугунную плиту с дырками для котлов и заслонками и выворотила ее из кирпичей, чудом не создав пожар.

Владимир и Марьяна перепугались, и пока выбрасывали горящие дрова под дождь, договорились, что до поры до времени ограничатся лечебными магическими действиями. На том и порешили. Угли и тлеющие половики выкинули на улицу, пол опять пришлось отмывать. Потом улеглись на свои топчаны, накрывшись шерстяными одеялами, с чувством выполненного долга.

Утром было солнце, ливень закончился, оставив грязь, лужи, кучи грибов-дождевиков в обхват величиной и изумрудную пахучую растительность вокруг. Первым делом горе-маги взялись за ремонт печи, выложив опять кирпичи и обмазав их замешанной глиной. Чугунная плита легла на свое место – благо, что разбить ее можно было только из танковой пушки. Молния Влада не оставила на ней следа, кроме сбитой сажки. Кстати, тут он задумался: а если палить молниями по людям, одетым в броню, что же это будет, если никакого следа на железе не остается?

Марьяна «успокоила» его, заверив, что если на железе-то следа не остается, то содержимое этого железа нормально приобретет вид запеченной в духовке курицы. Что такое гриль, в этом мире не знали, но о духовке понятие имели.

Главное в магии, как оказалось, это контроль. Контроль за своими действиями, за черпанием Силы, за невыпуском магических ударов наружу. Если маг не контролировал себя, если после него оставались руины, погибшие люди, – власти старались пресекать деятельность такого специалиста, а иногда и жизнь. Уникумов, способных разрушить усилия множества боевых магов, было мало, а даже если такие и существовали, им надо было спать, есть... Что ж,

в еду можно подсыпать яд, а спящий не контролирует приближение врагов, – в общем, шанс превратиться в диктатора или бога у магигов был очень невелик, практически приближался к нулю.

Впрочем, жили сильные магики очень хорошо, богато, пользуясь всеми благами этой цивилизации. Силы их были ограничены только способностью захватить и накопить необходимое количество магии. Например, сил Марьяны хватало только на полдня работы с больными, потом ей приходилось около часа сидеть и медитировать, откачивая Силу.

Владимир, как ни странно, обладал магическим резервуаром гораздо большего объема. Видимо, это было потому, что шаровая молния разорвала в его теле связанные каналы, и он теперь мог использовать возможности человека на полную катушку. Вообще, его восхищала возможность творить что-то без всяких там заклинаний и зазываний. Показал пальцем – бах, объект упал. И все. Вот только тут тоже были свои законы. Ну если бы так: шел человек с «Магнумом-357», навел на другого, пальнул – тот упал. А дальше что? А дальше на тебя налетает толпа с такими же «Магнумами» и, как бы ты ни отстреливался, кладут тебя наповал, рано так поздно. Впрочем, по зрелому размышлению, Владимир пришел к выводу, что это правильно – иначе это был бы не мир, а один большой рабский загон у супермага. А так их количество и действия регулировались законом.

Итак, властелином мира Владимиру не быть. С этой мыслью, немало посмеявшись про себя, он смыл с себя сажу и глину и принялся хлебать куриную лапшу, которую сварила Марьяна на дворовой печке.

Им пришлось повозиться с ее розжигом – дрова были сырые после ливня, а разводить огонь магией они не решались. У Марьяны на это не хватало сил – жалкий убогий шарик файербола, получавшийся у нее, не только не мог поджечь дрова, даже если их полить керосином, но еще и лишал ее половины запаса Силы. Файерболы и что-то подобное – молнии, лед, вызывание ветра – были уже явлениями под силу магам более высокого уровня, требующего большого запаса Силы. Владимир же мог просто взорвать и эту печь, оставив их обоих без обеда.

В конце концов, после нескольких проб и сбитых трех сосен, он сумел-таки ограничить шарик файербола до размера теннисного мяча ярко-белого цвета. Враз высохшие от жара дрова вспыхнули с веселым треском, разбрасывая капли смолы и шипя выступившими из поленьев капельками воды. Марьяна, с ужасом и восторгом следившая за потугами Владимира, опасаясь, как бы он не разнес дом и «клинику», заявила, что если он с такой же энергией будет лечить больных, то они, больные, останутся без рук и без ног, а потом и он сам, так как ему их поотрубают. С этими жизнеутверждающими заявлениями она плюхнула в миску Влада куриную ножку с клецками.

Как уже выяснил Владимир, картошки они не знали. Увы. Ему страшно не хватало картошки в этом мире. У себя он мог есть ее во всех видах: жареную, вареную, в супе, в салате, в чем угодно, – и теперь этих блюд ему не хватало. Мир вроде бы не отличался от привычного, но время от времени все-таки попадались вот такие казусы.

Они так и называли его – Мир. Материки тут были другие. Основной материк, громадный, как Америка вместе с Евразией, назывался Астрал, а мелкие – ну не такие уж мелкие, но в сравнении с основным мелкие – острова. Их было множество, на некоторых разместились государства, объединяющие много островов.

С мироустройством Влад пока не разобрался, да и как-то все равно ему было – где и сколько островов и какие есть государства. Он знал пока одно государство и готовился в нем жить. Больше-то ему ничего не оставалось... Он не позволял себе думать о том, как ему вернуться домой. Если слишком много об этом думать, можно сойти с ума. Пока он не видел, как это сделать.

Марьяна открыла ему еще одну вещь: закон запрещал применять боевую магию против дворян или простолюдинов, если те не совершали каких-то преступлений или не находились

в рядах противника в случае войны. Вначале Владимир никак не мог понять – ну как это так? Ну вот напал, к примеру, на него некто с мечом или там с ножом, а он не мог применить боевую магию? Оказывается – нельзя. Маг может защитить себя небоевыми действиями, ну типа усыпить, отбить удар магией, но вот убить нападавшего магией или хотя бы слегка поджарить – нет.

Размышляя над этим, Влад понял, что тут правящая власть защитила себя от угрозы нападения магов. Ясно, что этот закон касается только самих магов, которым к тому же запрещено занимать какие-то должности в администрации. То есть фактически маги были поставлены на уровень неких академиков – приносили нужные результаты, имели деньги на безбедную жизнь, но вынуждены были находиться в жестких рамках. Сделаешь шаг не так – специальный корпус магов-карателей найдет тебя и подвергнет расправе. Тут задумаешься – так ли сладко быть магом?

Слаще всего в любом мире все-таки быть у власти. Представитель знати, не особенно задумываясь об условностях, вполне мог откупиться в случае совершения им убийства или другого не менее тяжкого преступления, просто заплатив определенную сумму золотых. Ее размер зависел от статуса жертвы. Для тех же крестьян эта сумма не превышала полсотни золотых – годового заработка семьи.

Простолюдин, если у него нет титула дворянина, не мог вызвать на дуэль дворянина, но дворянин мог вызвать любого высородного, кроме герцогов и императора, а также и простолюдина – если не хотел просто его убить. Поединки происходили врукопашную, с применением холодного оружия, но без магии, как уже упомянуто выше. Применяв ее, маг сразу ставил себя вне закона.

Владимир долго не мог поверить в такую несправедливость, возмущался... Все это привело его в бо-ольшое уныние. Чем отражать нападения (а он был уверен, что они неизбежны), если основное оружие фактически выбили из рук?!

– Ну, магик может нанять охрану, ходить всегда в сопровождении – есть специальные агентства наемников. Магики ведь обычно богатые. Им это по карману.

– А если охрана подвела? Или он один остался? Тут как быть? Сдохнуть?

– Ну бежать... А если не успел – тут уж драться или помирать. Знаешь, вообще-то у нас многие, и маги тоже, умеют железками махать. Мало ли что случится... Или силы не хватит, или охраны рядом не окажется. Ну а кто не может заработать на охрану – тот в леса забивается. Мы долго живем, завистников много... Так что учись железкой махать. Тут я тебе помочь не могу, только в городе можно научиться фехтованию, ездить на лошади. Вызовет тебя кто-то на дуэль – а ты или будешь стоять оплеванный, и все потом презирать тебя станут, или, если примешь вызов, тебя просто убьют.

Перспектива Влада не сильно вдохновила, и он задумался: «И тут засада! Будь ты хоть полубогом, могут в конце концов все равно прибить. Надо как-то вписываться в систему». Что он имеет? Тело, выдавшее виды, с больным левым плечом, с треском в суставах – довольно сильное и быстрое для своих лет, но совсем не дотягивающее до уровня фехтовальщиков средневековья, с детства занимающихся этим гнусным делом и только и мечтающих насадить кого-нибудь на свой дурацкий вертел. Только из-за угла и можно их глушить.

– Марьян, а есть какой-то запрет на использование магии не напрямую? Ну, например, я не могу засандалить в урода молнией, как я понял, не могу магией обрушить на него балкон, но могу ли я использовать какую-то магическую вещь – ну, к примеру, особо крепкий и острый меч, или специальные стрелы. Или там броню какую-то сверхкрепкую. Могу их применять? Или какие-то там способности. Ну, к примеру, какой-то целитель сделал так, что я при желании начну двигаться быстрее всех. Или видеть дальше. Ну ты поняла, в общем...

– Да поняла я... – Она задумалась. – О запретах на такое использование Силы я не слыхала. Так и случаев такого ее применения мне не ведомо. Ты особенно-то себе не думай. Боль-

шинство целителей – это мой уровень, а те, кто правда что-то умеет – ноги-руки отращивать, чего-то изменять в теле – очень редки. Да и не решаются лезть кому-то в брюхо. Намутишь там, а потом тебе башку снесут...

– А сами себя – могут «править»? Ну целитель взял и начал себя изменять.

– Я о таком не слыхивала. Это слишком. Фантазии это все. Ты пойми, на любое изменение, на лечение, ты тратишь кучу Силы, а чтобы изменить уже здоровое, сопротивляющееся изменению, надо столько ее затратить, что это никому не доступно. Даже ты не сможешь, – она покосилась на Влада, – думаешь, я не понимаю, о чем ты говоришь. Я только порадуюсь за тебя, если ты сможешь это делать, но... Жаль, сомневаюсь я в том, что тебе это по силам. Давай-ка мы займемся лечением чирьев да хромоногих пастухов, а там научишься лечить и сам все поймешь. Пока ты еще ни одного больного не исцелил.

Дни проходили в домашних хлопотах, пришлось пропалывать заросший огород, на котором кроме лука-чеснока и обычных помидоров с огурцами росли различные лекарственные травы, даже женьшень, непонятно откуда взявшийся в средней полосе. Впрочем, после размышления, Владимир понял: караваны с товаром ходят по всему матерiku, вплоть до Дальнего Востока, – почему бы им и не привезти семена женьшеня? Когда-то привезли, а теперь вот он и прижился.

Прижился он, как оказалось, только у целителей – они умели поднимать его рост, Марьяна научила использовать Силу для этого. Нужно было сидеть у грядки и, окунувшись в черноту, пытаться настроиться на растения... Через какое-то время Влад уже начинал видеть движение соков, и на уровне подсознания подталкивать эти процессы, напитывая ауру растений Силой. Кстати сказать, после нескольких уроков он наловчился видеть ауру растений и людей. Она была разной. У растений – как бы охватывала свечением весь стебель, корни, и если в этой ауре появлялись прогалины, то значит, растение болеет. Стоило закрыть Силой дырки в ауре, и растение сразу же поднималось, наливалось соками, начинало цвести.

Через некоторое время Владимир научился манипулировать с аурой сразу множества растений. Он как бы чувствовал, где больше всего растение нуждалось в подпитке, и направлял туда Силу. Она как бы оплетала объекты воздействия – у больных закрывала дыры в ауре, здоровых подпитывала, делая большими и сильными. Огородик у них разросся, Марьяна была очень довольна успехами Влада на мичуринском поприще.

– Хороший магик садовод-огородник будет всегда при деле, все крестьяне просто молиться на него станут, – доводила до сведения Владимира учительница. – Я могу работать только с десятком-двумя растений, ты же в состоянии целое поле обработать. Крестьяне будут просто счастливы тебя принять. Впрочем, денег на них ты не заработаешь, хотя и сыт будешь. Все деньги в столице. Тут так... крохи. Если сумеешь еще и переделывать тела, как ты мечтаешь, то клиенты у тебя всегда будут. Все богатые старухи, старики, все те, кто недоволен своей внешностью.

– Это можешь мне не объяснять. В нашем мире самые богатые из врачей – пластические хирурги. Они из дурнушки могут сделать красотку. И делают. Только стоит это столько, что позволить себе их услуги могут лишь очень богатые люди. Впрочем, простые операции типа убирания лопухости и тому подобные они делают сравнительно недорого.

– Ладно. Пора тебе переходить на людей. С растениями у тебя хорошо получается. Как я тебе уже говорила, с человеческим телом все сложно и одновременно просто. Ты воздействуешь на тело человека, ускоряя процессы его заживления. Учти, энергия заживления идет изнутри самого организма, и если ты что-то в нем делаешь, главное – не довести его до полного истощения. В противном случае ты получишь целый и здоровый труп. Главное – контроль, главное – вовремя остановиться. Лучше чуть не долечить, чем убить больного лечением. Вот почему сложные случаи лечатся за несколько сеансов. В общем, с завтрашнего дня ты принимаешь пациентов.

– Хм-м, не прошло и трех лет. Как же это так быстро-то?

– Давай не смейся – лекарей допускают к больным через десять лет, не меньше, пока научатся контроль держать, пока научатся работать с Силой... Тебе, видимо, помогло то, что ты стал целителем уже взрослым, кроме того, ты обладаешь знаниями другого мира. Иначе бы ничего не вышло так быстро. Всего два года – и уже целитель. Только не задирай нос. И иди дров наруби, великий целитель...

На следующий день у «клиники» с рассвета уже стояла очередь из больных. Лекарки наскоро позавтракали – Владу не терпелось попробовать себя, а Марьяне не терпелось увидеть, чему научила ученика.

Первым вошел мальчишка, проткнувший себе ногу каким-то штырем. Рана загноилась, нога распухла. «Еще немного – и начнется заражение крови. Впрочем, могло уже начаться», – подумал Владимир.

Он поводил рукой над головой мальчика, сосредоточившись на том, что тому должно быть не больно... не больно... не больно...

– Замри...

Мальчик застыл, глядя перед собой широко раскрытыми испуганными глазами. Его отец, выглянув из-за приоткрытых дверей, растерянно воскликнул:

– Что это с ним? Что с ним случилось?

Целители бесцеремонно прогнали мужчину и закрыли дверь, чтобы никто не мешал. Мальчика уложили на стол, сняв с него штаны и башмаки. Впрочем, башмак был один, так как больная нога распухла до состояния небольшого бревна. Целители встали по обеим сторонам стола.

– Что ты видишь, Влад?

– Рана сквозная, заражена, у нас врачи, скорее всего, уже отрезали бы ногу – вон как почернела. Ткани отмирают. Эти идиоты привезли его поздно. Боюсь, ногу не спасти. Прибил бы этого тупого урода, его папашу!

– Ну а что ты хотел – от крепостных крестьян ума и фантазии? Им бы выжить и барщину отработать, а не думать, кто из детей чего там проткнул. Этот помрет – еще народят. Вот так и живут, привыкай...

– Крепостные? Ты хочешь сказать – это рабы? Куда я попал?!

– Ну, можно сказать, и рабы. Ладно. Хватит болтать – мальчишка вон помирает. Чего будем делать? Думать давай. Моих сил сохранить ногу не хватит. Будешь пытаться, или сразу режем? Иначе помрет. Кстати, он и так может помереть, похоже, сепсис уже по всему телу уже растекся. Что видишь в ране? Рассказывай.

– Ну что? В ране гной, кроме того что-то осталось в канале – типа стружка или окалина какая-то. Надо чистить, разрезать, удалять инородные предметы, очищать кровь. В общем, «он сказал – поехали!»

– Куда поехали?

– Я тебе потом расскажу.

Владимир взял в руки остро отточенный небольшой нож – местный аналог скальпеля, точным движением руки сделал разрез вдоль икроножной мышцы. Оттуда полился гной... Продолжая смотреть на канал раны, лекарь усилием воли перекрыл сильно закровоточившие сосуды, успело вылиться примерно с полбутылки черной застоявшейся крови. «Это неплохо, – подумал он, – гнилая кровь стекла, а остальную почистим».

Он стал безжалостно срезать почерневшее мясо, кромсая, как черствую горбушку хлеба, до тех пор, пока не показались красные волокна более-менее здоровых мышц. Остатки предмета, проткнувшего ногу, были удалены...

Из-за распространившегося по комнате запаха дышать было тяжело, даже Марьяна, привыкшая ко всему, стояла бледная. «Как на грех, сегодня такой вот случай! Поучился, называ-

ется», – подумал Влад и продолжил операцию. Пришлось вырезать икроножную мышцу почти до кости – гангрена разъела все до основания. Владимир остановился и задумался: как сохранить ногу без мышц? Мышцы есть – выше и ниже, что делать? Он сосредоточился... Из остатков мышцы выше и ниже раны стали вытягиваться красные нити. Они росли, пока не соединились в основу икроножной мышцы. Она вышла пока еще тонкая, но организм, помнивший, какая она должна быть, медленно, но верно наращивал сплетения...

Марьяна взяла его за локоть:

– Осторожнее! Мальчишка небольшой, ресурс у него маленький. Давай завершай!

Владимир сосредоточился на коже мальчика – мышцу надо было прикрыть. Кожа стала медленно расползаться от краев, сдвигаясь, пока, наконец, не прикрыла зияющую красную дыру. Мышцы не хватало, чтобы заполнить все место, которое ей было предназначено, на месте раны образовалась впадина, а нога как будто усохла.

– Ничего, разбегает, нарастит ногу. – Марьяна озабоченно осмотрела на мальчика. – Нам еще кровь очистить надо. Продолжай.

Владимир магическим зрением осмотрел мальчика – кровь была заражена. Целитель лихорадочно думал, думал, что делать? Что чистит кровь? Печень, почки?.. Усилил кровоток, поддерживая органы Силой. Пошло очищение...

Шел уже третий час работы, наконец, Владимир решил – хватит. Он подпитал слабую ауру мальчишки Силой и устало откинулся назад, усевшись на табуретку. Все. Марьяна с уважением поглядела на него:

– Влад, ты молодец. Я думала, у тебя не получится. Я ни разу не видела, чтобы так кто-то мог работать. Я горжусь тобой. Ты настоящий целитель.

– Спасибо, Марьян, без тебя я бы не смог, твоя заслуга.

– Так, давай отмываем все, перекусим и потом продолжим. Остальные ерунда – переломы, вывихи... ничего страшного. Щас я этого идиота позову. Пусть забирает мальчика. Сними с него оцепенение.

Владимир провел рукой над головой пациента, снимая оцепенение, и ребенок тут же заревел от страха, обнаружив себя без штанов в незнакомом помещении, дурно пропахшем и отвратительном. В комнату заскочил отец мальчика, но тотчас выбежал обратно на улицу. Владимир сам поднял ребенка и вынес за порог. Малец ревел, оглашая окрестности. Отец принял его с рук на руки, успокаивая и похлопывая по спине. Тот утих и позволил Владимиру вставить слова об оплате:

– По-хорошему, с тебя тысяча золотых. За такую мерзкую работу. Прибил бы тебя – мальца ведь почти что загубили. Еле-еле вытащили его с того света. В общем, с тебя золотой.

– У меня только три серебряника...

– Давай три, а остальное принесешь продуктами, на семь серебряников, по ярмарочной цене. Все, вали отсюда, мы прибраться будем и отдыхать, нам еще других лечить.

После отдыха и уборки лечение пошло быстро, за час целители пропустили человек пять, неплохо заработав.

Платили им за услуги и деньгами, и продуктами. Так прошло еще два месяца. Поток больных сильно увеличился – слухи о том, что появился сильный лекарь, берущийся и за безнадежные случаи, разошелся по всей округе.

Марьяна ворчала – работы прибавилось, и много сложной, а вот доходы выросли незначительно – сложная работа отнимала уйму времени, а оплачивать ее как следует у крестьян не было возможностей. Правда, появлялись и зажиточные клиенты. Конечно, не дворяне – им не по чину мотаться в какую-то заштатную деревеньку, в лесной хутор – а вот купцы и проезжие люди стали заглядывать нередко. Большой тракт проходил всего в пятнадцати верстах от хутора. А на тракте всегда что-то случается: раны, болезни, роды и травмы.

С купцов уже целители брали более-менее справедливую цену, впрочем, особо тяжелых случаев там не было: больше колото-рубленые раны да патологические расстройства желудка. С ними Владимир научился работать уже на автомате, он мог пропустить уже десяток человек в час. Этот поток больных его тяготил, хотя он и понимал, что от его работы зависит и их благосостояние, будущее и здоровье многих людей. Впрочем, несмотря на чувство морального удовлетворения от хорошо выполненной работы, в глубине души он не особо вникал в проблемы этих людей – своих хватало. Видимо, у него выработался уже синдром врачей – отстраняться от людей, воспринимая их как объекты лечения.

В свободное от работы время Влад учился пользоваться магией, экспериментируя с ней, создавая различные структуры и смотря магическим зрением на предметы. Как оказалось, он может, напрягшись, погружаться в глубь любого материала, изменяя его свойства. Как это происходило, он не знал, но знал только одно – для изменения свойств материала нужно столько Силы, что у него с трудом хватало одного заряда магического узла.

Теперь он понял, почему Марьяна хмыкала, когда он говорил об изготовлении магических вещей, или вещей, свойства которых изменены с помощью магии, – все это требовало такого расхода энергии, что о том, чтобы кто-то мог это повторить, не могло быть и речи. Первое, что он попытался сделать, – нож со специальной заточкой и «мыльной поверхностью».

Для этого он вошел в структуру стали ножа и стал «требовать» от лезвия, чтобы оно уплотнилось на конце и приобрело толщину в молекулу. Магическим зрением было видно, что под большим увеличением лезвие представляет собой грубейший и рыхлый кусок металла, изборозженный многочисленными заточками. Владимир два часа сидел, добиваясь улучшения и укрепления лезвия, Сила вытекала из него бурным потоком и вливалась в нож.

Через два часа он обнаружил, что Силы у него уже нет, а нож готов только на треть. Он был ошеломлен – работать с неживыми предметами было очень сложно, гораздо сложнее, чем с живыми объектами. Нож он закончил только через неделю... Это было странное произведение – лезвие нельзя было удержать руками с двух сторон, оно все время выскальзывало, а острота его была такова, что им можно было спокойно нарезать стружку из лопаты, как из кожуры огурца. При этом занятии Влад был отловлен Марьяной и яростно выруган.

«Купи свое, а потом уродуй! Хорошая лопата была, а ты ее на лапшу пустил! Вот чем теперь всякое дерьмо закапывать?!» – и все в таком духе. Но в общем и целом результат она оценила очень положительно, только вот боялась этим ножом что-то резать – отхватить палец можно было так, что и не заметишь.

Влад посчитал, что на изготовление меча по подобной системе уйдет не меньше месяца, по два часа в день. На большее у него пока не хватало Силы. Впрочем, он заметил, что с каждым разом объем запасаемой им Силы увеличивается, по мере ее исчерпывания. Марьяна это подтвердила:

– Я же тебе рассказывала, узел по мере использования развивается. А как ты думаешь, люди растут в Силе? Правда, это до определенной поры, потом почему-то все застопоривается, и сколько ни старайся, больше не поднимется. Видно, это зависит от свойств человека. Ну как один может бегать быстро, а другой нет. Один сильный, а другой и кадку поднять не сможет. Радуйся, что узел у тебя не застыл, есть шанс стать очень сильным магом!

Влад тоже на это надеялся. Ну, что он станет сильным магом. Он давно уже уяснил для себя, что только сильные могут выжить. Все равно – в том мире или в этом.

Каждый раз заполнение узла Силой занимало у него меньше времени, в сравнении с началом его магической деятельности, хотя и объем поступающей Силы увеличился. Владимир захлебывался удовольствием, качая Силу, но уже не терял контроля и следил за процессом. Он как-то уже сам чувствовал, когда его узел наполняется, и останавливал откачку. Он четко осознавал, что канал, соединяющий его с рекой Силы, расширился по сравнению с началом его обучения и все продолжает расширяться – тем больше, чем интенсивнее он тратит и зака-

чивает Силу. «Интересно, – думал он, – когда же все-таки остановится развитие? Эта чертова шаровая молния, забросившая меня сюда, сильно мне помогла в этом».

Жизнь продолжалась. В избушку в глубине леса шли потоком больные, лекари уже с трудом успевали справляться с наплывом, пришлось нанять себе прислугу – кухарку и помощника по хозяйству и уборке. На этом настоял Владимир – ему надоело каждый раз после операции и лечения вычищать рабочее место. Пришлось им заказать дополнительный операционный стол, потом еще один. Легких больных принимала Марьяна, тяжелых – Владимир. На выезды они не соглашались, хотя такие предложения поступали. Это занимало слишком много времени и не оправдывало себя – оплата в этом случае должна была превышать оплату на месте по крайней мере раз в сто, и пока желающих платить такие суммы не находилось.

Влад постоянно экспериментировал с предметами, например, его гордостью была нателенная рубаха, ткань которой он сумел уплотнить настолько, что она превратилась в броню почище кевларовой – топор, которым он попытался разрубить эту рубаху, сумел только загнать ее лезвием в пенек, так и не разрубив. Кстати, результат его напруг. Он представил, что ему рубаху топором в бок, прикрытый этой рубахой... ну да, рубаху-то не прорубят, но вот много-страдальному телу от этого не легче. И Сила тут никакая не поможет.

Впрочем, расспросив Марьяну, он кое-как выяснил, что в основном, «в быту», здесь используются клинки типа катан – видимо, эта мода пришла с Востока, как и многое в стране. А катаны, как он знал еще по прежней жизни, на самом деле не предназначены для прямых рубящих ударов, как рыцарские мечи, к примеру, или мечи викингов – ими наносились секущие удары, режущие. Кромка лезвия катаны представляет собой что-то вроде микропилы. То есть, когда воин наносил удар, он делал это «пилящим» движением, чтобы рассечь тело, прикрытое легкой кольчугой или кожаными доспехами.

Конечно, была тут и тяжелая кавалерия, с мощной броней, длинными копьями, но она уже стала выходить из моды лет сто назад – поджарить молнией тяжеловооруженного бойца было раз плюнуть. К тому же кони боялись пехоты, применяющей длинные тяжелые копья, упираемые в землю. Оставались лучники и легкая пехота в легкой броне. Ну а уж говорить о дворянах и не приходится – там дальше легкой кольчуги дело не пошло, глупо было бы таскать на себе груды железа. Так что удар катаны рубаха выдержала бы точно. Никакая катана не смогла бы «пропилить» ее до тела. Если только ее лезвие не обработано неким пришельцем из другого мира... но таких, как надеялся Владимир, больше нет. По типу рубахи он обработал и штаны. После изготовления комплекта непробиваемого нижнего белья настал черед экспериментов и с человеческими телами.

Это проделывалось незаметно для объектов эксперимента, а иногда Владимир и сам предлагал им бесплатно исправить тот или иной дефект. Начал он с оттопыренных ушей, кривых носов, потом перешел на кривые ноги. Попался один пациент со сломанной в юности ногой, которая неправильно срослась. Владимиру пришлось заново ее сломать и срастить. Человек был очень удивлен, получив в довесок к вылеченному чирью прямую ногу.

Вокруг избушки целителей через полгода уже стоял целый лагерь ожидающих своей очереди на лечение. В основном это были уже богатые купцы с домочадцами, с которых лекари брали реальную плату – хоть и не тысячи золотых, но близко к этому. Крестьяне лечились просто так, бесплатно, но тогда, когда возникало «окно» между богатыми клиентами.

С одной стороны, это было печально – как всегда, бедные оказывались на задворках жизни, с другой – целитель имел право принимать тех клиентов, которых ему хотелось, и отказывать любому в лечении, тем более что бедные обслуживались бесплатно. Даже при тяжелых случаях. Нередко было так, что богатый клиент отставлялся в сторону ради бесплатного, но которому требовалось спасти жизнь. Денег у целителей теперь хватало, в тайничке под полом домика хранилось уже не менее пятидесяти тысяч золотых, и Владимир стал опасаться грабителей. Пришлось нанять охрану из гильдии наемников, и их охраняли круглосуточно десятков

бойцов. Они вроде бы отдыхали, но в случае тревоги могла в считанные минуты встать «под ружье».

Влада уже давно тревожила мысль о том, что слишком все гладко происходит: они тут развернули бурную деятельность, получают очень хорошие доходы, – кому-то это должно очень не понравиться. Или наоборот... В его памяти лихие девяностые не прошли бесследно, так что Владимир просчитывал ситуацию на раз. Она вообще была какая-то странноватая.

Со слов Марьяны, каждый практикующий магик должен состоять в гильдии, чтобы практиковать. Но она почему-то не состояла, однако практиковала. Почему? Как это могло быть? Он задал ей этот вопрос, и ответ оказался неожиданным: оказывается, они жили на земле, принадлежащей графу Савалову. Чтобы поселиться на этих землях, Марьяна получила разрешение от управляющего графского поместья и платила налог пять золотых в год. Фактически это составляло десять процентов от заработка крестьянской семьи. Не сказать, что высокий налог, но и не малый. В этом случае графу была двойная выгода – и прибыль, и обслуживание крестьян в округе. А рачительный хозяин заботится о своем имуществе.

– Почему ты мне не говорила, что платишь графу?

– А зачем? Что бы это изменило? Ну вот, я сказала тебе – и? Везде надо платить за то, что ты живешь. Тут тихо, спокойно... было. Теперь все изменилось. Я сама не знаю, во что это выльется. Не хотела тебя расстраивать.

– Я что-то подобное предполагал. Как только слухи о клинике дойдут до графа, скорее всего, наша спокойная жизнь кончится. Пятью золотыми не отделаемся. Заставят платить как следует или задушат. Ты какой-то договор подписывала?

– Хм-м... нет. Кто знал, что так все будет?

– Марьян, ты лохушка. И не спрашивай, что это такое. То есть теперь понятно, нас в любой момент можно согнать с места или обложить такой данью, что мы взвоем. Интересно, сколько у нас времени до того, как нас прижмут...

Они задумались. За окном уже стемнело. Мир был укрыт белым снежным одеялом – зима. Прошел охранник, обходя территорию. Из пристройки, где жили охранники, слышались веселые голоса и шум – там что-то отмечали. Избушка изменилась – вместо топчанов стояли хорошие кровати с пуховыми перинами, большая комната была разгорожена на две поменьше и кухню. Все сияло чистотой и достатком.

Владимир с грустью осмотрелся. Неужели все придется бросить? Он как-то уже привык к этой жизни. Пошел третий год его пребывания в Мире, они многого добились, и добились бы еще, но... как говорили в мире Владимира: далеко пойдет, если не остановят. С Марьяной они как-то сроднились – она была ему кем-то вроде старшей сестры, если забыть, что ей сто двадцать с лишним лет. Физически она выглядела лет на пятьдесят пять – шестьдесят, и он воспринимал ее соответственно.

– Влад, я все хотела с тобой поговорить... Ты почему все без женщины?

Владимир поперхнулся:

– Марьян, где я женщину тут добуду? Ты чего несешь-то?

– Влад, извини, я сперва подумала, что, может, ты вообще мужиками интересуешься, потом вижу – вроде нет, глазом на женщин косишь. Я уж не знаю, что и подумать, только мужику без бабы нельзя, это ненормально. От этого проблемы со здоровьем могут быть, понимаешь?

Владимир помолчал...

– Да понимаю я. Я в своем мире книжку одну читал, ее баба написала...

– Баба? Правда, что ли? У вас бабы книжки пишут?!

– Да. Ну баба, ну книжку – чего такого. Там речь шла о некоем воине, очень сильном и умелом, и вот он там ходит по миру, у него множество приключений и всех побивает... только вот бабы нет. Я всегда подозрительно относился к таким героям – как он годами без бабы-то?

У нас умные люди говаривали, что если мужик до тридцати лет не женился, у него крыша едет. Хм, ну то есть с ума немного сходит он... Все время забываю, что ты не из моего мира.

– Забавные у вас выражения, надо же, крыша едет... Надо запомнить. – Марьяна посмеялась, встала, взяла с печи чайничек и подлила себе и Владимиру травяного отвара. – Вот я о том я тебе и говорю: тебе баба нужна, регулярно. Как-то не хочется тебя лечить. И как ты почти три года обходился? Ладно, как ты говоришь, «замнем» этот вопрос. Надо думать, что и как. Я предлагаю присмотреть какую-то девчонку или какую-то вдовушку в деревне, пусть приходит к тебе. Будем платить ей... ну как прислуге... Ну побольше немного. Нечего баловать особенно-то... В деревне за счастье – дополнительный приработок. Пусть еще и прибирает за тобой, стирает, постель стелет... хе-хе-хе... – захихикала Марьяна. – Ты у нас мужчина видный... Завтра схожу в деревню, поговорю со старостой, пусть кандидаток подберет. Смотрины устроим... хе-хе-хе – все развлечение. А то только гнойники да уши оттопыренные. Как ты, не против?

– Марьян, ну ты зараза. Да почему бы и нет, – решил Владимир, – тоже как-то не по себе без регулярного секса.

– Чего? Что такое секс?

– Ну это у нас так называют то, что делают мужчина и женщина... Только это, Марьян, нам как-то последствий не надо, да? Толпу спиногрызов нам тут не надо же?

– Кого?! – поперхнулась целительница. – Что за... а, поняла. Да давно уже есть типа заклатья. Наложил – и на полгода никаких последствий. Думаешь, я не додумалась бы?

– Ты меня давай научи, пригодится, – покосился Владимир. – Знаешь, почему я так долго мог обходиться без баб? Так, давай не ржать – это не то что ты подумала, и девственность овец тоже не нарушена. Понимаешь, когда я припадаю к реке Силы, я получаю такое удовольствие, что это сравнимо с сексом... аж самому страшно – хочется никогда не отрываться, черпать, черпать... Знаешь, у нас проводили опыты ученые, изучали мозг, а тренировались на крысах. Как бы тебе доступно объяснить... в общем, им в мозг засовывали такие штучки, электроды называются, а совали их в то место, где они нашли такой центр удовольствия. Раздражишь его и получаешь удовольствие по типу оргазма, ну это удовольствие от секса. Раздражение центра удовольствия шло по проводкам... это веревочки такие, а по ним заклатья раздражающие идут. Нажал педальку маленькую – заклатье пошло в мозг, центр удовольствия раздражился, хозяин мозга получил удовольствие. А педалька была в клетке крысы. Так вот, крыса могла сама нажимать на нее... и нажимала. Пока не умирала от голода и жажды. Все нажимала, нажимала, нажимала... Вот так же с той рекой – хочется не останавливаться и черпать, черпать...

– Я поняла, о чем ты говоришь. – Марьяна нахмурилась и задумчиво стала водить рукояткой ножа по лужице пролитого чая, выводя какие-то непонятные узоры. – Я этого боялась после нашей первой пробы. Помнишь, как я тебе по носу заехала?

– Еще бы не помнить, – хмыкнул и поморщился Владимир. – Так врезала, что через двадцать лет помнить буду.

– А по-другому нельзя было. Ты сам это понимаешь. Слава богу, понимаешь. Ладно. Хватит. Давай спать и завтра будем решать. Гаси свой фонарь.

Целители разошлись по своим закуткам, Владимир на ходу, уже не глядя, махнул рукой и погасил светляк, сияющий над головой, перекачав Силу в магический узел. Он лег на кровать, закрыл глаза и стал думать – спать еще не хотелось, и он решил потренироваться в управлении телом.

Марьяна ему рассказывала, что делать что-то со своим телом невозможно, мол, это все равно как тянуть себя за волосы из болота. Но так ли это? Уровень каждого магика можно определить по сиянию ауры, Марьяна говорила, что он светится как его светляк, любой магик за версту его увидит. Так что магический узел напрямую связан с аурой? Ну да. Так и есть. Подпитывая свою ауру, он одновременно подпитывает магический узел. То есть получается:

сколько втекает в резервуар ауры, столько же вытекает из него. Что-то вроде сообщающихся сосудов. Воздействуя на свою ауру, маг фактически через нее перекачивал Силу опять в магический узел. Итак, чтобы воздействовать на себя, надо как-то закрыть каналы оттока Силы от ауры.

Владимир сосредоточился и стал смотреть на себя магическим взглядом... Тело сияло в пространстве, в ауре перетекали красные, синие, зеленые потоки, ведущие к органам. Он понимал подсознательно: вот этот поток – работа печени, она сияет здоровым светом, розовеет (он отметил с удовольствием: вот результат трезвой жизни), почки розовые, но с небольшой чернотой... Он не удивился, в юности он узнал, что некоторым образом он... мутант – у него четыре почки. Такое бывает, нечасто, но бывает. Увы, удовольствия это не приносит, как и пользы. Сердце работало четко, в шейном отделе было черное пятно – остеохондроз, левое плечо пульсировало черно-красным – воспаление связок и сустава, давнее, вялотекущее, он боролся с этим уколами и гелями уже несколько лет.

Владимир всегда вспоминал пословицу: «Если после пятидесяти ты проснулся и у тебя ничего не болит – значит, ты умер». У него это началось после сорока: все травмы, все повреждения, все переохлаждения и микросотрясения головы, накопленные за годы жизни, – все начало вылезать наружу. Он осмотрел свое тело внутренним взором и заметил множество ниточек, тянущихся от участков ауры по направлению к солнечному сплетению... Так вот как аура соединяется с магическим узлом! Он специально зачерпнул из узла Силы и выпустил ее в ауру – она засияла гораздо ярче. Потом стала тускнеть, тускнеть... и вошла в прежние границы. Так. Сила вернулась назад, практически не задерживаясь. Чтобы Сила не откачивалась, надо перекрыть ниточки-каналы.

Владимир сосредоточился... Раз, два, три – каналы стали закрываться один за другим. Он не видел, как это происходит. Но знал – происходит. Потом стал черпать Силу из узла и подпитывать почки. Он мысленно задал программу – две поврежденные почки должны были увеличиться и стать нормальными. Шли минуты – две, пять... пятнадцать – наконец он заметил, что две лишние почки стали расти, расти...

Он вмешался в программу и расширил протоки, по которым кровь приходит и уходит из органов. Фактически он удвоил очистку крови, прикинул – дал задание организму увеличить эффективность работы почек и увидел, как они немного укрупнились. Осмотрел тело – вреда организму не было. Странно, ведь увеличение почек могло произойти только за счет остальных органов... Нет, видимых повреждений он не обнаружил.

Затем он обратился к голове, но в мозг лезть не стал – занялся зубами. Выплюнул слетевшую коронку – новый зуб прорвал десну, наполнил голову болью... Владимир молниеносно отключил болевые ощущения, перевел дух. Все-таки с зубной болью ничего не может сравниться. Новые зубы вставали на месте старых, а те падали на пол, как косточки от мандаринов. Проверил – ресурсы организма держатся.

Теперь – к лицу: убрал мешки под глазами, двойной подбородок (впрочем, его уже почти не было – Владимир сильно похудел после перелета в этот мир, но жировые клетки-то остались, он и их удалил, и клетки рассосались, пополнив резервы химических элементов). Спустился ниже. Шея. Удалил отложения солей, наросты на костях – очень аккуратно, не дай бог повредить позвоночный столб, станешь инвалидом. Спускался ниже, ниже, походя устранив начинающиеся болезненные процессы в поджелудочной железе. С боков и на животе удалил жировые отложения, брюшные мышцы, растянутые поднятием тяжестей, он укрепил наращиванием новых, пока они не стали выглядеть, как у Геракла.

Подумал, вернулся выше и стал наращивать мышцы рук, плечи, дельтовидные мышцы, формируя из них определенную фигуру – ту самую статую Геракла, только более молодой ее вариант. Сила качалась из узла, как из шланга, но переделывать себя оказалось труднее, чем других.

Он проверил свои резервы химических элементов: ничего страшного – все, что он удалял, растворялось в организме, в крови, потом опять использовалось при строительстве. Сформировав плечи, грудь, живот, спустился ниже... Хихикнул про себя – вроде бы тут все в порядке, женщины не жаловались... Потом вернулся и все-таки нарастил три сантиметра: это пункт большинства мужиков – у кого длиннее.

Ноги рельефились мышцами, кости, битые-перебитые, освобождались от солей в суставах, укреплялись... Вернулся к коленям – устранил красное свечение с темными прожилками – больше щелкать не будут. Осмотрел себя: лет на тридцать, не больше.

Но тут же мысленно сплюнул: какой там на тридцать! Седая борода, волосы, как будто подернуты инеем. Дал импульс, и на глазах волосы стали темнеть, темнеть... Упс, вот теперь тридцатилетний... причем заросший по самые глаза мужик. Показалось или нет? Волосы бороды и головы вроде бы стали гуще? Нет, не показалось... Борода по самые глаза. Ну черт с ней, побреюсь. Взял и как невидимым ножом прошелся по щекам, так же подравнял волосы на голове. Ага, теперь стал выглядеть благообразно.

Осмотрел еще раз тело: кое-где увидел красно-черные свечения, то ли в желудке, то ли в кишечнике, – направил поток энергии в очаги, и свечение стало гаснуть. Теперь аура сияла гармонично. Порядок.

Проверил узел Силы – еще процентов двадцать есть. Подумал немного. Как бы еще увеличить скорость восприятия, то есть реакцию? Иначе говоря, скорость прохождения сигналов от рецепторов к органам. Что надо сделать, чтобы она возросла? Расширить каналы, подводящие сигналы к органам – как бы сменить проводку: вместо одного квадрата поставить провод в четыре квадрата.

Владимир напрягся... Внутренним взором он увидел, как нервы стали утолщаться, почему-то появились дополнительные окончания. Он не задумывался – для чего это. Занятия магией уже научили его: чтобы добиться результата в магии, не нужно задумываться, как это получается, нужно думать, что сделать, чтобы оно получилось, хотеть этого, управлять своей волей.

Человеку технологического мира, осведомленному о причинах многих протекающих процессов, трудно привыкнуть к мысли, что результат зависит от определенных манипуляций. В этом есть что-то родственное вере, когда просто веришь, не требуя объяснений и расшифровки. Самое главное в деле, которым он занялся, – наличие достаточного количества Силы и желание. Остальное неважно. Через полчаса нервы во всем теле увеличились в размере и приросли новыми ответвлениями.

Владимир задумался. Если скорость реакции возросла, значит, нагрузка на мышцы, связки тоже, – как бы связки не порвались. Он дал команду связкам стать толще и прочнее. Как ему это удалось, он и сам не знал. Было желание, чтобы они стали крепче раз в двадцать, как минимум... по максимуму, в общем. Связки стали утолщаться, прирастать к костям – чрез полчаса процесс завершился. «И сказал Он, что это хорошо...», но можно и лучше.

Так, что имеем? Усиленные мышцы, усиленные связки и нервы. Рванут – а кости-то выдержат? Хм, задача. Не выдержат. Свои же мышцы переломят кости, как спички. Что с резервом? Так, пора подключиться к реке – Силы не хватает. Затянулся процесс. Вычерпал узел.

Владимир вошел в черноту. Река плескалась рядом, ласковая, горячая, он потянул каналами Силу... Каналами? Откуда еще канал? Их два! Похоже, в процессе занятия у него возник еще один канал. Интересно...

А я могу Марьяне прирастить каналы? Надо будет поговорить с ней. Ах, как сладко наполнять узел! Все – шабаш! Чуть не трескаюсь от энергии. Сразу вспоминается кулак Марьяны... Крепкая бабуленция – урезала, как срезала.

Сила хлынула в узел, наполняя тело эйфорией, легкостью, смывая усталость. Любопытно, а можно ли установить непрерывную подкачку Силы, поставить что-то вроде клапана? Как наполнился узел – перекрыл. Но это потом когда-нибудь. Надо с телом закончить.

Он остановил закачку Силы и снова занялся телом.

Что можно сделать с костями? Попробовать их уплотнить, как с тем ножом? Ну не до конца, времени не хватит... Впрочем, надо попробовать, может, быстрее выйдет? Команда в ауру... Аура замигала, сияющие ручейки потекли в тело... Подкачал. Силы. Подкачка, подкачка... Сила льется в ауру, как из крана смесителя. Хм, что там с костями? Ну, внешне ничего не видно... Стоп! Что-то происходит. Блеск какой-то странный, матовый. Вообще процесс идет бодро. Опасно только – не навредить бы. Установка: «Не навредить!» Немного затих процесс... Продолжается, но медленно, как сканирование компьютера антивирусной программой. Похоже, по ходу дела удаляет ошибки строения. Надо признать, человеческое тело, при всей его сложности, довольно несовершенно. Чуть что – разлад, чуть что – повреждение.

Упс... с костями вроде закончилось. Сила больше не убывает, аура сияет. Осталось? Хм, опять двадцать процентов. Это при таком-то запасе! Все непросто. Так, осмотрелся: убрать шрам на пузе от аппендицита – есть!

Так, а если сделать автоматическую подкачку ауры из узла, замкнуть ее на организм и установить программу на восстановление нынешнего состояния тела? Смотрим... Ага, каналы на органы, так, фиксируем нынешнее состояние: «Органы! Остаться в нынешнем виде!»

Ой, болван! Ты что, забыл?! А глаза-то, старческая дальнозоркость!.. Какое слово-то гадкое – «старческая»... Убрать дальнозоркость! Есть! Процесс пошел. Хрусталик очистился... хм, мало. Видеть в темноте! Видеть, как в морской бинокль, до горизонта!.. Стоп-стоп, внешне чтобы ничего не отличалось от прежнего облика. Есть! Что-то получилось! Теперь – защиту на глаза! Наподобие стальной прозрачной брони на роговицу, только чтобы опять же было неотличимо от оригинала. Ага, какая-то пленка затянула, толщиной в несколько молекул. Сделано!

Сохранить – перезагрузка программы – сохранить в нынешнем состоянии. Осмотрелся. Каналы к узлу открыл, подождал... Никаких изменений. Все функционирует нормально. Вышел из транса. Осмотрелся, ощупал себя... В темноте не видно, что получилось. А за окном уже сереет... Всю ночь себя правил, надо покемарить хоть пару часов.

С этими мыслями Владимир провалился в сон, не прерываемый никакими сновидениями.

Глава 3. Бой

«Утро красит нежным светом стены древнего-о-о Кремля! Просыпается с рассветом вся Советская земля-а-а-а!» – Владимир хлюпал водой над кадушкой, кухарка Фекла поливала ему на голову, на плечи, странно и явно испуганно таращась.

Он покосился на нее и с недоумением спросил:

– Ты чего вытаращилась на меня, как на морского змея? У меня что, хрен на лбу вырос, что ли?

Фекла неловко выронила ковшик, подхватила и выбежала из избы, хлопнув дверью. Мужчина пожал плечами, вытерся расписным рушником, натянул рубаху и сел за стол.

Судя по ощущениям, время приема больных было уже близко. Марьяна где-то возилась во дворе, слышался ее голос, распекающий кого-то из охранников. К голосу Марьяны присоединился и голос Феклы.

Он уселся за стол, налил в деревянную расписную чашку травяного отвара, который тут был вместо чая. «Кстати, а чего они тут чая не пьют? Может, пьют, да не тут в глубинке? Надо будет спросить», – подумал он, размешивая в чашке иссиня-белый тростниковый сахар, кусочек которого перед тем отбил от головки ножом. Прихлебнул, потом отпилил от куса окорока тоненький ломоть – он всегда упрекал дома жену, которая норовила нарубить колбасу или копчености крупными кусками.

«Кусочек, – говорил он, – должен быть тоненький, чтобы просвечивал, так же вкуснее». При этом он обычно упрекал жену в том, что она такая-сякая, выросла в Динамовском переулке, дескать, колхозница, лазила по помойкам. На что жена всегда возмущенно отвечала, что она ни по каким помойкам не лазила и что у них был дом со всеми удобствами, а вот он сам – колхозник, который учился в Ащебутакской средней школе.

Ну, большому куску рот радуется. В общем, это была обычная шутивая пикировка, не перераставшая в семейный скандал.

Запивая бутерброд чаем, Владимир задумался, вспомнил дом и загрустил. А где он теперь, дом-то? Что там? Как они там без меня? Настроение у него окончательно испортилось, и, когда в избу ворвалась Марьяна, он уже был на взводе и встретил ее угрюмым вызывающим взглядом. Она остановилась на пороге, вытаращившись на него, как недавно Фекла.

– Влад, это точно ты? – Марьяна опустилась на табуретку, стянув с головы платок и задыхаясь от беготни. Ее глаза ощупывали Владимира с недоверием, цепко и внимательно останавливаясь на частях тела.

– Да я... ты чего? А-а, вот я болван! Марьян, я ночью экспериментировал со своим телом, что, заметно? Ну-ка, ну-ка, где у нас зеркало? – Владимир прошел за печку, там висело большое зеркало, и с интересом стал разглядывать себя.

Он увидел чернобородого, почти брюнета, мужчину лет тридцати, с густой, но оформленной по краям бородой, крепкими жилистыми руками. Самое главное – в волосах не было ни одного седого волоса. Он стянул рубаху, приспустил штаны – шрамов не было, посмотрел на локоть правой руки – след от ножа остался. Ну да, он же его не удалял – забыл. Привет из девяностых... На животе тоже теснились кубики, кубики, кубики, – в общем, он себе понравился. Хорошо поработал. Мышцы на теле выглядели рельефными, выпуклыми, но это была не такая мощь, как у статуи Геракла, на которую он ориентировался, а что-то живое и пластичное, как у пантеры или гепарда. Сзади незаметно подошла Марьяна и хлопнула его по голому задку.

– Да-а-а, хорошая задница.

– Так, без рук, я с бабушками не сплю! – Владимир натянул штаны, и они с Марьяной дружно засмеялись. Настроение у него сразу улучшилось.

Они пошли к столу, сели. Владимир продолжил завтрак, а Марьяна стала жадно расспрашивать его, как он все это сумел сделать. Как мог, он объяснял, она впитывала знания, потом грустно сказала:

– Только ты, с твоим запасом Силы мог такое сотворить... Ты хоть понимаешь, что это невозможно? То, что ты рассказал мне? Смотри никому больше не рассказывай. Феклу я предупрежу, скажу, что ты волосы покрасил, или еще что-то еще придумаю. Сегодня поеду в деревню, буду тебе наложниц искать. Иди, начинай прием, до обеда ты сам будешь, один будешь принимать. Я к полдню подъеду. – Марьяна накинула на голову плат, привычно подвязала его и вышла из избы, впустив облако ледяного морозного тумана.

Влад допил чай, потянулся, расправил плечи. Потом немного подумал и шагнул к столу... Взял в руки острый хлебный нож, заблокировал боль и резанул по запястью, приговаривая:

– А вот сейчас прове-е-ерим... прове-е-ерим...

Нож был острым, он рассек кожу, мясо и углубился почти до кости. Из руки брызнула кровь, густыми и частыми каплями закапавшая на чисто отскобленные половицы, подбираясь к узорчатому половичку.

Он отодвинул ногой половичок, чтобы не запачкать, отвлекся от раны, а когда опять посмотрел на нее, обнаружил, что она затягивается, рубцуются... Через минуту на ее месте возник красный рубец, как будто рана была нанесена год назад, а через еще минуту на месте шрама осталась только чистая кожа. Влад был очень доволен – его система регенерации работала без его надзора. Теперь было даже непонятно, какая травма могла бы стать для него смертельной, – только если голову отсечь?

Впрочем, задумываться над этим у него не было желания, пока не было. «Будет день и будет дело», как он говаривал частенько, а пока надо хлеб насущный зарабатывать, чтобы химические элементы вливались в тело легко и приятно.

Он как-то спросил Марьяну: «А почему сильному магу нельзя, к примеру, создать кучу золота? Сотворил, ну и живи себе в удовольствие». На что получил четкий ответ, что все не так просто: «Ты же пробовал заниматься с мечом. Помнишь, как он сопротивлялся изменениям в его структуре? А тут преобразование одного металла в другой, и еще: ну, допустим, какой-то маг, обладающий большим ресурсом, все-таки решил сделать кучу золотишка – ан нет. У каждого продавца есть амулет, определяющий происхождение золота». Магическое золото было запрещено к хождению, как фальшивые деньги в мире Владимира. Поймают – результат известный. Будут травить как бешеную собаку. Как он понял, это охраняло права государства, прерогативой которого, как и везде, являлось печатание и чеканка государственных денег.

В целом это был для него вопрос чисто теоретический. Усилия по созданию кусочка золота не стоили его самого. Можно было, являясь сильным магом, спокойно зарабатывать, используя свои силы, нежели тратить время на создание бесполезного золота, которое еще и невозможно использовать по назначению. Те амулеты, что применялись для определения подлинности золота, кроме того, и в основном служили для снятия иллюзий с тех же монет. Ну а вдруг какой-то маг пожелает, чтобы медяшка выглядела как золотая монета, – разорение продавцу. И опять же, на голову мага-фальшивомонетчика вылились бы ушаты неприятностей. В очередной раз Влад подивился: вроде и возможностей у магов много, но ограничений куда больше. Особенно не пошалишь.

У клиники толпился народ, Владимир осмотрел клиентов, спросил:

– Срочных нет? Никто не помирает?

Очередь недружно отозвалась:

– Не-е-ету-у-у...

– Ну тогда по очереди заходите.

Он вошел в клинику, снял тулуп и повесил его за печку. У высокого потолка находился магический светляк с футбольный мяч, прямо над операционным столом. Стол, похожий на

стол патологоанатома, целители выписали из столицы по специальному заказу. Его сделали по чертежу Владимира, и он стоил довольно больших денег. Зато его было легко мыть, чистить, при нем имелась специальная полочка, куда клали инструменты для операций. Когда целители начали заниматься переделкой внешности людей, старые методы работы уже не подходили.

Первой вошла девушка с переломом руки, по виду купеческая дочь, представители купеческого сословия уже довольно много посещало клинику. Перелом был залечен за пятнадцать минут, что обошлось больной (вернее, ее отцу) в десять золотых. Следом за ней переступил порог крестьянин, травмированный бревном на стройке, с переломом ребер и ноги... Этот был бесплатным, хотя и возиться с ним пришлось подольше. Ну что делать – издержки профессии. Типа социальная помощь, как думал Влад. Третьим тоже был крестьянин, он занес в комнату маленького ребенка, который, как оказалось, провалился под лед и сильно простудился – похоже, воспаление легких.

Владимир положил малыша на простыню, расстеленную на столе, и стал концентрироваться на лечении... Тут дверь распахнулась, как будто ее ударили ногой (скорее всего так и было), и в комнату ввалился здоровенный жлоб, в распахнутой богатой шубе, благоухающий запахом водки и чеснока. Он победно осмотрелся, увидел сидящего на скамейке мужика и с ходу заявил:

– Эй ты, мурло сермяжное, бери своего ублюдка и вали отсюда. Микула Селянинович сейчас будет с лекарем толковать!

Мужичок испуганно поднялся, нахлобучил шапку и вышел. Владимир продолжал сканировать взглядом мальчишку, тот тяжело дышал и весь горел. У него были задеты воспалением обе доли легкого. Еще бы пара дней – и ребенок умер.

– И ведь спрашивал же: есть кто помирающий? – возмутился Владимир. – Держали пацаненка на морозе... Ему из хаты-то вылезать нельзя... – Целитель в трансе потянул руки к ребенку, его Сила стала вливаться в ауру больного, и черно-красное свечение в легких начало отступать, отступать... еще чуть-чуть и... Тут процесс был нарушен грубым рывком за плечо:

– Ты что, лекаришка, не видишь, что к тебе уважаемый человек приехал, совсем страх потерял? Вместо того чтобы встретить как полагается, с каким-то щенком занимаешься? Давно плетью не охаживали? Чего красный такой сделался, обгадился, что ли? – Он стал гулко смеяться, трясясь толстым животом...

Владимир стоял ошеломленный. Он от ярости не нашелся, что сказать, и лишь таращил глаза на наглого посетителя. Сколько, ну сколько он насмотрелся на таких в своем мире! Хамы, готовые размазать, как плевок, тех, кто, как они считали, находится на ступеньку ниже на социальной лестнице. Владимиру пришлось некоторое время поработать в такси – вот где он насмотрелся на таких. Последнего он выбил из машину ногой и навсегда зарекся работать в сфере услуг, чтоб как-то ненароком не совершить убийство.

Он посмотрел на мерзкую рожу хама, тот что-то говорил, что именно – Владимир не слышал, наверное, гадости. Потом негодяй размахнулся ногой и попытался ударить лекаря. Владу показалось, что тот двигался медленно-медленно, как под водой, напомнив ему эпизод из старого фильма «Двадцать тысяч лье под водой», где героям приходилось перемещаться, преодолевая давление толщи воды... Рука с ногойкой приближалась к нему – он отодвинулся чуть в сторону, пропуская плеть, нападавший провис всем телом, вложив в удар свою массу, и тут Влад выставил вперед раскрытую ладонь и прямым ударом расплющил нос противника, задрав его голову. Тот выронил плеть, зажал сломанный нос, из которого текли ручейки крови, и завыл. Владимир открыл входную дверь и пинком отправил тушу за порог.

Нахал снес еще пару человек, воткнулся в плетень, завалив его, и застыл, подвывая, на месте. Потом, пятясь как рак, он пополз куда-то в сторону. Владимир закрыл дверь, не обращая внимания на испуганные лица в очереди, и опять отправился к больному пацану. Тот так и лежал на месте, введенный в транс руками лекаря. Влад посмотрел на его ауру, на легкие,

потом доделал начатое, устранив последние очаги воспаления, подкачал Силы в ауру и вывел мальчишку из оцепенения.

Ребенок ошеломленно глядел голубыми глазками на лекаря, не понимая, как и где он оказался. Когда его принесли, он был в беспамятстве от горячки. Владимир натянул на него тулупчик, замотал опять в шаль, в которой он и был доставлен к лекарям и вышел на крылечко клиники.

– Забирайте огольца. Где папаша?

– Тут я! – Папаша перехватил мальчишку у целителя и спросил: – А что мы вам должны, господин лекарь?

– Да ничего... Ну принеси, если что, крынку сливок свежих, люблю с чаем их... А денег не надо. Следи за пацаном.

Крестьянин низко поклонился Владу, потом вдруг зашептал:

– Вы поосторожнее, господин лекарь! Это нехороший человек – он богатый купец, говорят, и краденое скупает, у него много друзей и у разбойников, и охрана своя из разбойников бывших... Вы уж поостерегитесь.

– Да поостерегусь... – Владимир задумчиво прошел в дом.

Вот и опробовал свои новые возможности. Не ожидал от себя такой прыти. Как бы правда по полной их не испытать. Похоже, бугай-то непростой. Он задумался, потом приоткрыл дверь и кликнул нового больного. День опять вошел в привычное русло.

После полудня он решил взять перерыв, закончил с последним больным и побрел к дверям своей избушки, объявив очереди, что будет обедать, чего и им желает. А через часок подойдет, даст бог. Очередь немного погудела, не решаясь противоречить лекарю, и разбрелась по повозкам – кто к простым саням с соломой, а кто к расписным, укрытым дохой возкам.

Владимир вошел в дом, Фекла поставила перед ним чашку со щами, сваренными из свежей капусты. Других он не признавал, щи из кислой капусты напоминали ему студенческую юность и отдавали помоями – так ему казалось, о чем он всегда заявлял Марьяне. Она, кстати, задерживалась, хотя давно уже должна была приехать.

С наслаждением дохлебав первое и обглодав мосол, Влад съел еще пару блинов с медом и откинулся на спинку стула, купленного у настоящего мебельного мастера – пусть и не такого, как Гамбс, но и вполне достойного.

На кой черт зарабатывать деньги, если нельзя наслаждаться тем, что они дают? С этой точкой зрения он давно ознакомил свою компаньонку, и с тех пор их хозяйство сильно расширилось, начиная от свиарника (это было идеей Марьяны, а Влад сдался только под градом долгих уговоров и причитаний, он был против того, чтоб держать домашнюю скотину) и кончая различными пристройками к дому. Это и общежитие охранников, и расширенное помещение клиники. В дальнейшем он хотел перестроить и избушку, разделив ее на две половины – ну не бедняки же они, чтоб жить в одной комнате, в конце-то концов.

Что, денег мало зарабатываем? Этот аргумент был убойным и хорошо действовал на Марьяну, которая сразу остывала. Средств у них хватало на все прихоти, и она лишь по привычке твердила о черном дне и заначках. Их достаток, она прекрасно понимала, был заслугой Владимира, который брался за самых безнадежных больных, а кроме того, увлекся пластической хирургией.

За окном зашумели, кто-то начал взволнованно что-то говорить. Владимир вышел из расслабленного состояния и замер – он почувствовал какую-то тревогу. Давно у него не было такого предчувствия беды.

Он поднялся, надел тулуп, меховую шапку и вышел во двор. Там крестьянин что-то взволнованно рассказывал начальнику охраны Семену, сорокалетнему тертому и выдавшему виды мужику, облаченному в кольчугу поверх теплой поддевки и шапку-шлем с лисьими хво-

стами, свисающими со стального купола. Его жилистая рука сжалась на рукояти сабли так, что побелела, он угрюмо дослушал крестьянина, коротко кивнул и быстро подошел к Владимиру.

– Беда у нас, Влад. Ты утром одного ублюдка вышиб из клиники, мне рассказывали... Так вот не простой оказался, типа князька у местных разбойников. В общем, они Марьяну захватили, когда она из деревни возвращалась. С ней Петька был, так его, похоже, положили... Они через крестьянина передали, чтобы ты в деревню ехал, к церкви. Там тебя ждать будут. Иначе Марьяну убьют. Что делать-то будем?

– Объяви народу, что сегодня приема не будет. Сколько у нас человек есть?

– Теперь девять осталось, вместе со мной.

– Двух охранников тут оставить надо. Пусть приглядят за домом – вдруг кто подпалить захочет...

– Влад, там их тридцать человек, понимаешь? Мы все там поляжем!

– А что, надо полечь Марьяне и мне. Ты вроде нанялся на службу, телохранителем, гильдия гарантировала, что ты специалист, так отработывай, елы-палы! – внезапно рассердился Влад. – У них магик есть?

– Нет, – обреченно сказал Семен. – Так все равно их магией нельзя бить, потом только хуже будет. Да и не осилить их магией. Для этого магистра надо привлекать, а у них наверняка и амулеты защитные есть. Обычно у охранников богатых всегда такие амулеты имеются.

Влад хмыкнул про себя. Вообще-то интересно: применять магию против этих головорезов нельзя, однако амулеты против магии у них были. Как всегда, закон как дышло – кому надо и магией врежет, а потом отговорится, или концы в воду. Но тут это не прокатит – слишком много народа знать будут.

– Ладно, давай не хорони всех раньше срока, все образуется. Только бы Марьяна жива была... Я сейчас домой, чистое белье надену – помирать, так хоть в чистом! – Влад усмехнулся краем рта, глядя на еще больше вытянувшееся лицо Семена. – Давай народ собирай к походу. Я скоро.

Он шагнул в дом, быстро скинул с себя шубу, верхнюю рубаху и портки. Раскрыл сундук, достал нижнее белье, над которым он поколдовал, и переоделся в это «кевларовое» непробиваемое. Затем снова натянул рубаху, портки, надел валенки – в них ходить было очень удобно, они не скользили на льду, что было очень немаловажно. Подумал и достал свою теплую куртку, в которой он перешел сюда из своего мира – на ее плече была небольшая дырочка, с ноготь мизинца, там, где прошла шаровая молния, а так куртка была цела, – затянул молнии и посмотрел в зеркало. Странно так – как будто и не проваливался никуда... Впрочем, темная шевелюра без единой седой волосинки доказывала обратное – все это ему не приснилось.

Попрыгал на месте, помахал руками – ничего не стесняет, ничего не жмет. Он стал немного полегче и похудее, чем был когда-то, хотя в плечах куртка оказалась теперь тесновата. Но Владимир подозревал, что скоро ему будет не до куртки... Он достал вязаную шапочку, натянул ее на голову... Снова посмотрел на себя – и накатила тоска по дому. Он за свои пятьдесят лет не так уж часто надолго уезжал из дома и всегда знал, что вернется. А теперь? Он осмотрел дом, стены, теперь покрытые вагонкой и затянутые тканью, немного нелепую русскую печь, с чугунами и ухватом на фоне шелковых обоев и лакированного стола из вишневого дерева, потом перекрестился и решительно вышел на крыльцо.

Во дворе стояли восемь человек.

– А почему восемь? – посчитал Владимир.

Семен удивленно осмотрел его наряд и нехотя угрюмо пояснил:

– Один отказался. Говорит, на верную смерть не пойду. Мол, за те гроши он не подряжался воевать.

Остальные бойцы потупились в снег, ничего не говоря, но молча соглашаясь с командиром.

– Ну что же, он уволен. Я позабочусь, чтобы в гильдии узнали о его решении и больше не нанимали даже сортир охранять. Тем, кто остался, по окончании дела месячный оклад в виде премиальных.

Бойцы немного оживились. На их лицах появилось выражение надежды: дескать, а может, выживем? Ну не убьют же они всех? Может, поглумятся над лекарем да отпустят – и мы сыты-пьяны. Только Семен стоял нахмурившись – он понимал, что, скорее всего, живых не будет. Одного охранника они уже убили – это доказывало, что ни перед чем не остановятся. Первый ход был сделан, назад дороги не было.

– Так. Все готовы, значит, в путь. Садимся на возки, по четыре человека, и в дорогу. Луки приготовьте заранее, тетивы надеть. Стоп! Я сейчас кое-что прихвачу еще.

Владимир забежал в дом, откинул крышку сундука и достал нож, над которым он так долго трудился. Подумал-подумал – куда его засунуть? Прорежет все, что можно и нельзя – и решился, взял в руку, зажав рукоять, и выскочил обратно на улицу.

– Семен, чуть не забыли, оставь здесь одного. Вон, молодого самого. Пусть кроме Феклы никого в избу не пускает. До особого моего распоряжения. Семен кивнул молодому охраннику головой, тот повеселел и радостно соскочил с саней.

– Ну все, погнали! – Хлопнули вожжи, и сани легко покатались по набитой дороге...

Морозный воздух хлестал в лицо, а на голову норовили осыпаться с сосен снежные шапки, похожие на причудливые фигурки сумасшедшего скульптора. Если бы не серьезность ситуации, Владимир залюбовался бы расстилающейся прекрасной картиной. Вдали за деревней, засыпанной снегом, сверкала под зимним солнцем замерзшая река, которую местные называли Атиль. Над домишками, черными коробочками, вросшими в сугробы, поднимались вертикально струйки дыма...

Зимой у крестьян не было дела. Ну, кроме каких-то промыслов типа расписывания и вырезания посуды, плетения лаптей и так далее. Владимир читал об этом в литературе, и сейчас безупречная память тут же выдала ему строки из рассказов о жизни крестьян средневековья. Он задумался об этом, потом отбросил все мысли о крестьянстве и обратился к Семену:

– Слушай меня внимательно. Вы должны держать под прицелом лучников. Если они начнут садить из луков – тут же снимать их. В драку не лезьте. Основная задача – не дать им меня нашпиговать стрелами или прирезать Марьяну, понимаешь? У вас все владеют луками? Могут хоть попасть во что-то, или так, для красного словца таскают эти коряги за собой?

– Обижаете, господин лекарь, – нахмурился Семен. – Я не скажу, чтобы такие чудесники были, соревнований не выигрывали, но моя команда владеет всем доступным оружием профессионально. Уж с пятидесяти сажень попадут в человека, точно.

– Хорошо. Задачу я тебе изложил, сразу рассредоточивайтесь и держите на прицеле лучников. А там действуйте по обстоятельствам.

Они помолчали, сани втянулись в деревню. Она как вымерла. Не было видно не только людей, даже животные как будто куда-то подевались – собаки не гавкали, куры не кудахтали. «Может, постреляли?» – подумал Влад и выкинул из головы все это.

Наконец показалась церковь, с простыми покрытыми голубой краской куполами и облупленными стенами. Она была закрыта на амбарный замок. Насколько знал Владимир, из-за крайней бедности деревни и удаленности ее от крупных центров, служить в ней не хотел ни один из священников – кому нужен нищий приход. Сюда ссылали только провинившихся попов – поддающих горькую или бестолковых, кои в конце концов как-то выслуживались и переходили в более богатые приходы или просто сбегали неизвестно куда. Последний сбежавший еще и прихватил несколько каким-то чудом оставшихся серебряных окладов от икон. По слухам, он подался в разбойники. Среди них всякого народу хватало – от трусивших охранников до попов расстриг.

Площадка перед церковью была утоптана множеством ног – то ли захватчиков, то ли крестьян, собиравшихся тут на митинг. Сани остановились, и охранники накинута поводья на коновязь у церкви. По командам Семена воины рассредоточились, заняв удобные позиции за углами домов и сугробами.

Влад прошел дальше, заглянул за церковь – там стояла группа вооруженных людей, в центре ее он заметил выброшенного утром из клиники хама и рядом с ним связанную и явно сильно избитую Марьяну. Один ее глаз заплыл, а из ноздри к подбородку тянулась застывшая струйка крови. Влад спокойным шагом подошел к Марьяне и спросил:

– Ты как, жива?

Она посмотрела на него и медленно кивнула:

– Извини, Влад... подставила тебя.

– Да ничего не подставила. Щас узнаем, чего хотят. Эй, народ, вы чего от нас хотите-то?

Из группы людей спокойно вышел крепкий мужчина в кольчуге с наплечниками, увешанный оружием.

– Да вот, хозяина ты нашего обидел. Теперь он хочет твоей жизни. Лекарь, ничего личного, нам плевать на тебя. Но мы на службе, и он требует тебя порешить.

– Ну а какие-то есть условия? Ну, например, мы заплатим за обиду, вылечим вашего хозяина и разойдемся? Я не хочу проблем, вам они тоже не нужны, думаю...

– Да какие проблемы? – искренне удивился наемник. – Граф, что ли, будет за вас мстить? Так ему на фиг не надо связываться с нами из-за каких-то лекаришек. Закон? Да закон весь у него в кармане – куплен давно. Какие проблемы-то?

Владимиру стало противно – дежавю какое-то... Что в одном мире, что в другом. Там все куплено – и закон, и порядок – и тут куплено. Там закон охраняет интересы только имущих, и тут. Есть где-то вообще справедливость или нет?!

– Слушай, ведь Марьяна ему ничего не сделала и вам тоже, отпустите ее, и я останусь с вами. Зачем ее-то?

– Да так... еще начнет болтать, а то еще и мстить надумает... Все-таки маги, хоть и дохленькие, валить – так всех. И хозяин вон уже заждался... – Он показал на злобно бубнящего Микулу. – Еще какие вопросы есть? А то нам еще ужинать надо, а мы еще даже не пообедали. – Он демонстративно посмотрел на низкое зимнее солнце. – Да, забыл спросить: ты где такой наряд-то взял, может, окажешь любезность и снимешь его? Попортится ведь иначе... А так я тебя добром вспомню.

Бандиты рядом с ним заржали. Правда ведь, смешно вожак хохмит. Вот уж веселый атаман, да и классно с ним – и бабло есть, и бабы, и выпивка, – чего не жить-то?

– Слушай, командир. У меня встречное предложение, последнее. Я тебе предлагал выкуп, ты не согласился. Я хотел миром все порешать – тебе не надо. Тогда сейчас предлагаю самый что ни на есть последний раз: вы отпускаете Марьяну и уходите. И больше, чтоб я вас не видел. Если вы не соглашаетесь – вы умрете. Я доступно объяснил?

Вожак насторожился, он был опытным человеком и неплохо разбирался в психологии. Он видел, что лекарь не шутит. Может, как-то недооценил ситуацию? Что если в лесу скрываются бойцы? Не зря же этот человек так уверенно диктует свои условия... Потом подумал: да не должно быть. Наблюдатель на колокольне сразу подал бы знак. Блефует. Да, блефует.

– Я вынужден отклонить твои условия. Пора умирать. А потом мы еще разок позабавимся с бабулькой...

Еще? У уродов хватило совести изнасиловать Марьяну? Извращенцы.

Владимира охватила ярость, и он шагнул в сторону бандитов, сжимая нож... Мечи и сабли выскочили из ножен, и разбойники напали на лекаря.

Время опять замедлило свой ход...

Владимир видел, как смешно и медленно опускает свою саблю на него главарь – он пропустил ее рядом с плечом и, сделав шаг, нанес секущий удар молекулярным ножом по лицу противника... Нож проскочил сквозь голову, как сквозь воздушный шар, залил его и площадку вокруг кровью. Удар вбок – другому... Развернулся, уклонился от катаны – отрубил ножом занесшую ее руку. Обратным движением снес чью-то голову, и она покатилась по утопанному снегу, как волейбольный мяч... Шаг, удар – труп... шаг, удар – труп...

Это напоминало уничтожение манекенов из пенопласта. Они разрушались так легко, как будто были изготовлены из хрупкого и нежного материала. Сзади что-то врезалось под лопатку, он даже не обернулся, убивая двух противников перед собой... Уворот – распоротая кольчуга, кровь фонтаном, заливая глаза, протер – иначе не видно: падает Микула со стрелой в башке. Крикнул Марьяне:

– Отбега-ай!

Она, с ходу сообразив и во время удачно распутав веревки, направляется к церкви, петляя на бегу. Вдруг у нее сзади вырастает из спины «хвостик»...

– С-суки! Стрелой жажнули!!!

Некогда – потом разберемся. Надо этих сперва добить... Удар, уклон – труп... Площадка просто залита кровью, как на бойне. Упали еще двое со стрелами.

«Наши стреляют», – мелькнуло где-то на периферии сознания. Уклон – труп, рука отпала вместе с плечом и еще дергается, сжимая клинок. Удар – споткнулся о какие-то останки, упал назад... Удар саблей – защитился рукой. Пробить «кевларовую» рубаху – шалишь! Вскопил – распорол чье-то брюхо... Еще удар, еще... Замер – тихо. Осмотрелся, как волк, вокруг никого... Все лежат, груда тел... некоторые со стрелами в спине или плече вяло шевелятся. Подошел – рубанул ножом по шее, одного, другого... чтоб не ворочались. «Я вам предлагал жизнь, а вы смеялись».

Владимир подбежал к церкви. На земле, близ стены, лежал лучник, видимо свалившийся откуда-то сверху. Похоже, это его стрела ударила под лопатку и висит, застряв в куртке наколечником, хорошо, что не в башку целил, иначе бы могло гораздо хуже все кончиться.

Поблизости Марьяна – дышит, слава тебе, Господи. Схватил ее на руки, такую невесомую – то ли от возбуждения сил прибавилось, то ли просто реально гораздо сильнее стал, скорее всего, и то и другое. Положил ее на сани, осмотрел, вырвал резким движением стрелу. Она вышла из спины вместе с кусочками живой ткани. Рана пузырилась кровью.

«Я что, не маг, что ли?! Не отдам, сука с косой!» Руки на Марьяну – Сила заструилась, кровь сразу остановилась. Вот поврежденное легкое – срастается, срастается... есть! Теперь удалить кусочки ткани из раны – ножом, – есть, сделано. Нестерильно... Кровь нагрелась до температуры пастеризации и уничтожила попавших в нее микробов. Не свернулась. Славно. Поехали дальше: края раны стягиваются, стягиваются... Когда я успел ввести ее в транс и сделать обезболивание? Вроде все...

Осмотрим дальше. Так-с, начинающаяся язва – удаляем... Хе-хе, тело формируем, формируем – есть, как у Водяновой! Лишние отложения с бедер, живота – долой. Мешки под глазами – убираем, синяки, порезы, разрывы... ну-ка Силы даванем по полной! Давай, давай, давай, качаем! Упс, вот уже и не старушка, а резвушка. Лет на тридцать пять выглядит, не больше. Ай да я, ай да сукин... хм, так, маму не трогать!

Теперь можно клинику открывать – не желаете ли под Лоллобриджиду? А под Мерилин Монро? Да запросто, лягайте, дамочка! Шутки шутками, а пора заканчивать... Те-е-екс – а что это у нас? Это не канальчик ли у нее к реке Силы? А ну-ка его попробуем расширить... та-ак... та-ак... ну хватит. Он уже стал раз в пять шире. Ай да я! Великий и ужасный Гудвин! Черт, а морщины с лица! Упс, разгладилось личико, а что – неплохая красотка стала. Ну что, пора просыпаться, красотка!

Владимир провел над Марьяной рукой, и та недоуменно открыла глаза:

– Я что, на том свете? Вряд ли. Твоя рожа опять тут, значит, я на Мире... – Она потянулась, чтоб сесть, но что-то ее насторожило. Марьяна легко перелетела через борт саней и замерла: – Ты?! Черт возьми, я уже давно не чувствовала себя так хорошо... я уж думала, что мне каюк. – Марьяна потянулась к Владу, обхватила его руками и зарылась на груди. – Спасибо... Я знала, что ты меня не оставишь. А где эти уроды? Они так измывались надо мной... Я много прожила, и не все годы были хорошими, всяко видала, но эти падлюки... – Она всхлинула, потом успокоилась и вытерла рукавом тулупа глаза. Рукав был весь в крови – то ли в ее, то ли в крови бандитов – и на лице остались разводы, как будто боевая окраска индейцев.

Влад хотел вытереть ей лицо, но так и не нашел у себя ни одного чистого клочка одежды. Все было покрыто кровью. Ему стало противно, даже немного затошнило, потом он справился со слабостью и зашагал к месту бойни. Бойня – иначе не назовешь!

Площадка у церкви диаметром метров в десять была залита кровью, трупы лежали так, как будто сама смерть косила их своей страшной косой. Бойцы охраны клиники уже собрались к саням, двоих из них тошнило. Семен презрительно посмотрел на них, хотя сам был довольно бледен, и доложил:

– Ваши приказы выполнены, уложили четырех лучников, потерь нет – четверо раненых, стрелами. Жизни ничего не угрожает – выживут. Он смотрел на Владимира, как преданный пес на хозяина, в его глазах лекарь вырос из простого врача в былинного Илью Муромца.

Владимир про себя усмехнулся. Не дай бог, стрела попала бы в голову – смог бы он выжить? А если бы и выжил, остался б самим собой? Не-ет, надо что-то делать. Шапочку, что ли, вязаную сделать «кевларовой»? Другой раз вряд ли так повезет. Впрочем, а чего дергаться? Кости-то усилил. Все кости, а значит, и черепа тоже. Не пробили бы. В глаз? А глаз защищен броней. Уши? Ага, вот тут моя ахиллеса, над этим надо подумать. Ушное отверстие – вот доступ к мозгу. Ноги? Ну и что ноги – кости не сломают, а мясо восстановится. Ресурсов хватит. Чтобы меня убить, надо месяц на костре жечь. Но мы об этом никому не скажем... Он улыбнулся и подмигнул самому себе.

Бойцы с ужасом смотрели на него, видимо выглядело это страшно – подмигивающий, залитый кровью с ног до головы монстр, в изрезанной, висящей лохмотьями одежде... Ну да ладно – в куртке все равно дырка была. Он опять засмеялся, потом приказал:

– Семен, раненых давай в сани, сейчас мы ими займемся. Трупы раздеть, одежду, оружие, ценности – все сюда же. Бойца пошли к крестьянам, пусть воды принесут, я умоюсь, а то весь как свинья. Давай, давай, быстро, побежали! – Влад хлопнул в ладоши, и люди забегали, задвигались...

Из домов стали выползать крестьяне, испуганно оглядывая место битвы. Владимир их прекрасно понимал – мирные люди, привыкшие к спокойной устоявшейся жизни, где самые большие невзгоды – неурожай или недовольство управляющего, а тут такие волнения.

Марьяна уже занималась ранеными. Двое охранников побежали помогать собирать трофеи...

Крестьяне притащили теплой воды, Владимир стал с фырканием умываться, разбрасывая брызги, и на морозе от его разгоряченного мокрого тела шел пар.

Появился староста, испуганно спросил:

– Не желательно ли господам что-то еще?

Влад попросил принести тулуп, пообещав заплатить за него, и вскоре он уже кутался в почти новую крепкую дубленку.

Через полтора часа все было окончено. Обнаженные трупы лежали на площади, а сани были забиты барахлом. На них посадили возчиков, остальные уселись на коней разбойников, привязав оставшихся без наездников цепочкой друг за другом, как караван. У коновязи остались только два скакуна – для Влада и Марьяны.

Когда караван скрылся за поворотом, на площади стояли только кучка крестьян да двое целителей. Владимир обратился к собравшимся:

– Идите все по домам, А вас, староста, я попрошу остаться... – Он усмехнулся: «Штампы так и прут, цивилизация есть цивилизация, это уже в крови». – Вот что, Селифан, – обратился он к старосте, – никому ни слова о том, что тут случилось, понимаешь? Будете болтать – попадете в беду. На вот тебе, за тулуп... и услуги. – Влад сунул в руку старосты золотой. – Иди домой и скажи, чтобы никто не высывался до темноты. Все ясно?

– Ясно... Чего уж там неясно-то? Не болтать. – Он кивнул и скрылся за дверью самого большого дома, что стоял рядом с площадью.

– Марьяна, возьми лошадей в повод и жди меня у околицы. Давай, давай, быстренько, – Он нетерпеливо прикрикнул на нее и потопал ногами по земле, сбивая налипший на валенки снег.

Марьяна удалилась уже метров на сто, тогда он повернулся к ней спиной и вытянул руки по направлению к куче трупов... Ему показалось, что кто-то пошевелился и застонал... Владимир вздрогнул, опустил руки, а потом опять поднял, сказав: «Да какая разница?!», сосредоточился... и между его ладонями заметалось яркое пламя, вспыхнул свет... Казалось, что прямо из них вылетел огромный шар пламени, фэйербол размером метра полтора в диаметре.

Трупы, находившиеся на пути сгустка огня, просто испарились, превратившись в легкий белый пепел. Еще фэйербол, еще, еще... наконец на площадке осталось сухое выжженное пятно, покрытое серым, кружащимся под ветерком, пеплом.

Лекарь повернулся и пошел к лошадям. То, что он сделал, было необходимо, он знал это. Но никто не говорил, что он должен был от этого испытать удовольствие. Честно говоря, его тошнило. Одно дело читать о подвигах всяких там героев в книжках, а другое – видеть своими глазами эту бойню, нюхать кровь... Об этом как-то в приключенческих книжках не любят писать. Он взгромоздился в седло – стремяна оказались слишком коротки для него, но делать что-то было неохота и, толкнул коленями коня, с готовностью рванувшего вперед, домой...

Дорогу к дому он не запомнил, да и как-то все равно было – голова лошади со спутанной короткой гривой развевалась впереди, она шла крупным шагом, подбрасывая его на спине. Владимир приноровился к ритму, привставая в стремянах, как заправский всадник. Марьяна только удивленно поглядывала на него. Наконец не выдержала:

– Откуда выучился ездить-то?

– Марьян, я работал два сезона в горах, геологом, вот там и выучился ездить на лошади, – усмехнулся он. – Ну, геологи, это такие люди, которые ищут руду всякую, типа рудознатцы. У вас есть такие?

– Есть, да. Так и зовутся – рудознатцы. Там в основном магии. А как же вы могли чего-то найти, не владея Силой?

– Ну как? Есть методики. Людей годами учат этому. Я вот учился восемь лет. Не все так просто.

Марьяна уважительно глянула на Влада.

– Так ты, значит, рудозналец?

– Да нет, был. У нас не все, кто учился на кого-то, именно тем и работают, на кого учились. Жизнь по-своему всех переделывает. Да ладно. Хватит об этом. Ты вот скажи, теперь ты молоденькая, надо тебе мужа искать?

Марьяну передернуло... Она глухим голосом сказала:

– Похоже, я теперь не скоро на мужиков захочу смотреть... Ты знаешь, что они со мной делали?

– Догадываюсь. Фантазия подонка безгранична. Забудь. Они получили по заслугам. Ты теперь здоровее, чем была раньше. Физически. А с душой я ничего сделать не могу. Хочешь, чтобы я стер воспоминания? Хочешь? Я серьезно спрашиваю.

– Я догадываюсь, что сможешь... Но не надо. Я переживу.

– Правильно. Один человек в нашем мире написал: «Все, что нас не убивает, делает нас сильнее»². Вот и ты стала немножко сильнее. Кстати, о Силе – ты ничего не заметила?

– Заметила. Как ты сумел? – Марьяна с любопытством посмотрела на него. – Прямо на санях... Силен!

– Сам не знаю. Как обычно. Захотел, волевое усилие и – ап! – готово. Не пойму, а почему никто так не делал раньше? А какая разница – на санях или в горнице – главное войти в транс и Силы иметь побольше. И что, никто не смог таким образом поднять свой уровень?

– Влад, ты такой наивный, или притворяешься? Я вот смотрю на тебя и думаю: ну как не от мира сего, могучий, здоровый, красивый...

– Да, да, говори, говори, все верно, – захихикал Влад под слова Марьяны.

– ...И глупый как пробка!

– А вот и не согласен! Неправдычка твоя!

Они рассмеялись, и Марьяна продолжила:

– Ну вот есть, к примеру, какой-то магик, сильный, ну навряд тебя. Он может проделать такую штучку с другим магом, ну назовем его Васей Пупкой...

Влад закашлялся и стал ржать в голос, Марьяна удивленно посмотрела на него и спросила:

– Чего ты? Ну имя как имя...

– Да ну так... У нас тоже, как что – Вася Пупкин. Так и поверишь в соприкосновение миров. Ну продолжай, извини.

– Ну так вот, может он сделать этого Васю Пупку магом, – она подозрительно покосилась на Влада, но тот ехал с подчеркнуто невозмутимым лицом, – почти равным по силам себе? Ну или послабее, как получится. Но гораздо выше его, Пупки, уровня. И зачем ему это делать? Вот он сейчас один такой. К нему обращаются, пользуются услугами, он лечит и делает амулеты. И вдруг появится такой же магик, который отберет у него пациентов, переманит их. Может, будет даже брать дешевле, а тот останется без клиентуры, а ему это надо? Как ты думаешь?

– Да я все понял давно... Слушай, одна мысль мне не дает покоя: а у вас есть магические дуэли? Кто-то может вызвать меня на дуэль, магическую дуэль, или нет? Я могу бить мага магией?

– Ну тут вопрос слишком общий... Начнем вот с чего. Если на тебя нападет магик – ты имеешь право защищаться как умеешь. Вина на нем. Если ты напал на него и победишь – тебя осудят... Ну, в зависимости от обстоятельств – может, ты защищал кого-то важного. А коли проиграл – судить некого. Если ты зарегистрирован в гильдии – а при этом выдается специальный знак – то другой гильдиец может вызвать тебя на магическую дуэль. Но ты можешь отказаться. За штраф в тысячу золотых. И вызов может быть сделан раз в сутки. Понимаешь? То есть тебя могут просто затюкать вызовами. Тут есть одно но: ты можешь иметь статус, при котором штрафовать тебя не будут, за отказ, но при этом ты приобретаешь подчиненное положение и заплатишь в гильдию семьдесят процентов своего дохода.

– Слушай, это же чушь какая-то, как могли принять такой закон? Разве не видно, что он выгоден только главам гильдии, самым сильным магам, которые явно заключили между собой договор о ненападении?

– Да вот приняли, – грустно улыбнулась Марьяна. – Ты думаешь, зря я засела в глуши и зарабатывала гроши? погоди, еще и до нас доберутся... До столицы далеко, но слухи расходятся быстрее молнии. Пока они все думают, что это я вдруг стала лечить всех так хорошо. В столицу мы не лезем, но как наш уровень вырастет, пойдут богатые клиенты, вот тут и будет

² Изречение принадлежит немецкому философу Ф. В. Ницше.

дело. Остается надеяться, что до тех пор мы наберем и Силы, и денег. Да и далеко они от нас – не все поедут из столицы, чтобы проверить слухи, кто это там лечит так хорошо...

– Марьян, может, нам вообще отказаться от пластических операций? Чтобы никому не интересны стали? Только вот они приносят больше всего дохода, жалко как-то...

– Жалко. Да и поздно уже. Притормозить немного, может, да не брать особо сложных. Ну там уши поправить, или нос, больше не трогать тела. Чтобы особенно не афишировать умения. Ну да ладно. Позже подумаем. Надо вначале отойти от этого дерьма, что случилось... Потом, все потом. А сейчас в баню...

Они подъехали к клинике, их встретили охранники, которые помогли спешиться. Целители устало прошли в избу, отдав распоряжение натопить баню и наносить воды. Уже смеркалось. День, такой грязный и нервный, закончился.

Глава 4. Клиника

Владимир и Марьяна сидели, откинувшись на спинки стульев в своей избе, ожидая, когда протопят баню – Влад настоял, чтобы баня была построена в первую очередь и топилась по-белому, ему надоело мыться из кадушек, хотелось как следует попариться. Он и в прежней жизни любил расслабиться в бане, хотя это и редко удавалось: в сауны ходить дорого, да и когда он мог себе это позволить, времени не хватало. К тому ж как-то неприятно было париться в сауне, зная, что до тебя тут побывали сотни проституток и их клиентов.

Хорошо бы после бани пивка хлебнуть... Пиво он любил, но тут под названием «пиво» подавали нечто похожее на «Балтику» девятка или «Золотую Бочку» крепкое, пить такую бурду ему было противно – он пил не для того чтобы нажраться, а для удовольствия, потому просто ограничивался горячим чаем.

Наконец Фекла сообщила, что баня протоплена, и компаньоны прервали вяло текущий разговор на тему хозяйства, огорода, построек на территории клиники и жизни вообще. Важные вопросы обсуждать не хотелось, на обоих после недавних нервных перегрузок накатило душевное опустошение.

Владимир приказал Фекле собрать ему чистое белье, полотенце и, накинув тулуп, сунул ноги в обрезанные валенки, использовавшиеся им для того, чтоб выбежать на улицу. Подумал еще и нацепил треух. «После бани с мокрыми волосами идти... – засмеялся про себя. – Человечек, устоявший против нескольких десятков вооруженных бойцов, боится простуды. Да что это со мной, я же закрытая система, нарушить мой баланс здоровья практически невозможно!» Он сорвал треух и кинул его в угол.

На небе высыпали звезды. Владимир поднял голову и стал искать знакомые созвездия, но вдруг поняв, что он подсознательно ищет спутники, обычно катящиеся по небу, как блуждающие шарики. Рассмеялся – откуда тут спутники?! – затем погрузился: он не мог узнать ни одного созвездия, все изменилось... Вернее, это для него все изменилось, а тут осталось прежним. Когда наши миры разошлись? Он подозревал, что это произошло после какой-то глобальной катастрофы, возможно, после удара огромного планетоида или метеорита. На Земле после этого вдруг вымерли динозавры, а тут... а кто знает, что было тут? Палеонтологов тут не было, археологов тоже, кто мог сказать, что было в прошлом? Почему тут люди могли пользоваться магией, а на Земле нет? Почему там жизнь пошла по технологическому пути, а тут нет? Почему материки отличаются друг от друга? Почему земной год длится триста шестьдесят пять дней, а здешний пятьсот? Если это все же другая планета, то она медленнее оборачивается вокруг светила, потому и год длиннее, а если нет... Почему так случилось? Ох уж эта извечная манера русского человека задавать вопросы, на которые нет ответа...

Он усмехнулся и шагнул в натопленный предбанник. Баня встретила его сухим теплом и уютом. Влад разделся догола, открыл дверь парной и шагнул в сухой, пахнувший распаренным веником жар. Парное помещение было довольно большим, пять на пять метров – на этом тоже настоял он, не желая тесниться в каких-то клетушках, сгибаясь, как зародыш в чреве, чтобы сэкономить несколько чурбаков дровишек. Баня должна быть баней, а не собачьей конурой, заявил он при постройке, и первоначальный проект расширился раз в пять. Влад залез на верхний полоч, откинулся к нагретой стене, обжигающей, как раскаленная батарея центрального отопления, потом притерпелся и замер, впитывая сухой жар... Через несколько минут его кожа покрылась капельками выступившего пота, блестящего в ярком свете магического светляка, как дождевые капли на листе лопуха.

Неожиданно открылась дверь в предбанник и в парную вошла Марьяна. Она спокойно воззрилась на сидящего Владимира, внимательно осмотрела его и, хмыкнув, сказала:

– Да, хорош. Мечта бабья. Даже у меня чегой-то зашевелилось...

Влад хотел схохмить по поводу того, что там у нее могло зашевелиться, да вспомнил и осекся. Надо воздерживаться от всего, что может напомнить ей о часах насилия. Марьяна забралась наверх и тоже замерла, закрыв глаза, потом медленно сказала:

– Ну что рассматриваешь... По бабе соскучился, что ли?.. Старушкой-то я тебя не шибко интересовала... – Она протянула руку и неожиданно просунула ему между ног, ухватившись за сокровенное. – Помочь, что ли?

Влад сразу возбудился. Ну мыслимо ли оставаться спокойным рядом с довольно симпатичной голой женщиной, притом беззастенчиво его возбуждающей? Тут он вспомнил о том, что внутри Марьяны плещется коктейль из смеси нескольких десятков видов семени, ему стало противно, и у него сразу все опало.

– Не хочешь меня? А, поняла, не смущайся. Я сама понимаю, что сейчас я грязная. Брезгуешь... Поглумились, уроды. Ну, может, я по-другому помогу как-то? – И она начала медленно гладить и массировать его плоть.

– Марьян, да ладно тебе... Как говорят у нас бабы, отпихивая мужика от себя: «Давай останемся друзьями». Тебе и так досталось сегодня, не будем уж тебя мучить. Отойдешь – вернемся к этому вопросу... если захочешь. – Он погладил ее по спутанной гриве волос, Марьяна неожиданно зарыдала, обняв его и уткнувшись в литое плечо. Он поглаживал ее по голове, держа за вздрагивающие плечи, наконец, всхлипывания кончились, и она опять откинулась к стене, расслабляясь в горячем воздухе.

Через минут пятнадцать, когда, после третьего ковшика воды, выплеснутого на раскаленные камни, уши начало сворачивать в трубочку от жара, они перешли на нижнюю полку, набрали в деревянные ушаты горячей и холодной воды и начали мыться. Марьяна попросила намылить ей спину, что Влад сделал с удовольствием, попутно рассматривая ее тело, как художник картину, после окончания сеанса рисования. То, что он увидел, в общем-то, ему понравилось, хотя можно было бы и получше. Он повернул женщину к себе лицом, поводил намыленной грубой тряпочкой по ее торчащей, как у топ-модели, груди, по плоскому животу... Марьяна, не открывая глаз, сказала с нарочитой обидой:

– А чего сиськи-то мне такие маленькие сделал, пожалел для друга?

Влад, не выдержав, захохотал:

– Да я тебе самые лучшие приделал, от супермодели нашей, Водяновой! Что, надо было вымя коровье, что ли?

– Ну не вымя, а побольше...

– Ага, – опять хихикнул Влад, – мужики любят баб с выменем, а бабы мужиков с членом как у жеребца... и все врут. Хм, может, у вас тут правда другие вкусы? Интересно, кого староста пришлет мне? Как ты думаешь?

– Да ну кого? Кого похуже, кто не особо ценится у тамошних мужиков. Вот и посмотришь, кто им там нравится. Конечно, совсем уж уродок-то не пришлют – с заячьей губой или безногих, но и ничего хорошего не жди. Ты вспомни рожу Селифана, он лису три раза обдурит.

Влад задумался...

– Марьян, слушай, давай я тебе одну штуку в организме сделаю...

– Какую штуку?

– Ну, я себе сделал... когда телу наносится травма, оно автоматически заживает раны. Я попробовал на себе – работает. Только сразу надо тебя отладить как следует, доработать тело, потому что потом вмешаться в него будет трудно, кроме меня никто не сможет, оно будет стремиться восстановить равновесие. Даже забеременеть, если захочешь, ты сможешь только после того, как заклятие будет снято. Организм просто рассосет плод, если он появится, понимаешь?

– Понимаю... – Она подумала и меланхолично вылила на себя ковшик воды из ушата. – Интересно, конечно. Расскажешь мне потом, как сделал?

– Расскажу... Только сможешь ли повторить такое – не знаю. Ну, может, через несколько лет, когда Силы побольше наберешь. Тут суть в чем: на такое замыкание организма уходит очень много Силы, половина моей ушла, а если прервешь процесс – преобразование разрушается, связи теряются, и все приходится начинать заново. Да еще и навредить можно... осторожно надо. Так что с кем-то еще не пробуй. Да я думаю, ты прекрасно все понимаешь – все-таки старше меня на семьдесят лет... тьфу! Все время забываю, какая ты старая развалина...

– Ах ты, скотина! Отрастил себе одно место, так теперь думаешь, девушку оскорблять можешь?! – Марьяна засмеялась и несколько раз хлестнула Влада горячим веником по спине. – Я что, не вижу, что отрастил, охальник. Я-то помню, что было, все-таки ухаживала за тобой!

– Я охальник?! Да ты сама охальница – так и разглядываешь неприличные места! Только и думаешь о них, бабка хренова! – Они закатились в смехе, начали плескаться друг на друга из ковшиков, балуясь как дети, наконец успокоились и закончили мыться, смыв с себя пену.

Надо сказать, что мыло в этом мире было неплохое, его варили в специальных мастерских, мыловарнях, и оно было разное – от дешевого, для крестьян, до самого дорогого, с добавлением травок, ароматизаторов – лечебное. Влада даже удивило разнообразие и прихотливость различных сортов мыла. В нетехнологичном мире, где о гигиене – в том смысле, как ее понимали на Земле – знают постольку-поскольку (даже трусов люди не знают, о чем тут говорить), производят так много сортов мыла.

– Так. Ну давай уж, начнем... – Влад встал и пошел к предбаннику. – Я открою дверь туда, а то жарковато, даже на нижней полке – сосредоточиться невозможно. – Он поднял кадку и смыл с полки пену и листья от веника. – Ложись на спину и расслабься.

Марьяна плавно и медленно опустилась на спину, закрыв глаза. Владимир провел рукой над ее головой, погружая в транс, и сосредоточился на ощущениях Силы. Тело женщины засветилось аурой, с всполохами розового, белого и красного цвета.

– Та-а-ак... чего тут у нас красное? Ага – дырка в зубе. Ну да, я заметил, с зубами в средневековые засада, даже у целителей. Впрочем, а чего удивительного: зубы, как и кости, с трудом поддаются воздействию. Ну-ка... Ага – полезли. Старые зубы долой... – приговаривал он, – посыпались... Так, стряхнуть их, а то подавится еще не дай бог. Волосы – седину долой... Ах, зараза, красишь, оказывается? Магическим зрением-то видно, а так и не заметить. Грудь? Ну на тебе, третьего размера, получи! Сейчас я тебе свинью-то подложу... Так... печень активизируем, почки... установка на гиперактивность. Упс! Теперь ты хоть литр самогона выжри. Ну и яды теперь тебе не страшны – организм сразу выкинет, разложит их прямо в печени. Теперь ноги. Пусть подлиннее будут, кальций из суставов вон, сосуды почистим... Что еще? А, сейчас я тебя удивлю – глаза серые станут зелеными! Ну ты же ведьма, тебе положено. Сделать светящиеся? Нет, заметно слишком, это перебор. Добавим способность видеть в темноте, далеко... так, есть! Слух? Ну, чуть добавим... Кстати, надо и собой заняться – слух и нюх улучшить. Что еще? Ну-ка еще расширим канал к реке... Сопrotивляется, гад. Ну много не будем – в два раза пока что. Кости, связки укрепляем, нервы... нервы укрепим... Мышцы посильнее сделаем – другой раз, может, сама из передрыги выберется... Не дай бог другого раза! Фигурку улучшим... ага, хороша. Все... Ан, нет! Сейчас я тебе хохму замастрачу... гы-гы-гы... Есть! Вот теперь все. Просыпайся, спящая царевна!

Марьяна открыла глаза, медленно села на полок, посмотрела на руки, на ноги... Ей явно нравилось то, что она видела.

– Что-то я есть хочу, будто месяц не ела, аж трясется все. – Она потянулась, приподняв увесистые, совершенной формы груди третьего размера, вызывающе торчащие вперед. Картина была впечатляющая.

– Ну вот теперь более-менее сиськи... А то сделал пупыры какие-то. Эти глаз радуют.

– Жрать хочешь. Ясно дело – организм ресурсы тратил, строить-то из чего? Так, хватит тут сиськами трясти, давай попарь меня веником, потом пойдем чай пить. – Влад закрыл дверь

в предбанник, зачерпнул ковшиком воды и осторожно плескнул ей на раскаленные камни. Пар, поднявшийся туманным языком, окутал людей...

– А-а-а!.. хорошо! Давай, давай похлещи меня, ленивая баба! – Влад хихикнул и влез на верхний полук, улегшись на живот... Марьяна продолжала рассматривать руки, плечи, опустила голову и обернулась назад... посмотрела вниз.

– А это что такое?! Ах ты, поганец, ах ты охальник! Я тебя щас попарю, засранец! Щас, щас попарю скотина ты эдакая! – Марьяна с хохотом схватила веник и стала сплеча хлестать Влада по плечам, заду и ногам, да так, что листья разлетались... Влад взвыл:

– Э-э-э! А-а-а! Ты, фурия хренова! Осторожнее, вышибешь из меня дух-то, я тебе Силы добавил!

– А на фига было вытворять такое?!

Влад поглядел на лобок Марьяны и заржал, уткнувшись в руки – там виднелась фигурка беса, с хвостом и высунутым языком – он вспомнил картинку из интернета и перенес ее на тело Марьяны в виде интимной прически. Он уткнулся в ладони и с удовольствием ощущал удары раскаленного веника по своему телу. Потом он попарил Марьяну, разомлевшую от жара и вольготно расположившуюся грудью вверх.

Через час они сидели за столом и прихлебывали горячий ароматный напиток. Марьяна задумчиво смотрела в маленькое окошко с мутноватым стеклом – здесь не знали проката больших прозрачных стекол, технологии такой не было.

– Странно так... Я сто двадцать лет прожила без тебя. Ты ворвался и все изменил. – Она взглянула на него грустно. – Уж не знаю, к лучшему или к худшему... Все-таки, наверное, к лучшему. Мне стало интересно жить. Честно сказать, я уже превратилась в какое-то животное... Есть, спать, есть-спать... И так годы, годы, годы... Ты вообще-то думал, что дальше будешь делать? Ну вот, у нас много денег. Ну и что? Что дальше?

Владимир тоже задумался...

– Ну, пока моя задача – добиться стабильности, чтобы не надо было думать о деньгах, о будущем, чтобы всегда был кусок хлеба... и лучше с маслом. Потом, когда появится время, буду думать, как вернуться в свой мир. Я пока не знаю, как это сделать – мне надо читать книги, общаться с опытными сильными магами, если они захотят со мной общаться. А чтобы заохотели, надо набрать силу, и магическую, физическую... и финансовую. Понимаешь? – Марьяна покивала головой. – Во всяком случае теперь я знаю, что проживу безбедно, даже если не получится вернуться домой. Ну, по крайней мере, буду зарабатывать интимными прическами.

Компаньоны посмеялись, а Марьяна бросила во Влада надкусанным бубликом:

– Охальник!

– Я хочу превратить нашу клинику в большой медицинско-магический комплекс, сделать так, чтобы мы только надзирали за процессом и могли оторваться от собственно лечения больных, высвободить время для исследований и обучения. Давай теперь рассудим, как это сделать? Земля принадлежит графу. Как приобрести на нее право собственности? Проясни мне ситуацию.

– Влад, вот тут дело худо... Землей в нашем государстве могут владеть только дворяне. В любой момент граф имеет право приказать выгнать нас со своей земли, и мы ничего не сможем поделать. Мы не можем купить землю, продать ее, произвести с ней какие-то другие деяния. Только аренда, по усмотрению владельца. Не знаю, как у вас, но у нас дворяне – это все.

– Хорошо. Или вернее – плохо. Теперь поясни мне, как можно получить дворянский титул. Его можно купить?

– Хм-м... вопрос интересный. Теоретически титул купить можно. Но к титулу как ты приделаешь землю? Ну пришел ты к графу и говоришь: «Я барон Пипиркин, хочу купить участок вот тут». Он сразу заинтересуется: а кто ты такой, а зачем тебе участок? Ага, можно содрать втридорога. А лучше, вообще не продавать, Тут ведь все уже устроено, так пусть пла-

тят с доходов годы и годы, а то еще лучше – арендную плату им сделать такую, чтобы хватало на охоту, пиры, роскошные выезды... Ты понял, Влад? Так обложат, что ни вздохнешь, ни... ну ты понял. Есть еще способ – усыновление, к примеру. Или женитьба. Но родовитые только в сказках женятся на безродных.

– Даже если безродные богаты, а родовитые нищи?

– М-да, соображаешь. В этом что-то есть. Ты мужчина видный, магик, бабы на тебя вешаться будут. Возможно, и найдется обнищавшая родовитая семья, которая захочет выдать за тебя их дочку, в обмен на круглую сумму золотых... Но на это надо много денег. Это речь о сотнях тысяч. Здесь таких денег не заработаешь. А если здесь их не заработаешь без расширения дела, то как только ты это дело расширишь, налетят и все отнимут. Тогда зачем его расширять? Чтобы заработать... Сказка про мочало – начинай сначала. Не знаю, что делать.

– А если в столицу податься, вступить в гильдию?

– А кто тебя туда примет? Ты обучался в школе магиков? Я обучалась. В заштатной, но обучалась. Вот, гляди... – Марьяна пошла к себе в закуток и принесла плотную желтоватую бумагу с красной мастичной печатью... Владимир почувствовал это: печать была тронута Силой, подделать ее было невозможно, у нее имелась своя аура. – Видишь? У каждой такой печати есть своя аура, которую по цветам отличит любой знающий магик. Есть таблицы специальные, по которым можно отследить, где учился каждый из магиков.

– Не верю, что нельзя купить такой диплом. Только не говори, что все тут такие неподкупные и костью лягут – не выдадут диплома за полновесные золотые.

– Хм, ну да... я слыхала о подобном. Кстати, в той школе, где я училась, директрисой моя троюродная тетка Марина... Надо будет встретиться и с ней, поговорить. Это в Лазутине, пятьдесят верст от нас. Надо поехать туда и пообщаться. Недельку, не меньше, займет. День туда, день обратно, да там три-четыре дня надо будет прожить, пока документы сделают. Не знаю, сколько она запросит, обучение в школе стоит тысячу золотых, я десятки лет пахала, пока не отработала свой диплом, а вот сколько запросят за такой же, но без обучения – это вопрос.

– Да ну, клади сразу раз в десять-пятнадцать больше, не ошибешься.

– Скорее всего, да. Марина жадновата... Надо будет одеться похуже, да лицо состарить, а то ты из меня сделал девчонку. Иллюзию накладывать нельзя – она сразу разоблачит, магичка она посильнее меня... той, что до улучшения. Да, вот еще что, ты можешь притушить мою ауру, чтобы нельзя было понять, что у меня сила увеличилась, а то ведь сразу видно, что сияю? На тебя так смотреть нельзя магическим взглядом – сверкаешь. Аж глаза режет. Тебе тоже стоит подумать о том, чтобы притухнуть, мало ли кто к нам завернет. К чему дразнить гусей.

Владимир молча мотнул головой, соглашаясь, посмотрел на Марьяну и, включившись в ее систему, пожелал, чтобы ее аура приглушила свечение до того уровня, который был в начале их знакомства, но без ущерба для организма и изменений в структуре ауры. Пришлось часть высвободившейся энергии сразу направить обратно в магический узел. Такую же процедуру он провел над собой, причем уже быстрее.

Марьяна кивнула:

– Вот теперь ты нормальный деревенский лекарь, а то, не дай бог, кто из магиков завернет сюда, поглядеть, что там за костоправы людей собирают. А тут магистр сияет как солнце. Понимаешь, какая система: фактически я тоже плачу гильдии магиков, только не напрямую, а платя графу, я же на его землях живу. Если бы я жила на землях, принадлежащих императору, я бы платила в гильдию. Я дипломированная магичка, я могу нанимать себе помощников, и я уже плачу за них, они не платят. То есть я как начальница нанимаю себе подчиненных и отвечаю за них. Тебя не могут вызвать на магическую дуэль или обвинить в работе без регистрации – я зарегистрирована. А ты уже работаешь на меня. Без меня самостоятельно ты работать не можешь – сразу выжгут. Ну вот так вот. Плохо то, что, как ты справедливо сказал, у меня нет официального письменного договора с графом и статус земли, на которой я живу, тоже

не определен. Раньше меня это мало волновало. Что, я не смогу один-другой золотой заработать? Подхватила да ушла, если не понравилось. Но сейчас... большое хозяйство, налаженная практика – жалко терять. Ладно. Надо не сразу, а шаг за шагом – вначале тебе сделаем диплом Лазутинской магической школы, а потом будем думать, как дальше жить. Поеду я через два дня, как раз дороги после метели раскатают, долечу мухой. А за эти два дня посмотрим твоих будущих наложниц, уж больно мне тебе отомстить хочется за чертика. Поизмываюсь всласть, ну не могу же я упустить такую возможность! Посмотрю, каких коряг Селифан тебе притаранит... хе-хе-хе... – Марьяна захихикала, поддержанная Владом...

– Ну ты, Марьянка, и ехидна, небось, сама ему сказала всяких поганок собрать по всей деревне... будешь их сама назад отвозить. Ладно, посмотрим на этих горгулий. Давай еще к делу. С собой бери тысяч двадцать – двадцать пять, в городе найми еще человек двадцать бойцов, обязательно через гильдию наемников. Сегодняшний случай меня убедил, что система нашей безопасности ни к черту.

– А ты понимаешь, сколько они сожрут и выпьют? А где им жить?

– Так найми в городе плотников, строителей – пусть строят тут казарму, дом нам еще пусть заодно построят. Какого хрена мы тут теснимся в избушке, сидя на деньгах? А это помещение под клинику пустим. Да, вот еще что: в школе переговори с Мариной, пусть подгонит нам приличных порядочных магов. Будут по контракту работать. Я посмотрю на них, может, им тоже каналы раскроем, станут людей не хуже нас лечить. И контракт на всю жизнь... в этом случае.

– Ну ты, Влад, зверюга... На всю жизнь?! Да кто пойдет на такие условия?

– Пойду-у-ут... – протянул Владимир. – Вот тебе бы предложили расширить твои магические возможности в обмен на тридцать процентов дохода, получаемого в серьезной дорогой клинике, ты бы пошла? Даже если на всю жизнь? При гарантированной охране, жилье, питании, трех золотых с каждой десятки? Пошла бы?

– Ну, наверное, пошла бы... Кто же стабильность и деньги не любит. Только пока говорить им об этом нельзя. Слухи пойдут.

– А мы и не скажем. Дескать, пока типа выпускников принимаем, посмотреть, кто что может, им же надо отрабатывать деньги за обучение? Вот и возможность отработать есть... Твоя Марина с них еще и денег поимеет, за то, что пристроит к нам. Может, и нам подешевле достанется мой диплом. Итак, начинаем с диплома, строим помещения, набираем работников. На том и порешим. Давай, Марьян, спать, что-то мы сегодня задержались однако.

Они поднялись и побрели в свои комнаты. Тело Владимира вполне могло выдержать и гораздо большие перегрузки, но вот мозг... мозг протестовал и требовал отдыха. Это был слишком тяжелый день даже для него.

Лекарь улегся на уже разобранный Феклой постель, раскинул крестом руки и уткнулся глазами в потолок... Губы его сложились в улыбку. А все-таки интересно жить! На Земле он лишь доживал оставшиеся годы, а тут новая жизнь, новые возможности... В нем всегда была жилка авантюриста, и как ни странно, тяга к врачебному делу. Он всегда лечил себя сам, делал уколы близким, неплохо понимал в несложных болезнях. Теперь все знания, все прочитанное и услышанное за пятьдесят лет легко всплывало по первому его желанию. Грех было не воспользоваться открывшимися возможностями. Не хватало развлечений. Мозг человека технологичного мира постоянно требовал новой информации, знаний, перемен – жизнь на Земле была очень бурной, не сравнить с застывшей, статичной жизнью Мира... Поэтому мозг Владимира будто голодал без постоянно поступающей пищи для ума. Впрочем, было приятно знать, что ты проживешь еще неизвестно сколько сотен лет, успеешь очень многое... и спешить некуда. Кто не мечтал жить тысячи лет, чтобы первые сто, к примеру, зарабатывать деньги, вторые сто – путешествовать, третьи – медитировать, или там просто валяться на травке, да мало ли что можно делать, не думая об улетающих, как дорожные столбы за окном машины, годах.

Владимир вошел в черноту, потянулся к реке и пополнил слегка опустевший резервуар Силы. В который уже раз он подивился тому счастью и удовольствию, получаемому от соприкосновения с рекой. «Интересно, – подумал он, – что, неужели все получают такое удовольствие от отбора Силы? Может, это тоже зависит от уровня мага? Не-е-т... правда надо бабу, что-то я слишком подсел на откачку, как наркоман». С этими мыслями он и заснул...

Утро встретило его неясными звуками какой-то песенки. Марьяна уже бродила по дому, одетая, в крестьянском сарафане. Он подумал: «Ну что за дрянь они тут носят? Я эти бы сарафаны на тряпки бы только пустил! Неужели нельзя носить что-то более сексуальное! Надо заняться их воспитанием... попозже».

– Эй, соня, давай вставай, нас ждут великие дела!

Влад вздрогнул. Эти слова он в юности слышал каждое утро в один из полевых сезонов, проведенных на Горном Алтае, когда начальник партии приходил, дергал их за ноги, накрытые кошмой, и мерзко вопил: «Спите, мать вашу!.. Подъем! Нас ждут великие дела!» Это означало, что надо будет пройти пять километров до начала маршрута, потом три часа, задыхаясь и отбиваясь от комаров и мошек, подниматься на водораздел, идти по нему десять километров, опять три часа спускаться, с трудом разгибая натруженные ноги и страдая от боли в усталых плечах, на которые взвалены мешки с пробами горных пород, а потом еще десять-пятнадцать километров топать до лагеря. Посему он эту фразу дико ненавидел, как, впрочем, и весь физический труд. Если была возможность, он всегда предпочитал заставить работать физически вместо себя кого-то другого, не такого великого и умного, как он сам. Так что это заявление коллеги сразу привело его в дурное расположение духа.

– Доброе утро, великий и ужасный магик!

– Утро добрым не бывает... – Влад буркнул это по пути к рукомоинику, и тут же начал с фырканьем плескать воду в лицо, неодобрительно косясь на Марьяну. – Поспать хрен дадите... Вот сдохну, чтобы вы знали, как без меня жить.

– Не сдохнешь. Тебе еще молодых кобылок объезживать! – Марьяна захохотала, видя, что лицо Влада еще больше перекосилось.

– Тьфу на тебя, чертова бабка! – Он пошел к полотенцу, вытерся и начал одеваться. Завтракать не хотелось, с трудом запихнул в себя кусок хлеба с медом, запив так называемым чаем, и спросил, вспомнив: – Слухай, Марьян, забываю все спросить, а что, у вас настоящий чай не пьют?

Она стояла перед зеркалом и рассматривала себя, поворачивая голову то вправо, то влево, видно было, что-то, что она видела перед собой в зеркале, ей ужасно нравилось...

– Ну почему, пьют...

– А чего мы не пьем? Да брось ты вертеться перед зеркалом-то, ну красавица, я не даром хлеб ем, постарался... Почему мы чай-то настоящий не покупаем? Мне эти хреновы отвары уже поперек горла стоят, хочу черного чая, зеленого чая!

Марьяна остановилась и задумалась.

– Да ну не знаю, раньше денег не было, а потом как-то и привыкли... Ну давай закажем купцам чаю, привезут.

– Давай... А лимоны тут можно заказать?

– Чего? Что за лимоны?

– Ну такие кислые желтые фрукты... Неужели не видала ни разу?

– Неа... Ты не забывай, я особенно-то по столицам не шастала... Что прочитала в книгах, то и знаю, не дальше Лазутина. Ну я узнаю у купцов. Давай собираться, там люди ждут. Надо на ламоны твои зарабатывать.

– Не ламоны, а лимоны. А много народа? Да нет, немного, но там что-то серьезное есть, по магической части. Кто-то порчу навел на парня, вроде как... Посмотришь. Купец богатый, дает пятьсот золотых, если вылечим. Парень его наследник, похоже, кто-то извести решил.

Мужик рвет и мечет – парень сохнет, уже ноги еле волочит, высох как скелет. Доходяга, жить осталось, хорошо если месяц.

– Хреново... Тут чуть передавишь Силой – копыта откинет, ресурса-то в теле не осталось.

– А ты осторожнее. Не черта давить-то, ты потихоньку распутывай. Ладно, хватит воздух молоть, пошли лечить.

Они оделись и вышли на морозный воздух. Вокруг стояли сугробы, за ночь метель намела немалые заструги снега. Охранники дружно поздоровались с ними, Владимир объявил, что после полудня с ними рассчитаются, выплатят обещанную премию, и что надо будет в обед встретить обоз из деревни.

Марьяна хихикнула. Семен поднес брошенный вчера второпях молекулярный нож и сообщил, что «этим ножом Васька чуть палец не отхватил, попробовал на остроту... до кости прорезал». На что Влад сообщил, что не хрена тыкать, что не надо, куда не надо, так можно и кое-что себе сломать. Мол, пусть зайдет попозже – залечат ему палец.

Оружие и доспехи были уже почищены. Те, что захватили с разбойников, прорубленные сложили отдельно, целые отдельно. Все в оружейной. Влад распорядился отправить поврежденные на ремонт к кузнецу, а целые запереть и никому не давать. Он усмехнулся про себя: как-то незаметно, попаданец из другого мира стал тут главой организации... То ли еще будет. Снежная дорожка скрипела под ногами, морозец хватал за нос и торопил бежать в теплое помещение. В воздухе пахло дымом из труб, этот запах Влад любил с детства. «И дым отечества нам сладок и приятен...» Впрочем, какое тут отечество? Где оно, отечество?

За забором фыркали заиндевелыми носами лошадки, запряженные в возки, больной парень ждал лекарей уже внутри клиники, на скамейке, поддерживаемый седым бородатым мужиком. Влад еще подумал: «Что-то слишком много бородачей тут. Может, начать бриться? Надоело выглядеть таким лесовиком». У входа стояли два охранника клиники и трое незнакомых вооруженных людей, видимо, телохранители купца. Влад рассердился:

– Кто позволил в отсутствие лекарей пустить людей в клинику? Разве вам не было сказано: «Никого без нашего присутствия не пускать?!»

– Ну да, сказано... Но, господин лекарь, они так просили, ну мы и позволили...

– Оба лишаетесь зарплаты за неделю. Доложите командиру. Я вас научу приказы выполнять! Он не смог заставить слушаться – я заставлю.

Влад прикрыл за собой дверь пропустив вперед Марьяну.

– Здравствуйте, уважаемые. Что случилось? – Он стряхнул с шапки нападавший с веток снег, прямо на пол, Повесил ее на крючок в дальнем углу и подсел к мужчинам, примостившимся на скамье, сканируя взглядом худенького, бледного парня лет восемнадцати.

– Извините, господин лекарь, не наказывайте служивых. Это я попросил их пустить, заждались, мы с ночи уже вас ждем.

– Ну нам тоже надо отдыхать, как ни странно. Живые мы... – Влад раздраженно вытер мокрые от снега ладони о штаны. – А по поводу постовых – это наше внутреннее дело. Без дисциплины все развалится. Подчиненные должны четко выполнять приказы. Ладно, тему закрыли, рассказывайте, в чем дело.

Мужчина помедлил, посмотрел на лекарей, внимательно уставившихся на парня и начал:

– Это мой сын, ему девятнадцать лет. Уже год он чахнет, никто не знает почему. Мы обращались ко многим лекарям, отпаивали травами, лечили магией – ничего не помогло. Мне сказали, что это проклятие, наложенное очень сильным магом. Я догадываюсь, кто это сделал и почему, но пока ничего изменить не могу. Не буду вам говорить, кого подозреваю, да и не ваше это дело. Если снимете проклятие – ваши пятьсот золотых.

Влад замер, прислушиваясь. За дверью раздавались голоса. Семен грозно вопил на кого-то, видимо распекал охранников, всхрапывала лошадь и каркала ворона... Он подумал, и немного рассеянно сказал:

– Кому-то вы сильно насолили. Жить парню осталось от силы две-три седмицы. Надо было раньше его везти, теперь у него почти нет жизненной силы. Так. Я уже посмотрел его, вылечить можно. – Купец встрепнулся и попытался что-то сказать. Влад остановил его жестом: – Тысяча золотых, и он остается тут на две недели. Я буду за ним следить, кормить правильно, отпаивать травами. Сильно давить на него магией уже нельзя, как я сказал, он слишком истощен и не выдержит. Если согласны, деньги вперед. Выходим из помещения и ждем снаружи. Не согласны – выходим и ищем другого лекаря. Я гарантирую излечение. Вопросы есть?

– Вопросов нет, господин лекарь, кроме одного: вы гарантию даете?

– Я же сказал – гарантирую. Другие есть вопросы?

Мужик внимательно посмотрел на лекаря, как бы проверяя, можно ли ему верить. Увиденное, вероятно, его удовлетворило, он слегка кивнул и неожиданно зычно закричал:

– Николай! – Дверь приоткрылась, и в нее заглянул охранник купца. – Сундучок с деньгами сюда.

Голова охранника исчезла, и через некоторое время узорчатый стальной ларец двое охранников поставили на пол перед мужчиной. Тот взглядом попросил придержать сына. Марьяна присела рядом, обхватив того за плечи, купец достал с шеи цепочку с причудливым узорчатым ключом, вставил тот в замочную скважину ларца, легко повернул, сыграла мелодичная музыка и ключ был вынут из дырочки. Мужчина не стал поднимать крышку – прежде достал какой-то серебряный кулончик, зажал его в руке, затем откинул крышку и опустил туда этот кулон на цепочке. Что-то щелкнуло, и в воздухе запахло озоном. «Ага, – подумал Влад, – противоугонка на ларце. Забавно. Снимается, видимо, амулетом. А если туда сунуть руку, что будет?» Он подозревал, что ничего хорошего: или оторвет или спалит. Значит, надо как-то наладить такие штучки.

Он заинтересованно следил за работой амулета. Из ларца появились десять тяжелых мешочков и перекочевали на скамейку рядом с купцом. Тот захлопнул крышку сундучка, закрыл на ключ, потом спокойно посмотрел на лекаря и сказал:

– Я даю тебе все, что ты просил. Если ты меня обманешь, я все равно тебя найду, и ты умрешь, мучительно и страшно. Я надеюсь, ты это понимаешь?

– Обманывать вас никто не собирается. Я сказал – будет сделано. Теперь давайте быстрее отсюда, хватит слов, надо дела делать.

Владимир поспешно выпроводил купца с его охранниками, унесящими ларец, с помощью Марьяны раздел парня догола и, подняв его на руки, взгромоздил на стол, покрытый тканью.

– Марьян, закрой дверь на засов, чтобы не отвлекали. Ага, нормально. Теперь поговорим. Тяжелый случай, я первый раз такое вижу. Работал профессионал. Конечно, пониже меня силой, но очень умелый. У парня полностью нарушены связи ауры с органами, сколько ее не подпитывай – энергия стекает в пространство. Придется налаживать все заново. Сейчас ты подвинешь скамейку, разденешься и ляжешь на нее. Я буду смотреть на тебя, чтобы понимать – откуда какие каналы идут. Давай, приступаем...

Через два часа усталый Влад отошел от хирургического стола:

– Все, Марьян, вроде сделал. Работа кропотливая, нельзя было торопиться. Видишь, как теперь все выглядит? Аура уже ровненько светится – я ее подкачал. Не снимай с него пока транс, пусть полежит. Одевайся, а то ты меня возбуждаешь своим бесенком...

Марьяна засмеялась и подмигнула:

– Если бы возбуждала, не стал бы вчера ноги сжимать, недотрога...

Они расслабленно посмеялись, потом Влад подумал и решил:

– Я ему в счет бонуса – папашку-то я хорошо раскрутил на бабки – косоглазие устранил. Вишь, парень косит. Пусть порадуется. Тем более что это ресурс намного не истощит. – Он сосредоточился, вошел в транс и осмотрел тело парня. Красно-черных всполохов больше не было, остальные органы работали более-менее нормально, если забыть про патологическое

истощение. Он сосредоточился и дал сигнал глазным мышцам исправить положение. – Есть. Готово. Ну хватит баловаться, а то парень еще правда тут крякнет. Одевай его. Натягивай портки и рубашку, а то он в шоке будет, после того как окажется перед такой соблазнительной бабушкой... хе-хе.

– Вот тебе! – Марьяна хлестнула его портками парня. – Это тебе за бабульку!

Наконец парень был одет, и Марьяна вывела его из транса. Пациент явно выглядел лучше, он посмотрел на лекарей и сказал:

– Ужасно есть хочу, просто аж завывать охота от голода.

– Ну это нормально. Что ты хотел, у тебя живот-то прилип к спине. Влад, я пойду отведу его к Фекле, пусть ему бульона с мягким хлебом даст. Помнишь, как я тебя выхаживала? А потом мы его в стражничкой разместим.

– Марьян, а ты не задумывалась, что нам надо стационар тут строить? Некоторых с первого раза вылечить нельзя, надо наблюдать за ними. Вот куда его размещать, кроме стражничкой? Отпускать его с папашей? Во-первых, еще непонятно, как он себя почувствует попозже, а кроме того, ведь кто-то его заколдовал, и кто-то из окружения купца, маг подосланный. Где гарантия, что его опять не околдуют? А наложить проклятие легче, чем снять – ломать не строить... Интересно, кто же его так... и зачем?

Тут голос подал парень:

– У отца товарищество на паях. Если он умирает, то его пай или переходит к наследнику, то есть ко мне, или, если наследников нет, делится между другими участниками товарищества. А это довольно много – корабли, лавки, склады... Отец сам не очень хорошо себя чувствует, дай ему Бог долгих лет жизни. Мама у нас давно умерла, еще при моем рождении, а папа так и не женился, любил ее сильно. Вот так и живем. Может, вы и его посмотрите, господа лекари?

– Может, и посмотрим. – Влад переглянулся с напарницей. – Сейчас у него спросим...

Марьяна отодвинула засов и выглянула наружу. Отец парня переминался с ноги на ногу у возка, о чем-то озабоченно разговаривая со своими охранниками.

– Уважаемый! – Марьяна махнула ему рукой, и купец, подхватившись, кинулся в клинику.

– Что, что случилось? Все нормально?

Парень слабо улыбнулся и ответил:

– Все нормально, бать... Жрать хочу как зверь. Пусть они тебя посмотрят, ладно? Как-то не хочется мне сиротой оставаться в девятнадцать лет...

Купец беззвучно заплакал, роняя крупные слезы, и уткнулся в плечо сына, вздрагивая спиной... Потом оторвался от своего чада и посмотрел на деликатно отошедших от них лекарей.

– Спасибо, господа. Век не забуду. Зачем мне деньги, если некому их оставить. Одна радость у меня – сынок, умница. Спасибо.

– Да не за что. Вы поняли, почему я решил оставить его пока тут? Если по нему еще раз шандарахнут заклятием – он не выживет. Пусть пока тут сил наберется. Ваш наследник нам сказал, что вы тоже страдаете чем-то? Давайте уж, посмотрим заодно.

– А сколько будет стоить, – насторожился купец, хитро тараща глаза.

– Не дороже денег. – «Ну купцы везде купцы», – весело подумал Влад. – Все равно их в могилу не унесете. Ну что, смотрим?

– Смотрим...

– Тогда раздевайтесь, и на стол. Быстренько, быстренько, – прикрикнул Влад, нам еще больных принимать!

Сын купца весело прыснул: не все ж папашке других гонять, и ему надо тоже потерпеть. Купец тоже не выдержал и засмеялся:

– Вот поздороваешь – уж потеряешь, за все время отыграюсь!

– Ты отыграешься... – уныло пробасил его сынок.

И тут уже не выдержали Марьяна с Владом – они посмеялись, потом Марьяна прикрикнула на парня, чтобы не мешал, и одним движением погрузила купца в сон. Владимир посмотрел на лежащего. Красно-черное сияние шло от живота. Всмотрелся – язва желудка, отвратительная, на грани прободения. Еще немного – и труп. Да-а-а... вовремя пацан сказал. Влад аккуратно стал залечивать рану. Красное свечение убывало, убывало... наконец, исчезло. Осмотрел тело дальше: красным полыхает колено, скорее всего, был разбит мениск, видимо, после ходьбы и длительного стояния на ногах боль адская. Убрал кальций из сердца и протоков... «Дальнозоркость старческая, похоже, как у меня была, – подумал целитель и убрал. Подкачал энергии в ауру. – Ну, вроде хватит. Аминь».

Влад провел рукой над головой купца, тот вздрогнул, открыл глаза и медленно сел на столе... Недоуменно прислушался к ощущениям и широко улыбнулся, потом соскочил на пол и глубоко, в пояс поклонился лекарям:

– Благодарю вас. От души. Вы сделали больше, чем я надеялся...

Влад поковырялся ногтем в безупречных белых зубах и меланхолично сказал:

– А там у вас в сундучке еще что-то осталось бедному лекарю и его голодной лекарице?

Купец от души, залиvisto стал смеяться, держась за живот и сгибаясь, ему вторили бледный сын и сами лекари, тоже зараженные смехом. В дверь стали стучать охранники, испуганные шумом, Марьяна отодвинула засов, удостоверившись, что купец уже надел портки и тулуп, в дверном проеме появились охранники с вытаращенными глазами. Торговец сделал им знак рукой, они опять внесли заветный сундучок, и купец наклонился над ним, кивнув, спросил:

– Сколько?

Влад пожал плечами, мол, сколько дашь. Купец выгреб из сундука мешочки – их оказалось четырнадцать штук – и все оставил на полу. Потом помолчал и произнес:

– Я приеду за сыном через две недели. Прошу вас позаботиться о нем как следует. Пусть трудится – я не прошу, чтобы он бездельничал. Я тоже с молодости работал. И сейчас работаю. Кормите как надо. Потом я приеду и поговорю с вами. Есть у меня к вам дело, мне кажется, вы сможете помочь. Да, и еще: никому не говорите, что меня вылечили. Все знают, что я погибаю и скоро помру, так пусть так и думают. А я не дам им в этом усомниться. Пусть наша тайна тут и останется. До поры до времени. Хорошо? Я вам достаточно заплатил, чтобы вы согласились.

Влад помолчал, подумал и ответил:

– Я все понял. Вы правильно решили. Это очень дельно. Не беспокойтесь, мы обставим все как надо. Главное, чтобы сынок ваш не прокололся.

– Чего он не сделал?

– Ну чтобы не разболтал, выражение такое есть... Не разоблачили чтобы его.

– Интересное выражение. Не слыхал у нас такого. – Умные глаза торговца с интересом воззрились на Влада... Потом он как будто отмахнулся от мыслей и быстро проговорил: – Сынок молодец, он все прекрасно понимает... Ведь понимаешь, сынок?

– Ну мог бы, бать, и не говорить... Я что, болван, что ли... Буду потихоньку таскаться, сил набираться, скажу, что полечили немного, вот травами отпаиваюсь. А отца так и не смогли вылечить, запущенно очень уж.

– Ну и молодец. Все понял. Теперь я вас оставляю. – Мужик легко поднялся, ему явно нравилось, что теперь у него не болит нога, живот, он с удовольствием прислушивался к себе. Затем протянул крепкую узловатую руку лекарю и крепко сжал, усмехнулся, посмотрел ему в глаза и еще раз сжал, видимо, на полную силу. Обычный человек уже упал бы на колени, подрубленный болью в кисти, лекарь же стоял, слегка улыбаясь, и как будто не замечал давления. Купец уважительно сказал: – А ты силен... Я подкову сгибаю рукой, а ты как будто и не заметил.

Влад, в свою очередь, слегка сдвинул ему руку и тот, охнув, чуть присел, потом прикрикнул:

– Все, все, понял! – И засмеялся, замахав в воздухе посиневшей от напряжения рукой. – Силен. Я не зря тебя испытывал. Потом поговорим. Через две недели. Всем мое почтение. Счастливо оставаться.

Купец вышел из помещения, впуская в него клубы ледяного пара. Он нарочито прихрамывал, как раньше, и страдальчески держался за живот.

– Станиславский в действии, – хохотнул Влад.

– Чего в действии, – не поняла Марьяна?

– Да забей... неважно.

– Чего забить и куда? – опять не поняла она.

– Тьфу на тебя. Веди давай к Фекле парня, пусть его бульоном отпаивает. Предупреди: если перекормит, я ей глаз на одно место натяну.

– Правда натянешь? – с ужасом спросила Марьяна.

– Марьян, мне так тяжело иногда с тобой говорить. Да веди ты его жрать-то, видишь, парень трясется аж! И давай сюда Семена, пусть мешок только возьмет с собой.

Марьяна вывела парня, через минут пятнадцать пришел Семен, Влад взял мешок и попросил охранника подождать за дверью. Покидал в большую тару тяжелые мешочки, прикинул на руке:

– Да, ни фиги себе вес. Ни тебе банковских карточек, ни тебе пачек купюр. Попробуй, потаскайся по дорогам с таким весом. То-то разбойники процветают, есть чего с купцов взять. И профессия охранников-наемников в цене...

Он открыл дверь и попросил Семена отнести мешок в жилую избу, добавив, что временно у них будет жить парнишка, кровать дополнительно там поставят. Немного подумал и еще попросил Семена зайти к нему, после того, как отнесет мешок, разговор есть. Затем лекарь присел на скамейку и задумался.

С купцом все было ясно – ему надо было выловить из своего окружения подосланного мага да выяснить, кто из партнеров под него копает. Шито все белыми нитками. Вопрос был только в том, а надо ли ему это? Не подставит ли он свое дело и Марьяну под удар? Ну так-то его трудно взять голыми руками, да и Марьяна теперь совсем не та добрая бабулька-лекарка, что была. По степени убойности, конечно, послабее него, но тех разбойников теперь и сама бы смогла раскидать. Тем более что и магии прибавилось в разы.

«А что я теряю? Да ничего. Поосторожнее надо действовать, поумнее и все. Зато интересно. А то затягивает это болото, до тоски. Тут еще нюанс: торговец из столицы, может помочь и информацией, и связями... Да и деньги не помешают опять же. Предложит – отказываться не буду», – решил для себя Влад.

Его размышления прервал стук в дверь. Он пригласил стучавшего войти, и в дверь осторожно вошел Семен, снимая на ходу шапку.

– Что, господин лекарь, о чем хотели поговорить?

– Присаживайся, Семен. Ну первый вопрос такой: я хочу, чтобы ты обучил меня приемам владения саблей, мечом, луком и так далее. Можешь? Я заплачу за уроки отдельно.

Семен растерянно посмотрел на лекаря:

– Ну могу, конечно... Только вот как вы обучитесь-то, ну если на уровне ополченца из крестьян – только не обижайтесь – мы ведь профессиональные воины, учимся этому делу с детства. Мне папка в пять лет дал в руки палку и начал показывать приемы владения мечом, я уже почти сорок лет этим делом занимаюсь. И ребята мои тоже не промах на мечах... А тут... учить взрослого? Деньги ваши – вам виднее, конечно, но мне думается, что это только перевод средств. Смодите сами. Только не обижайтесь, ладно? Вы и так знатный боец, вон сколько

ублюдков положили. Только ведь положили их – как свиной перерезали. Зачем вам меч-то, когда вы и без меча как дикий вепрь зашибете, я же видел вашу силу!

Влад про себя усмехнулся. После вчерашнего Семен и другие охранники иначе как на «вы» его не называют – настолько потрясло их зрелище рассердившегося доктора...

Влад подумал, как бы ему поаккуратнее объяснить охраннику?..

– Понимаешь, Семен, какая штука, ты прав отчасти. Я могу и гораздо больше народа положить, и просто голыми руками, но мне не надо, чтобы все об этом знали. Когда человек обвешан оружием с ног до головы, выглядит устрашающе, вряд ли кто полезет на него просто так, как на невооруженного путника. Если дойдет до драки – я воспользуюсь обычным мечом, чтобы не выдавать умения. Я хочу, когда мне понадобится поехать в город, выглядеть как можно более незаметным, мне ни к чему шумиха. Кстати, скажи бойцам, чтобы не болтали нигде ничего лишнего. Мне не нужны все эти рассказы о лекарях-убийцах. Тем более что это и в ваших интересах – надеюсь, вам не хочется держать осаду, если сюда привалят родственнички побитых разбойников. А так, исчезла и исчезла ватага, мало ли кто где исчезает... Ты понял?

– Конечно, понял, – Семен заинтересовано взглянул на лекаря. – В столицу собираетесь перебираться?

– Нет. Не собираемся. Но съездить в столицу по делам придется. Вот потому я и не хочу привлекать внимание к своей персоне. И не думай, я учусь очень быстро. Думаю, ты скоро сам в этом убедишься. И последний вопрос: скоро тут будет гарнизон в пятьдесят человек. Подумай, как лучше их размещать.

– Пятьдесят? Да куда их селить-то? Ну не в палатки же?!

– Не в палатки. Через неделю у тебя будут плотники в достаточном количестве. Поедешь на ближайшую лесопилку и договоришься о закупке леса на строительство.

Влад увидел, как заблестели глаза у Семена – явно сразу решил нагреть хозяев на кругленькую сумму.

– Только давай без фанатизма – я проверю твои закупки, надуть меня не получится! – Мужчины засмеялись. – После того, как построим казарму, понадобятся бойцы. Или ты сам подберешь нужных людей, или же я просто обращусь в гильдию, чтобы прислали. Смотри сам, как и что. Твоя плата с завтрашнего дня увеличивается в два раза. Все, давай шагай и пригласи следующего больного.

Владимир быстренько, в течение сорока минут «расправился» с оставшимися больными – их было всего двое, крестьяне с переломами – и с чувством выполненного долга отправился на обед. Он был доволен. Еще бы, не каждый день зарабатываешь по две с половиной тысячи золотых...

Глава 5

Влад медленно и вдумчиво хлебал щи из глубокой миски недовольно косясь на купеческого сына, храпящего на русской печи в избе. Пока ему ставили топчан в стражничкой, Марьяна покормила парня, и он буквально отрубился прямо за столом – казалось долгое голодание и потеря сил. Растолкать его так и не смогли, и она положила парня на русскую печь, под тулуп, где он благополучно потел. На Руси давно, с тех пор как появилась русская печь, лечили многие болезни, укладывая больного на нагретую печную лежанку. Сухое тепло отгоняло многие хвори. Так что и в этом случае русская печь оказалась совсем не лишней в исцелении.

Марьяна посмотрела на Влада и с удивлением сказала:

– Ты знаешь, я так легко его туда засунула, как ребенка просто. Вообще, как будто из пуха он! Неужели так отощал?!

– Марьян... – хмыкнул Владимир, сосредоточенно оглядывая косточку, которую перед этим глодал, – понимаешь, хм, как бы это тебе сказать... ну только не ругайся, ага?

– Чего не ругайся? – не поняла лекарка и настороженно поглядела на компаньона. – Чего ты опять сотворил-то, аспид?

– Ну это... поправил я тебя немножко. Это не пацан такой легкий, это ты стала сильная. – И он стал сосредоточенно хлебать щи, ускоряя работу ложкой. Еще вывалит на голову, баба злостная, надо успеть доесть.

– Хе-хе-хе... – она подняла недоуменно голову, – ну насмешил... А я-то думаю, чего это он такой пуховый-то? Ты хоть предупредил бы.

– Ну вот, предупреждаю. Если ты кому-то простому врежешь по носу, как мне тогда, писец его башке. Отлетит как не бывало. Теперь рассчитывай силу. Сейчас ты сама бы тех уродов раскидала как детей. И еще, я слегка кости тебе подправил – теперь их сломать довольно сложно.

– Тек-с, ты там никакие мне дырки еще не зарастил, чтобы мне уж совсем хорошо было?

– А надо было? – с глупым выражением лица спросил Влад. – Ты ничего не говорила об этом, ну давай зарастим... – Он не выдержал и прыснул в щи.

– Э, э! Вот здоровый, а глупой, как дитя! Все веселишься, как пацан! Чего ржешь-то? Вот щас твои бабы приедут, тогда и посмеемся. – Она сделала зверское лицо и тоже начала хохотать, увидев, как перекосило Влада. – Да не переживай, найдем мы тебе бабу... – Его опять разбил смех – и где же это он слышал такое выражение: «Да найдем мы тебе бабу»? – Не знаю, как насчет жарить-парить, но насчет золотые руки... – многозначительно подмигнула Марьяна.

Он задумался. Может, правда миры где-то пересекаются, ну уж больно много похожих выражений и пословиц. И язык уж очень похож... вот только письменность... Тут он решил, не теряя времени, надо потребовать, чтобы Марьяна занялась с ним азбукой и письмом. Он ни читать, ни писать на этом языке не мог, только разговаривать! При его способности запоминать, он был уверен, что через неделю будет писать и читать не хуже, чем любой из жителей этой страны.

Как будто отвечая на угрозы Марьяны, вдали послышались бубенцы саней старосты Селифана – он где-то отхватил знатные бубенцы, которые было слышно за версту. Двое саней подкатили к плетню у клиники и остановились, выпуская из своего нутра стайку женщин, ведомых Селифаном. Такое впечатление было, будто старый гусак ведет за собой стайку гусынь. Девки были в добротных полушубках, замотаны поверх шальями, скрепленными на спине. Видимо, это был последний шик карауловской моды. Они важно прошествовали через двор к избе лекарей, и староста, взойдя на крылечко, громко постучал кнутовищем в дверь:

– Эгей, хозява, принимайте гостей. Можно к вам што ля зайтить?

– Давай, Селифан, вваливайся, и не хрена язык коробить, говори нормально, а то все под дурачка темного рядишься.

– Абижашь, хозяйка, – буркнул, входя, Селифан и перекрестился на образа, висевшие в углу, – мы люди темны, грамотам не обученные...

– Ты-то грамотам необученный? Болтун, а?! Ты погляди на него, Влад, это не он ли церковноприходскую школу закончил в Лазутине?! Ты не смотри на него, что он такой валенок, он еще тот фрукт – из дыры три дыры. – Марьяна уничижительно фыркнула и замолчала. – Ну садись к столу, коль пришел. С чем пожаловал? Она налила ему чашку чая, пододвинула блюдце с наколотым сахаром, и тот начал важно и степенно прихлебывать горячий напиток.

– Вот ведь, гадина, какая важность! Набивает цену себе – ты поглянь на него!

Влад с интересом наблюдал за пикировкой Марьяны и Селифана. Видно было, что они давным-давно знают друг друга как облупленные, и такие «разборки» им не впервой, и стали уже как бы необходимым ритуалом их встреч. Староста был умным мужиком – как давно еще отрекомендовала Марьяна, и он уверенно вел деревню Карауловку через годы, успешно справляясь с недородами и гневом власть имущих.

Староста допил чашку, внимательно осмотрел Марьяну:

– Да ты никак помолодела, мать ты наша... И не признать-то! – Он внимательно посмотрел на Влада: – Вы посодействовали, что ли, господин лекарь? Ну, молчу-молчу, не мое дело. В общем, привез я вам семь девок на выбор. Не обессудьте – какие были, таких и привез. Сколько надо, столько и отберите. Остальных назад увезу. Я примерно понял, что они будут делать, – староста хитро покосился на уткнувшегося в чашку Влада, – а чо, дело молодое. Я сам бы...

– Ты сам бы... – перебила Марьяна. – Небось половину девок перепортил в деревне, старый кобель.

– Хе-хе, ну не такой уж и старый, – разгладил усы староста и довольно ухмыльнулся. – Да что мы все обо мне да обо мне. О деле давай. Я щас пойду к стражникам еще чайку хлебну, а они тогда будут по одной заходить, и вы с ними тут беседуйте, сколько душевнее угодно. Как закончите – кликните меня. Он нахлобучил на голову треух вышел из избы и зычно выкрикнул: – Девки, по одной – заходь!

Девки толпились у крылечка, топая ногами на морозце и от чего-то хихикая. Потом одна решила и робко постучала в дверь, дождалась ответа и несмело зашла.

– Ну, проходи... чего у порога-то топчешься. Как звать? Маша... Сколько лет? Семнадцать.

– Так, Марьян. Я что, педофил, что ли? Вы чего мне тут несовершеннолетних подсовываете? Она же дите дитем!

– А что такое медофил? Тот, кто меда много лопают, что ли? У нас совершеннолетие девушек наступает в пятнадцать лет, тогда их и замуж выдают. Я тебя заверяю, что в пятнадцать лет наши девушки давно готовы рожать, что и делают много и с большим удовольствием! Если в твоём мире у девок задержка в развитии, так это не означает, что и у нас такие же. Только вот что-то подозрительное. Девка вроде симпатичная, немного худовата, на деревенский вкус, а не замужем, хотя уже должна быть... Точно что-то нечисто. Этот хитрый боров какой-то залежалый товар спихивает! Так, девка, ну-ка раздевайся!

– Как раздеваться? – Девушка покраснела до ушей и замерла, теребя конец шали в руках...

– Как, как? Ну чего придуриваешься? Совсем раздевайся, снимай с себя все. Да не стесняйся, мы всяких видали – мы же все-таки лекари. Влад, прикрой, пожалуйста, дверь на засов, чтобы не рвался никто.

Влад прикрыл дверь на засов, сел опять на место у окошка и налил себе чашку чая. Ему было ужасно неловко, но Марьяна явно наслаждалась смотринами, и смущение Влада ее еще

больше радовало и веселило. Она разглядывала девушку как какой-то товар, предложенный хитрым купцом, и комментировала все, что видела, с особым смаком и цинизмом:

– Тек-с, как ты говоришь? Ага, сиськи дохленькие, как у козы торчат. Голова вроде правильная, не плоская, как блин. Снимай, снимай все, чего зажалась-то! Не сглазим мы... Стой спокойно! А-а-а, вот сучонок старей! Глянь на ногу. Машка, что с ногой-то?

– Я еще ма-аненькой под телегу попала, вот и срослось плохо... усохла нога.

– А какого хрена эти ублюдки ко мне тебя не отнесли?

– Не знаю, госпожа лекарша... вот так и живу.

– С мужиком была уже?

– Нет... Какой там мужик, с моей ногой-то... – Девчонка издала всхлипывающий звук, и из ее глаз посыпались частые слезы. – Не беру-у-ут... – Она зарыдала, закрыв лицо ладонями.

– Так, хватит нюнить, Опустит руки, повернись вокруг себя, покрутись, походи туда-сюда. Ну, вроде кроме ноги у нее нет ничего больше. Похоже, остальные такие же ущербные. Будем смотреть или сразу старосту пошлем? Одевайся, девка. Давай по-быстрому следующую.

– Марьян, по большому счету нам ведь все равно, как они сейчас выглядят, мы что, не лекари? Главное, чтобы не дура была и преданная, работать тоже умела по дому – а там придумаем что-нибудь, согласна?

– Хм, да согласна... Ну давай еще посмотрим, всех посмотрим, должна же я отыграться за чертенка, цирюльник хренов.

Девушка быстро оделась и вышла, всхлиывая на ходу. Марьяна вслед ей сказала, что о решении сообщит. Следующее собеседование было практически аналогом предыдущего, за тем исключением, что теперь была не сломанная нога, а кривая шея и горб. Марьяна долго кляла Селифана.

Эта девушка тоже понравилась Владу. Предыдущая девушка была хороша своей невинностью, свежестью, а эта спокойствием, решимостью выжить, несмотря ни на что. Как и предыдущая девушка, эта, с ее слов, была девственницей, неостребованной никем из парней. На каждую девушку ушло минут по пятнадцать, в зависимости от их способности одеваться и раздеваться.

У Влада уже стало рябить в глазах от мелькания многочисленных платков, нижних юбок и телес, он был готов на что угодно, лишь бы только эти смотрины закончились и он бы смог нормально вздохнуть. Ему хотелось поскорее поэкспериментировать с захваченными у бандитов мечами и, если хватит светлого времени, потренироваться с Семеном.

Впрочем, а почему только в светлое время? Он что, светляк создать над площадкой не может? А это выход! Вообще, по-хорошему, надо развешать светляки по всему периметру территории клиники, как прожектора. Классно придумал!

Он размялся и пропустил мимо ушей последний возглас Марьяны:

– Влад, ты что там, уснул, что ли?! Я тебя спрашиваю, ты видишь, кого прислал староста? – Влад присмотрелся и увидел, что последняя, крупная крепкая девушка покрыта сыпью, какими-то красными блестящими прыщами. «Мать моя женщина!!! Да у нее классический сифилис!»

– Марьян, – глухо спросил он, – как у вас называется эта гадость? У нас – сифилис. И это шибко заразно. И мы еще эту пакость в дом притащили. Впору выжигать тут все огнем.

– У нас это называется островная болезнь. Говорят, с островов ее занесли. Она лечится, но только очень сильными лекарями-магиками. Пока болезнь обнаружат, бывает уже столько органов поражено, что обычный лекарь не справляется. Я этого старосту придушу! Девка, ты где сразу подцепила, давай как на духу!

Здоровенная угрюмая девка, мечта каждого крестьянина, как подумал Влад, потупилась и нехотя ответила:

– От торговца одного, он весной приезжал в деревню. Ну и соблазнил меня. Я только летом поняла, что болею...

– А ты спала после этого еще с кем-нибудь?

– Спала... с торговцами спала.

– А из деревни спала с кем-то?

– Нет. Из деревни ни с кем не спала. Они бедные, зачем они нужны. А торговцы всегда чего-то дарили...

– Марьян, нам только сифилисной шлюхи не хватало. Ее лечить надо, а то она завтра решит, что деревенские тоже могут ей чего-нибудь подарить, а мы потом будем отдуваться – лечить прогнившие носы и нарывы. Тьфу! Аж с души воротит.

– Согласна. Сейчас я к старосте схожу, предупрежу его. Да не надо... погодь ты. Слушай, как там тебя... Карна, что ли? У вас в семье еще кто-то больной есть? Ну такой болезнью, как у тебя? Отец, мать?

– Отец два года назад утонул... А мать не болеет, она ничо не знает.

– И то хорошо... ладно. Сейчас сделаем так: ложись на спину на пол и закрой глаза. Подстели свое барахло и ложись.

Девушка разложила юбки, тулуп, шали и улеглась на спину, глядя в потолок. Влад подошел к ней и вытянул руки, входя в транс. Все тело девицы светилось багрово-черным пламенем. Очаги заражения по всему организму. Бледная спирохета совершала победное шествие по телу девушки. Влад вышел из транса и задумался. Его феноменальная память моментально подсказала ему все, что он мог вспомнить о сифилисе.

Особенно заинтересовал его один отрывок из статьи: «Создается впечатление, что боги некоторых народов рассматривали распространение венерических заболеваний среди людей как весьма действенное педагогическое средство. Наказывали им порой и своих. Так, чрезмерно увлекавшийся прелестями земных женщин индуистский бог Шива был наказан за свою любвеобильность своими же коллегами по пантеону. Его половые органы были уничтожены небесным огнем, который стал затем передаваться от женщин к мужчинам. Возможно, что и в этом случае речь идет о сифилисе. Любопытно, что лечить это заболевание, описанное в священных Ведах, предлагалось все теми же растворами сулемы, киновари и каломели – то есть ртутными препаратами».

Так что эта девица находилась в лестной компании: вместе с богом Шивой, а также, по непроверенной информации, с Христофором Колумбом, который тоже помер от этой болезни. Правда, географических открытий или создания религии от девушки, раздвигающей ляжки перед каждым заезжим корабейником, ожидать не стоило.

Влад еще подумал и решил, что радикальнее всего будет на полную катушку запустить процесс, при котором организм начнет максимально сопротивляться болезни. Если поднять температуру тела – это ничего не даст при кратковременном ее поднятии, а чтобы трепонема погибла, надо минимум шесть часов держать температуру порядка сорока одного градуса. Все мозги свернутся. И заражение уже зашло слишком далеко.

Влад растерялся – такой сложный случай ему не попадался, и как лечить подобную болезнь без мощных антибиотиков, без уколов, он не знал. Впору сжечь эту тупую девку и забыть о ней, как о дурном сне. «Может, и правда сжечь?» – стукнула ему в голову предательская мысль. А что делать-то? Он подошел к столу и уселся на стул, уперев руки в колени.

– Марьяна, что делать-то будем? Как у вас лечат эту болезнь?

– Никак.

– Что значит никак? Ну что у вас в школе врачей рекомендовали делать, когда появлялась такая болезнь?

– Изолировать больного в отдельном помещении, то помещение, в котором он жил, сжечь. Сжечь его одежду, обувь. Тех, кто с ним жил вместе, поселить в отдельной хижине и не

давать общаться с остальными людьми десять седмиц. Больного умертвить, а тело его сжечь. Или предложить ему покончить с собой самому тем или иным способом. Я удовлетворила твою жажду познания?

– Еще как удовлетворила! Ни хрена себе... – Влад задумался. – Смотрины из фарса превратились в трагедию. Что делать?. Человек все-таки, хоть тупая и блудливая, но все же... Кто без греха? Что же делать, что же делать?..

Тем временем Марьяна приоткрыла дверь и крикнула стоящим у крыльца девушкам, чтобы позвали старосту. Одна из них побежала, и через пять минут, прогибая половицы, староста ввалился в комнату. Марьяна молча подошла и врезала ему по широкой морде ладонью так, что он чуть не улетел в угол:

– Знал?

– Ну знал, и что? Мне куда ее было девать? У меня деревня на плечах сидит. Сейчас такой шум начнется! Мне зачем эти волнения? А вы все-таки лекари, мож, что-то придумаете... Вон вы какие умелые, безнадежных вылечиваете. Может, и тут справитесь? А нет, так у меня к вам претензий нет – спалите ее колдовским огнем и все. Она даже и не почувствует. Думаешь, мне сладко сейчас?

Влад неожиданно для себя поддержал Селифана.

– Марьян, он прав. Чего ему оставалось делать-то? Я его понимаю...

– А я не понимаю! – яростно закричала Марьяна, перекосившись от злости. – Ну пер бы ее в Лазутин, чего к нам-то ее притащил!

– А я знаю, чего. Сейчас узнают в городе – Карауловку половину выжгут, а половину в землянки на карантин посадят, пока они там сами не передохнут. А мы, он надеется, молчать будем! Потому что и нас зацепят, если кто узнает!

На печи вдруг раздался шорох, с нее свесился сынишка купца и жадно уставился на голую девуку.

– Ну-ка назад! И сидеть, как мышь, там! А то сейчас так врежу, что никакой папаша с того света не вернет ни за какие деньги! Еще тебя не хватало! Вот тебе, Влад, и язык, который все на хрен разнесет по округе. Ой, мамочки, вот мы вляпались! Вот тебе и смотрины, вот тебе и веселье. Марьяна устало уселась на табуретку, свесив на колени руки и теребя фартук.

– Да я никому не скажу, чего тут услышал, не беспокойтесь, костями лягу, а не скажу. Мы, Панфиловы, благодарные и добро помним, а вы мне жизнь спасли. – Мальчишка уверенно выдал эту речь, и почему-то Влад сразу ему поверил.

– Так, ша все! – Он хлопнул обеими ладонями по полированному дереву обеденного стола и поднялся. – Будем лечить. Не получится – спалю прямо тут. Скажем, эксперименты проводили магические, вот и взорвалось все. Успокойтесь и отойдите от нее. Дверь закройте. Все. Замолчали все.

Влад медленно подошел к неподвижной девушке, вошел в состояние транса, протянув ладони над ней, и стал сканировать тело. Органы были поражены – кости, легкие, сердце... Она прожила бы максимум год и умерла бы или от сердечного приступа, или от другого тяжелого поражения органов. Он стал напряженно думать: «Так, лекарств нет, никаких антибиотиков. Чтобы погибли трепанемы, нужна или большая температура, или большая концентрация антибиотиков. Но их нет! Попробовать задрать температуру? А что остается?»

Влад сосредоточился и начал медленно повышать температуру крови девушки, все выше, выше, выше... Ее тело покраснело, она тяжело дышала... кровь стала циркулировать все хуже и хуже... Такое впечатление, будто кровь практически остановилась.

Влад довел температуру до сорока трех градусов и остановился. Кровь бурлила, в ней происходили какие-то процессы... Три часа, три часа надо держать температуру. Влад застыл над лежащей девушкой как статуя и напряженно контролировал процесс. У девушки началась

аритмия сердца, он срочно подкачал Силы в ауру... сердце заработало ровнее, с трудом проталкивая загустевшую кровь через сосуда. Терпеть, терпеть, контролировать...

Если бы не усиленное тело – Влад давно бы свалился. Девушка на глазах худела, щеки ее ввалились – ресурсы организма уходили на поддержание температуры тела и восстановление крови.

– Влейте в нее воды – кровь густеет!

Марьяна схватила ковшик и стала вливать в горло больной струей жидкость. Девушка глотала автоматически, не приходя в сознание. Красное свечение угасало, лишь местами, в костях оставались еще очаги болезни – туда кровь проходит в последнюю очередь. Шел третий час лечения... Влад с трудом удерживал жизнь в теле больной.

Сердце лихорадочно пыталось протолкнуть густую кровь, затрепыхалось и вдруг лопнуло – аорта разорвалась, и кровь под давлением моментально выплеснулась в грудную полость... Сердце продолжило рваться под напором сокращений и наконец остановилось. Влад убрал руки.

– Все. Умерла. Сердце не выдержало. Чуть-чуть не дотерпело – ведь почти вылечил. Ну я сделал все что смог. Если бы пораньше ко мне пришли с ней – жила бы сейчас. Сердце уже было сильно изношено.

Староста размашисто перекрестился:

– Бог дал, Бог и взял. Что теперь поделаешь все в руце Господней... Теперь надо что-то с телом делать, господин лекарь. Вы уж извините, что я вам хлопот столько доставил...

– Да ладно, – отмахнулся Влад, – не до того сейчас. Непонятно, что делать теперь.

Он выглянул в окно – уже темнело. На отскобленных бело-желтых досках пола на груди одежды лежала посиневшая девушка. Язвы на ее теле уже закрылись, она выглядела вполне здоровой. Лицо было умиротворенным и спокойным, как будто перед смертью она поняла смысл жизни...

– Селифан! Сейчас идешь, берешь девушек и едешь с ними в деревню. Увози их отсюда. Завтра привезешь снова. Всех. Ни слова никому. Ты понял?

Марьяна с интересом покосилась на Влада.

– Всех?

– Понял! Понял! Нешто я не понимаю...

– Ты! – Влад перевел тяжелый взгляд на купеческого парнишку. – Если когда-нибудь я узнаю, что ты что-то кому-то сказал о происшедшем, я лично убью тебя. Своей рукой. Это и тебя, Селифан, касается. Всем будет рассказано, что девушка ушла в лес зачем-то, говорила, что хочет сбежать с кем-то из торговцев на тракте, так как ей скучно тут. Все знают, что она погуливала, не удивятся. Ее, мол, оставили прибирать в клинике, а она сбежала. Слухи, конечно, будут, но через полгода-год все забудут. Все, Селифан, поезжай.

Мужик, тяжело топая, открыл дверь и вышел. Слышно было, как он кричал, собирая девушек, разбредшихся по территории клиники. Они окончательно замерзли торчать на улице и разбежались кто куда: кто сидел в санях, накрывшись пологом, кто кокетничал со стражниками. Караван саней зазвенел бубенцами, удаляясь, наконец все стихло, оставив гулкую тишину.

– Что же, займемся уборкой... Так, отвернись, там, на печи, к стенке и закрой глаза! Марьян, тебе бы тоже не смотреть. Зрелище не для слабонервных...

– А я что, слабонервная, что ли? Ты забываешь, что я целительница со столетним стажем.

– Ну как хочешь, я предупредил.

Влад сосредоточился и вошел в транс, потянул Силу... Вокруг трупа образовалось что-то вроде туманной сферы, накрывшей и девушку и кучу одежды, касаясь пола... Потом тело слегка пошевелилось, как будто сфера проталкивалась под него. Лекарь замер. Вначале ничего не происходило, потом внутри сферы явно что-то изменилось – одежда, как под воздействием

температуры, сдала скукоживаться и задымилась. Дым, поднимаясь вверх, касался стенок сферы и не мог выйти из нее, загибался и сизыми языками двигался по куполу, наконец полностью закрыв от обзора происходящее.

Неожиданно вспыхнули языки пламени, но скоро потухли – огонь забивал дым, и отсутствие кислорода тоже не располагало к интенсивному горению. Температура внутри кокона все увеличивалась, увеличивалась... Магическим зрением Влад увидел, как труп дергался внутри, гримасничал, как будто ожил – лекарь даже чуть было не потерял контроль над процессом, – это сокращались под воздействием температуры сухожилия. Наконец температура достигла уровня плавления металла в доменной печи и продолжала повышаться. Все, что было внутри кокона, раскалилось и превратилось в серый порошок.

Влад, убедившись в этом, сдвинул границы кокона, сжимая содержимое и одновременно уплотняя, пока останки в виде порошка не уплотнились настолько, что на полу образовался шар, размером с футбольный мяч. «Вот и все, что представляет собой человек... Теперь я могу работать передвижным крематорием», – мысленно усмехнулся он.

– Марьян, надо прибрать тут. Никого нельзя допускать к уборке, только сами. Место, где лежала девушка нужно намылить хозяйственным мылом – возбудитель болезни сразу гибнет в мыльной пене. Отмыть все. У тебя, надеюсь, нет ранок на руках?

– Нет... – Марьяна была бледна, но настроена решительно. – Сейчас займусь.

– Давай. А я пока этот... хм... мяч выкину в лес.

Владимир накрыл «мяч» мешком из-под овощей – трогать его руками ему было ужасно неприятно, и вышел на крыльцо. На улице было темно, легкий ветерок леденил щеки и нос. Охранники где-то попрятались от холода, Влад обратил на это внимание, подумав с неудовольствием: «А вдруг какое нападение? Хотя какое нападение – не на войне же? Ну а вдруг? Надо будет поговорить с Семеном».

Впрочем, отсутствие стражей сейчас было ему на руку. Он зашагал в лес, вначале по тропинке, затем сошел с нее, утонув по колено в рыхлом снегу. Достал мешок и выкатил в сугроб то, что осталось от человеческого существа. Подумал, перекрестился неумело, бросил рядом мешок и решительно, не оглядываясь, пошел к клинике.

В избе уже было все прибрано. Темное пятно на месте гибели девушки вымыто, и только более темный цвет половиц указывал, что тут что-то произошло. Мальчишки на печи не было – похоже, Марьяна отправила его в стражницкую. Сама она сидела за столом, помешивая ложечкой в кружке чай.

– Чай пить будешь? Проголодался?

– Не хочу ничего, тошно чего-то. Спать пойду.

– Иди отдыхай, – понимающе кивнула она.

Влад прошел в свою клетушку, сбросил верхнюю одежду. Подумал, скинул и нижнее белье – ему почему-то казалось, что вся его одежда пропиталась запахом гари и тлена, хотя это было не так – и голышом лег под толстое пуховое одеяло.

Печка за стенкой ровно гудела и потрескивала сторающими дровами, в хате было тепло и уютно. Марьяна немного погремела посудой, потом прошагала в свою комнатку и зашуршала одеждой. Через некоторое время по полу зашлепали ее босые ноги, дверь в комнатку Влада открылась, и она подошла к его постели, одетая в длинную полупрозрачную рубаху. Сев на край постели, она немного подумала и, откинув одеяло, легла к нему, прижавшись головой к плечу.

– Ты не виноват, Влад... – Она погладила его по плечу, волосам, прижалась к нему теплым упругим телом. – Все лекари через это проходят, нас даже учат отстраняться от больных, забывать, что они тоже люди. Иначе с ума сойдешь. Всех спасти нельзя. Даже магией. Мы не всемогущи. Это был тебе от Бога щелчок по носу, чтобы не забывал: мы люди и не всемогущи. Отдыхай. Я полежу с тобой тут, мне тоже тошно. Вместе легче.

Влад шевельнулся, обнял ее рукой и прижался носом к пахнувшим чередой волосам. Ни малейшего сексуального желания он не чувствовал, Марьяна, конечно, это понимала. Душа была опустошена и болела. Он потянулся к реке, зачерпнул Силы, перекачал в магический узел. Силы было потрачено много – три часа лечения девушки, да «крематорий», но оставалось не менее половины – он стал по-настоящему силен. Что, впрочем, ему не помогло... Радость от обладания Силой его немного утешила, и он заснул в объятиях посапывающей напарницы.

Утром у постели его ждал чистый комплект одежды, состоявший из нижнего белья, штанов и рубахи. Он вдруг вспомнил и забеспокоился: «Надо проверить, куда делся комплект «кевларового» белья, не дай бог еще куда выкинут... На него пришлось потратить уйму времени и сил, да и эффективность им была показана потрясающая».

У печи толкалась Фекла, гремя ухватами.

– Доброе утро, господин лекарь! Госпожа Марьяна сказала, чтобы вы обязательно покупали, а в клинику не ходили. Больных из-за метели немного, тяжелых нет, она сама справится, и чтобы вы занимались своими делами.

– Хорошо, Фекла, спасибо.

Влад потянулся, пододвинул ногой стул и сел. «При первой же возможности надо построить нормальный дом, – подумал он. – Не хочу жить в этом крематории».

События вчерашнего дня опять нахлынули на него с прежней силой. Он с трудом затолкал в себя пару яиц всмятку, запил чашкой чая и, торопливо одевшись, пошел в выходу. Вспомнил, обернулся:

– Фекла, как там мальчишка, что у стражников? Кормили его?

– Да постоянно кормим! Жрет, как прорва, не напасешься. Уже бегаёт по двору, Семен его сабли чистить наладил да дрова носить. Госпожа Марьяна говорит, ему двигаться больше надо.

Влад согласно кивнул, открыл дверь и захлебнулся морозной чистотой воздуха. В который раз его порадовала красота заснеженного леса. В городе и не увидишь такого великолепия, подумал он: грязные улицы, засыпанные песком и солью, слякоть, озлобленные и суетливые люди, спешащие куда-то, куда они все равно не успеют... А тут и спешить-то никуда не хочется... Что человеческая жизнь перед лицом вечности?

Он потер рукой нос и щеки, раскрасневшиеся от мороза, и пошел в стражницкую. На небольшом плацу, с криками и воинственными возгласами тренировались охранники. Их воинственные крики перекрывались ревом начальника охраны, изошренно и глумливо ругавшего подчиненных, с его точки зрения, недостаточно быстро и четко передвигающихся по площадке. Он перебирал всех их родственников до седьмого колена, рассказывая об их сексуальных пристрастиях, скрытых извращениях и связях с различными причудливыми животными, в результате которых и получился такой вот чудом выживший недосмотр природы, как этот несчастный стражник.

Влад засмеялся, услышав особо прихотливые обороты речи. Семену впору было издавать книгу типа «Мат как один из важнейших стимуляторов процессов, протекающих в коре головного мозга подчиненных».

– Вы, глистные выкормыши больного проказой енота! Вы чего двигаетесь, как лошади с перебитыми ногами! Васька, ты чего опустил желязку-то? Ты уже труп, несчастный выкидыш плоскостопой вуххоли! Сколько я раз вам говорил: следите за противником не глазами, следите всем зрением. Точка, за которой вы следите должна быть примерно на уровне груди! Вы должны следить не только за ним, но и за обстановкой вокруг! – Семен подошел к одной из сражающихся пар и быстрым движением врезал высокому парню по боку, тот охнул и зажался. Семен победно закричал:

– А ты что думал, ослиная башка, к тебе Марфутка подойдет в бою и за хрен подергает? Нет, тебе так подергают, что мало не покажется, больше никогда ничего дергаться не будет! А

твою Марфутку будет драть после Петька... Хотя тоже не будет, потому что он руку с мечом опускает и ему вместе с хреном ее отрежут. Я вам сколько раз говорил: бой это не дуэль, в бою не черта красиво прыгать как бла-агородные, ваша цель – как можно быстрее заколбасить противника и уйти драть Марфутку! Это пусть бла-агородные скачут, как танцоры, пока с вами в бою не встретятся. И следите за сторонами, вы спиной видеть должны!

– Командир, а как это спиной-то видеть?

– Повоюешь с мое, узнаешь. Научишься – выживешь. Не научишься – будешь червей кормить. Тут правило простое. Ладно, перерыв полчаса. – Семен заметил, что возле площадки стоит Влад и за ним наблюдает.

– Доброе утро, господин Влад. Что хотели?

– Семен, я вчера с тобой говорил насчет учебы, сможешь сейчас меня поучить владению мечом?

– Ну что же, если желаете – почему нет, – хмыкнул Семен. – Надо меч вначале подобрать вам по руке.

Они зашагали к стражнице, где отдыхали, отпиваясь чаем после потогонки, что задал им Семен, бойцы отряда. В углу на печке кипел котел с варевом. Оживленные разговоры при их появлении стихли, бойцы нестройно поздоровались с лекарем и искоса следили за подошедшими. Похоже, все уже были в курсе, что Влад собирается учиться ремеслу мечника.

Семен и Влад вошли в оружейную, сняв огромный амбарный замок с двери. Владимиру сразу вспомнилось, что его пришлось покупать у заезжего купца и этот прохиндей содрал за него кучу денег. Все-таки технологичные изделия в этом мире были довольно дороги.

В оружейной Влад сразу создал небольшой светлячок, чтобы хорошенько рассмотреть, что там находилось. На стеллажах, сколоченных из дерева без единого гвоздя (железо дорого, гвозди тоже применяли деревянные – шпильки из твердого дерева) ровными рядами лежали кольчуги, наплечники (большинство было захвачено у разбойников, у некоторых еще виднелись прорехи – результат работы молекулярным ножом). Их еще не успели отправить к кузнецу на ремонт.

В другом углу стояли, как винтовки в оружейной какой-то части, мечи, сабли, различного вида и конфигурации. Оружие было разношерстным: разбойники обычно старались выбирать то, которое соответствовало их пристрастиям и умениям, в отличие от какой-нибудь регулярной армейской части, вооруженной однотипными клинками. Тут же, на низком столе, были навалены кинжалы, засапожные ножи, кинжалы-даги.

– Ну что же, господин лекарь, выбирайте себе клинок по вкусу, – Семен с прищуром посмотрел на Влада. Он явно хотел посмотреть на то, как ученик будет выбирать меч – сразу станет видна степень подготовки. Опытный человек сразу видит, как кто берет в руки оружие, как с ним обращается, как стоит с ним и двигается.

Влад обошел, осматривая, пирамиду с мечами, внимательно изучая клинки. Взял в руки кавалерийскую саблю – нет, тяжеловата. Посмотрел на прямой меч типа корейского – легковат. В углу заметил катану – самурайский меч. Он взял в руки тяжелый, слегка изогнутый клинок, упер его в пол и нажал, изогнув, как полотно пилы, – клинок согнулся, как половинка бублика, но выдержал, а когда Влад ослабил нажим, он вернулся в прямое состояние с протестующим резким звуком, как будто был недоволен таким обращением. Черная длинная ручка клинка была обмотана ребристым шнуром, что-то вроде какой-то шершавой кожи, и ему вспомнилось, что на земле для этой цели применяли кожу акулы, не скользившую в ладони, даже если она была покрыта потом или кровью. Классный меч!

Влад когда-то очень интересовался холодным оружием, много читал о нем – хорошие мечи стоили целое состояние. Катаны вообще передавались из поколения в поколения в роду самураев и даже являлись объектом поклонения. И понятно почему – это было произведение искусства, без дешевой мишуры, украшения и позерства.

Видно было, что это достойный боевой меч, немало попивший крови своих соперников. Длина его была чуть больше обычной длины таких мечей – люди Востока, как правило, были небольшого роста, но тот, для кого делали этот меч, скорее всего, превышал соплеменников комплекцией, – меч был длинный и тяжелый. Владимир взвесил его на руке – баланс был превосходным. Рядом стояли черные лакированные потертые ножны – явно от него. Они тоже видали виды, лак с них местами слез, их покрывали царапины, видно, попутешествовали с ним немало. Влад вставил кончик меча в отверстие ножен и с легким стуком послал клинок на место.

– Вот этот меч.

– Ну что же, хороший выбор, господин лекарь. Теперь надо будет проверить, как вы с ним сможете работать. Петька, сбегай в лес и вырежи палку. Длинной вот с этот меч и вот такой толщины, из ольхи режь, а то притащишь сосну, все в смоле перемажемся. Вы пока идите к себе в избу, сейчас Петька придет, я за вами пришлю. Переоденьтесь там во что-нибудь полегче – в тулупе неподручно будет заниматься, вспотеете.

Влад вышел из стражничкой, с улыбкой отметив, что за спиной зашумели бойцы, предвкушавшие глумление Семена над страшным лекарем. Семен действительно был очень сильным профессионалом, и простой человек не смог бы простоять против него и минуты. Ну это закономерно – любого человека, обладающего маломальскими способностями, можно было дотянуть до такого уровня, если еще с колыбели начать учить бою.

Влад с мечом под мышкой вошел в избу, осмотрел свой немудреный гардероб и остановился на теплой меховой безрукавке, не стесняющей движения, под которую он надел вязаный свитер, на голову натянул уже отстиранную свою неизменную вязаную шапочку. Ну, вроде готов. Сунул ноги в короткие валенки – вот теперь точно готов.

Тут же в дверь постучали, и мальчишка, тот самый купеческий сын, сунул голову в комнату сообщил:

– Семен вас приглашает. Все готово.

Влад кивнул, потом жестом остановил парня:

– Ну ты как себя чувствуешь? Рвоты, поноса нет? В глазах не двоится?

– Да нет, господин лекарь. Слабость только да есть все время хочется.

– Ты не стесняйся, ешь, сколько надо, я Фекле сказал, чтобы она тебя кормила, как захочется тебе. Надо массу тела восстанавливать, организм требует. А то ты сейчас скелет какой-то.

Пацан радостно улыбнулся, и его голова исчезла из дверного проема.

На тренировочной площадке, утопанной множеством ног «выкидышей выхухоли», Влада уже ожидали Семен и целая толпа зрителей, желающих посмотреть, как будут учить таинственного и ужасного магика. Семен с непроницаемым лицом осматривал принесенную Петькой палку, длиной с выбранный Владом меч: взвесил ее на руке, провел по слегка ошкуренной поверхности рукой и довольно кивнул:

– Пойдет.

В левой руке его была похожая палка, только уже отполированная множеством ладоней. Семен протянул вторую палку – боккэн, как подсказала Владу его услужливая память. Лекарь сразу вспомнил все, что он читал или слышал когда-то о тренировочных мечах – боккэнах: впервые деревянный меч, повторяющий очертания настоящего (боккэн, или бокуто), ввел легендарный мастер XVII века Миямото Мусаси. Правда, такой деревянный меч все равно был грозным оружием, которым запросто можно было расколоть череп.

Самураи часто хранили боккэн дома, у изголовья. В случае внезапного нападения можно было с его помощью обезоружить и взять противника без пролития крови, просто, к примеру, перебив ему руки или сломав ключицу. Боккэн, переданный ему Семеном, был весом около двух килограммов – примерно такой же тяжелый, как его новоприобретенный меч. А тот в свою

очередь был тяжелее однотипных изделий, поскольку вес обычной катаны составлял около килограмма – килограмма двухсот граммов. Вес меча, скорее всего, был связан с его нестандартной длиной. Вес же тренировочного меча всегда немного превышал вес боевого. Для того, чтобы потом мышцы, привыкшие к большим нагрузкам, быстрее адаптировались к настоящему клинку.

– Господин лекарь, сейчас я покажу вам основные стойки и движения, которые вы должны будете усвоить в первую очередь, это как азбука. – Влад с досадой подумал: «Вот азбуку здешнюю я как раз и не знаю». – Я буду медленно выполнять стойки, вы их запоминаете и пытаетесь повторить. Итак, начали.

Семен плавным слитным движением встал в стойку.

– Я не буду вам преподавать искусство работы со щитом, вам это не нужно. Скорее всего, вы не будете работать мечом в строю. Основное для вас овладеть тем двуручным мечом, который вы выбрали. Этот меч годится для дуэлей, защиты себя самого и применяется у легковооруженных пехотинцев, которые и составляют основу всех воинских отрядов. Мы будем изучать работу мечом именно для таких ситуаций, когда вы бьетесь с легковооруженным противником – разбойниками, к примеру. У них не бывает тяжелых лат, против тяжелых латников у вас нет практически ни одного шанса.

«Ну да, – подумал Влад, – хрен вам, а молекулярное оружие на что?»

– Итак, первая стойка – «ястреб». Повторите!

Влад повторял и повторял стойки, связки. Семен с удивлением смотрел, что «ботан» уже с третьего-четвертого раза повторяет все четко и уверенно, выполняя любые самые сложные движения при переходе из стойки в стойку. Они перемещались по площадке медленно, плавно. Главное было добиться, чтобы движения выполнялись правильно, только тогда от них будет максимальный эффект – примерно так пояснял лекарю инструктор его задачу.

Надо сказать, что его уважение к Владу, которого он ценил и как умелого лекаря, и как бойца, в чем он лично убедился во время боя в деревне, еще сильнее возматывалась, по мере того, как Влад в считанные часы овладевал искусством мечника. Обычному человеку для этого требовались бы годы, но Влад обладал абсолютной памятью, в том числе, как оказалось, и мышечной. Ведь процессы в теле неотделимы от процессов в голове. Он схватывал просто на лету, уже уверенно передвигаясь в связках из стойки в стойку.

Семен продолжал инструктировать «новичка», говоря примерно то же, что и своим бойцам, только выбирая выражения – ну все-таки начальник...

– Вы должны максимально быстро убить противника, или хотя бы вывести его из строя, нанеся непоправимый ущерб. Для этого не нужно позволять затягивать себя в продолжительную схватку – исход поединка решается одним-двумя ударами. Этому меня учил мой учитель, он пришел с востока и преподавал в школе мечников. Стойка-уход-удар-другой – противник падает – переход в другую стойку. Встретил нового противника: уход-удар и так дальше. Клацанье сабельками оставьте для аристократов – дуэльки до первой крови... – Семен презрительно скривил лицо. – У нас принцип: он обнажил оружие против меня, он должен умереть. Все. Каюк.

Владу вспомнилось, что он об этом уже читал. Кодекс этого наемника четко повторял основные принципы мечевого боя, распространенного в Японии и Корее.

– Еще запомните одну деталь, господин лекарь: ваш меч очень хорошая, сильная вещь. Но, во-первых, стиль работы им отличается от работы тяжелыми прямыми мечами, кроме того – у него есть слабое место: если ударить его в плоскую сторону булавой или тяжелым мечом – он переламывается, как стеклянный. Значит, с ним вам нужно применять такой стиль боя, который исключит тяжелые удары по нему. Я видел вашу скорость, она просто феноменальна, вот и стройте свой бой на основе своей скорости – всегда уходите с линии атаки, а если нет

возможности – отбивайте удары косыми скользящими движениями, стараясь принять нагрузку на ось клинка, если, конечно, вы не хотите остаться с обломком в руках в две пяди длиной.

«Опа-па... – подумал Влад, – да, это точно. Надо будет поработать над структурой меча... мне такая засада не нужна».

Через полтора часа занятий инструктор разрешил перейти к более быстрым движениям и, убедившись в том, что Влад уже не ошибается, работать на максимальной скорости. Зрители с удивлением смотрели, как их командир с трудом выдерживает темп работы лекаря. Партнеры меняли стойки и передвигались все быстрее и быстрее. Сзади послышался знакомый голос:

– О, ты делаешь успехи, компаньон! – Влад отвлекся на голос и тут же получил «презент» на свою голову в виде увесистой шишки.

– Вот не надо отвлекаться, господин лекарь, – тяжело дыша, отметил Семен, пряча улыбку в усы. – А если бы реальный бой? Полбашки бы уже не было. Вначале вывести из строя противника. А потом уже смотрите, кто там кричит и зачем. Запомните это навсегда, и голова будет целее. На сегодня хватит – я сам уж запалился, а мне еще этих выхухолей гонять надо, – кивнул он на группу бойцов.

Оттуда раздался тихий, но вполне отчетливый голос.

– Сма-арика, мы выросли! Раньше были «выкидыши выхухоли», а теперь уже целые животные...

Все вокруг грохнули со смеху, Семен с Владом тоже не удержались. Отсмеявшись, Семен сказал:

– Вам еще надо подобрать метательные ножи – хорошее дело, без них никак. И надо будет из лука потренироваться.

– Вот тут я полный болван, – Влад с досадой ковырнул носком валенка мерзлое конское дерьмо, – никогда из настоящего боевого лука не стрелял. Вот с ножами когда-то тренировался. Хотя и не очень так, ну в юности баловался. А лука не знаю.

– Да ничо, с ножами я за день вас натаסקаю, ну а лук... Тут уж как получится. Может, вам арбалет лучше?

– Да лучше, конечно, маленький бы такой... А может, не связываться с ним? Я не собираюсь профессиональным военным становиться.

– Я вам так скажу, господин лекарь, мало ли что в жизни случится. Будем учить вас владеть любым оружием, что у нас имеется. А вдруг меч поперли ваш, а вы прямым эскадром не умеете пользоваться? А вдруг кроме лука ничего нет? Или – только сабля есть и кинжал? Нет уж, учиться, так учиться.

– Семен, мне надо за две недели натаסקаться так, чтобы никто не отличил меня от профессионального наемника. Возможно, мне через две недели придется уехать на время... Нужно сделать из меня солдата.

– Хм-м... тогда, знаете что, вам надо будет в кольчуге тренироваться, чтобы вы привыкли. Она, конечно, скорость снижает, но ни один наемник не будет ходить без нее и без шлема. Ладно. Я к завтрашнему дню подготовлю программу занятий, как завтра время появится – подходите, будем тренироваться. Главное, чтобы засветло было. В темноте какие занятия...

– Кстати, я тебе хотел сказать, я могу повесить на деревья вокруг светляки, будет светло как днем. И заниматься можно, и за территорией следить. И еще – я вчера выходил в лес погулять, а охраны вообще не увидел. Спят твои бойцы.

– Вы выходили с мешком, вернулись без него. – Семен пристально и внимательно посмотрел в лицо Владу. – Если вы не видите охранников, это не означает, что их нет и что они вас не видят. Зачем им маячить на виду у возможного противника? Они что, идиоты?

– Все-все, идиот я, – засмеялся Влад, – беру свои слова назад. Несут службу как надо. Извини. Так, ну я пошел, а то Марьяна там уже наприлопывалась. Давай вечером еще продолжим – подбери там мне перевязь с метательными ножами и потренируемся. И лук.

– Вот что забыл. Вы как собираетесь носить меч? На боку? На спине? За поясом? Как будете носить, так надо перевязь делать. Не думали над этим?

– Ты знаешь, как-то не подумал. – Влад растерянно развел руками и представил, где будет удобнее мечу. – Решил: за спиной. Ручка над правым плечом, наискосок. Ага, так лучше.

– Хорошо. Я тогда скажу, чтобы переделали готовую перевязь под вас – там есть две или три наспинные, а боец один у нас хорошо кожаным делом занимается, сын кожевника. А там, как в городе будете, новую купите, какую захотите. Тогда он зайдет. Дадите ему ножны, пусть пристраивает.

Мужчины разошлись. Семен зашагал к стражничкой, сопровождаемый группой возбужденных бойцов, обсасывающих каждый нюанс увиденной тренировки, а Влад подошел к Марьяне, встретившей его неожиданным поцелуем в щеку:

– Это что за нежности телячьи, компаньонка? Хочешь большой, но чистой любви?

– Дурак, – засмеялась Марьяна, – только не такой уж большой и совсем не чистой. Небось, скакал тут, употел... Да и не стоит у тебя на меня – на кривоногих да кривошеих тебя тянет, извращенец!

Они посмеялись, Влад легко взбежал на крылечко, как будто и не было изнурительных часов тренировки – все-таки в модифицированном теле есть много замечательных сторон, – распахнул двери, и они пошли обедать, встреченные ворчанием Феклы, сетующей опять на прожорливого мальчишку, который их всех обожрал, да только не в коня корм. Мол, «как была худая задница, так и есть, шибко костлявый, аспид».

Пообедав, они уселись обсуждать за чаем, что же готовит им день грядущий, злостный Селифан и очередные клиенты клиники.

Глава 6

– Что-то Селифан задерживается, уж к обеду должен был бы приехать. Крепко я ему вчера заехала... Может, там с сотрясением лежит. – Марьяна хихикнула и задумчиво помешала в чашке чай. Ты вообще думал, куда мы баб-то размещать будем? Ты зачем столько их набрал, всех трахать, что ли, будешь?

– Марьян, спасибо тебе, конечно, за лестные оценки моей мужской силы, только вот не для того я их сюда хочу определить. Ты не думала, что нам понадобятся работники для выполнения мелких домашних дел и помощи в клинике. Ну там проследить, чтобы больной лекарство вовремя принял, приготовить отвар, прибрать после приема, может, хватит нам самим за больными дерьмо убирать? Одна Фекла не справляется, да и стражников у нас прибавится... Кстати, я тебе такую вещь скажу: нам тут бабы нужны... и поговорчивее – толпа здоровых сильных мужиков без женской ласки, да они или друг друга ублажать начнут, или в деревню будут бегать. А значит, скандалы, разборки, проблемы. Или будут беспрерывно проситься на побывку куда-то там... Пусть лучше с санитарками этим занимаются, все на виду, да и присутствие баб подстегивает мужиков и себя показать, и в случае чего защищать, понимаешь?

Марьяна серьезно посмотрела на него:

– Да-а... Умно. Молодец. Но я не хочу, чтобы тут был какой-то публичный дом, их приструнить надо будет.

– Приструним, какие проблемы. Наложим на них заклятие от беременности, и пусть кувыркаются, в свободное от работы время. И все на местах, и при деле. Держать бесполезных не будем. Пусть будут типа санитарки-знахарки – траволечение, уход за больными... Ну то, что без магии. Кстати, надо еще проверить, мы не смотрели, а может, у них какие-то зачатки магии есть.

– Скорее всего, нет. Ты, думаешь, магии на каждом углу рождаются? Это один человек на десятки тысяч! И слава богу – нам конкуренции меньше. – Марьяна улыбнулась и прислушалась: – Да вон и Селифан катит. Мы куда этих телок размещать-то будем? Да, я все хотела спросить, а чего ты на этих хромах-косых запал-то?

– Марьян, ну это же просто. Я их поправлю, сделаю из них красоток. Видно, что они не дуры и вроде как не подлые – хотя кто их знает. Ну, будем считать, что они молодцы, станут у нас работать, помогать. То, что я их приблизил, отстранит их от остальных девок, будут у нас рулить санитарками. Одна – заведовать хозяйством, другая – кадрами. Молодую на хозяйство, пусть там травы учитывает, продукты. Да, вот еще что. Тебе не кажется, что нам надо завести бухгалтера?

– Кого? Кто это такой – бухгалтер?

– Ну человек, который учитывает и принимает деньги за лечение, считает расходы, следит, чтобы всем вовремя была выплачена зарплата. Тебе не надоело все время считать и писать, оплачивать за всякие мелочи и заниматься ерундой?

– Казначей, значит... Да надоело, конечно... А если воровать будет?

– Так проверить легко. Тем более что мы маги – неужели от нас скроет? Ты же можешь чувствовать, когда врут? И я могу. Аура меняется сразу. Как-то в желтизну начинает отдавать, проверял. Если что – сразу башку снесем.

– Ну уговорил. Кстати, не нравится мне, что у нас такие суммы хранятся прямо в доме. Надо нам счет в банке завести. В Лазутине есть отделение Имперского банка, там хранить можно, а отделения его по всему миру. Они сообщаются по магической почте.

– Упс, а такая есть? И как происходит это все? Как передаются сообщения? Ну ладно, потом расскажешь. Сейчас надо главным заняться – девок устроить. Значит, так: тут, в кухне, размещаем двух, о которых я говорил, а остальных пока оставим в помещении клиники. Как

из города привезешь плотников – сразу начнем строить нам новую избу. Не хочу я тут больше жить. – Влад покосился на темное пятно посреди комнаты. – Как построим, мы с тобой перейдем туда... – Он осекся, и посмотрел на Марьяну: – А может, тебе отдельный дом поставить? Чего ты будешь слушать, как я с девками развлекаюсь? Да и тебе надо... хм, жизнь личную налаживать. Как ты думаешь?

Марьяна задумчиво посмотрела в окно.

– Давай строить на двоих. С запасом. Чтобы, если что, и людей принять можно было. Там видно будет. Здесь полати поставим для двух девушек, в клинике тоже надо будет поставить. Тьфу, скоро больных принимать негде станет – в клинике и так Фекла живет, еще и четыре девки будут.

В дверь постучали, и, дождавшись ответа, вошел Селифан:

– Ну что, привез я вчерашних. Где размещать будем?

– Ну двух, Машку, и эту, как ее, ну с кривой шеей...

– Арину? – подсказал Селифан.

– Да, Арину. Давай их с вещами сюда. А остальных веди к Фекле в клинику и скажи, что я велела разместить. Еще сходи к Семену, пусть он помощь окажет девушкам в размещении – бойцов выделит, чтобы сколотили им топчаны, потом как следует устроим, через неделю строить начнем избу, а пока так перетопчутся, не баре.

– Да, ну не баре, да, им не привыкать. Думаешь, у нас хаты больно большие? Вповалку спят семьями, лишь бы тепло было. Да ты знаешь. – Селифан поднялся, надел треух и выглянул на улицу: – Эй, Машка и Аришка, подь сюда! Вещи, вещи берите, телки безмозглые!

Через минуту запыхавшиеся и румяные девчонки были уже в комнате. Марьяна тоже накинула полушубок и засобиравлась.

– Пойду посмотрю, как размещают девчонок в клинике, ты уж сам им тут объясни, что почем. – И она хитро улыбнулась, незаметно подмигнув скорчившему зверскую рожу Владу.

Он исподволь показал ей кулак, на что она ответила, показав за спиной выдвинутый средний палец. Влад как-то давно еще объяснил, что это означает, и теперь она с удовольствием продемонстрировала, как умеет пользоваться полученными знаниями.

Дверь захлопнулась, и Владимир остался с двумя девушками, растерянно стоявшими посреди кухни. Свои нехитрые пожитки они бросили у порога – это были два жалких узелка с парой нижних юбок, чулками да какими-то еще женскими мелочами.

– Ну чего вы как неродные встали. – Влад постарался вложить в улыбку как можно больше радушия – получилось у него явно нарочито, и они насупили брови. – Так, девки, я сам смущаюсь. Вы меня прям в краску вогнали, видите. – Он показал пальцем на свою щеку, надув ее как шар. Машка прыснула со смеху, Арина тоже улыбнулась. – Не такой уж я и страшный, и вроде не урод...

Девчонки опять нахмурились. «Вот болван, – подумал Влад, – ну зачем я про уродов-то? Они же инвалидки, а я напоминаю. Тьфу ты...» Он рассердился на себя, и, как ни странно, ему стало легче, и он уже спокойно сказал:

– Теперь вы будете жить у нас. Как и все остальные девчонки. Ваше отличие от них заключается в том, что вы станете как бы нашими управляющими по хозяйству. Ты, Маша, будешь вести учет: принимать деньги от больных, считать расходы. В общем, чтобы ты в любой момент могла сказать, сколько когда денег потрачено, а сколько получено. Ты, Арина, будешь заведовать остальными девушками: следить за порядком, распоряжаться кому отдыхать, а кому работать. А они, соответственно, будут ухаживать за больными, давать травы, лекарства. Если понадобится, надо, чтобы вы обе могли заменить одну другую, мало ли что случится в жизни. Вы писать-читать-считать умеете?

– Умеем! Нас дядька Селифан научил. Он всех учил в деревне, кто хотел. Многие парни и девки не хотели – ну а нам чего делать. Нас, уродок, никто замуж все равно не берет, так

хоть, может, за ум кто пристроил бы... – У Маши опять показались слезы на глазах, а лицо Арины покрылось красными пятнами и глаза тоже подозрительно заблестели.

– Ну и хорошо, что научил. Не научил бы – сложнее бы было. В общем, такие вот ваши обязанности. Мы в дальнейшем будем развивать хозяйство, так вы как раз к месту. Да, вот еще что: Маш, сбегай за Селифаном, я кое-что спросить у него должен. Ну-ка, слетай мушкой хлопотливой...

Маша подхватила и побежала к выходу. Дверь захлопнулась. Влад осмотрел потупившуюся Арину и спросил:

– Откуда у тебя горб взялся? Я забыл...

– Папаша спьяну уронил из люльки, я ударила шей и все... Потом стал горб расти. А потом меня всю жизнь попрекал за это, пока не утоп по пьянке в реке. Там полынью промыло, а он из кабака на тракте шел... вот и утоп. Туда ему и дорога. Всю жизнь мне сломал.

Дверь хлопнула, и вошли Селифан с выглядывающей из-за его спины Машкой. Влад пригласил его сесть, кивнув на стул, и приказал:

– Ну-ка, девчонки, погуляете, пока не позовем, нам поговорить надо.

Девушки вышли, Влад помолчал и спросил:

– Селифан, мы просили тебя связаться с управляющим графа и спросить о возможности покупки девок, узнавал?

– Узнавал. Вот купчая, заверенная по всем правилам. Их имена уже вписаны, осталось только имя нового их хозяина поставить да деньги получить.

– Сколько там денег? Сколько за них запросили?

Селифан хитро блеснул глазками и сказал:

– Шесть девок, за каждую по пятьдесят золотых.

– Селифан, побойся бога, какие пятьдесят золотых за каждую? Они все какие-то увечные! Ну, ты и выжига...

– Ну увечные, дак не совсем уж доходяги, не помрут враз, работать могут, грамотные даже, я сам обучал. Раз увечные, значит, хоть с грамотой где-нить устроятся, так я рассуждал. А я чо, это управляющий столько запросил, я ваще ни при делах.

Влад посмотрел на него магическим взглядом и увидел, как ауру того заливает желтый оттенок. Ох и врет, собака. Небось, от управляющего премию за каждую увечную получит: и от уродок отделались, и денег заработали. Ай да Селифан, ай да староста... Может, переманить его попозже к себе? Пригодится такой выжига...

– Ладно. Хрен с тобой. Иди с Марьяной уладь до конца, оформите документ при свидетелях. И расписку дашь на всю сумму. Понял?

– Да чо ж не понять, понял... – Селифан был такой довольный, как кот, нажравшийся сливок.

«Зараза, золотых на пятьдесят минимум нас нагрел. А то и больше, – подумал Влад. – Да и черт с ним. Пока все идет как надо... почти», – нахмурился он, глянув на пятно на полу.

– Давай сюда девок и шагай доделывать дела. Как закончим – деньги отсчитаем. Погодь, я сам позову девок. Иди.

Селифан вышел за дверь, Влад подошел к тайнику под образами, вынул половицу, нагнулся в подпол и достал мешок с золотыми, что передал ему торговец Панфилов. Отсчитал оттуда триста монет, подумал, достал еще пятьдесят, на мелкие расходы, и снова опустил мешок на место, замаскировав тайник половичком.

«Стремный какой-то у нас тут сейф. Надо что-то придумывать. Еще не хватало, чтобы нас обнесли...» С этими мыслями Влад ссыпал триста монет в один мешочек, пятьдесят в другой и сложил оба у себя в комнатке на кровати. Потом пошел к двери и, выглянув, позвал девчонок:

– Айда, красотки – толковать будем.

Пробежавшие мимо бойцы заржали:

– Красотки, тоже мне, одна кривая и горбатая, другая хромая и мелкая! То ли вон Марфутка была в трактире – хоть схватить есть за что! А это... недоразумения какие-то... Много надо выпить, чтобы захотелось потискать.

– Погодите еще, – усмехнулся Влад, – скоро они вам тут шороху наведут. Бегать за ними будете, как кобели, а только поздно будет. Девки тоже существа мстительные, не забывают обид.

Девчонки вошли расстроенные, видно было, что хоть им и привычно было слышать в свой адрес всякие гадости на посиделках, но там деревенские, свои, а тут молодые ребята, чужие... одно расстройство. Они чуть не глотали слезы.

– Ну что же, с вашими хозяевами мы все уладили, теперь вашими хозяевами будем мы с Марьяной. Обо всех ваших обязанностях я рассказал, кроме одной: бы будете делать все, что я скажу. Скажу, будете мне обед готовить, скажу, в бане меня мыть будет, скажу, спать со мной будете. Это четко вам понятно? Сразу еще поясню, чтобы потом не было слез и криков. Обо всем, что вы узнаете тут, из наших разговоров, из наших дел, полное молчание. Даже если вас пытать будут. Если кто-то проболтается о наших делах, о нас – язык отрежу. И будете до конца жизни ходить клеткотать, как орлицы. – Он сделал как можно более жестокое лицо: – Вам это понятно?

– Понятно... господин лекарь, – решилась Арина, – ну мы не против спать с вами, но вам не противно будет? Вы молодой, красивый, а мы уродки ведь. Зачем мы вам такие нужны? Или вы любите спать с уродками? У вас же госпожа Марьяна есть, мы-то, две вороны, зачем вам для этого нужны? Нет, ну мы совсем не против, нам приятно с вами лечь, с таким видным господином, а она-то не против будет? А то найдет на нас проклятье какое-нибудь, и так жизнь не сладка... – Из ее глаза выкатилась одинокая слеза и упала на доски пола, а Маша вслед за подругой тихо заплакала, уткнувшись в кулачок.

– Ша! Девки, чего разнюнились?! – Влад хлопнул слегка ладонью по столу. Я не извращенец, чтобы любить спать только с уродками, а Марьяна мне друг, компаньон, я с ней не сплю, она и настояла, чтобы купить девушек для меня. Так что можете не опасаться ничего. И вот еще что: я разве вам не сказал, – он хитро улыбнулся и осмотрел девчонок, – вы будете красавицами. Я в ближайшее время займусь вашими болячками – через пару дней вы будете краше, чем любая из барынь на тысячи верст вокруг. И ногу вылечим, и шею с горбом поправим. Только молчите и не болтайте Селифану, а то этот старый пердун цену за вас задерет – с него станется. Ну как, рады?

Девушки изумленно посмотрели на него, потом повалились ему в ноги и стали их целовать, рыдая и заливая слезами. Влад от неожиданности вначале подпрыгнул, потом рассердился и крикнул:

– Ну хватит, что ли! Вы как ненормальные, аж напугали меня. – Он засмеялся, сел на место и посмотрел на счастливо улыбающихся сквозь слезы девушек: – Все, все, кончились ваши беды. Теперь будет хорошая жизнь, все будут вам завидовать. Только смотрите, не скурвитесь, я предательства не прощу! – Он погрозил им пальцем. – Давайте-ка, расстарайтесь там чайку сделать. Налейте и себе, и мне, попьем, пока они там вошкаются.

Минут через двадцать в избу с шумом вошла компания, состоявшая из Селифана, Марьяны, Семена и нескольких бойцов. Селифан подозрительно посмотрел на счастливые лица девушек, но ничего не спросил. Сел за стол, они с Марьяной начали спорить о цене на девушек. Влад досадливо поморщился и махнул рукой. Через полчаса расписка и купчая были готовы, свидетели – Семен и еще один боец – расписались как могли в ней, и Марьяна забрала бумаги.

К тому времени и топчан для девушек был готов – не такой уж современный, но спать вдвоем на нем было можно. Девушки с Селифаном сбегали за периной к Фекле и под ее заунывные причитания об обормотках, обобравших несчастную старушку, перина был водружена на место будущего лежбища «заместительниц» Влада и Марьяны.

Это дело было предложено обмыть. За стол уселись Селифан, Марьяна, Влад и Семен – бойцов отправили в стражницкую, подальше от начальства – это вредит авторитету. Маша и Арина, уже по-хозяйски, вместе с Феклой, прислуживали за столом, подавали закуски и выставили на стол бутыль с отвратительно пахнущим мутным самогоном, который держали для таких случаев да для дезинфекции.

Фекла торжественно достала стеклянные стаканы граммов по двести, почти как в нашем мире, и в них разлили мутную сивуху. Влада аж перекошило от запаха – он с юности не пил даже водку. Работая в геологической экспедиции, так раз набухался по молодости, что у него выработался стойкий абстинентный синдром – то есть, если к нему в рот попадала жидкость крепче тридцати градусов, типа водки, его могло вывернуть наизнанку. Он очень тяготился этим недостатком. В жизни мешало: все бухают, а он сидит как сыч, – подозрительно. Зато Влад любил сухое и полусладкое, а больше всего – пиво. Он как хозяин стола встал и произнес тост – в общем, такую дребедень, которую принято нести за столом, чтобы с чувством выполненного долга нажраться до поросычьего визга и уснуть в тарелке с салатом. Все выпили – Влада перекошило, но он сдержался, все-таки за тридцать лет, минувшие с той памятной экспедиции на Тянь-Шань, его организм пообтесался о пиво и сухач.

Налили еще, теперь Селифан произносил что-то типа «от нашего стола вашему столу», – снова выпили. Бутыль прилично опустела. А Влад все это время наблюдал за Марьяной, которая выпивала вместе со всеми. После третьего стакана, когда языки мужиков уже начали заплетаться, она все поняла, посмотрела гневно на Влада, того разобрал смех, и он, чтобы скрыть его, наклонился под стол, сделав вид, что якобы чего-то ищет. Там он обнаружил, что Марьяна под столом усиленно показывает ему кулак, а еще пытается безуспешно дотянуться до него ногой, чтобы пнуть, сохраняя при этом прямую осанку и невозмутимое выражение лица.

Она прекрасно все поняла, когда выпила третий стакан и не обнаружила ни малейшего признака опьянения, что он чего-то там сотворил в ее организме. Марьянины печень и почки, молниеносно очищали кровь от «яда», коим был признан алкоголь, в ударных дозах поступающий в желудок. Он окислялся и перерабатывался практически прямо в желудке, не имея ни малейших шансов ударить ей по мозгам.

Влад незаметно развел руками: мол, издержки производства, зато теперь не отравишься. Марьяна еще раз показала ему кулак, уже ухмыляясь. В общем, пьянка закончилась ничем для хозяев, кроме почетной обязанности идти грузить пьяного Селифана в сани. Пьяный или нет, но мешочек с монетами он держал крепко, соображал трезво и посему приказал привязать его сани к другим саням, где дожидался возчик из деревни, и пьяный обоз двинулся домой.

Семен тоже отправился к себе в стражницкую, по нему практически не было видно, что он пил, только глаза блестели. Лекарки зашли в избу, теперь ставшую немного тесноватой от топчанов, кроватей, перегородок и бегающих заполошных баб.

Влад распорядился, чтобы натопили баню, и там пусть вымоются все прибывшие девки:

– Еще, не дай бог, какую-нибудь заразу занесут, санобработка нужна, – сказал он, велел, чтобы девушкам выдала и мыло, мочалки, кадушки для постирушек. – Воду сами пусть таскают из колодца. И пока не помоются – никого в дом не пускать.

Также он объяснил Фекле, чем будет заниматься каждая из девушек, приказав ей ввести в курс дела Машу, которая теперь будет заведовать хозяйством. Обязанности Феклы сократились: теперь ей предстояло только заниматься стряпней для хозяев и стражников с санитарками. Феклу это обрадовало – она, честно говоря, зашивалась со всеми делами и давно поговаривала, что ей не хватает помощниц.

Все разбежались кто куда, и лекарки остались одни. Они минут сорок сидели, молча отдыхая от разговоров, суеты и беготни, наконец, Влад спросил:

– Ну что, Марьян, как там сегодня прием был?

– Да ничего особенного – опять переломы, дети все катаются с горок... Денежных клиентов не было. Прошлая метель все испортила – дороги замело, самая глухая пора. Пока это протопчут еще. Тракт тоже стоит, говорят. Трактирщик стонет вон – клиентов нет. Но нам на руку, с этой суетой не до больных было. Ну теперь ты с бабами хоть будешь... – усмехнулась она хитро и посмотрела на Влада. Он поднял на нее глаза:

– Ты знаешь, мне дико это все. Людей продают как животных. Как это можно? Ведь фактически я могу убить любую из этих баб, и мне ничего за это не будет! У меня в голове не укладывается...

– Ну не ты, я могу их убить, и мне ничего за это не будет, – Марьяна засмеялась, – а ты за убийство моего имущества виру платить будешь по двойной цене, уплаченной мной. Но в общем-то так и есть, – она посерьезнела, – но не мы же установили такой закон. И сменить его тоже не можем. Я понимаю тебя... только что тут поделывать? И зачем? Меня лично все устраивает. Я родилась свободной, папаша кожевником был, вот лекарькой стала. Тем более что меня сейчас все больше и больше устраивает то, что мы делаем. Мне стало интересно жить, а то я похоронила себя в этой чертовой глуши. А из-за тебя это и не глушь уже, сюда люди едут, жизнь идет, мне уже хочется посмотреть: а что там получится дальше? Вот ты говоришь, личную жизнь устраивать. А ты спросил – а мне это надо? Магия – это не только благо, это и проклятье – видеть, как уходят твои близкие, а ты живешь, живешь, живешь... За мои сто двадцать шесть лет, – Влад поднял удивленно брови, – ...да, да, юноша, сто двадцать шесть лет, я как окаменевшая кость дракона уже, я похоронила трех мужей. Детей не нажила. Как представляю, что я живу, а они умирают... и не хочется детей. Магия по наследству не передается – никто не знает, почему вдруг у кого-то появляются способности обращаться с Силой. Я не хочу больше замуж. Если мне захочется переспать с мужиком – я всегда могу себе найти, с кем переспать. Вот ты... Я приду к тебе и попрошу: «Переспи со мной», – ты что, откажешь мне? Ведь не откажешь?

Влад мотнул головой:

– Нет, не откажу.

– Ну вот. А зачем мне от добра добра искать. Мне с тобой хорошо, ты хорош как мужик, хорош как партнер, хорош как надежный спутник жизни. Много ли женщин могут похвастаться таким другом? Я сейчас счастлива и боюсь все потерять. Пожалуйста, не устраивай никаких переворотов, не лезь очертя голову туда, куда не надо, посоветуйся со мной вначале – все-таки я подольше живу, в два с половиной раза дольше, хоть ты и сильнее меня как маг. Ты еще многое не знаешь об этом мире. Вот тебе не понравился крепостной строй. И что? Ты сейчас поднимешь восстание селифанов и полезешь воевать, собрав толпу крестьян, на регулярные войска, на кучу магиков? Можешь и полезть, я тебя знаю уже. Башка еще та, дурная. Только подумай – я тоже за тобой и полезу, и точно сгину. И девки вот эти ползут. И Семен с его пацанами. И все будут прахом. Ты этого хочешь? Не думаю. Так что пользуйся тем, что имеешь, и потихоньку все наладится. Вон и девки уже идут, довольные, напарились. Да, все забываю, тебе надо еще сделать документ. Ты пока никто, нет тебя на свете. У всех есть записи о рождении в церквах, есть бумага из магистрата – все чин по чину. А у тебя нет. Надо будет заняться.

– А ты когда собираешься поехать в город? Вроде завтра собиралась?

– Нет, послезавтра поеду. Завтра сил нету ехать после этих событий, – она кивнула на пол. – Ну все, давай девок встречать.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли красные, распаренные девушки, неся перед собой узелки с постиранными вещами.

– Девчонки, на печку вон развешивайте, пусть сохнет. За ночь там высохнет.

– Общежитие теперь какое-то, – засмеялся Влад. – Тут белье, тут топчаны, тут народу толпа. М-да-а... На старости лет опять в общагу попал. – Он засмеялся, прихлебнул из чашки травяного отвара и задумчиво посмотрел на девушек: – Девчонки, садитесь чай пить.

Он отодвинулся к стене и откинулся назад, внимательно разглядывая девиц. Они сидели в одних легких сарафанах и, смущаясь под его взглядом, жадно прихлебывали чай.

– Ну что, Влад, с кого начнешь? – Девчонки поперхнулись, и Маша надсадно закашлялась в кулак, покраснев и наклонившись к полу. Марьяна засмеялась: – Лечить, дуры, а вы о чем подумали?

– Сейчас передохну, подумаю, и приступим... Девушки, ну кто первая хочет стать красавицей?

Девушки пошептались и Маша, потупившись, негромко сказала:

– Я вроде...

Марьяна рассердилась и передразнила ее тоненьким голоском:

– Я-а-а... Что вы как овцы блеете? Говорите громко, свободно, четко. Все уже, ваша деревня Запердяевка осталась в прошлом, теперь вы служащие клиники! Хватит уже этого рабского блеянья!

Влад с удовольствием засмеялся и с теплым чувством посмотрел на Марьяну.

Хорошая она все-таки баба, как ему повезло, что выбросило его рядом с ней. Что было б, если бы не она? Кем бы он сейчас был? Скорее всего, разбойником. Во всех онлайн-играх он всегда был или вором, или разбойником, или убийцей. Видимо, брала верх бунтарская натура. Но в истории нет сослагательного наклонения: что было бы, если бы... А посему – ну все как есть.

– Девчонки, тут еще кое-что, о чем я забыл предупредить. Детей у вас не будет. Ну пока что лет десять, точно. А там видно будет. И еще, если будете с кем-то путаться, я узнаю – а я обязательно узнаю, то я верну вам прежний облик, только еще хуже сделаю, чем были. И выкину на тракт. Мне не надо тут шашней за спиной, без моего разрешения. И я не хочу в один момент от жениха получить нож в спину. Это должно быть четко понятно. Вы усвоили? – Он тяжелым взглядом посмотрел на девушек... Он заметил, как их лица на миг помрачнели, словно слегка померкли их радужные надежды, но потом они снова оживились в предвкушении радости:

– Да, господин лекарь, усвоили.

– Зовите меня просто Влад. А то больно долго это: господин лекарь. А Марьяну просто Марьяной. Теперь вы входите в наш коллектив, считай в семью. Поэтому мы будем на равных... почти. Ладно, все слова, слова... Маша, снимай с себя все и ложись на топчан лицом вверх. Арина закрой дверь на засов, чтобы не беспокоили. Меня нельзя отвлекать – а то вдруг напугаюсь и отращу Маше писюн на лбу. – Маша испуганно охнула, а Марьяна тихонько захихикала. – Да шучу, шучу я, дуреха. Ложись давай.

Маша скованно сняла с себя сарафан – под ним ничего не было, прошла к топчану и улеглась на спину, крепко зажмурилась. Марьяна подозвала Арину и прошептала ей на ухо, чтобы та собрала на стол. Когда Влад закончит, Маше надо будет восстанавливать силы.

Владимир подошел к лежащей девушке, осмотрел ее. Довольно неплохо сложена, хорошая фигура, груди, правда, торчат в стороны, как у козы – еще Марьяна это заметила прошлый раз, но это поправимо. Об эпиляции ног тут и не слыхивали. Ну что говорить – деревня. Живот довольно плоский, жировых отложений немного, кожа гладкая, чистая. Больная нога производила ужасно впечатление: будто бы ее перемололи в мясорубке, потом порубили еще кухонным ножом.

– Ну, начали! – Влад вошел в транс и стал рассматривать тело лежащей девушки магическим зрением. Провел над ее головой рукой – та сразу оцепенела. Он вошел в ее структуру – аура была довольно яркая, только над больной ногой проходили красноватые сполохи.

«А нога-то побаливает, – подумал Влад. – Ладно, начнем с главного».

Он накачал Силы в ауру, она ярче засветилась... Команда – кровь начала, как кислотой, растворять в себе ткани, кость растаяла... Команда – растаяли перекрученные и сросшиеся кое-как мышцы. Команда – кость заново стала формироваться из кальция, растворенного в крови... Организм, как программа компьютера, запустил самовосстановление, ему требовалось только давать толчки, указывать – что и где надо поправить.

Влад уже стал привыкать работать с нарушенной структурой человеческих организмов, опыт – дело наживное, он в который раз в этом убеждался. Чем больше работал с организмами людей, тем легче ему давались изменения.

Итак, кость уже выросла, вокруг нее стали формироваться витки мышц... Аура тревожно замигала – организм испытывал перегрузки. Мышцы пришлось формировать из крови и тканей тела, надо было пожертвовать частью жировых клеток на животе, боках и бедрах – ну ничего, будет всегда стройная.

Осмотрел тело – органы функционировали прекрасно. Ну а что может быть в семнадцать лет... Вспомнил вдруг: годы-то тут длиннее, на самом деле ей не семнадцать – больше двадцати лет. Ладно, педофилом он не стал и хрен с ним. К делу! Волосы пышные, русые и курчавятся. А ну-ка я ей прическу а-ля паж сделаю, – есть! Лишние пряди остались на подушке. А что, ей идет. Нос. Глаза... Лицо милое, приятное, можно сказать, красавица...

Упс, а зубы-то? Уже кариес начался. Сосредоточился – зубы посыпались из рта. Сзади ахнула Арина. Новые зубы полезли, полезли... Есть. Полон рот зубов. Уши не торчат, так-с, эпиляцию ей – все волосы на ногах и руках исчезли. Так, под мышке... Красиво получилось. Ох, просмотрел, лодыжки толстоваты. Делаем потоньше, икры чуть увеличим... кость бедра подлиннее... ага, модель. Ай да я! Тьфу, болван, а сиськи?

Пусть будет третий размер, раз они так любят... Вроде все... Нет, последний штрих: дай-ка я ей загар сделаю, легкий такой. Они тут небось на пляжах не лежат, а мне приятно. Закрепим... Есть! Хорошо бы ей сделать самовосстановление. Но это только магам возможно, простому человеку исключено. Вот теперь все.

– Просыпайся, красавица. Вот и все... Стоп, ляг назад, мысль одна пришла в голову. – Провел рукой над головой, сосредоточился... – Давай-ка мы тебе дефлорацию сделаем, чтобы не мучилась... Есть. Вот теперь ты женщина по-настоящему. Хе-хе, а я и восстанавливать могу... за отдельную плату. Подъем! Спящая красавица, проснись!

Девушка поднялась с постели, села, осмотрела себя, провела руками по высокой, упругой груди с торчащими розово-коричневыми сосками, потрогала волосы до плеч, схватилась за ногу и внезапно зарыдала, раскачиваясь вперед-назад...

Марьяна подскочила к ней, схватила руками за плечи.

– Что, что случилось? Болит что-то?

Та плакала навзрыд и не могла ничего сказать, потом, заикаясь и захлебываясь слезами и соплями, с трудом проговорила:

– Я... я не... не верила... Всю жизнь, всю жизнь мучилась... Болит, болит каждый день... а я терплю-у-у... А они-и... Они смеются... а мне больно-о-о... а-а-а они смеются...

У Владимира сжалось сердце и запершило в горле... Он все понял, что она хотела сказать. Все это время, что девчонка жила, над ней издевались деревенские, а больная нога доставляла ей страшные мучения при каждом движении. Вот тупорылые... Ему захотелось пойти и разнести чертову деревню по бревнышку. Несчастная девчонка. Марьяна плакала вместе с ней, подключилась и Арина, и они все завывали хором так, что он заткнул уши и заревел как гудок «КраЗа»:

– Ну хватит, что ли! Вы что взялись вопить, как на похоронах?! Машка, глянь на себя в зеркало – ты же смерть мужикам! А если еще приодеть как следует... А вообще, без одежды ты выглядишь гораздо лучше... – Он усмехнулся и подумал: «А ведь правда, хорошо вышло.

Длинные стройные ноги, как у танцовщицы, крепкие мускулистые бедра, без целлюлита и жировых отложений, плоский живот, крепкие полушария груди, задорно подрагивающие при каждом шаге».

Девчонки чего-то ворковали перед зеркалом, наконец всхлипывания прекратились и сияющая Маша, ничуть не стесняясь своего нагого тела, прошла к сарафану и, соблазнительно извиваясь, влезла в него. Теперь сарафан в груди был ей немного тесноват...

Они все вместе посидели за столом, Маша жадно набросилась на еду, как будто месяц не ела. Арина сидела рядом и украдкой поглядывала на Влада, ожидая, когда он ей прикажет лечь для операции. Он все медлил, хотя и знал, что девушка с нетерпением ожидает его приглашения. Ему надо было отдохнуть – с Ариной дело обстояло гораздо сложнее. У нее был поврежден позвоночный столб, а это серьезно. Через него проходят множество нервных нитей, соединяющих мозг с массой органов, порви одну – и будет беда. И нервы гораздо сложнее проращивать...

Через полчаса отдыха он уже был готов. Зачерпнув Силы, Влад еще и восстановил у себя самого чувство радости от жизни, и был совершенно готов к сложной операции...

Она длилась два часа, и в некоторые моменты лекарь был в очень сложной ситуации: перекрученные нервы рвались, восстанавливались очень медленно, даже при том потоке Силы, что он лил в девушку. Ему дважды пришлось рассасывать и восстанавливать кости позвоночника Арины – травма произошла очень давно, оттого кости, хрящи и нервы перепутались в клубок, не желающий как следует восстанавливаться.

Все-таки позвоночник сдался, и Влад перешел к другим органам: уничтожил начинающийся гастрит, растворил маленький камешек в почке, потом перешел к косметической хирургии. И Арине он сделал прическу а-ля паж, как фирменный знак клиники, грудь как у Маши, жировые клетки с живота и бедер убрал, зубы восстановил, немного добавил загара. Волосы на теле – долой! Девственность – долой! Хихикнул про себя и сделал ей на лобке «птичку», такую, как ставят в графе «за кандидата». Ноги чуть удлинил, икроножные мышцы сделал сильнее... Ну все. Готово.

– Вставай. Готово.

Арина поднялась, провела по сильно похудевшему телу, осмотрелась, потом медленно и осторожно, ступая от бедра, как женщина Африки с кувшином на голове, она подошла к Владу, обняла его за шею, несколько секунд смотрела ему в глаза и крепко поцеловала.

– Спасибо. Век не забуду. Умирать буду – не забуду.

Потом, покачивая бедрами, подошла к сарафану, надела, после чего, присев за стол, стала жадно поглощать еду, захлебываясь щами и давясь здоровенным куском мяса. Марьяна тихонько несколько раз хлопнула в ладоши, потом с улыбкой сказала:

– Ну, вроде все сладится у нас. По крайней мере пока. Давай думать, что делать дальше. Завтра занимаемся делами, как обычно, а послезавтра я еду в Лазутин.

– Я скажу Семену, чтобы выделил тебе двух бойцов. И вот еще что: возьми пару уроков у Семена, и пусть подберет тебе какое-нибудь оружие. Там мечи были неплохие, прямые, они поменьше, как раз для тебя. И еще: дай мне блузку какую-нибудь и нижнюю юбку – я над ними поколдую. Кстати, где мое то, ну ты знаешь какое, белье?

– Да постирано, я в сундук положила, на дно, как и тот нож.

– Хорошо. Да, вот еще что, платок дай, который на голову натянешь – тоже с ним поработаю. Запомни те вещи, чтобы другой раз не перепутать. Ладно. Занимайтесь тут, я пойду воздухом подышу.

Влад оделся, сунул ноги в валенки, нацепил свою незаменимую вязаную шапчонку и открыл дверь на улицу, оглянулся... Марьяна хлопотала над девчонками, подкладывая им еду, которую те сметали, как портовые грузчики после разгрузки корабля. «Как мамка над детишками хлопочет», – усмехнулся он и вышел на крыльцо.

Уже повисли синие сумерки. Темный лес стоял безмолвно, накрытый белым снежным покрывалом. Влад пошел вдоль плетня, вспомнил – повесил на конек клиники шар светляка, прошел дальше – повесил еще один. Обошел территорию и расставил огни так, чтобы все пространство вокруг домов было залито светом, не сильно ярким – он поставил небольшие светляки, но вполне позволяющим даже читать при нем, что-то вроде двадцатипятиватной лампы.

Возле тренировочной площадки он задержался и воткнул над ней большой светляк, с футбольный мяч, заливший пространство светом, как от галогенового прожектора. Подумал – погасил и повесил такой же, но повыше на сосну, чтобы глаза не слепило.

Подумал, ну на неделю хватит. Структура замкнута на себя, будут гореть днем и ночью. Вот ведь мир – на фига им развивать электросистемы, когда можно воткнуть шарик – и нет тебе никаких электрических сетей. Ох, как я их понимаю... Он улыбнулся и зашагал к стражницей. Оттуда раздавался смех, слышны были голоса. Он открыл дверь, и на него пахнуло теплом, запахами еды, мужского пота и перегара. Перегар главным образом исходил от Семена, вольготно разместившегося за печкой. Он храпел, как трактор «Беларусь», не обращая внимания на хохочущих и прыгающих по нарам стражников. Влад шагнул за порог, все стихли и повернули к нему головы.

– Что, командир приустал, спит? – указал он на дрыхнущего Семена.

– Спит, устал он, с нами весь день кружился, прилег немного!

– Разбудите, что ли... ночью выпится. Давайте, будите.

Парни попытались растолкать Семена, он только молча отбивался, потом совершенно трезвым голосом сказал:

– А вот я сейчас кому-то в ухо так засвечу, что оно за околицу улетит. – И открыл глаза. Увидел Влада, легко соскочил, быстро переходя от режима сна к бодрствованию, и проговорил:

– Да, помню. Сейчас пойдем. Я тама приготовил вам пояс с ножами хороший и на всякий случай кинжал.

Они пошли в оружейку, там лежал черный кожаный пояс, с креплением через грудь, наискосок, из него торчало штук семь метательных ножей, формой напоминающих рыбок, рядом лежал небольшой кинжал, простой, но сделанный добротно и качественно, несмотря на довольно простые ножны и незамысловатую рукоятку. Также Семен подобрал ему кольчугу – примерно прикинув на глаз размер. Она подошла, правда, только под тулуп, на безрукавку. Впрочем, так их и носили. Рядом же лежал лук со снятой тетивой и полным колчаном стрел.

Арбалет они брать не стали, так как там лежали арбалеты только большие, их надо было долго натягивать, чтобы подготовить к стрельбе, да и таскать такую тяжесть было глупо. Это оружие предназначалось для специальных отрядных стрелков. Легких же арбалетов, «пистолетных», не было.

Собрав эту кучу оружия, Семен и Влад вышли из стражницей. Над хутором, по периметру, сияли светляки, освещая территорию, как ясным днем. Семен одобрительно крикнул:

– Да, хорошо иметь магика под рукой.

На площадке они сложили оружие к пеньку, Влад снял тулуп и повесил его на ближайшую сосну, затем надел перевязь с ножами и стал прилаживать к груди. Семен помогал. Им пришлось провертеть лишнюю дырку в ремешках, так как прежний обладатель перевязи явно был не такого крепкого сложения, как Влад. Обычно такие перевязи носили люди небольшого роста, шустрые и быстрые, но которые не могли поднять тяжелое оружие, – это уже ему пояснил Семен.

Для наемника же метание ножей было совсем не лишним умением. Влад небезосновательно полагал, что, кроме действий по охране, ведению войны и прочих, гильдия наемников еще и принимала иногда заказы на устранение людей, разумеется, за большие деньги. Как ска-

зала Марьяна: «Ходили такие слухи, но никто ничего не доказал, а болтуны быстро исчезли, не успев поболтать всласть».

Кольчуга сковывала движения, а польза от нее было относительной – заговоренное белье куда прочнее этих игрушек из железной проволоки, легко разрубаемых прямым ударом катаны. Но Влад прекрасно понимал – без этой железяки ему не обойтись. Если он собирался под видом охранника попасть во внешний мир. И потому он смирился.

Они попробовали ножи – те были прекрасно сбалансированы, а Влад метал их великолепно, один за другим в течение двух секунд, – его новое тело точно выполняло все его запросы. Затем, выдернув ножи из дощатого щита, укрепленного с краю площадки, они перешли к луку, один вид которого навевал лекарю мысли о зубной боли.

Под руководством Семена Владимир натянул тетиву, легко согнув лук, наложил первую стрелу и выпустил ее в щит, больно врезав себе по большому пальцу. Так как он не целился как следует, стрела ушла куда-то в сторону и вместо попадания в очерченный центр мишени врезалась в самый край щита. Он выругался, Семен объяснил, как надо правильно держать лук и отпускать стрелы, – все оказалось не таким уж и сложным, и через полчаса и пятьдесят выпущенных стрел он уже легко попадал с двадцати метров в окружность, соответствующую по размеру человеческой голове. Большого ему и не требовалось.

Они свернули тренировку и разошлись по своим домам. Семен демонстративно свистнул, из-за сосен показались бойцы охраны, которых Влад не заметил, обходя по периметру хутор, победно оглянулся на лекаря и зашагал в стражницкую. Влад осторожно поднялся в свою избу – там уже улеглись спать. В углу горел небольшой, с горошину, светильник, который Марьяна, видимо, оставила, чтобы он не разбил себе нос. Она не знала, что Влад видит в темноте как филин.

Он прошел в свою комнату, разделся догола и нырнул под одеяло. Ему нравилось спать обнаженным, прикосновение чистой натуральной ткани к телу было приятным, да и тело так лучше отдыхало и дышало. Влад вспоминал день, прошедший довольно продуктивно и бурно, за тонкой стенкой шептались девчонки, потрясенные произошедшими с ними переменами.

Дом потихоньку потрескивал, остывая и поддаваясь легкому морозцу. В соседней клетушке вдруг зашевелилась на кровати Марьяна, слышно было, как она села, спустив ноги и шлепнув ими по полу. Она немного посидела, потом встала и, выйдя из своей комнатки, направилась к нему. Он лежал, не шевелясь, Марьяна встала у постели, взялась за подол и, резко подняв руки вверх, сняла с себя рубашку. Потом скользнула к нему под одеяло, с усмешкой шепнула:

– Ну хватит притворяться, я же знаю, что не спишь. Ах, спишь? Ну-ка сейчас проверим... – Она откинула одеяло, провела острым ногтем по груди, опускаясь по ней все ниже и ниже... обхватила его плоть рукой и стала возбуждать ритмичными движениями, приговаривая: – Ах, все-таки у нас что-то проснулось, вроде как и мужик тут...

Потом она одним кошачьим движением скользнула на него и закачалась во все убаюкивающем темпе, как будто скакала на диком аргамаке, несущемся по весенней степи... Полчаса ее стоны оглашали окрестности избушки, потом она затихла на груди Влада, расслабленно играя его соском. Он убрал ее руку – ему никогда не нравилось, когда женщины трогали его за соски – что за сласть такая у них? – погладил ее по шелковистой коже спины и сказал:

– Ты там поосторожнее, в дороге-то... С деньгами поедешь. Не дай бог что – хрен с ними, деньгами, бросай, если приспичит. Еще заработаем.

Она, как будто не слыша его, потянулась, потом села на край кровати и погладила его по бугристому жесткому животу:

– Как хорошо было. Я уж и забыла, как это бывает. Как-нибудь еще повторим, не все же этим свистушкам оставлять.

Упомянутые «свистушки» в кухне сдавленно захихикали под одеялом. Марьяна фыркнула и, не одеваясь, закинув на плечо рубаху, пошла к себе в комнату. Через полчаса весь дом уже спал...

Глава 7

Утро встретило Владимира женскими голосами и грохотом, вероятно, что-то упало. Он как подорванный подскочил с постели и бросился из своей комнатки, держа в руках катану, уже наполовину выдвинутую из ножен. Кровапролитию не суждено было свершиться, хотя заслуженную кару в виде тирады в адрес безруких тупых телок, которым не только ведро, но даже лопату для уборки коровьего дерьма и то доверить нельзя, кое-кто получил. Потом он осознал нелепость ситуации – голый мужик стоит с мечом на изготовку и вопит на двух девиц – и ушел в комнату, сопровождаемый хихиканьем и шепотками злостных девок.

Он стал одеваться, но вдруг ему вспомнилось: у печки стояло большое корыто и рядом два ведра с водой, – видимо, эта возня с ведрами его и разбудила. Он решил помыться – а для кого же еще корыто? – вышел из комнатки, как есть, голый, уселся в корыто и, демонстративно не замечая хихикающих охальниц, стал поливать себя водой из ковшика, черпая из ведер почти горячую воду.

Ковшик перехватили женские руки, и в течение двадцати минут Влад наслаждался преимуществами крепостного права, будучи оглаживаем, потерт и намылен всяко-разно во всех местах. Пусть даже и под хихиканье «покорных рабынь». Через еще полчаса он, накормленный и вымытый (что после прошлой ночи было довольно актуально), в сопровождении двух красоток шагал к своему рабочему месту. Марьяна, скорее всего, уже была там. А где ей еще быть? Не в избе, так в клинике, – тут в ночной клуб или в Макдоналдс не сквозанешь!

Дороги уже протоптали-проездили, так что от клиники раздавалось ржание, и гул голов, исходивший от довольно приличной кучки людей и коней. В общем, все как обычно, за исключением одного: Влад заметил группу вооруженных людей и двух лошадей, между которыми на укрепленных носилках кто-то лежал. Посмотрев на ходу в их сторону, Влад нырнул в теплое нутро клиники, пропитанное запахом мыла, сушащихся трав и паром какого-то варева, о котором Марьяна рассказывала четырем девушкам. Те, открыв рот, слушали гуру медицины. Так и хотелось сказать словами Райкина: «Закрой рот, дура! Я все сказал!»

При виде лекаря девушки замерли, челюсти у них, образно говоря, отвалились, как крышка у ковша экскаватора. Но это было не реакцией на его появление, а относилось к тем красоткам, что важно шествовали сзади. Влад оглянулся и с удовольствием оценил Машу и Арину, как художник, гордящийся своим шедевром.

– Привет, девушки. Вот будете как следует работать, и вас такими красотками сделаем. Ладно, к делу. Там люди какие-то с носилками, зовите сюда. Похоже, там серьезное что-то.

Одна из помощниц по знаку Марьяны побежала за больными. Через минут пять на крыльце клиники затоптали, и в дверь протиснулись четверо мужчин, закованных в железо. Они внесли носилки, на которых лежал бородатый седой мужчина, крупный, с ладонями, покрытыми мозолями явно не от копания канав и прополки огорода – мечника было видно сразу. Из груди его торчал обломок стрелы. Остальная часть явно находилась где-то в районе сердца. В помещении клиники сразу стало тесно, Владимир кивком отправил всех девушек наружу, оставив лишь сопровождающих воина, да и тех он попросил выйти за дверь – все равно помочь не смогут, только свалят чего-нибудь со столика.

– Вот, господа лекари, наш капитан. На тракте на нас напали неизвестные, он и получил стрелу в грудь. Трогать боимся, а довести до столицы шансов нет. Нам сказали, что вы тут лечите, мы и завернули к вам. Мы не рассчитываем, что вы его вылечите. Отдаем себе отчет, что вряд ли в этой глуши найдется такой лекарь как в столице. Но хоть что-нибудь сделайте, чтобы он дожил до настоящего лечения. Можете?

– Хм-м-м... – Влад с интересом воззрился на сопровождающего, – ну если вы не верите в наши способности, зачем к нам ехали-то? Ну и ехали бы в свою столицу! Ну, или там в Лазутине подыскали кого-то получше! Мы-то, убогие лекаришки, вам зачем сдались?

– Слушай, лекарь, – сопровождающий явно начинал злиться, – можешь – лечи! Не можешь – иди в задницу!

Влад стал заводиться:

– Слышь, ты, великий воин, а если я тебя туда пошлю, ты сейчас свалишь отсюда? Ты ко мне пришел, придурок, а не я к тебе, и ты еще оскорбляешь меня в моем доме? Да пошел ты в задницу, солдафон хренов!

– Что ты сказал, лекаришка?! – Мужчина рванулся к Владу, схватившись за кинжал, а тот уже приготовился засунуть этот кинжал куда следует... Марьяна схватила Влада за локоть, удерживая... Ситуация чуть не взорвалась, но тут вдруг раненый пошевелился и хриплым шепотом сказал:

– Тихо все! Из его соратника, сразу как будто вышел весь воздух, он обмяк, и Владимир подумал: «А мужик-то в авторитете, даже на смертном одре вон как все пугаются». Раненый, немного помолчав, с трудом выталкивая слова, добавил – Евпатий, ты не прав, оскорбляя лекарей. Правда, это мы приехали к ним в гости, а не они к нам. Господа лекари, я прошу помочь, мы щедро оплатим ваши услуги. Не беспокойтесь – делайте что можете, вас никто не обидит. Слышал, Евпатий, никто не обидит! – Он слегка возвысил голос, а потом откинулся на спину обессилено и на его губах запузырилась кровь.

Влад озабоченно посмотрел на раненого. Судя по пузырям, у него было пробито легкое. Если вынуть стрелу, он может сразу захлебнуться кровью и умереть в считанные минуты. Евпатий подозрительно следил за действиями лекарей, похоже, если капитан умрет, могут быть серьезные неприятности. Эти люди походили не на разбойников или каких-то залетных бродячих искателей удачи, а на воинов, прошедших огни и воды, скорее всего, это были наемники из гильдии. Тем более и звание их командира указывало на это: капитаном называли обычно руководителя регулярного отряда наемников. Это было что-то вроде старорусских дружин, в которые входили самые отборные воины этого мира, повязанные между собой кровными клятвами до конца жизни.

Владу как-то не хотелось обороняться от элитного отряда здешнего спецназа, поставившего целью наказать недобросовестных лекарей. Он посмотрел магическим взглядом на раненого – аура была очень тонка, в месте ранения ее почти не было, и вспыхивали темно-красные с черным всполохи. «Худо дело – подумал Влад. – Начни извлекать стрелу – неизбежно хлестанет кровь, сейчас пережимаемая стрелой, можем не удержать. И наконецник гадкий – весь зазубренный, с гибким откидывающимся при вынимании пером – его только вперед проталкивать, а впереди – позвоночник... Черт! Он в него и воткнулся. Согнулся и застрял, как крючок в кости».

Влад вышел из транса, Евпатий и раненый капитан с ожиданием смотрели на него. Раненый весь горел, походя на туберкулезного больного, а Евпатий угрюмо, с угрозой фиксировал взглядом движения лекаря, всем видом показывая: вот если бы не он, капитан, тут бы тебе и кирдык. «Интересно, чем ему так лекари насолили? – подумал Влад. – Или это просто такое отношение к «гражданским штафиркам»? Но в любом случае спасти больного надо»...

– Господа, я не буду скрывать, положение почти безнадежное. Стрела прошла через грудь, задев легкие и порвав крупные сосуды. Извлекать ее очень опасно. Нужна операция. Даже снимать кольчугу опасно – потревожим обломок, и может начаться кровотечение, тогда уже точно все... Мы попробуем сделать что-то, но мне нужны гарантии, что ни я, ни мои люди в случае плохого исхода не пострадают.

Честно говоря, Владу просто не хотелось вырезать весь отряд наемников, потом бросать насиженное место и бежать – работать все равно не дадут. А так-то ему было наплевать на их угрозы. Раненый нахмурился и слегка повернул голову:

– Евпатий, позови остальных.

Тот сразу же вышел из комнаты, и через две минуты в ней стало тесно от здоровенных, обвешанных оружием и закованных в металл мужчин, с жесткими, напряженными лицами.

– Я приказываю, что если меня не станет, не мстить лекарям. Я запрещаю мстить им. Капитаном, в случае, если я умру, назначается Евпатий. Все. Исполняйте. – Он повернул голову к лекарям: – Я все сделал, господин лекарь. Приступайте и ничего не бойтесь. Все равно до города я не доживу, знаю, так что терять мне как бы уже и нечего. В любом случае вам заплатят, при любом исходе. – Он немного подумал, с трудом приподнял руки и стянул с правой руки перстень с крупным красноватым камнем. – Этот перстень стоит три тысячи золотых. Это ваша плата. Сделайте все, что можете. Он вложил перстень в руку Влада, тот кивнул и обернулся к Марьяне, небрежно кинув перстень на столик для инструментов:

– Сходи в избу и принеси ножик... Ну тот, ты поняла. Только очень осторожно – без пальцев останешься. Господа! Все покиньте помещение. Здесь остается один больной. Это без комментариев. Все вон! Марьян, Арину пригласи, пусть помогает тебе. Все, время болтовни кончилось. По местам, господа! – Влад хлопнул в ладоши и без церемоний вытолкнул наемников из помещения. Раненый улыбнулся краем рта и с трудом проговорил:

– Вы не служили, случайно, господин лекарь... что-то мне это напоминает...

– Все, все молчите. Берегите силы. Сейчас начнем.

В клинике повисло тягучее молчание. Влад осмотрел помещение – дальний угол, в котором, видимо, находились лежанки для санитарок, был отгорожен от потолка до пола тканью. О том, что в помещении еще и живут, напоминали лишь некоторые детали, непонятные случайным посетителям, но видные Владу, проводившему тут все время уже много месяцев. На печи кипела в чугуна вода, на столике у операционного стола, лежали инструменты, чистые тряпочки, стояла бутылка с самогоном – для дезинфекции.

Через минут десять двери распахнулись и вбежали запыхавшиеся Марьяна с Ариной. Они скинули с себя полушубки, бросив их прямо на пол у занавески, Марьяна подала Владимиру молекулярный нож и открытую бутылку с самогоном. Тот мотнул головой, показал – мол, полей на руки, и она слила вонючую жидкость ему на кисти рук. Он энергично растер их, поболтал в воздухе, поводит плечами – ничего вроде не мешает.

Раненый с интересом наблюдал за его манипуляциями, больше всего его заинтересовал нож с черно-перламутровым цветом лезвия в руках лекаря. Влад не дал долго любоваться ему на себя и ввел в транс. Затем аккуратно приподнял кольчугу у подбородка, подsunул лезвие ножа и, с ювелирной точностью следя, чтобы лезвие не коснулось тела, распорол ее прямо до паха – она доходила практически чуть ли не до колен – перехватил и распорол до конца. Марьяна тут же раздвинула ее в стороны. Следом за кольчугой были распороты: кожаная безрукавка, поддеваемая под кольчугу, и нижнее белье, обнажив мощную, покрытую пластами мышц, грудь. Вокруг торчащего обломка стрелы уже развилось покраснение... Марьяна чистой тряпочкой, намоченной в самогоне, обтерла поле операции, все было готово.

– Ну, Господи благослови! – Влад занес нож, сделал разрез, потом засунул туда пальцы, глубже, глубже... нащупал мерзкий растопыренный наконечник стрелы и осторожно освободил его от тканей вокруг, потянул стрелу, цепляясь скользкими пальцами за древко так, что чуть не раздавил деревянное древко. Наконечник закрипел по кости, освободился, и стрела вышла из раны. Сразу хлынула кровь. Влад напрягся, Сила потекла из него, останавливая кровь, и... ничего не произошло. Его воля наткнулась как будто на стенку, он рванулся, ударил, еще ударил Силой... Еще ударил! Сила истекала из него фонтаном, но кровь останавливалась с трудом, он еле-еле сдерживал поток из порванных сосудов.

– Марьяна! Марьяна, срочно влей ему Силы в ауру, я не пойму, что происходит! Я не справляюсь! – Влад зарычал как зверь в отчаянии: – Уходит! УХОДИТ! Качай, качай!

Он держал капитана, затыкая дыры в сосудах, и думал, лихорадочно думал: почему не справляется? Где прокол? Вдруг одна мысль просто шибанула ему так, что заболел затылок, и он закричал:

– Арина! Быстро обыщи его! Ищи что-то на поясе или в кармане или еще где-то! Быстрей! Быстрей!

Арина трясущимися руками стала обшаривать раненого... Шли драгоценные секунды... Из Влада утекала Сила, а из капитана – жизнь. Наконец Арина вскрикнула и достала какой-то серебряный кулон, прицепленный специально застежкой к поясу.

– Рви! Рви его! Вот он, зараза!

Арина пыталась сорвать кулон, но серебристая цепочка не поддавалась. Она в отчаянии дергала ее. Влад отбросил Арину левой рукой, так, что она отлетела к печи, и рванул кулон – цепочка выдержала, но ремень лопнул, как гнилой, прорезанный странной цепью. Он бросил кулон на цепочке к порогу и крикнул:

– Вон его! Это амулет! Он блокирует меня!

Арина на карачках подползла к амулету, приоткрыла дверь и выкинула его наружу в толпу людей. После этого Влад вздохнул свободно – кровь тут же остановилась, он зарастил порванные сосуды, и организм, черпая ресурсы из крови, из тканей, стал приходить в себя.

Лежащий похудел, осунулся, но пульс его стал спокойным, давление в крови нормализовалось, а печень, подстегнутая командой лекаря, усиленно вырабатывала кровь взамен вылившейся и использованной для строительства новых кусочков легкого и мышц. Через еще полчаса о ране говорила лишь кровь, покрывавшая грудь лежащего, стол, руки и лицо лекаря – она фонтанировала из раны пенистой струей. Влад устало сел на табуретку у стола и положил гудящие руки на колени.

– Марьян, качни ему в ауру Силы, я передохну немного. Почти пустой весь. Чуть-чуть успели. Если бы не ты, и если бы я не догадался, что у него какой-то охранный амулет, блокирующий воздействие на его тело – канты бы ему. Эти солдафоны не предупредили меня, что он закрыт амулетом... Да может, и не знали. Следовало бы догадаться – на будущее урок. Ты-то, кстати, почему не подумала? Ну я-то тупой, не знал, что такое возможно, по понятным тебе причинам, – Влад не хотел при посторонних вслух говорить, откуда он взялся – лишние вопросы, лишние разговоры, – но ты-то, неужели не догадывалась?

Марьяна растерянно оглянулась на него:

– Да кого я тут лечила-то, деревенских? Откуда у них силы на такой амулет? Откуда я могла знать, что у наемника окажется такая штука? Он стоит как три деревни крепостных! Чтобы его напитать Силой, магик уровнем не меньше магистра месяц сидит, качает в него, с короткими перерывами на сон и отдых! Я вообще поражаюсь – как ты смог его передавить... Значит, у тебя уровень поднялся уже выше магистра... по крайней мере того, что делал амулет.

– Надо заняться изготовлением таких амулетов... Смотри, сколько денег стоят, а мы тут в гное купаемся за гроши... – Влад посмотрел на лежащего, встал, подошел к нему и оглядел тело еще раз: устранил начинающуюся язву желудка, поправил барабанную перепонку, видимо, некогда поврежденную или ударом, или от простуды, скорее всего, капитан хуже слышал на одно ухо, хотел вырастить два зуба вместо выбитых, сбоку слева, но не стал. К чему лишние разговоры... Подкачал в ауру энергию из остатков Силы в своем узле. – Ну, вроде все. Можно будить.

Марьяна, обиженно заметила:

– Ну и не за такие уж гроши ковыряемся. Вон – алмаз красный дали нам за работу. За него всю деревню эту можно купить.

– Д-а-а-а? Всех баб? – Влад засмеялся, а Марьяна стукнула его сложенным передником по голове:

– Кобель! Только и думаешь, кого в кровать уложить! Охальник!

Влад хохотнул и сказал:

– Вот и супруга мне всегда об этом говорила – всегда все опошлешь! – Он погрузился, как всегда было, когда вспоминал прошлую жизнь, потом встряхнулся: – Все, будим, хватит валяться ему. Пусть воюет дальше. Упс! Привет, господин капитан! Как самочувствие?

Капитан медленно поднялся, сел на край стола, задрал ноги на металлические бортики, потом тяжело, но уверенно спрыгнул. Осмотрел себя, удивленно подняв брови при виде распоротой, как бумага, кольчуги, шевельнул ногой кривой наконечник с кусочком расплющенного на конце древка и сказал:

– Я поражен, господа целители. Чтобы в такой глуши, в такой, хм, дыре, простите меня за такие слова, нашлись магии вашего уровня... Я просто потрясен.

– А уж мы-то как потрясены были, когда пришлось наткнуться на действие вашего охранного амулета! Вот где было-то потрясение! Я от злости чуть не... в общем, мы чуть не погибли из-за того, что вы не сочли нужным сообщить нам о наличии магического амулета.

– Я приношу свои извинения. Мне простительно – я последние сутки без сознания болтался меж двух лошадей, а мои соратники не знали о нем. Куда вы его дели?

– Ну куда... Выкинули на улицу. Куда нам его... Он тут так излучал, что я еле его переборол! – Влад поперхнулся и сказал про себя: «Вот ты, дурак хренов, ну кто тебя за язык тянул!»

Капитан внимательно поглядел умными глазами и медленно сказал:

– Мне его делали по заказу в столице два магистра высшего класса... Говорите еле перебороли его? Хм... м-да. Ладно, потом поговорим. Куда вы там его кинули? Пойду подберу... Все-таки он стоил мне целого состояния. Он накинуд шубу, похоже, из медвежьего меха и вышел на улицу. Целители устало расселись вокруг печи на табуретках, наслаждаясь живым теплом, струящимся от беленой стенки.

– Ты знаешь, Марьян, а я ведь реально могу такую штуку сделать. Чего проще – напитал Силой объект, задал задачу – отбивать любые атаки на тело того, чья аура в этом амулете. Я посмотрел как там сделано, чтобы он откликался только на определенного человека, там привязана часть его ауры, эта часть соединяется со всей аурой, получается замкнутая на себя структура, у которой одна задача, и она выполняется, пока Сила, заключенная в амулете, не исчерпана. Чем больше силы, тем дольше он будет работать. Но я основательно его потрепал, – Влад слегка улыбнулся. – И еще: ведь можно тогда по этому принципу создавать амулеты защиты от физического воздействия! Запросто могу. Что, есть такие или нет?

– Есть, да. Но опять же – стоят дорого, и делать их могут только магии высших уровней. Вот ты говоришь, амулеты делать – а кому их продавать? Стоят они бешеных денег, купить их могут только очень богатые люди. Снизить стоимость? Высшие магии тебя не поймут, да и сидеть неделю напитывать амулет, чтобы получить за него десять золотых? Не оправдывает себя.

– Ну ладно. Давай пошли обедать, я пустой как барабан, да и ты не лучше – нам надо еще и подпитаться Силой. После обеда остальных примем. Арина, давай организуй санитарок, пусть все тут вымоют, а капитану дай вот этого отвара, это укрепляющее, пусть выпьет, и с собой ему налей. Пусть пьет три раза в день, да и ест почаще, как захочется. Он много крови потерял, ему обязательно надо много есть. Ну все, пошли.

Они оделись и вышли на площадку перед клиникой. Разговоры в очереди сразу стихли и Влад негромко сказал:

– Уважаемые, нам после сложного лечения нужно передохнуть и пообедать, после обеда будем снова принимать. Извиняйте.

Толпа одобрительно зашумела:

– Ничего, господин лекарь, мы потерпим! Обедайте!

Влад и Марьяна пошли к своей избе. Навстречу им попалась стайка девчонок-санитарок, которых сердитая Арина выудила откуда-то из стражничкой, где они весело проводили время в беседах с молодыми бойцами. Арина подгоняла их пинками, припоминая, видимо, обиды всех тех лет, когда она была уродиной. Влад весело подмигнул Марьяне:

– Пошло дело!

Скоро они сидели за обеденным столом и наслаждались горячими щами. Есть щи Владимира приучил его отец, бывший из коренных донских казаков. Дома щи не переводились, и чуть ли не под страхом ремня дети обязаны были их есть каждый день. Что, в общем-то, совсем не вредило их здоровью, а скорее, наоборот – у брата Владимира к сорока года не было ни одного больного зуба, у него самого тоже с зубами был порядок, за исключением одного, выбитого в драке. Впрочем, поедание щей никак не помогало их отцу и матери – вечно мучились с зубами.

В дверь постучали, Марьяна ответила, вошел давешний больной капитан. Он одобрительно оглядел избу, отделанную тканевыми обоями, посмотрел на лекарей и сказал:

– Извините, что отрываю от отдыха и трапезы, поговорить хотелось бы.

Влад встал, пододвинул ему стул, Фекла по его кивку приняла у гостя шубу, не глядя скинутую ей на руки, и капитан подсел к столу. Опять по кивку Влада Фекла налила ему большую чашку щей с куском мяса, капитан было хотел что-то сказать, сглотнул слюну и начал осторожно, но с наслаждением хлебать. Влад в ответ одобрительно кивнул, и они насыщались еще минут пятнадцать в полном молчании. Наконец щи были доедены, мясо тоже, чай по чашкам разлит, и пошла неспешная беседа. Начал капитан, сразу в лоб:

– Господин лекарь, кто вы такой? Только не надо поспешных слов. Я скажу то, что я знаю. На обычного лекаря вы не похожи – у вас руки, явно умеют держать не только вилку и кухонный нож, вы очень опасный человек, я видел, знаю таких, и чувствую таких. За мои сорок лет я попутешествовал и видал всяких людей. Вы не профессиональный военный, хотя явно умеете командовать и подчинять себе людей. Вы не простой лекарь – просто лекарь не продавил бы амулет, который делали два магистра высшего класса. Я расспросил людей – вы появились тут довольно недавно, в отличие от вашей напарницы. Так кто же вы?

– А с какой целью вы спрашиваете? Вам-то какая разница, кто я? Мы вас вылечили, получили плату, вы довольны лечением... Ведь довольны же? – Капитан кивнул. – Так в чем дело? – Влад досадливо мотнул головой. – Так зачем вам все это? Почему люди никогда не довольствуются тем, что знают... Любопытство, или что?

– Или что. Понимаете, теперь разнесутся слухи о высшем магистре, который умеет ломать амулеты, сделанные высшими магистрами, о кудеснике, способном лечить безнадежных больных, об опасном человеке, который живет где-то в глуши и не влезает в рамки понимания... Что за этим последует, вам не интересно? Вы не подумайте, я отношусь к вам с благодарностью, жалко было бы, если бы вас тут кто-то обидел...

– И к чему вы ведете? – Влад подумал про себя: – Эээ... слышал я такую песню, не раз слышивал. В лихие девяностые. А не крышу ли ты нам предлагаешь, мудрец? – Господин капитан, извините, я не знаю вашего имени...

– Борислав Володин.

Как-как? – поперхнулся Влад, – Володин? – Подумал: «Не хватало мне еще тут наемника с фамилией, как у одного... тьфу!

– Вы что, слышали обо мне, – прищурился Борислав.

– Я слышала, – сухо сказала Марьяна.

– И что слышали, надеюсь, хорошее? – усмехнулся капитан и отхлебнул из чашки. – Все врут и все врут, не верьте.

Влад опять поперхнулся... Да они сговорились, что ли?! Теперь Доктора Хауса мне тут цитирует! Черт, как далеко теперь от меня та жизнь... Как и не бывало... как будто приснилась. Теперь вот смотрю на мужика в кольчуге, обвешанного клинками, и мне не кажется это странным! Человек, как известно, ко всему привыкает...

– Слышала, что вы опасный человек, интриган, вертитесь при дворе, не брезгуете участвовать в мелких феодальных войнах, обычно на стороне победителя, богаты, цените друзей и жестокости с теми, кто перешел вам дорогу. Держите слово. Вот, в общем-то, и все.

Капитан от души посмеялся, с удовольствием разглядывая Марьяну.

– Вы умная женщина, да еще и красавица – страшная смесь! Господин лекарь, я вам завидую: иметь под рукой такой клад! Берегите ее... – Он посерьезнел. – Ну, вижу, вы меня уже немного знаете. А я вот вас нет... И это меня беспокоит.

– Капитан, давайте не тянуть кота за хвост. Вы предлагаете мне защиту и покровительство в обмен на часть доходов, получаемых нами в будущем, я так понял? Давайте без уверток, напрямую, как солдат с солдатом!

– Как солдат с солдатом? – Капитан осмотрел фигуру Влада и задумчиво проворчал: – А что, может быть, да... О чем это мы... Ну, говорим напрямую. Хорошо, вы в общем-то верно выразили мои пожелания. Я вижу в вас потенциал, который позволит развить в дальнейшем дело так, что оно будет приносить большой доход. Естественно, как человек разумный, я не могу пройти мимо потока, выносящего на берега золотой песок и не воспользоваться этим. Это само собой...

– Мне интересно, а как вы собираетесь учитывать свою долю прибыли в нашем предприятии? – Владимир толкнул ногой Марьяну, пытающуюся что-то возражать. – Ну вот мы вам скажем, что заработали сто золотых, а сами прикарманим тысячу. И как тут?

– Ну для того есть свои казначеи. Мы поставим своего казначея, и он будет вам помогать вести дела: учитывать все поступающие деньги и выдавать вам то, что вам причитается. Подпишем договор – и все будет хорошо!

– Ясно. Значит, мы будем в вашем подчинении, а вы будете нам платить заработную плату, когда вам захочется. Интересно, а где тут наша выгода? – Влад с интересом наблюдал за капитаном – этот развод его развлекал. Было даже интересно: смотреть, как в этом средневековом мире занимаются рэкетом. После того, что он прошел в девяностые, это казалось ему детскими играми.

– Ну у вас будет моя защита... Никто вас не посмеет тронуть, мои бойцы будут охранять вас круглосуточно, а они лучшие в мире, заверяю вас. Спокойно лечите себе и все. Делайте деньги.

– Знаете, Борислав, нас это не устраивает. Защищаем мы себя сами, в хозяевах не нуждаемся, хотя и от дружбы не отказываемся. – Влад подумал: «Сейчас будет кнут. Чем пугать будет, ну-ка, ну-ка...»

– Ну, знаете, вы в глуши живете, охрана у вас слабая, лихих людей хватает – налетят, побьют всех, женщин ваших обидят – вам это надо?

Влад кивал в такт головой, делая удрученное и глуповатое лицо. Пусть, пусть думает, что на лошка наехал. Ишь, какие намеки, разговоры... Его охватила злоба, и он заметил, как Марьяна обеспокоенно взглянула на него и кашлянула, предупреждая: мол, не надо ничего, «охламонись». Капитан же ничего не замечал, увлеченный расписыванием благ под его мудрым руководством и страшных опасностей, подстерегающих неразумных лекарей.

– Я понял, господин капитан, давайте весной вернемся к этому вопросу, хорошо? Сейчас мы еще не готовы ответить. Видите, тут у нас перестройка идет, вот помещение надо построить для санитарок – ну девушек, видали, стайка бегала – они ухаживать за больными будут. Мы тут хотим стационарную больницу сделать. Вот весной и поговорим на тему сотрудничества. Хорошо?

Капитан замолчал, видно было, как в его голове крутятся шарики, прикидывая выгоду: сейчас задавить этого лекаришку, или тогда, когда они тут все на свои деньги наладят? И потом решил – лучше тогда, когда наладят. Куда они денутся потом?

– Хорошо, уважаемый лекарь, как вас? Ага, Влад. И Марьяна. Я понял вас. Я подожду до лета, укрепитесь, а там и поговорим. Спасибо за угощение, за лечение, пора и честь знать. Девушки отвара мне дали, буду пить. Очень хорошие девушки. – Он подмигнул лекарям, надел поданную ему Феклой шубу, и вышел из избы. Лекари помолчали, потом Марьяна с облегчением сказала, вздохнув:

– Ты молодец. Я думала, ты тут же ему башку снесешь, а потом пойдешь остальных резать. Это было бы скрыть невозможно, это не мелкая банда разбойников. Гильдия наемников – это серьезно. А он там не последний человек. Теперь скоро жди пакостей – какие-нибудь «залетные» разбойники налетят, или хулиганство какое-то начнется... пакости. Тошнехонько что-то мне...

– Не дергайся. Наезды начнутся не так скоро, он тоже не дурак. Времени у него полно, до весны еще два с половиной месяца, вот в последний месяц и начнется все. А до тех пор мы должны все наладить и когда придет весна... Ну, никогда не поздно башку снести и перерезать, ведь правда же? – Он засмеялся и откинулся на спинку стула. – Ты вот что, давай-ка мне свое нижнее белье – я буду броню делать. И сейчас схожу подберу меч тебе. Ты там приемом больных займись – вроде ничего сложного не было, теперь у тебя Силы хватит. Кстати, как она у тебя, развивается?

Марьяна в ответ создала светляк размером с голову ребенка.

– Как видишь. Раньше я больше чем с ноготь не могла. Спасибо тебе. Ну пошла я, окунусь опять в дерьмо. А ты иди в стражницкую и там хорошенько обсуди с мужиками баб, погоду и сабли – ну, то есть то, чем вы обычно занимаетесь вместо работы. – Они рассмеялись, а потом Марьяна подмигнула ему: – И спасибо тебе за прошлую ночь... Ты правда настоящий мужчина. Так, только не лопни от гордости. Вона вижу, как уже грудь раздувается, как у индюка!

В стражницкой было людно, бойцы только что пришли с занятий, Семен сидел за столом хмурый и прихлебывал из кружки горячий узвар.

– Привет, бойцы! Привет, Семен! Чего грустный такой, случилось что?

– Потом поговорим, а то тут вон сколько заячьих и поросячьих ушей. – Бойцы грохнули, они любили своего командира, хоть он и гонял их в хвост и в гриву. – Что хотели, зачем пришли, Влад?

– Завтра Марьяна поедет в город, ей надо выделить двух сопровождающих, и подобрать нужно меч по руке. Я думаю, ей надо дать прямой китайский меч – я видел в оружейке такой, ну и кинжальчик небольшой. Давай посмотрим, что и как.

Они выбрали оружие, Семен предложил и кольчужку подобрать – Влад отказался. Наконец, они вышли на свежий воздух, подальше от любопытных ушей, и Семен начал разговор:

– Влад, вы с Марьяной понимаете положение? Борислав не тот человек, что бросит идею и отстанет... Пока он вас не подомнет, он не успокоится. Я знаю все.

– А кто тебе доложил?

– Да вы думаете первые такие, что ли? Обычно все и начинается с посещения им чьего-то хозяйства, а потом... а потом или они работают на него, или уходят. Вот и все. Пусть в этот раз он и случайно к вам попал, но я-то знаю его... и давно знаю. Лучше бы он помер у вас там, на столе... прости Господи.

– Ладно, Семен. Я рад, что не ошибся в тебе, в твоей верности. Я все понимаю и в таких ситуациях я бывал, поверь. Нам надо дотянуть до весны, а там посмотрим... Они еще пожалеют, что с нами связались. Знаешь, в одной далекой стране есть у мастеров боя такое высказывание: «Напавший на мастера проигрывает не потому, что напал слишком быстро или слишком медленно, а потому, что напал». Так что Борислав сильно ошибся. И мы ему это докажем.

– Ну-ну... – Семен недоверчиво покивал головой, – время покажет.

Он развернулся и вошел в стражницкую. На самом деле Владимир не испытывал такой уверенности и бодрости духа – все было сложно и будет еще сложнее. Но нельзя допустить, чтобы подчиненные видели его неуверенность. Да и что он терял? Жалко, конечно, насиженное место. Но деньги есть, и коли что – собраться с Марьяной, прихватить с собой всю компанию и рвануть куда подальше, где не достанут. Прокормиться-то всегда они смогут и прокормить свою челядь. Времени у них хватит. С этими мыслями он пошел в избу заниматься колдовством. Марьяны в доме не оказалось, Маша с Феклой обсуждали какие-то хозяйственные дела, потом и Маша ушла, видимо, направившись в клинику, принимать кассу и вообще заняться по хозяйству.

Фекла гремела ухватами и кочергой, помешивая угли в печи, а Влад сидел перед двумя мечами и соображал, как лучше сделать: если сделать мечи такими же, как и его нож, это будет опасно. Начать с того, что он не будет держаться в ножнах. Любое прикосновение ему чревато увечьем. Бой таким мечом может привести к непредсказуемым последствиям. Ну, к примеру, удар нанесенный противником прямо, и заблокированный подобным мечом так же опасен, как будто и не закрывался от него: меч противника будет перерублен как прутик, а отрубленная часть полетит дальше, по траектории удара. И благополучно врежется в защищавшегося. А это надо? Нет, не надо. Значит, следует сделать так, чтобы клинок не ломался, чтобы не тупился, а держался в ножнах и перерубал чужие клинки, но... не до конца. Задача. Влад задумался, а потом хлопнул себя по лбу: «Да какого хрена, все просто!»

Он вынул тяжелую катану из ножен, полюбовался совершенством линий и строгостью отделки, положил на стол и сосредоточился. Магическим зрением он проник в самую структуру клинка и отметил для себя переплетение металла, сваренного в кузнечной мастерской – такие мечи куются годами, каждый раз заново проковываются. Он сделал цепочки молекул витыми, уплотнил металл, но не стал достигать состояния «мыльности» – меч не должен легко проходить через чужие клинки, зато его режущая кромка стала толщиной в молекулу, как и у его первого ножа. Он укрепил и сделал прочнее металл по оси клинка, и теперь он мог не бояться боковых ударов по плоскости, и был в состоянии разрубить практически все, не тупясь.

Влад положил меч на стол, взял в руки ножны, подумал, вернулся снова к клинку и сделал его боковые плоскости немного шероховатыми возле рукоятки, нанеся своеобразную насечку – чтобы лучше держался в ножнах. Еще подумал, усмехнулся, и воспроизвел на лезвии меча маленькую картинку: атакующий кот на задних лапах. Пусть будет что-то вроде фирменного знака, да и отличить мечи от своих сородичей можно будет. Картинка была выполнена золотом, как бы вплавленным в сталь – он преобразовал часть металла, совсем не нарушив прочности клинка, и после переделки она стала просто исключительной.

Теперь настал черед ножен. Если меч перерубает все, чего коснется, хранить-то его в чем? Ножны тоже были укреплены за пятнадцать минут. «Теперь у меня получается быстро – подумал Влад, – то ли практика, то ли силы прибавилось».

С мечом для Марьяны он проделал ту же самую процедуру. Еще подумал, и поставил на мечи этикие маленькие маячки своей ауры. Теперь он мог бы найти их даже за стеной или на большом расстоянии – они как бы фонили, когда он входил в транс.

«Ну вот, теперь если и попрут их – быстро найду. Надеюсь», – решил он. Работа с нижним бельем не заняла много времени. «Кстати, – подумал он, – надо сказать, чтобы на лето связали мне что-то вроде сетчатых рубашек и штанов. Наделаю из них брони – и не жарко, и не пробьешь».

Через час после того как он закончил, пришли Марьяна с девушками, они весело чему-то смеялись, все втроем. Даже в избе после их прихода все закрутилось и завертелось, они бегали, шумели, собирали и укладывали вещи Марьяны, гладили их утюгом, похожим на огромный

паровоз – в него закладывали угли и возили по вещам. Владимир подивился: такие раритеты он видел только в кино да в музее.

Марьяна сетовала, что ей не во что одеться, что и в городе стремно появиться в таких шмотках, потом все-таки все успокоилось, сели пить вечерний чай. За окном стемнело, в маленькие окошечки заглянули звезды...

Влад вдруг подумал, что он ни разу не видал тут Луны, и почему-то это его никогда не интересовало, а вот теперь... Он спросил Марьяну об этом, дождавшись, пока девчонки убежали куда-то к печке и увидел недоуменный ее взгляд: – никакой луны в этом мире не было! Скоро чай был допит, девчонки залезли на свою лежанку, Фекла ушла в клинику, а Влад с Марьяной уселись рядом за столом, расслабленно откинувшись назад.

– Ну что, завтра в дорогу. Я там по-быстрому сполоснулась у девчонок, пока прибирались... Хотела баню истопить, да передумала – завтра весь день на морозе сидеть, еще заболēju.

– Марьян, ты не заболеешь, я же тебе говорил. Твой организм теперь может выдержать... ну я не знаю даже, что он может не выдержать. Пока Силы у тебя хватает. Ее у тебя теперь много. Так что... нам плевать на мороз. Ты так меня и не научила писать и читать по-здешнему.

– Ну приеду вот и займемся – тебе надо-то час на это... Хотя щас могу.

– Нет, сейчас не надо – не хочу, чтобы девки знали, что их начальник даже писать и читать не умеет. Стыдобища. Да и подозрения всякие...

– Ладно. Давай еще раз пройдемся: что мне надо в городе? Перво-наперво тебе выправить документ о рождении, я знаю, где это сделать, тетка поможет, потом купить диплом об окончании школы магии. Пойти в гильдию строителей и набрать плотников. Сколько нам надо?

– Да человек двадцать точно. Надо быстрее ставить дома, да еще вот что, хочу я вокруг территории клиники поставить забор из бревен, как крепостицу небольшую... Давай-ка человек тридцать плотников и еще подсобников. Перевозить-то на чем их будем? Да кормить?

– Да не проблема. Возчиков с подводами что ли мало? Найму. И обоз с харчами тоже. Сколько денег с собой взять?

– Ну бери тысяч двадцать пять. Я думаю, с запасом. Поменяй часть у меня на серебро – с рабочими расплачиваться. А, вот еще что. Найди в городе две швеи, пусть тут работают. Если не найдешь желающих ехать из свободных – купи. И закупи ткани – белой простой ткани, синей, черной, ну и там сама смотри. Будем одежду жить на себя и работников. Рукавиц еще для плотников. Ну теперь вроде все. Взвалил на тебя груз. Как ты там в городе будешь крутиться – не представляю.

– Да ничего, прокружусь, чай не первый год живу. – Марьяна задорно усмехнулась, потом вдруг спросила: – Слушай, а ты чего не сделал мне как девкам, чтобы волосы на ногах и в подмышках не росли? Я тоже так хочу!

Влад смущенно хмыкнул:

– Если честно, проморгал это дело. Ну давай, поправим. Я запас Силы уже пополнил, отдохнул, так что нет проблем. Давай иди готовься и приходи ко мне.

Они разошлись по комнатухам, Влад остался в одних подштанниках, обнаженный по пояс. Через минут десять подошла Марьяна, сняла рубаху и легла на спину, соблазнительно согнув стройную смуглую ногу в колене. Он мельком осмотрел ее: «зона бикини» так и не обрастала, видимо, он при переделке уничтожил все волосные луковицы в тех местах. Кстати, и борода у него не росла там, где он прошелся магическим «лезвием». Он осмотрел ноги:

– Да у тебя не такое уж и сильное оволосение, почти ничего нет, потому видимо я и упустил этот момент!

– Давай-давай, нечего отлынивать, делай-делай!

Он пожал плечами, вошел в транс и осмотрел ее тело уже магическим взглядом: все было в норме, система, замкнутая им на себя, исправно функционировала, поддерживая состояние

организма, более того, морщинки с лица исчезли. Теперь она выглядела не на тридцать пять, а максимум на двадцать пять, совсем девчонкой, соблазнительной и тревожащей.

Волосы на ногах он уничтожил быстро, осмотрел ее всю, перевернул со спины на живот, убрал вообще все волосы с тела, где нашел, а вместо «чертика» изобразил «чайку-птичку», а то вдруг где-то раздеваться будет – как бы скандала не вышло. Он подумал, тоже сделал ей на глаза незаметные и невидимые пленки. Ну вот, вроде все.

Вышел из транса, погладил лежащую девушку по спине, ощутив под ладонью гладкую бархатистую кожу, хлопнул ее по твердым ягодицам, быстро стянул с себя штаны и с разгону запрыгнул на постель, прижавшись к боку Марьяны. Она нарочито замурчала как кошка, легла ему на грудь, упираясь в него твердыми, съезжившимися сосками и низким голосом спросила:

– Можно я сегодня у тебя останусь... На неделю уезжаю, скучать буду...

И, не дожидаясь ответа, провела по его телу руками и крепко поцеловала в губы.

В этот раз их секс был более спокойным и нежным... Они сливались и распадались, как два ручейка, наслаждались друг другом нежно и сильно, перепробовав все позы, какие могли придумать. Утихомирились они только к полуночи, когда выжали друг из друга все соки. Марьяна засопела Владу в шею, он прижал к себе ее обнаженную спину и еще долго не мог уснуть, думая о том, что все-таки он, наверное, вопреки всему удачливый мужик.

Глава 8

Марьяна

Лекарка сидела в санях, укрывшись теплым пологом и закрыв глаза, и думала о дне насущном. До Лазутина шестьдесят верст, без остановки не обойтись. Придется отобедать в Лапанине – деревня стоит прямо на тракте и живет дорогой. Там и трактир есть, вот в нем и отдохнем.

Впереди сидел охранник, державший вожжи, второй гарцевал сзади – благо, захваченных у бандитов коней теперь всем хватало. Пришлось даже делать для них конюшню. У Марьяны была и своя, маленькая, но в связи с отсутствием лошадей там хранилась всякая хозяйственная дребедень. Разместить столько коней сразу же стало большой проблемой. Так что сначала они вынуждены были пристраивать их на постой к крестьянам в деревню. С некоторых пор проблемы просто посыпались на Марьяну и ее тихое гнездо, где она сидела уже двадцать лет, после смерти ее последнего мужа.

Он был военным, время от времени уходил из дома надолго и наконец из последней кампании, организованной мелким провинциальным бароном, возвратился весь израненный. Через несколько лет он умер, несмотря на помощь Марьяны, – слишком велики были травмы. Она его любила – насколько можно любить то, что скоро уйдет. Скоро, по ее меркам, сорок лет – столько они с ним прожили.

В организме магика Сила затормаживает старение, оттого они живут долго, слишком долго. Как правило, через двести-триста лет магии полностью теряли интерес к человеческому роду, к простым смертным с их мелкими проблемами, страстями и желаниями. Остается только жажда власти и потакание своим страстям. Слава богу, Марьяна еще не дошла до такой степени эгоизма, но и человеческие желания в ней потускнели и постепенно стали сходить на нет. Она уехала из Лазутина, найдя себе тихую гавань на многие годы. Хозяин деревни имел прямую выгоду: и деньги какие-то получал, и его имущество, крестьяне, были всегда вылечены.

Старый граф, с которым Марьяна имела дело, уже был в годах, ему исполнилось семьдесят шесть лет, а для людей – обычных, не мажиков – это был уже очень преклонный возраст. В средневековые люди жили недолго. Их окружало множество ловушек. Прежде всего, плохая пища. Как ни странно, несмотря на отсутствие «неэкологичных» продуктов, люди имели гораздо больше возможностей умереть от употребления некачественной еды. Виной тому – и отсутствие санитарии, и распространение эпидемий, и просто хранение продуктов без холодильных установок и глубокой заморозки (ледники не в счет).

Марьяна опасалась, что молодой отпрыск графа будет не таким лояльным по отношению к ней, а уж тем более к лекарской организации, развивающейся на их землях. Нужно было срочно что-то делать, и они с Владом решили, что именно.

Марьяна усмехнулась... Вначале она воспринимала Влада как приبلудившегося щенка, принятого из жалости и не имеющего никакой ценности, кроме теплого загривка и виляющего хвоста, но вдруг неожиданно она обнаружила, что он превратился в родню, и такую близкую, что даже отец и мать не могли сравниться с ним по степени близости. Впрочем, сравнивать было не с кем: старый кожевник и его супруга, пережившая его на пять лет, давно упокоились на городском кладбище Лазутина...

В городе у нее практически не осталось близких людей, за исключением тех, с кем училась в магической школе. Тут уже связи были довольно крепки: магии волей-неволей были вынуждены держаться друг друга. Люди недолюбливали их, завидовали, как еще заметил Влад, все законы были сделаны так, чтобы магик не мог воспользоваться своей силой для защиты жизни и достоинства.

Да, с одной стороны, это было сделано для того, чтобы те же магики не захватили власть в стране. Например, магик даже не мог стать императором. Если у принца проявлялись магические способности, его сразу исключали из числа престолонаследников. Но еще большее значение имела зависть людей, их недоверие и враждебность к чему-то непонятному, странному, недоступному их пониманию. И не было разницы – дворяне ли это были с академическим образованием, путешествовавшие в другие страны, или простые крестьяне, живущие в глуши, результат был один – подозрения, зависть.

Люди беспрерывно боролись с какими-то «порчами», «сглазами», которые якобы навели на них соседи или родственники. Как ни странно, часть этих подозрений соответствовала действительности – находились такие магики, которые накладывали порчу на людей за деньги, но все-таки в девяноста процентах случаев это были наветы. Впрочем, Марьяна не знала, что Влад мог бы рассказать ей то же самое о своем, не магическом мире, в котором отношение к людям с экстраординарными способностями ничем не отличалось. Только вот там не могли зарубить или сжечь человека, который, по их мнению, навел порчу, а тут – запросто. И это было еще причиной, по которой Марьяна забралась в глушь...

Под полозьями скрипел накатанный снег, топали копыта, и Марьяну охватила беспринципная радость – радость от ощущения жизни, ощущения того, что она молода, красива, что впереди много разных событий, пусть даже и не совсем светлых. Она все-таки не утратила оптимизма за свои сто двадцать с лишним лет и не сомневалась, что они с Владом прорвутся через невзгоды. Ее радовало, что у нее появился такой друг – могучий, умелый, обладающий знаниями другого мира, и притом веселый и... что греха таить, отличный любовник. Она уж и забыла, как это – часами напролет заниматься любовью с красивым сильным мужиком.

Марьяна хихикнула и в который раз ощутила, как по ее телу прошла сладкая истома... «Тьфу! – тряхнула она головой и постаралась выкинуть из нее грешные мысли: – Небось сейчас Машку с Аринкой ублажает, зараза!» Потом посмеялась над собой: чего это она? После пятидесяти лет жизни она излечилась от ревности, чему особенно способствовал ее последний муж, рубака и гуляка, нередко возвращавшийся из трактира «на бровях», да еще пахнущий чужими бабами. Если бы она обращала на это внимание, сошла бы с ума. Хорошо хоть острой болезнью не притащил в дом, и то ладно...

Но она вспоминала о нем все-таки с теплом. Хоть страстной любви у них не было, но жили они хорошо. Она не ревновала, дом содержала, приносила хороший доход своей лекарской работой, да и его с похмелья нередко откачивала. Он тоже не ревновал. Впрочем, она особо ему повода и не давала... так, пару интрижек с клиентами... Ну, пока его по полгода, а то и больше, дома не было. Не засыхать же бабе... В общем, взаимопонимание у них было, а уж когда стали совсем богаты годами, не до интрижек было.

Влад виноват. Он всколыхнул в ней недюжинную страсть и женское начало... Марьяна опять довольно потянулась гибким торсом – хорошо все-таки иметь красивое молодое тело.

Дорога тянулась, стражник на саних гикал и хлопал вожжами, посылая вперед заленившуюся лошадку, густо пахнущую на морозе лошадиным потом и навозом. Возок был обит внутри войлоком и дублеными бараными шкурами, под меховым одеялом было тепло и уютно. Под пустотелой низкой скамеечкой, на которой сидела Марьяна, лежал мешок с маленькими мешочками, содержащими в себе то, что прельщало людей во все времена – золотом.

Саму Марьяну не шибко всегда влекли деньги. Ей хватало на еду и непритязательную одежду, она всегда могла заработать на кусок хлеба, но, почувствовав вкус настоящих денег, она остро захотела узнать, испытать, как можно жить, словно графы или бароны. Разве они лучше ее, умнее или красивее? Просто им повезло родиться с титулом, а ей нет.

Конечно, она не являлась уж совсем затюканным существом – ее родители были свободны, не голодали. Гораздо хуже было людям, которые родились рабами, крепостными, – вот тут, как говорил Влад, была засада. Их ждала незавидная участь. Жизнь крепостного зависела

от прихоти хозяина: хороший хозяин – живут хорошо, плохой – жизнь их превращается в ад. Как у домашних животных.

Они много разговаривали с Владом на эту тему. С ним было вообще интересно говорить, он знал невероятное количество историй, владел информацией, недоступной людям этого мира. Так вот он, после ее рассказа о крепостном праве, принятом тут, на Море, сказал задумчиво: «А вообще-то жизнь любых простых людей везде такова и зависит от воли сильных мира сего. А посему давай-ка мы сделаем так, что над нами будет как можно меньше тех, кто мог бы нами помыкать. Для этого надо заработать как можно больше денег!» Чем они сейчас и занимались полным ходом.

Она еще раз прикинула, как будет общаться с Мариной, директоршей магической школы. Особых осложнений не предвиделось – в этом мире, как, впрочем, и в других, все продавалось и покупалось. А если не продавалось просто, то за очень большие деньги или услуги – продавалось. Конечно, есть такие вещи, которые купить за деньги невозможно – любовь, дружба – но это не тот случай. Диплом был фактически в кармане, речь могла идти только о сумме.

Документ о рождении Влада тоже не представлял особой проблемы. Был один служитель церкви, которого Марьяна вылечила от дурной болезни в обмен на кругленькую сумму и обещание помощи, отец Пафнутий, и он тоже любил деньги. Надо же потакать своим низменным страстям... А эти гадкие прихожанки денег требуют, как ни странно, и отлучения от церкви не бояться, дочери лукавого!

Вписать в церковную книгу запись о рождении, выдать церковный документ, а с ним сходить в магистратуру и оформить основной документ – все дело опять в деньгах. Средство ускорения процесса и защита от лишних вопросов – почему так поздно оформляют, через двадцать пять лет, – все это лежало в мешке под упругой задницей Марьяны.

Они решили указать в документе возраст Влада – двадцать пять лет, тем более что телесно он точно соответствовал этому возрасту: процессы, запущенные им в организме, завершили формирование тела, остановившись на самом пике развития, а это двадцать пять лет.

Сани Марьяны давно уже двигались по тракту, из-за зимнего времени практически глухому для торговли и ремесла. Вокруг пустота, лишь следы саней и лошадей указывали на то, что тут кто-то ездит, и на самом деле это оживленная дорога. По рассказам Влада, Марьяна знала, что в его мире тракты представляли собой огромные магистрали, по которым днем и ночью несутся большие и не очень повозки с людьми, товарами, и все вокруг гудит от движения. Здесь же – низкое зимнее солнце освещало заснеженные равнины неярким красноватым светом, вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь топотом лошадиных копыт, заглушаемым выпавшей утренней порошей да негромким звоном бубенцов на сбруе лошадки, весело тащившей легкие санки.

Ритм движения успокаивал. Марьяна прикрыла нос варежкой и потеряла – прихватывает. Сзади в бок упирался меч, выданный ей Владом. Он не умела особенно-то махать им, хотя бывший муж-войка и учил держать в руках клинок. Но это было все как бы на детском уровне, что-то вроде игры. Лекарке как-то ни к чему воинские навыки – таким как она редко приходилось участвовать в боевых действиях, разве что только как целителям, в тылу. Хотя... всяко бывало.

Шел пятый час путешествия, лошадь, тащившая санки приустала, и, оберегая ее, они поехали тихим шагом. Внезапно, послышался свист, и на дорогу выскочили человек пятнадцать разнообразно одетых людей, с гиканьем и криками они стали настигать сани. Марьяна яростно крикнула охраннику:

– Гони!!! – И подумала: «Вот везет как утопленнице, ведь половина наших денег у меня!» – Гони! Не давай им нагнать! Скоро трактир должен быть!

Но всадники уже настигали... Все как один крепкие мужики, бородатые, яростно нахлестывающие своих лошадей. Их красные лица можно было уже хорошо рассмотреть... Перед-

ние потянули из-за спины короткие восточные луки, сделанные из кусков клееных рогов и отборного дерева. Марьяна знала их мощь и с ужасом поняла: не уйти. Как будто отвечая на ее мысли, свистнула стрела и воткнулась в ляжку несчастной лошадки, та дико заржала и захромала на правую ногу, еще одна стрела ударила в голову лошади, обернувшейся посмотреть на своих мучителей, и та свалилась на дорогу, запутавшись в постромках и разбрасывая копытами комья снега, окрашенного красным.

– Лекарку валите, лекарку! – Передовой разбойник показал на женщину, которая уже начала входить в транс в надежде подпалить им задницы фэйрболом или молнией.

Она, конечно, была не такой сильной в этом, как Влад, но парочку бандитов унесла бы с собой. Марьяна подняла руки, между ними заплескалось пламя, и тут в нее ударила стрела, всей силой стального наконечника вышибив из нее дух. Если бы не белье, заколдованное Владом, ее бы пришили к возку, как бабочку. Но сейчас она была отброшена к его стенке с такой силой, что сознание помутилось и зазвенело в голове.

Фэйрбол, конечно, сразу рассосался, не родившись. Концентрация была потеряна, тем более что Марьяниной сильной стороной никогда не была боевая магия. Вот чирей залечить, или руку вправить... Сани налетели на упавшую лошадь, чуть не перевернулись, встав на дыбы, ее мотнуло по полости, как пустую куклу, и больно ударило обо что-то боком.

Вдруг ей вспомнилось, что вопил Влад, когда кромсал тех разбойников. Он беспрерывно повторял одну фразу: «Вы думаете, что врач только вправляет кости, а не ломает их?!» Она ощутила дикий гнев, ярость, – неужели все повторится? Насилие, боль, унижение... Нет, суки, вам придется вначале убить меня! В возок уже лезла какая-то борода, хрипя и радостно матерясь, она опять ощутила неудобство в левом боку, вспомнила – меч! Меч же лежит, дура! Марьяна протянула руку влево, выхватила из ножен тихо шелестнувший гибкий клинок и выставила его перед собой. Разбойник с удивлением посмотрел на приставленную к его груди полоску металла и тяжело навалился на нее, булькая кровью, лившийся из перекошенного рта.

Она напряглась и отбросила его вперед, потом скинула с себя шубу и осталась в сарафане. Выпрыгнув, увидела, что вокруг возка идет бой. Ее охранник на лошади – она вспомнила его имя, Степан – вертелся ужом между бандитами, ловко вращая саблей и сверкая ей на солнце. Второй охранник бегал вокруг возка, используя его как прикрытие, – он старался подрубить ноги лошадям, рассчитывая, видимо, лишить нападавших преимущества – ведь пеший конному не соперник, гибель пешего воина при столкновении с конными предрешена... если только он не обучен драться и в такой манере. Семен же хлеб зря не ел и обучал своих подчиненных на совесть. Охранник уже «ссадил» несколько человек, пока разбойники не сообразили – соскочили с коней и бросились на него толпой.

Второй охранник тоже лишился лошади, присоединился к товарищу, и они заняли оборону у возка, прикрывая выскочившую Марьяну. В воздухе разносились крики, ржание раненых животных, распространялся запах крови... Клаш-клаш-дзз-зынн-нь! Клинки мелькали, как молнии. Охранники держались – уже трое бандитов валялось на снегу, глядя в небо мертвыми глазами. Клаш-дзынь-вж-ж-жик – свистнула стрела, охранник отбил ее мечом, но вторая тут же вонзилась ему в плечо, как будто из него выросло небольшое экзотическое деревце с перьями на вершине.

Скорость бойца упала. Они встали спина к спине – клаш-клаш-дзз-зынн-нь – переломилась сабля одного из разбойников, и он упал, проткнутый охранником Марьяны. Бойцы все еще держались – и благодаря выучке, и благодаря тому, что бандиты мешали друг другу, наступая толпой и желая скорее покончить с путешественниками.

Марьяна отстраненно подумала: «Идиоты, им надо отбежать и расстрелять их из луков, а не лезть напролом!» Как будто отвечая на ее мысли, атаман разбойников взревел:

– Идиоты! Валите эту сучку и забирайте деньги из возка! Потом их добьем! Скорее!

Она увидела, как к ней бегут трое разбойников. Марьяна покрепче перехватила меч в руке, к ней рванулись охранники, чтобы попытаться прикрыть, но увязли в схватке с противниками, не позволявшими им сделать ни шагу.

Первый бандит налетел, от души занеся кривую восточную саблю, намереваясь снести ей голову одним ударом. Двое других полезли в возок. Вж-ж-жик – сабля проходит над ее головой, впритык к волосам – Марьяна пригнулась – рука бандита вместе с зажатой в ней саблей улетела в сугроб. Она перехватила двумя руками меч и рубанула поперек его туловища, как будто втыкая топор в сосну. Какие там уроки мужа, какие там искусства боя – там сплошные рефлексy и мастерство, а тут была ярость, помноженная на мощь усиленных мышц и связок и заколдованный клинок. Хак! – меч застрял где-то в районе позвоночника, перерубив тело бандита практически пополам. Выдернула. «Ах суки, мои деньги брать!» Меч задран высоко над головой – хак-кк! Голова вместе со шлемом расколота пополам, тело, еще не осознав, продолжает движение, и сабля бьет женщину в ключицу, перерубает ткань безрукавки, сарафана, и останавливается перед заговоренным бельем, всей силой ударяя в ключицу и перебивая ее.

Марьяна застонала, но меч не выронила – она держала его в другой руке. Второй бандит был убит за полсекунды – ей почему-то показалось, что он движется замедленно, и даже со сломанной ключицей ей было легко встретить его удар, уклониться и перерубить шею.

Осмотрелась – охранников уже добивали: Степан стоял на одном колене, с трудом отбиваясь от наступающих, а второй охранник еле шевелился под ногами, будучи утыкан тремя стрелами. Она подняла меч повыше и с диким воплем понеслась к им, чтобы ударить нападавших сзади. Волосы ее развевались по ветру, по лицу были размазаны потеки крови, а глаза сияли пламенем – враги опешили и на секунду отвернулись от охранников, чем воспользовался Степан: подрубил одному ногу и добил его сверху вниз клинком.

Марьяна налетела на толпу и начала, не обращая внимания на сыплющееся удары, рубить их, как заросли конопли на огороде, при этом она страшно вопила, визжала и восклицала между ударами:

– Хакк! Что, думали лекарь только вправляет кости?! – Удар. Хакк-хакк! – Он еще и ломает кости! Что, думаете, лекарь только вправляет кости?! Нет...

– Бежим! Бежим! Сучка одержимая! Заговоренная! Бежим, братья!

Разбойники помчались к коням, пытаясь их поймать, но кони хрипели, отпрыгивали, напуганные шумом, кровью. Марьяна не давала врагам уйти, рубила в спину... Перед ней выскочил здоровенный рыжий мужик, видимо вожак, он попытался остановить ее, ударив саблей в бок – она как будто не заметила этого и снесла ему плечо вместе с зажатой в руке саблей, затем, не останавливаясь, побежала за остальными – в живых оставалось человек пять.

Вдруг откуда-то полетели стрелы. Убегавшие разбойники попадали, настигнутые несколькими воткнувшимися в них оперенными снарядами. Марьяна остановилась и огляделась – вокруг упавших плясали на конях несколько всадников. Они быстро спешили и подбежавших к раненым охранникам и к ней. Вдалеке она увидела купеческий обоз, медленно вытягивающийся из-за леса. Марьяна опустошенно села на снег и заплакала... Руки дрожали, одежда была порублена – если бы не подарок Влада, все, смерть.

К ней подошел высокий мощный воин и с уважением поздоровался:

– Приветствую вас, госпожа. Я начальник охраны вон того каравана. Мы слышали звуки боя и постарались прийти на помощь... Увы, немного опоздали... Впрочем, вы и сама справились очень даже успешно. Надо сказать... я потрясен.

Марьяна слушала его как сквозь туман, потом вспомнила:

– Охранники! Охранники мои живы?!

– Живы пока, но... – воин погрузился, – плохи. Я их знаю – они из нашей гильдии. Жаль, но скорее всего не выживут. Одного стрелами наспиговали, у другого ранение в живот и повреждена нога. Ну вот так вот. Все под Богом ходим, не плачьте. Они честно выполнили долг.

Марьяна вскочила на ноги.

– Быстро, быстро несите их на возок! Я лекарь!

Она побежала к раненым, воткнула возле них меч – прямо в землю, вертикально, так, что его рукоятка стала раскачиваться как маятник – определила автоматически, какой из них тяжелее, и сходу вошла в транс. Черпнула Силы и влила ее в ауру раненого – та засияла посильнее, человек задышал ровнее – стрелы в его теле заколебались в такт дыханию.

Осмотрела Степана – ранение в живот было проникающим, но кишки целы. Ввела пальцы в дырку, образовавшуюся в кольчуге и одежде от вошедшего клинка, рванула со всей силы – кольчуга с одеждой расплзлись, как гнилые, – некогда снимать. Положила руки на живот, замерла... Кровь, толчками покидающая тело, остановилась, рана стала зарастать... остался только еле заметный шрам. Жизни уже ничего не угрожает. Кровь из подрубленной ноги тоже уже не идет – связки потом срастим. Надо убрать раненых со снега – мороз вытягивает силы. Решительно подняла глаза на обступивших ее изумленных людей – она и не заметила, когда подошел обоз.

– Положите их на возок – холодно!

Охранники обоза подхватили раненых, другие обступили возок и поставили его ровно, на полозья, сняв с павшей лошади. Раненых разложили на дне возка, Марьяна, не замечая холода, занялась Степаном. Он уже очнулся и попытался что-то сказать, указывая на товарища, типа его вначале. Она резко прикрикнула:

– Молчи!

Стянула с него меховой сапог, подбитый железом, рванула штанину, расплосовав ее до паха, вместе с теплым бельем, обнажила разрез в ноге, посеченные жилы и мышцы под коленом. Сосредоточилась – сухожилие стало срастаться, мышцы медленно, но верно вернулись на место, забелела новая кожа на месте разреза. Ап! Все. Готово.

Степан ловил ртом воздух, выгнувшись дугой – в запарке она забыла его обезболить, а процесс заживления, вытягивающий из человека силы, не был ласковым прикосновением любимой женщины. Она досадливо провела у него над головой, он сразу успокоился и вздохнул. Подпитала ауру:

– Все, вставай. Здоров. Лови лошадей.

Степан, немного прихрамывая, но все более и более утверждаясь в шаге, слез с возка и пошел к топтавшимся в стороне коням, что остались от бандитов. Потом опомнился, остановился и стал разглядывать работу Марьяны.

Вокруг собралась толпа людей, которые с восторгом и ужасом наблюдали за работой целительницы. Конечно, они видели, как справляются лекари с ранами, но то было не столь эффектно, тем более что этим сейчас занималась очень красивая девушка, простоволосая, в изрезанной чуть не на полоски одежде, сквозь которую проглядывало белое нижнее белье.

Марьяна склонилась над утыканным стрелами парнем:

– Так, одна стрела в ключице – не страшно. Эта – прошла навывлет легкое – вот тут отвратительно. Так, стрела в ляжке – ерунда, парень, будешь жить. Стрелу в ключице двигаем вперед, вперед... упс – наконечник вылез. Стрелу ломаем, оп – залечила. Стрелу из ноги так же – есть! А вот в груди... Застряла у позвоночника, не хуже чем тогда у Борислава. Хотя тут полегче – воспаления нет. Но на месте никак не сделать – неудобно и Силы мало уже.

– Господа! Сколько осталось до трактира?

– Примерно с версту, уважаемая... – ответили из толпы несколько голосов.

– Помогите, прошу, моему охраннику поймать лошадей – наших перебили. Надо везти раненого к трактиру, я тут его не смогу поднять, устала.

– Василий, Аксен, Бран, быстро помогайте парню! Шеметом! Шеметом! Смеркается уже и холодно, нам еще версту пилить до трактира!

Все побежали в стороны, а командир охранников подошел к Марьяне и накиннул на нее шубу.

– Оденьтесь, госпожа, холодно, да и прикрыться вам надо... – Он скользнул взглядом по ее изрезанному платью и безрукавке.

Только сейчас Марьяна заметила, как оборвана и изрезана ее одежда.

Вспомнила, ключица! Она пошевелила плечом. Нет, не болит, уже срослась. «Ай да Влад... ну кудесник», – подумала она с теплотой и оглянулась: в возок уже запрягали коня, двух других привязали сзади, раненого охранника укрыли пологом, подложив под голову узелок.

Она внезапно опомнилась, побежала, заглянула в возок – ф-фухх, деньги на месте. В памяти воскресла картина: во время боя бандиты что-то кричат – но воспоминание ускользало, и окончательно его перебил начальник охраны каравана:

– Госпожа, разговор есть. Что вы будете делать с оружием и броней разбойников? И кони опять же... – Он потупил глаза и быстро взглянул на Марьяну: – Ну, пятерых мы уложили, а остальные все ваши...

– Командир, без проблем. Пятеро – полностью ваши, мы же берем трех коней, оружие с убитых нами, их броню и ценности – что есть на них. Остальное – кони, одежда и все что угодно – ваше. Я думаю, так будет справедливо.

– Хорошо, госпожа. Я предложу вам так: коней, что остались от убитых вами, ну тех, что уцелели, давайте пока не будем делить, а сделаем так: по приезде в Лазутин – а вы ведь туда направляетесь? – Марьяна согласно кивнула, – мы коней продадим, поделим деньги пополам, и вы заберете свою долю. Вот это будет совсем справедливо. Мы ведь только немного помогли, вы все сделали сами. Я бы вообще ничего не стал брать, но мои люди меня не поймут, понимаете?

– Конечно, капитан, я вам благодарна, вы порядочный человек.

Командир смутился и сказал:

– Грех обобщать такую воительницу, как вы, я восхищен вами, и все мои люди. Да и мало ли что? Кто знает, что там в будущем, может, еще и ваша помощь понадобится... – Он лукаво усмехнулся и посмотрел на целительницу: – Вы непростая женщина, лучше с такими дружить.

Марьяна улыбнулась. Капитан был умным человеком.

– Хорошо, капитан, забирайте всех остальных лошадей, потом найдете меня и отдадите, что посчитаете нужным. Я остановлюсь в гостинице «Белый журавль», это возле школы магии, знаете?

– Знаю, конечно. Меня звать Владислав. Или просто Слава. Если что, в гильдии меня знают. Да ладно, спешить надо, в трактире поговорим еще. Ведь вы заночуете? До города еще верст двадцать будет, а уже смеркается. Не стоит ехать на ночь глядя, да еще с ранеными.

– Да, ну самом собой, заночуем. Прошу вас, последите, чтобы ценности с трупов не поперли, а то солдаты шустрые – вмиг пристроят что надо, – подмигнула она наемнику.

– Так вы еще и умница! Ну вот не был бы я женат сразу на пяти женщинах в трех городах, обязательно бы вас умыкнул – ценность вы бесценная, а не девушка! – Капитан засмеялся, ему вторила Марьяна. – Ладно, прослежу. Все сложат в возок, а там уже разберетесь на месте.

Через час караван медленно двинулся по дороге и о произошедшей схватке напомнили лишь пятна крови на белом снегу, вытоптанная площадка, трупы лошадей и голые человеческие тела, оставленные на поживу воронам и лисам. Никто не оглядывался на них: это издержки профессии грабителя – вот так остаться на белом снегу. Да и шибко ненавидели их караванщики, как и все купцы во все времена и во всех мирах...

Влад

...Влад, проводив Марьяну – она выехала еще спозаранок, только начало рассветать, – угрюмо побрел в клинику. Ему было грустно и как-то не по себе – он не привык прятаться за спиной женщин, по его понятиям, впитанным с молоком матери, понятиям, идущим от его

казацких предков, мужчина всегда добытчик, воин, организатор, а женщина обеспечивает тыл, семья, хозяйство. А тут ему пришлось отправить бабу навстречу опасностям, волнениям... да еще с такой крупной суммой.

Эти деньги даже для многих дворян были очень весомой суммой, а уж для простых людей – тем недостижимым сокровищем, за которое можно сделать что угодно: убить, ограбить, продать душу дьяволу.

На душе у него было гадко и не оставляло какое-то странное чувство: вроде что-то недоглядел, проворонил, проспал... Вроде бы все предусмотрел – а что-то на душе неспокойно. Какое-то предчувствие – и все тут. Он постарался выкинуть из головы все дурные мысли, но они никак не уходили.

Клиника бурлила – уже стояла очередь. Люди, как оказалось, ночевали в лесу, рядом с домами. Кто-то ставил палатки, а кто-то устроился в возках, накрывшись меховыми одеялами и шубами. Ему даже стало немного стыдно за то, что больным пришлось ночевать на улице. Ну а что он мог поделать – не в свою же постель их класть?

Маша с Феклой обсуждали какие-то хозяйственные проблемы, мол, свинина не свинина, и попытались втянуть его в разговор. Он отмахнулся от них, как от назойливых мух, и автоматически, не подумав, сказал: «Не царское это дело!» – на что у них сразу отвалились челюсти. Он поморщился, мысленно укорив себя: «Все время забываюсь, вот и на сей раз ляпал что-то из прежнего лексикона», но они тут же забыли его прокол и опять начали горячо спорить. Он прекратил склоку, прогнав взмахом руки Феклу и подзвав Машу:

– Ты смотрела, что там за больные? Кассу ведешь?

– Веду, господин лекарь. Вот сегодня прибыли три купца, двое крестьян. С купцов я уже получила за прием и осмотр по десять золотых, все записала. Если будет лечение дальше – мне скажете, я приму остальные деньги. Продала настоек укрепляющих десять штук, по золотому, Арина выдала со склада, все отмечено.

– Ладно, давай Арину ко мне.

Маша отбежала и позвала Арину, суетящуюся с остальными девушками.

– Да, господин лекарь... ой, господин Влад то есть... Что хотели узнать?

– Что там у девушек, привыкают они?

– Привыкают. Госпожа Марьяна нас немного научила, стараемся. Помогаем Фекле хозяйствовать, стражникам готовим...

Влад погрозил пальцем и усмехнулся:

– Смотрите, стражники парни ушлые, тут же с задранными юбками окажетесь...

Арина весело усмехнулась:

– Да вы что... Если на остальных девчонок еще поглядывают, то нас с Машкой как огня боятся. Вдруг страшный лекарь чего не то подумает и башку оторвет... а то еще заколдует и все мужское отвалится! – Она мелодично засмеялась и тихонько добавила: – Да они, девки-то, не больно на стражников смотрят-то! – И поводила бровями вверх-вниз, многозначительно.

– Это еще почему? – с интересом спросил Влад, снимая полушубок и отдавая его на руки подбежавшей девушке, которая тотчас унеслась с ним опять в глубину комнаты.

– Да мне как-то и сказать неудобно... – Девушка посмотрела не него, улыбнулась и решилась: – Да зачем им стражники, когда они все с вами переспать мечтают, говорят, что с кем вы переспите, сразу делаете красавицей! А еще, что вы мужик сильный да сладкий!

– Хе-хе-хе вот дурехи! А откуда они взяли-то, что я сладкий?

– Ну-у-у... – Арина покраснела и поводила пальцем по операционному столу, оставив на матовой поверхности тонкий запутанный след. – Чего так госпожа Марьяна-то стонала полночи, ежели не сладкий... Тут все в клинике слыхали, как вы там кувыркались...

– Тьфу ты, вот ведь чертовы девки – ну везде нос сунут, – захохотал Влад и приказал: – Давай, приглашай больных, хватит им там мерзнуть на улице! Все у вас о хрени какой-то мысли, одно слово – бабы. – Он хохотнул еще раз и сосредоточился на работе.

Прием сегодня был не очень сложный: две купеческие дочери с оттопыренными ушами, – устранил. Заодно подправил одной плоскостопие и подтянул груди – та просто обалдела от счастья, а папаша на радостях растряс кошню до ста золотых. Третий купец бы с мальчишкой, страдающим рахитом, – поправил, выписал пить травяные настои, которые он тут же приобрел у Арины.

Затем пошли крестьяне со своими проблемами и болезнями. Подумалось, столько сил приходится тратить на крестьян, бесплатно, вроде как из пушки по воробьям... Маг уровнем выше магистра лечит понос и лихорадку. Это все равно как профессора медицины вызвать на ОРЗ. Ну что поделаешь. Вот наберем мажиков еще, буду заниматься только пластикой и чистой магией. Хочется заняться амулетами, магическим оружием, исследованиями по пространству – ведь все-таки надо как-то домой, на Землю пробиваться... Так-то хрен с ней, этой Землей, но жена... С этой позитивной и жизнеутверждающей мыслью Влад и закончил прием больных, быстро прогнав всех через «конвейер» лечения.

Усталый, но довольный, он пошел обедать, с удовольствием вдыхая запах хвои и дыма из печных труб. Глаза слезились от яркого солнца, снег сверкал, на тренировочной площадке, запыхавшись, бегали и трясли деревянными и затупленными клинками бойцы, в одном из которых Влад узнал сына купца Панфилова.

Остановившись, лекарь подзвал его, как раз в это время отпущенного на передых. Парнишка подбежал, довольный. Он уже немного пополнел – хорошая кормежка, свежий воздух и упражнения сделали свое дело – парень уже не был похож на скелет, пособие по анатомии для учеников.

– Ну как ты тут... хм, Олег вроде тебя звать? Как ты тут обжился? Не обижают злые вояки?

«Злые вояки» за спиной Олега заржали и крикнули:

– Да он сам кого хошь обидит, карахтерный парень!

Олег раскраснелся от похвалы, видно было, что он ценит мнение своих товарищей, с которыми живет в одном доме.

– Все отлично, господин лекарь, вот Семен учит меня со всеми вместе мечевому бою, только вот получается пока плохо... Но я стараюсь.

Влад хмыкнул, взглянув на синяк на руке парнишки, сказал, повернувшись к Семену:

– Вы там поосторожнее, парень еле-еле с того света вылез, а вы ему последние мозги вышибите палками, меня отец его потом сожрет.

Олег нахмурился и возразил:

– Я не хочу никаких поблажек. Я как все. Прошу вас, господин лекарь, больше так не говорить!

Семен одобрительно хмыкнул:

– Молодец! Так-то парнишка, есть характер. Первое время блевал от нагрузки, а теперь вот молодцом. Весь в отца видно пошел.

Олег еще больше зарделся и смутился, а Семен невозмутимо добавил:

– Вот только двигается, как беременная ослица на задних ногах, и меч держит, как будто из него помочиться собрался, а так ничего парень, свой...

Все бойцы начали истерично ржать, подключился и Олег. Влад, посмеиваясь, махнул рукой:

– Делайте, что хотите! – Потом кивком отпустил Олега, побежавшего к товарищам, и добавил: – Семен, давай-ка чуть попозже займемся учебой. Мне надо еще с луком поупраж-

няться, да и не мешало бы приемы с секирой и сулицей отработать. Я сейчас пообедаю пойду, да и вы тоже, а потом с тобой потренируемся, хорошо?

– Да, конечно. Без проблем. Эй, выхухоли, айда обедать, правда, вам не за что щей наливать – не работали еще, но начальник велел вас задарма покормить, не то сдохнете!

Они все, посмеиваясь, пошли в стражницкую.

Владимир обедал в одиночестве, девчонки пожелаали трапезничать с остальными – явно им хотелось перед ними похвастаться и посплетничать. Он был не против, но потом подумал: надо бы это прекращать. Пусть обедают с начальством. Не должны подчиненные, каковыми для них являются остальные четыре девушки, видеть, что их начальницы не небожители, а такие же крепостные девки. Чем скорее они это забудут, тем лучше для дела. Да и нам спокойнее. Чем меньше с ними общаются, тем меньше выболтают. Разделяй и властвуй – ста-а-рый принцип. Интересно, тут о таком имеют понятие? Надо сделать так, чтобы эти две девушки жили, питались и общались отдельно от коллектива. А другие им завидовали. Тогда не будет заговора, тогда они будут бегать жаловаться друг на друга и будет контроль группы за группой. Нельзя допустить, чтобы они спелись и что-то чудили вместе.

Он пообедал, немного отдохнул, потом достал из кармана золотую монету и задумчиво стал смотреть на нее, пытаясь сообразить: как из такой штуки сделать амулет, и какой? Как он понял, в этом мире было два основных вида боевых амулетов, один отводил от хозяина любое магическое воздействие, другой – физическое. А вот как добиться, чтобы и то и другое? Он успел за секунду рассмотреть амулет Борислава и примерно понимал, как он работает. Физическое... с ним ему было не очень понятно. А хорошо было бы создать достаточно амулетов, защищающих от стрел и сабель, и выдать их своим охранникам – тогда бы им равных не было в бою. Но надо думать, думать, думать... Но пока ничего в голову не приходило. Влад плюнул и прошелся по избе – хватит страдать. Надо пойти и потренироваться как следует на свежем воздухе. Может, что-то в голову и придет. Да с Семеном поговорить.

В дверь постучали... Парень из охранников сообщил, что Семен ждет его на площадке. Влад кивнул, надел меховую безрукавку и шапочку, влез в валенки и пошел делать из себя заправского охранника.

Семен в этот раз набрал самого тяжелого оружия – в ряд на скамеечке у ограды лежали секиры, боевые топоры, небольшие метательные топорики и кистени, сулицы и булавы, – в общем, почти весь набор воина. Они начали с метательных оружий – сулицы.

У Влада выходило вполне неплохо – сказался, наверное, опыт метания копья в спортивной юности – впрочем, и особенных успехов не было. Ну да, он мог пробить человека сулицей навывлет – и что? Чтобы попасть ей, надо учитывать много факторов и много тренироваться – как и с метательными топориками. Ими лекарь, в общем-то, сносно попадал куда надо, но тоже успехов особых не было – лезвие не всегда желало втыкаться куда он хотел.

После второго разбитого о мишень топорика (он умудрился засветить им так, что рукоять ударила ровно в середину мишени, и обух, пройдя по рукояти как рубанок все-таки в нее воткнулся) Семен сказал, что с таким же успехом он может прибить противника, метнув в него каменюкой, даже эффективнее будет, и топоры покупать потом новые не придется. В общем-то, с его силой это хорошо. А вот топоры метать он научится тогда, когда метнет их десять тысяч раз. Такое Влад слышал еще в юности, только про ножи, так что не удивился.

Секира ему понравилась – при его мощи он мог практически пополам разрубить этой штукой любого противника, только б попасть. Но вот таскать эту орясину, как и боевой топор с дыркой на лезвии, он не собирался. Эти штуки использовали профессиональные военные в регулярных войсках для боя в строю с тяжеловооруженным противником, наглухо закованным в броню. Врежь таким по кумполу – не разрубишь, зато башка в этом ведре так о шлем трахнет, что потом врага можно и спокойно добить простым ножиком. А то и мозги вылетят

при удаче. В общем-то, тренировки с этими убойными штукаами имели чисто ознакомительный характер – пользоваться ими Влад особо не собирался.

Вот кистени ему приглянулись – небольшие шипастые шарики из металла на цепочках, соединенные с короткой полуметровой рукоятью. Это оружие было очень эффективно и против латников, и против легких пехотинцев – у всех народов были подобные приспособления для «умиротворения» пришедших без спроса нежелательных гостей. Такой штукаой можно было и выбить оружие, и раздробить кости через кольчугу, не пробивая ее. Ими можно было работать одновременно двумя руками, тогда эффективность воина, похожего в этот момент на вращающуюся ветровую мельницу или вертолет, увеличивалась многократно. Если катана служила исключительно для убийства, удар – и смерть, то при их помощи можно было оглушить и травмировать противника, взять его в плен. Так что больше времени Семен и Влад посвятили изучению приемов боя с кистенями. Кстати, самым главным в этом оказалось – не поносить башки рядом стоящим товарищам.

В целом стиль боя с кистенями чем-то напомнил Владу работу с нунчаками (он когда-то занимался с ними) – те же цепочки, те же возможности резко менять направления и создавать веер защиты перед владеющим этим страшным оружием, через который пробиться было трудно. Влад с интересом смотрел, как Семен вертелся с ними, как будто был окутан коконом, создаваемым проносящимися вихрем бугристыми шарами. В конце концов и тренер и ученик устали. Над площадкой давно уже спустился зимний вечер, сияли светляки, вчера еще поставленные Владимиром, пора было закругляться.

С кистенями у него получалось хорошо, но нужно было каждый день уделять время тренировке, сказал Семен. С тем они и отправились по своим измам, удовлетворенные друг другом. Влад был рад иметь хорошего умелого тренера, а Семен – гениального ученика, которому можно передать свои многолетние знания. Как настоящий воин он считал, что только воинские умения имеют самое высшее и первоначальное значение для человека, и радовался, когда кто-то с удовольствием их перенимал.

Между Владом и Семеном давно протянулась как бы ниточка, от сердца – к сердцу, они уважали друг друга, как профессионал профессионала, как настоящий мужчина настоящего мужчину – так вот и зарождается мужская дружба, без фиолетовых соплей в сахаре, без этакого бабского сюсюканья.

Дома Влада уже ждал ужин, большая лохань возле печи и две стреляющие глазками возбужденные красотики. Он устало присел на стул, попил чаю с ватрушками, только что испеченными в русской печи – есть ему почему-то особо и не хотелось, потом он ушел в свою комнату, снял верхнюю одежду – он был весь мокрый от занятий. Поскакали они от души на площадке, правда, Семен уработался больше, несмотря на свой опыт и тренировки.

Влад подошел к корыту, решительно снял остатки мокрой от пота одежды, махнул девушкам, подзывая, и четыре руки устроили ему «джакузи» в отдельно взятой крестьянской избе. Через полчаса обмываний и натираний он уже лежал под покрывалом на своей койке. Маленький светляк-ночник горел у печи, подсвечивая избу нереальным синим светом – он специально сделал его синим, как в детстве, у мамы был такой ночник с тусклой синей лампочкой, чтобы мальчишка не боялся и спал, ведь в темноте водятся чудовища и нечисть. А вот лампочка всех отпугивает, особенно мамина лампочка. Он специально не стал закрывать дверь в свой закуток, лежал, глядя в потолок и улыбаясь, и слушал шепот и препирательства на топчане.

– Ты стерва, Аринка! Я вообще первая была, и мне первой!

– Машка, ты гадина! Вообще я первая должна быть, я больше работаю, а ты только нос задираешь!

Послышалась какая-то возня, и некое тело гулко шлепнулось на пол с шипением:

– Ну, сучка, я тебе припомню... – Босые ноги зашлепали по полу и в комнату Влада. Тихонько прокралась белая фигура, как привидение. Влад сделал вид, что он крепко спит,

фигура нерешительно постояла, потом тихо стянула с себя рубаху и скользнула к нему под пуховое одеяло. Гладкое девичье тело прижалось к нему, упершись твердой грудью. Он подумал: «Ага, хорошо постарался – ну для себя делал, не для врагов!» Рука нерешительно провела по его груди, животу, спускаясь все ниже, и замерла... ну там, где надо. Явно опыта у этой руки и всего остального не было, а посему Влад, уже нестерпимо желавший продолжения «банкета», повернулся, взял ее ладони в свои и вытянулся на ней, как будто распяв ее на кровати. Она послушно и жадно раскрыла колени и приняла его в себя со вздохом облегчения и наслаждения – как будто ждала этого долгие годы. А может, оно так и было, думал Влад, лежа рядом с влажной от любовного пота и изможденной Ариной. О чем еще может мечтать девушка, уродливая, но умная и чувственная?.. И тут вдруг мечта осуществляется... Ну и как тут не постонать под красивым сильным самцом, да так, чтобы было слышно аж в стражницкой, на зависть всем, и особенно той, кто сейчас лежит и сопит под одеялом, приговаривая: «Ну, сучка, ну я тебе припомню, коза кривая!»

Ночь вступала в свои права, и даже зависть и похоть не смогли устоять перед дуновением сна, и скоро вся изба, обнаженные, слившиеся в объятии любовники, клиника с сопящими девчонками и потной Феклой, стражницкая, – все спали. Кроме постовых, внимательно осматривающих территорию.

Одному из них вдруг показалось, что вдалеке мелькнула тень. Он осторожно, как призрак, двинулся к тому месту и увидел на снегу человеческие следы. «Недавно кто-то прошел, – подумал он, – надо утром доложить командиру...» – и вернулся в свой схрон под заснеженной сосной.

Глава 9

Влад

Утро было ясным. Даже в такие маленькие мозаичные окошки избы пробивался солнечный свет, играя на шелковых обоях с цаплями, начищенном до сияния медном чайнике, зайчики от которого били в глаза Владу, с трудом сумевшему продрать их после ночи. Он прислушался – в комнате раздавались приглушенные женские голоса, чего-то горячо доказывающие друг другу:

– Ну и чо, ну и чо – я первая хотела!

– Ну сёдня ты, чо ты повелась-то, как будто последний день живем! Не стерла я его под корень, хватит тебе еще! Перестань дуться!

Влад засопел, сел на постели, голоса немедленно стихли, потом звонкий голос Маши спросил:

– Проснулись, господин Влад? Пойдемте, я вам воду приготовила. – И тут же зашипела: – А ты, Аринка, иди на стол собирать, я сама его мыть буду! – И опять громко, нарочито сладким и доброжелательным голосом: – Идите, идите господин Влад.

Влад встал, пряча ухмылку в бороду, прошел к корыту и стал наслаждаться потоком теплой воды и массажем нежных ручек, моющих ему голову... Он всегда чуть не засыпал в парикмахерских, после того как руки парикмахерши продолжительное время теребили и его волосы. Парикмахерши обычно смеялись и сообщали, что он не один такой, и большинство мужиков так же реагируют на стрижку. Особенно ему было странно, когда до и после стрижки парикмахерша мыла ему голову... В этом было что-то интимное, возбуждающее, когда женские руки перебирают тебе волосы и гладят по голове.

Но все хорошее кончается, наконец, он был насухо вытерт, накормлен, и настал черед работы. Люди в клинике уже ждали. Он с раздражением осмотрел тесноватое помещение: ну чего хорошего, когда тут живут люди, и тут же производят операции, – дикость какая-то. Грязь, кровь, запах... а тут еще люди. Но куда деваться – помещений не хватает, так что альтернативы нет. Ну до приезда Марьяны нет...

Девушки встретили его, хором поздоровавшись, о чем-то пошептались, перемигиваясь, – видимо обсуждали концерт, выданный Ариной. Ему же было как-то не до них – рутинная работа ему надоедала и хотелось скорее освободиться от назойливых посетителей, которых, как на грех, было довольно много.

– Приглашайте больных! – Девушки на ходу подхватили сброшенный им полушубок, Влад уселся на стул возле стола. – Лишние, давайте отсюда. Посетители не любят, когда тут толпы бегают. Останьтесь Арина и кто-нибудь из санитарок. Маш, сходи в стражницкую, проверь, давно ли белье у парней меняли? Не скажешь – завшивеют черти!

Первый посетитель был огромный мужчина, неожиданно нежно поддерживающий невысокую, бледную женщину с русыми волосами. Она опиралась одной рукой на костыль, другой на литое плечо мужика с физиономией былинного разбойника. После первых слов, произнесенных «разбойником», стало ясно, что он просто кузнец, всю жизнь простоявший у наковальни, а это его жена, которую поела болезнь, называемая в народе костоед. Ее кости истончились, они ломались от резких движений, под собственным весом и просто ночью во сне.

Влад встречал такую женщину в прежней жизни – она точь-в-точь походила на эту, из магического мира: умненькие глаза, добрая улыбка... Как и тогда Влада охватило щемящее чувство – ну за что, за что этой женщине такие страдания? Ну почему какие-то подонки, людишки, которым не то что жить, рождаться-то не надо было, живут здоровые, богатые, справные, отравляя жизнь окружающим, а вот эта прелестная женщина страшно страдает? Его в подобном случае всегда охватывала ярость, особенно, когда он слышал вот эту фразу: «Кого

Бог любит, тому он насылает испытания». В таких случаях ему хотелось ругаться... Жена грустно останавливала – не надо богохульствовать... И действительно, ну почему, почему так происходит в мире? Почему такая страшная несправедливость? Владимир этого не знал, и сомневался, что узнает. Только в этом мире он мог что-то поправить. Магией и мечом.

Женщину усадили на табуретку у стола. Она села, с облегчением расслабив усталые руки, и посмотрела на лекаря голубыми, какими-то сияющими глазами. Казалось, она знает что-то недоступное обычным людям. То, что узнала, находясь на границе жизни и смерти.

– Господин лекарь, прошу вас, спасите мою жену! – Мужчина бухнулся на колени и поклонился ему в ноги. – Я не богат, я простой кузнец, мы приехали к вам за сто верст. Мне сказали, что вы спасаете тех, кого уже никто не спасает, прошу вас, я продам кузню, буду у вас отработывать, пока не отработаю, только спасите ее... – Он заплакал, сгорбившись и уткнувшись головой в пол.

Девушки испуганно забились в угол, издалека поглядывая на больную и ее мужа.

– Встаньте, встаньте, – нетерпеливо сказал Влад. – Не надо ничего продавать. Сможете – отдадите, сколько сможете. Нет – бог с вами. Конечно, помогу. Перестаньте унижаться, встаньте. – Он поднял мужчину с колен за руку и проводил к двери. – Подождите за дверью. Все будет нормально.

Мужчина вытер глаза огромной ручищей и молча кивнул, потом шагнул за порог и тихо прикрыл дверь. От его огромной жесткой руки у Влада осталось странное ощущение, будто брал не руку человека, а подошву кожаного сапога. Отец рассказывал ему, что дед его отца, то есть прадед Владимира, был кузнецом в станице Добринка на Дону. Это был огромный мужик, с корявыми мощными руками, он брал из горна уголек, прикуривал от него и бросал назад. Кожа на его ладонях была такая натруженная и толстая, что он не чувствовал боли от ожога. Вот и этот кузнец был похож на прадеда и остро напомнил ему о покинутой родине, и у Владимира защемило сердце.

Он подсел опять к женщине.

Раздевайтесь. Снимайте все с себя. Девушки, помогайте ей!

Девчонки быстро раздели больную и уложили на стол. Она восприняла все спокойно, без стыда, что для этого мира было как-то нетипично. Влад отметил это для себя и приступил к осмотру: тело было очень худым, груди почти не было – так, соски одни. Отметил для себя: оволосения на теле тоже почти нет. Спросил:

– У вас дети есть?

– Нет... здоровье не позволяло.

Влад обратил внимание: и половые органы какие-то... детские, недоразвитые. Его память услужливо подкинула: остеопороз на основе недоразвития тела, а тело недоразвито от недостатка гормонов эстрогенов, которых не хватает потому, что их не вырабатывают яичники.

– Вы с мужем часто занимались любовью? Вам вообще нравится это делать? Женщина без удивления посмотрела на него – он подумал: «Что-то она больно спокойная, это тоже ненормально».

– Нет, редко. А в последнее время вообще давно не занимались. Мой муж меня любит и бережет. Раньше чаще было, но потом стало все хуже и хуже. Да мне это не и надо, только ради мужа. Не понимаю даже, что в этом приятного. – Она улыбнулась и посмотрела на Владимира своими сияющими глазами.

Упс, классический случай. Недоразвитие яичников, в результате – недостаток эстрогена, и как следствие – организм не может усваивать кальций. Недоразвитие по детскому признаку, нарушение психики – она слишком спокойна, это видно. Хотя, может, просто сила духа? Чем-то она похожа на эльфийскую принцессу из кино. Как ее звали, а? Арвен... Ну что же, Арвен, будем лечить.

Рукой провел – спит. Так, яичники – да, зачатки какие-то... Поддать, поддать Силой. Ой-ой, надо осторожнее – аура дохлая. Подкачал. Есть. Яичники сформированы, импульс – начали бешено работать, подгоняя гормоны. Добавил кальций в кости... Видно множество переломов, очень истончились. Больше ничего не трогать – она истощена, как скелет. Источник проблемы устранен, теперь пусть набирает вес – там и тела нарастит. Все вроде – кости теперь не сломаются... Но общее состояние стало еще хуже – организм истощил последние ресурсы... Ей ехать нельзя – куда ее девать-то? Спать-то где ей? Есть выход.

Влад вывел из транса нареченную им Арвен, она изумленно заморгала глазами, потом попробовала пошевелиться и не смогла – сил не было.

– Лежите, не двигайтесь! Девчонки, накиньте на нее одеяло. Сейчас я мужа позову. Арина, кликни ее мужа!

В двери ворвался здоровенный мужчина, сразу кинулся к жене:

– Что, что, господин лекарь? Как она?

– Вас как звать?

– Гордей, Гордеем меня звать, господин лекарь!

– Так вот, Гордей, я устранил причину, из-за которой у нее ломались кости, из-за которой она дошла до такого состояния, но... ее нынешнее состояние очень плохое. Ее тело черпало жизненные силы из себя самого... Как бы тебе это объяснить? Вот ты что-то делаешь – тратишь силы. И она, когда я ее сейчас восстанавливал, тратила силы изнутри себя. Скоро она будет здорова, но чтобы она дожила до выздоровления, ее сейчас нельзя никуда везти, по морозу, да за сто верст. Можешь не довести. Я предлагаю вот что: мы найдем у нас местечко, хоть и так тесновато, она побудет тут, мы ее будем отхаживать, поить-кормить специальной едой, которая ей нужна для восстановления. Я буду ее время от времени подлечивать еще. Пока не буду уверен, что она вне опасности. Потом вы уедете. Согласен?

Мужчина опять попытался упасть в ноги, но Влад поймал его, и он буквально повис на его одной руке. Кузнец недоуменно посмотрел на руку Влада, легко удерживающую его стодвадцатикилограммовую тушу:

– Господин лекарь, я сделаю все, что вы скажете. По гроб жизни буду вам благодарен, я ваш должник навсегда!

– Гордей, давай сейчас не будем нести всякую ерунду – мы еще с тобой поговорим, есть дело к тебе. Но позже. Сейчас так сделаем: девушки протопят баню, ты отнесешь ее туда, они ее вымоют, оденут, потом ты отнесешь ее в комнату, где она будет лежать. Думаю, дня через три вы сможете уехать. Про себя Влад подумал: «Вот засада! Опять так не хватает стационара! Не-ет, надо что-то с этим решать».

– Ну все. Девчонки, бегом баню топить, Гордей, готовь ей чистое белье. Если нет с собой – свое придется давать. Есть? Ну и хорошо. Иди собери. Все, по местам.

В клинике все зашевелилось, девушки забегали, мужик помчался к возку, а Влад присел у больной и спросил:

– Ну как вы? Чувствуете что, полегче стало?

– Да, реально лучше, – улыбнулась она. – Скажите, а мне можно будет детей иметь?

– Можно. Хоть тыщу. – Влад усмехнулся и добавил: – Ежели захотите.

– Захочу. Я всегда хотела. И Гордей страдает – он всегда хотел сына, а я не могла ему подарить. Он меня сильно любит, и я его люблю. Вас как звать?

– Влад.

– Когда рожу сына, назову его Владом. Вы хороший, я знаю. Вы притворяетесь грубым, злым, а сами хороший и добрый. Вас злые люди обижали, и теперь вы защищаетесь от них. Выставляете себя злым, а вы не такой.

Влад усмехнулся, а самому стало как-то не по себе – она как будто душу ему рентгеном просвечивала. Он посмотрел на нее магическим взглядом.

– Да нет, магии не видно. Хм, ладно. Надо ее пристроить на кровать Марьяны, пока той нет. До приезда ее уже подлечу. Надо ее подкормить сразу:

– Фекла, приготовь бульон из говядины и хлеба туда размочи. Сейчас покормишь!

Кухарка засутилась, и через минут десять все было готово, как раз к этому времени подошел муж. Ему дали ложку, и он стал тихонько кормить жену теплым бульоном с размоченным в нем хлебом. Она с жадностью глотала – как все больные после магического вмешательства. Появились девчонки, сообщив, что баня затоплена, сейчас будет готова. Женщину укутали в одеяла и тулуп, а муж понес ее на руках, сопровождаемый стайкой санитарок. Влад отдал им вслед нужные распоряжения, потом сел немного передохнуть.

Следующим был купец, привезший сына с косоглазием и плоскостопием, исцеление обошлось ему в пятьдесят золотых, за ним была дама за сорок с подтяжкой груди и «липосакцией», потом крестьянин со сломанной ногой, потом еще один... В конце концов, Влад выглянул за дверь и крикнул:

– Есть еще кто на прием?

Никто не отозвался, и он с облегчением понял – все-таки и поток больных у дверей клиники когда-то заканчивается. День был не слишком «жирным» на прибыль, но довольно продуктивным – у лекаря имелись определенные виды на кузнеца... Обед давно уж прошел, и Влад наконец-то потащился к себе в избу. По дороге его поймал Семен:

– Господин Влад, проблемы у нас... или пока не проблемы, но я озабочен.

– Что такое? – Влад насторожился. – Чего-то подобного он ожидал, но не так быстро.

– «Пасут» нас. Дозорный видел кого-то в лесу ночью, было три человека, скрылись на конях. Крестьяне верхом не ездят – это кто-то разведывает обстановку, мне кажется. Возможно, в ближайшие два-три дня надо ждать нападения. Может, прощупать нас хотят? Давайте все-таки усилим охрану, и вот что: держите оружие наготове. Я так и знал, что посещение Борислава так просто не закончится. Могут пустить небольшую группу, чтобы прощупать, насколько мы сильны, и время от времени беспокоить – пакостить, поджигать...

– Семен, да знаю я... Я тоже ждал этого, только вот не так быстро – где-то ошибся в расчетах, я их через месяц ждал. А может, это и не Борислав вообще?

– Да все может быть. Одно скажу – держите наготове оружие и спите вполглаза. Думаю, этой ночью могу попробовать.

– Ясно. Предупреди парней. Да, вот еще что: тут мужик один, его жену лечим, пристрой его как можешь, ну хоть даже на пол что ли положи. Мне некуда – там девки, тут девки. Он дня три побудет у нас.

– А что за мужик? Маленький, большой?

– Не просто большой – чудовище, – фыркнул Влад. – Кузнец один. Ну некуда его деть, увы.

– Кузнец, говорите, большой... – задумчиво проговорил Семен, – а это неплохо. Все одним бойцом больше. Дадим ему секиру, бронька там есть большая, пусть натянет. Да, вот, возьмите. Вчера не взяли кистени, пусть у вас лежат, на всякий.

Мужчины разошлись по домам, озабоченные проблемами. В избе Влада ждала суета. Арвен, которую на самом деле звали Мира, была уже намыта и лежала на постели Марьяны, счастливо улыбаясь, в то время как муж опять кормил ее с ложечки.

Влад дал сигнал Арине, чтобы она взяла чашку с бульоном у мужчины, кивнул ему – пошли, мол, и сел к столу. Маша собрала им обед – как всегда, щи, горячих блинов, хлеба. Фекла занималась со стражниками, ее в помещении не было. Они похлебали горячего, источающего мясной дух бульона, и Влад начал:

– Тут такое дело, Гордей, есть опасность, что сегодня на нас будет нападение. Кого – не знаем. Я хотел тебя отправить в трактир, на тракт, чтобы ты там жил, пока мы долечиваем

твою Миру, но, боюсь, что ты нам сильно понадобишься тут. Если нападут – лишний человек нам не мешает, понимаешь?

Кузнец отставил чашку, не доев щей:

– Все, что угодно. Я за жену всех порву. И вам я обязан. Рассчитывайте на меня, господин лекарь.

– Хорошо. Тебя поселим в стражницкой, так как тут нельзя – девчонки за ней хорошо ухаживают, не бойся. Там мой начальник охраны даст тебе оружие, броньку подберет – будь наготове. Ну а я тут буду – через меня не пройдут, не сомневайся.

– Я не сомневаюсь. – Кузнец с уважением посмотрел на мощные предплечья Влада: – Вы кузнецом не работали случайно? А то хватка такая... как щипцами.

– Нет, не работал. Прадед кузнец был – почему-то с гордостью сообщил Влад. – Всегда нравилось кузнечное дело, мечтал мечи, ножи ковать, украшать, но как-то не сложилось – по другой части пошел.

– Ну еще не поздно, я бы вас научил!

– Да нет уж, спасибо за предложение. Кстати, вот еще о чем я хотел поговорить с тобой... Ну шпану эту мы, конечно, отобьем, жену твою подыдем – а ты не думал перебраться оттуда, где живешь, сюда, на тракт? Нам тут кузнец нужен свой... а то ездить далеко к кузнецу, да и тут, на тракте, и люди ездят постоянно, а кузня ближайшая далеко... Может, подумаешь?

– Я подумаю. С женой надо посоветоваться – вот она поздоровет немного, я с ней и поговорю.

– Ладушки! – Влад хлопнул ладонями по столу. – Давай доедай щи, попей чайку, да шагай в стражницкую. Семен уже в курсе насчет тебя.

Когда Влад остался с одними девушками, воркующими у постели больной, он подумал: «Вот меня Марьяна матом покроет – только она за порог, а я в ее постель бабу положил! – Он немного посмеялся, потом притух. – Что будет ночью? А может, не сегодняшней ночью? Как-то не хочется... может, и не будет ничего?»

Он в сердцах сплюнул. Сотни раз уже с ним такое бывало: едет на СТО за оставленной там машиной и думает: «Сколько же будет стоить ремонт? Хорошо бы рублей семьсот, или в крайнем случае тысячу...» А в голове, на периферии сознания, крутится: две тысячи... две тысячи! И оказывается – точно две тысячи. Видимо, мозг подсознательно просчитывает ситуацию, оценивает информацию, прорабатывает, на основании жизненного опыта и множества других факторов, и выдает результат. Это вроде и называют иногда интуицией... Некоторые люди умеют слышать, правда, немногие, остальные пропускают мимо ушей. Так что Влад точно был уверен: нападение будет. Вот когда – другой вопрос. Он замер в раздумьях... Девушки его о чем-то спрашивали, но он не обращал внимания.

Посидел немного, встал, подошел к сундуку и достал из него серебряник, положил его на стол и углубился в изучение структуры монеты. Серебро... Как аккумулировать в нем силу? Он сидел и думал над серебристым кружочком, а у самого в голове все не проходило ощущение того, что кто-то крадется за спиной, смотрит на него... Это ощущение было очень неприятным. Наконец он не выдержал и крикнул:

– Девчонки, приготовьте чистое белье, и воды в баню натаскайте – пойду попарюсь.

Арина с Машей сразу убежали все устраивать, а лекарь подошел к спящей больной, проверил состояние – сердце билось ровно, ее лицо порозовело во сне, она чему-то улыбалась... Он еще подкачал ей ауру. Вроде все было нормально.

В дверь заглянула Арина и заговорщицки прошептала:

– Все готово, идите!

Накинув тулуп, Владимир пошел в баню. Как он и предполагал, там его ожидала предвкушающая удовольствия Машка, которую он сразу обломал, сказав, что хочет просто помыться и попариться, а не заниматься утомительными физическими упражнениями в жаре и духоте.

Она сразу притухла, но осталась в предбаннике, потихоньку подглядывая в щелку за парящимся Владом, который сидел с полузакрытыми глазами. Наконец не выдержала и, заглянув, предложила попарить его веником, на что он благосклонно согласился, и был исхлестан вдоль и поперек.

Влад подозревал, что хлестала она так от души, просто наказывая мужика за отказ от ее прелестей, которые злостная девка нарочито демонстрировала ему как бы случайно нос – то грудью коснется, то бедром. В конце концов утомилась его сечь, намылила, смыла водой и недовольная направилась в предбанник.

Влад ее поймал, притянул к себе и, с улыбкой глядя на нее, сказал:

– Маш, будет еще дело. Мне сейчас не до того, проблемы навалились. Давай-ка я тебя тоже сполосну, и пойдем чай пить.

На том и завершился поход в «сауну», на который Маша возлагала большие надежды.

Вечер упал как всегда, негаданно-нежданно. На сей раз Влад не пошел тренироваться с оружием, справедливо полагая, что стоит немного передохнуть, не гонять людей зря, да и рисоваться на открытой площадке ни к чему. Береженого бог бережет. Достал кистени – осмотрел. Небольшие шары, размером с мандарин, на цепочках длиной где-то в полторы-две ладони. На шарах – литых – выпуклости в виде пирамидок. Он укрепил цепочки, соединяющие кистень с короткими рукоятями, сделав их сверхпрочными, укрепил ушки, отлитые сразу с шарами, подумал – укрепил оба шара. Затем перешел к рукоятям – простые деревянные ручки, обтянутые кожей, крепкое сухое дерево с укреплением металлическими кольцами – тоже сделал прочными. Отнес к постели и положил у изголовья на пол.

Огляделся: девушки легли, перешептывались между собой под одеялом, больная крепко спала, за окном было тихо и темно. Он разделся и лег в постель. Через минут десять, конечно, к нему прибежала Маша, наконец-то дождавшаяся своей очереди, он не возражал и ее стоны еще минут сорок оглашали окрестности избы, хотя она и старалась делать это потише. Но куда там – в любовной судороге разве будешь думать об условностях и соблюдении тишины – так что концерт был еще тот. Наконец она затихла, сказав только перед погружением в сон:

– Девки меня пугали, говорили больно будет, а было так сладко.

На что Влад посмеялся про себя: «Зря, что ли делал дефлорацию еще при лечении!»

Больная проснулась посреди их утех, вначале испугалась – очень уж истошно стонала Машка, как будто ее резали, потом все поняла и с улыбкой погрузилась опять в объятия сна. Вся клиника уснула в тревожном ожидании. Все затихло... как перед бурей.

Марьяна

... Через версту показалось большое село, в котором и должна была заночевать Марьяна со своими спутниками. Обоз втянулся в него, проехал почти через всю деревню насквозь и наконец остановился у большого здания, окруженного забором с многочисленными пристройками и коновязями. Это был трактир-заезжая «Сломанный кнут», в котором часто останавливались большие и маленькие караваны. Марьяна с легкой завистью посмотрела на него, подумав: «А почему мы не можем такое сделать? Чем мы хуже? И к нам едут люди, им надо где-то останавливаться. Жаль только, слишком далеко клиника от тракта. Я-то, когда там устраивалась, на хуторе, рассчитывала, в основном, на крестьян из Карауловки, а теперь вон как разрослись... надо что-то придумывать».

Она оставила Степана разбираться с лошадьми и возком, и попросила командира охраны каравана помочь ей внести раненого в трактир. Его осторожно вынесли из возка, пронесли мимо фыркающих и пускающих пар на морозе лошадей, и внесли в широко открытые двери трактира – сразу на второй этаж, где по длинному коридору направо и налево располагались комнаты для постояльцев.

Обычно охрана и караванщики ночевали при повозках, охраняя товар, но часть приезжих всегда селились в номерах. В такой номер и внесли раненого бойца. Он тяжело дышал: стрела, засевшая у него в легком, не располагала к веселью.

Номер был очень прост: кровать, тумбочка, столик. Охранника положили на постель, стянув с него валенки, быстро сняли лишнюю одежду, обнажив рану с торчащим из нее обломком стрелы.

Марьяна засунула под кровать мешок с деньгами, который не решилась оставить в возке даже под надзором Степана – мало ли кто там бродит по двору, в этой мешанине повозок, людей и лошадей. Она попросила всех выйти. Скинула с себя шубу, прикрывавшую ее иссеченную одежду, и сосредоточилась над вхождением в черноту... черпнула из реки Силы, и она кипучим потоком потекла в ее магический узел. Она в который раз с приятным изумлением обнаружила, что в нее помещается все больше и больше запаса Силы, да и выкачивает из ее реки она быстрее.

Наконец, через пятнадцать минут «заправка» была окончена, Марьяна возложила руки на охранника и замерла, просматривая его рану. Красные всполохи крутились вокруг отверстия. Хорошо хоть стрела не отравлена, подумала Марьяна. В юности она прочитала, как люди бронзового века держали свои стрелы наконечниками в горшке с протухшим дерьмом – своеобразным природным ядом. Понятно, что когда стрела попадала в противника – если он даже и выживал каким-то образом – то до-о-лго не мог не то что воевать, но даже двигаться. Впрочем, в выздоровление после таких ран Марьяна не верила. Если только рядом не было опытного мага.

Она посмотрела еще: наконечник не дошел до кости, его форма была правильной, без отходящих от него «перьев», это привело ее в радостное настроение – можно вытащить без проблем, только бы успеть вовремя перекрыть кровопотерю. Уцепила сильными тонкими пальцами за деревяшку, настроилась, потянула... стрела выскочила наружу неожиданно, как пробка из бутылки. Фонтанчиком хлестнула кровь, раненый закашлялся мучительно и протяжно, на губах его показалась кровь.

Марьяна моментально перехватила сосуды, закрыла их, так что крови вылилось немного, со стакан. Направила Силу в рану... сосуды затягивались, прорастали, легкие восстанавливали поврежденный участок... Дальше все пошло как по маслу, через еще пятнадцать минут раненый открыл глаза и сказал:

– Как хочу жрать... Ой, простите госпожа Марьяна... Мне приснилось что ли, что на нас напали... тьфу, черт, точно не приснилось.

– Вы молодцы со Степаном, если бы не вы, мне пришлось бы худо.

– Да вы сами бились дай бог, лучше нас гораздо... Небось, сами их и забили, толку-то от нас... – Он огорченно посмотрел на Марьяну.

– Да нет, вы молодцы, держались долго. Дали мне время собраться с силами. Честно говоря, я как-то растерялась вначале... больно все вышло быстро.

– Ну а как вы могли не растеряться, вы же все-таки ба... женщина, лекарь, а нас этому делу с детства учили. А как мы все выпутались? Неужели вы всех положили? – Он с уважением посмотрел на Марьяну. – Ну я знал, что господин Влад потрясающий боец, но что бы вы?... Я не помню ничего, когда в меня вторая стрела попала... с одной в плече я еще отмахивался, Степану спину прикрывал, а когда вторая прилетела – все. Как в тумане... Вроде кто-то топотал рядом, какие-то люди... Кто там был? Ну ничего не помню!

– Ну часть я побила, часть вы со Степаном, а потом караван подошел попутный, они остальных добила, вот так вот.

– А Степан жив? – Раненый поднялся на локте и резко сел на кровати. – О-охх, голова закружилась... Степан-то жив?

– Жив... подрезали его, но не так сильно как тебя. Ладно, давай-ка пойдем ужинать.

Марьяна пристроила мешок с золотом в угол, накрыла его одеялом с кровати, потом, выпустив из комнаты кое-как одевшегося охранника, заперлась, предварительно проверив окно – закрыто или нет, крепки ли запоры. Все было добротное, крепко, так что она со спокойной душой спустилась вниз.

Найдя хозяина трактира, Марьяна сделала заказ на троих. Сегодня у них была тушеная баранина с овощами, гороховая каша с кусками жареной свинины и какая-то острая похлебка из индюшатины. Она заказала всего с запасом, так как и ее силы, и силы охранников были подорваны ранениями, лечением и боем.

Охранник уселся за свободный столик в углу. Марьяна пошла к возку забрать вещи. Степан уже пристроил их возок, наполненный всяким вооружением и кольчугами, снятыми с убитых разбойников, под навес. Там была круглосуточная охрана, но он еще и накрыл содержимое попоной, чтобы не было видно.

Марьяна с ним поговорила, и решили, что завтра утром они сразу заедут к кузнецу и оставят у него порубленные кольчуги на ремонт, а остальное – оружие и прочее – хорошенько упакуют и заберут с собой. Там, в Лазутине, или продадут, или же с обозом строителей увезут обратно в клинику, что было предпочтительнее – все равно охрану надо будет набирать, оружие пригодится.

Лошади уже были пристроены в стойла, им задали овса – как ни странно, эти кони оказались гораздо лучше тех, что были раньше у Марьяны и охранника, более породистые, высокие. Но Марьяне было жалко ту лошаденку, что тащила их сани – люди-то понятно, за что гибнут – деньги, власть, но животные, божьи существа, за что страдают? Ей казалось, что умирая, лошадка смотрела на нее укоризненным взглядом: за что?

Марьяна встряхнула головой, отгоняя дурацкие мысли, и они со Степаном пошли в трактир. Там уже было шумно, второй охранник, его звали Петя – да, тот самый, что был при той неприятной встрече, когда Марьяну захватили в деревне. Его сильно избили, связали, но он был жив. Как они поняли, его хотели то ли продать в рабство, то ли потом поглумиться над ним, но в любом случае он выжил и был теперь с ними. Петька усердно держал оборону от наступающих на свободные места возчиков, коих набилось великое множество. Один из них уже наседал, совсем агрессивно, приговаривая:

– Чо? И чо што придут, я посижу, пока придут, и чо ты мне сделаешь? Чо, зарубишь што ли? Ну заруби, заруби, аспид!

Марьяна прекратила его выступления, зловещим тихим голосом заявив, что если он сейчас не отвалит, то она такое на него проклятие найдет, что его член покроется черными язвами, а через неделю отпадет совсем. Глядя на разъяренную колдунью, возчик побледнел и быстро ретировался, захватив с собой еще двоих товарищей, с интересом наблюдавших за баталией и явно подзуживавших захватчика.

На столике уже стояли заказанные блюда, охранники, с трудом сдерживаясь, глотали слюни. Марьяна махнула рукой:

– Налетайте! – И тут же челюсти двух молодых мужиков заработали, как камнедробилки.

Она подумала, подошла к стойке, сказала, чтобы спиртного парням не давали и заказала горячего фруктового узвара и кувшин кваса – будет чем еду запивать. Потом, хотя ей тоже очень хотелось поесть, она поднялась в номер, взяла с собой сумку с платьями и переоделась – ну не сидеть же в шубе в трактире, где и так уже было жарковато от разогретой печи и множества разгоряченных движением и алкоголем мужиков.

Зал освещался масляными светильниками и свечами, коих хозяин не пожалел – явно дела у него шли хорошо. Опять Марьяна позавидовала и теперь точно решила: будет и у них такой. Обязательно. Она наслаждалась хорошей едой – давненько она тут не была. Двадцать лет она просидела в своей норе, не вылезая в свет.

Марьяна слушала треп своих охранников, разговоры вокруг – как будто и не было этих двадцати лет. Те же столы, те же светильники... Хозяин только другой – видимо сын старого. Это она старится медленно, а остальные люди умирают, как бабочки: один день, миг – и нет человека. Болезни, войны время от времени прореживают род людской, не позволяя ему увеличиваться.

Но почему этот мир застыл, без прогресса и движения? Почему за десятки лет так и не изменилось ничего, ничего, что было бы заметно? Как будто кто-то специально сдерживает развитие их Мира. Она стала вспоминать недавнюю схватку. Как она благодарна Владу, заранее снабдившему ее заговоренной одеждой и оружием...

Хм-м, кстати, а где меч? Надо будет спросить ребят, как поедят. Им сейчас надо многое восстановить в организме... И одна мысль вертелась в голове: что, что кричали бандиты? Ну ругались, ну матерились... что они еще кричали? Мысль ускользала, вот-вот она уцепит ее за хвост... И тут опять Марьяну сбили – к их столику подошел Слава и попросил разрешения присесть. Она подвинулась, Владислав пристроился рядом. Она широким жестом предложила ему поучаствовать в трапезе – он, мотнув головой, отказался, дескать, сыт по горло.

– Что вас привело к нашему столику, командир? – Марьяна не переставая обгрызает баранье ребрышко, искоса поглядывая на наемника.

– Ну, во-первых, вот вам ваш меч, госпожа. Вы забыли, что оставили его воткнутом в землю? Так я его вам возвращаю. – Он протянул сверток из ткани и положил его на край стола. Ножен я не нашел, наверное, у вас в возке остались. И знаете что, это очень интересный меч. Я слыхивал о таких, что они большая редкость. И стоят, как десять таких трактиров. А может, и больше. – Охранники замерли и перестали жевать – видимо, это заявление наемника потрясло их. – Знаете, госпожа Марьяна, скажу откровенно, чтобы вы ничего не подумали: – У меня было желание его украсть. Мне стыдно признаться в этом, но это так. Я профессиональный военный, и такая вещь для меня просто как курица для лисы. Но я не смог это сделать по двум причинам. Первая – я видел, как вы бились, и не могу не уважать такое бесстрашие и самоотверженность, тем более у женщины. А вторая, – он усмехнулся, – вы сильная магичка, вещь очень дорогая и редкая, возможно, за нее мне голову снесут – кто знает, какие силы за вами стоят. Лучше с вами дружить... – Слава усмехнулся и продолжил: – Ну вот, я вам открылся полностью, можете меня презирать. А можете принять мою дружбу. Заверяю, в любом случае я буду глубоко вас уважать и не причиню вам вреда. – Он наклонил голову, как бы показывая: рубите!

Марьяна помолчала, продолжая жевать, потом запила все узваром из высокого черного кувшина и сказала:

– Я ценю вашу откровенность, Слава. Хорошо, что вы мне сказали все и честно, без уверток и обмана. Я вижу, что вы не обманываете. Вы догадываетесь, как, да? – Капитан немного побледнел и кивнул. Марьяна нарочно нагоняла жути, ведь слава о магиках, которые якобы умели читать мысли, обгоняла их реальные возможности. И это к лучшему: бояться, значит уважают. – Один мой знакомый сказал: «Боюсь бессребреников – они больше всего воруют!» – Это ей сказал как раз Влад, когда они как-то обсуждали финансовые дела. – Так что я вас понимаю. И не виню. Но прошу, не надо никому рассказывать о том, что вы видели, ладно? Ну ни к чему мне лишние слухи.

– Я понял вас, госпожа. Буду молчать, но увы – людей-то много видело, кто-то и проговорится. Я не знаю, почему вы скрываете свои умения, но могу понять, почему вы скрываете такой артефакт. Кстати, если будет желание, я могу помочь вам очень выгодно его пристроить... У меня есть связи в столице. Вы бы получили много денег, или чего вам надо кроме денег, подумайте. Я свою выгоду поймею как посредник, чтобы было понятно.

Марьяна задумалась – а почему бы и нет? Уж такие мечи Влад может мастрячить по сотне в день. Только вот пусть наемник об этом не знает. Похоже, он мужик порядочный но... береженого бог бережет.

– Хорошо, капитан. Возможно, ваше предложение меня и заинтересует. Нам надо будет с вами поговорить наедине. Тут слишком шумно.

Как бы в подтверждение своих слов Марьяна поймала в воздухе глиняную пивную кружку, летящую прямоком в Степана. Сделала она это так ловко, что у капитана опять отпала челюсть, а Степан замер на месте: он даже не успел отреагировать на неопознанный летящий объект.

В зале началась ругань, возчики стали выяснять отношения, и Марьяна поморщилась – ну не любила она шума, да и отвыкла от него.

– Я сейчас пойду номер для себя получше сниму, потом приходите ко мне через полчасика, поговорим. – У капитана вдруг загорелись глаза, и она добавила, погрозив пальцем: – Я же сказала, поговорим о делах, а не займемся физическими упражнениями!

Хозяин трактира в этот момент как раз улаживал ситуацию с помощью трех миротворцев, похожих на драконов с обрубленными лапами. Эти туши быстро утихомирили скандалистов путем охлаждения в замерзшей воде, а точнее – воткнули их головами в сугроб, где они возились, напоминая ожившие пеньки, и поносили друг друга и окружающую действительность.

Трактирщик сразу же принял заявку госпожи на лучший номер со всеми возможными удобствами в виде купели с горячей водой, чистыми простынями и кувшином кваса на ночь. Обошлось госпоже это всего в один золотой. «Ну так мало, для такой видной, красивой и очень богатой, что будет еще богаче, госпожи, которая, будьте уверены, останется очень довольна таким замечательным и самым лучшим в округе номером! Сейчас ее проводит мальчишка и все покажет. Госпоже угодно еще кровать в номер для охранников и номер, чтобы был рядом? Ну конечно. За пять серебряников».

Марьяна поднялась за мальчишкой в этот «великолепный, лучший номер».

Как ожидалось, ничего такого в нем не было, разве что мебели побольше, да занавески почище. И выходило окно не во двор с возчиками, а смотрело на лес. Она дала мальчишке пару медяков и приказала, чтобы к ней сейчас поднялся капитан Владислав.

– Знаешь такого?

– Знаю, – ответил мальчик. – Сейчас скажу ему, чтобы поднялся.

– Да, и мне сюда корыто с горячей водой пусть принесут, через минут сорок.

– Хорошо, все будет выполнено, – ответил мальчик и унесся прочь.

Уже через минут пять капитан постучался в дверь и, дождавшись ответа, вошел.

– Присаживайтесь. Квас будете?

– Нет, спасибо, я потом лучше пива выпью.

– Ну а я налью – плотно пообедала, так и тянет залить пожар. Вам не показалось, что ребрышки слишком наперчены?

– Госпожа, вы же не для того меня позвали, чтобы ребрышки осуждать? – усмехнулся Слава.

Марьяна тоже улыбнулась:

– Ладно, оставим, так сказать, светские реверансы и сразу к делу. Я могу отдать этот меч в обмен на услугу.

– Какую? Пришибить кого-то? Украсть корону императора? Зарезать бабу, уведшую жениха у такой как вы красавицы?

– Ну зачем же так уж зверски. Пусть себе император оттягивает голову короной, а бабы бегают по миру. Все проще и сложнее. Мне надо сделать одному моему другу дворянство.

Пусть безземельное, все равно. Но оно должно быть честное, заверенное императором, зарегистрированное во всех книгах. Можете?

– Дайте-ка подумать... Хм-м, в общем-то, могу, да. Вы гарантируете, что этот меч будет моим? Мне надо знать это наверняка. Мне придется идти на траты и лезть в глаза серьезными людям. Понимаете? Мне не хотелось бы, чтобы между нами возникло недопонимание... Он пристально посмотрел в зеленые глаза магички, как бы предупреждая: «Кем бы ты ни была – все умирают. И я не прошу».

– Капитан, я гарантирую своей жизнью, что если вы это сделаете, меч будет ваш.

– Хорошо. По рукам. Встретимся в гостинице, как и договаривались. Послезавтра в полдень. Я уже дам вам ответ, что у меня получилось.

– Отлично. Тогда мы с вами прощаемся – вон мне уже ванну несут, так что – до свидания.

– А точно прощаемся сегодня? – Капитан плотоядно улыбнулся и поднял бровь.

– Точно-точно, – засмеявшись, сказала Марьяна, пропуская слуг, занесших ванну. – Пока, капитан, шагайте пить ваше пиво. – Она мягко подвела его к двери и вывела наружу. – Давайте-ка я провожу вас до лестницы – вдруг дорогу забыли... – Они засмеялись, Марьяна проводила его по коридору и остановилась, глядя на широкую спину, затянутую в потертую коричневую кожу. «Ведь нет худа без добра. Не напали бы эти уроды, я бы с ним не познакомилась. А вон чем знакомство обернулось! Дай бог чтобы с дворянством получилось», – подумала она.

Марьяна постучала в номер охранников – они еще не спали. Она забрала оттуда номера мешок с деньгами и пошла к себе, предупредив, чтобы с утра были готовы и не пили спиртного – головы нужны трезвые.

Минимум полчаса она отлеживалась в горячей воде, тело отходило от перегрузок. Она осмотрела себя – ни царапин, ни синяков не было. Организм сам залечил все ушибы и переломы – скорее всего, еще было сломано два ребра, когда сабля нападавшего ударила в бок. Она стала опять вспоминать, что кричали разбойники, и эта мысль не давала покоя. И вдруг вспомнила! «Берем деньги из возка!» Откуда, откуда они знали, что она везет деньги, и именно в возке?! Полное впечатление, что за нею следили, кто-то знал все шаги наперед. Они и нацелены были только на возок.

Марьяна помыла голову, ополоснула мыльную пену, потом вытерлась большим полотенцем, попрыгала на одной ноге, чтобы вытряхнуть попавшую в ухо воду. Интересно все же – откуда они знали? Она проверила, заперта ли дверь на задвижку – все было прочно. Окно тоже было закрыто. Постель с атласным одеялом и действительно былыми шелковыми простынями была уже разобрана. Марьяна легла и стала обдумывать свои дальнейшие действия.

Через минут десять она пришла к выводу, что все вроде продумано как следует и дальше война план покажет. Вспомнила Влада. Небось, привел какую-нибудь бабу в ее постель и кувыркатся с ней, мерзавец! Как ни странно, она была права – он действительно привел бабу в ее постель, вот только кувыркатся с ней ну никак было нельзя. Она подумала: наверное, сейчас Машку с Аринкой трахает в свое удовольствие, а она тут холодную постель греет! Проскользнула грешная мысль: может, правда надо было этого капитана привести – все теплее было бы и веселее... Она посмеялась таким мыслям, давно уж ее на грех не тянуло. Уж и забыла когда. Ну постель с Владом не считается – он кто-то вроде полумужа-полубрата-полудруга – типа родня, в общем, это не грех.

Потом она попыталась уснуть, и для этого воспользовалась старым способом: стала считать овец... Когда сто шестьдесят третья овца обернулась голой девкой на четвереньках, и голосом Машки заявила: «Да, сладкий мужик, хорошо мне с ним кувыркатся!» – Марьяна не выдержала...

Глава 10

Влад

Владимир проснулся среди ночи. Что-то встревожило его, какое-то странное чувство. Так, наверное, чувствуют звери, отслеживаемые охотником. Он прислушался – никаких посторонних звуков: рядом сопит Маша, уткнувшись ему в подмышку, остальные женщины в избе выводят рулады носами.

Он закрыл глаза и попытался заснуть. Вдруг невероятный грохот сбросил его с постели, он вскочил, как подброшенный пружиной и нагнулся за кистенями, лежащими у постели – дверь почти слетела с петель, выбитая ударом бревна и в проем с ревом полезли бородастые рожи.

Арина завизжала и замерла на топчане, прижав руки к груди, Влад бросился к ней, схватил за руку и метнул за спину так, что она проехала по полу и влетела в комнату Марьяны. Нападавших он встретил, держа в каждой руке по кистеню. В замкнутом пространстве ими было очень удобно биться, в отличие от тяжелой и длинной катаны. Да и стояла она в углу, далеко – доставать некогда.

Налетевшего на него щербатого парня в меховой папахе с кривой татарской саблей в руке Влад лишил его оружия, захлестнув клинок цепью и вырвав с такой силой, что тот улетел за печку и воткнулся в бревенчатую стену, прорвав обои. Суки, испортили стену, отстраненно подумал Владимир.

Сабля дрожала в стене, глубоко воткнувшись, а Влад уже добивал налетчика ударом второго кистеня в висок. Хрясь – и мозги разлетелись по комнате, забрызгав стены и беленую печь. Дзз-зын-нь – удар шара переломил узкий меч второго нападавшего, следующий шар вбил ему в голову железную шапку. Третий перепрыгнул через тела товарищей и яростно замельтешил перед глазами Влада короткими клинками. Тот вертелся ужом, уходя из-под ударов. Его же атаки, направленные в туловище противника, не доходили до цели. То ли толстая поддевка была на парне, то ли в раже он не чувствовал боли, – в общем, лекарю пришлось поскакать, пока он не заметил лезущих в проем сломанной двери дополнительных «спарринг-партнеров», и не решил, что это уж слишком.

Влад максимально ускорил восприятие, и его силуэт практически размылся в движениях: за три удара он выбил из рук одного противника причудливые короткие мечи, а следующим – перебил кадык другому. Тут комната заполнилась народом, и ему пришлось по-настоящему туго. Враги давили его массой, нанося кучу беспорядочных ударов. Вот когда он пожалел, что не взял катану... Наконец решился – отпрыгнул назад, схватил ее в руки... и первый же удар рассек нападавшего до пояса.

Влад быстренько оставил идею захватить кого-то в плен для допроса и уже бил просто наповал. Нападавшие попятись, видя такой страшный конец товарища, но было уже поздно – тяжелыми круговыми горизонтальными движениями, как гигантской косой, Влад «выкосил» врагов и выскочил на снег, прямо босиком.

Там уже шел бой – несколько десятков человек навалились на охрану клиники. Клинки мелькали в свете светляков, люди перемещались между домов, как тени, сходясь, падая, снова сходясь. Семен бился у стены, повернувшись к ней спиной и держа в одной руке короткий меч, в другой дагу – бился экономно, через минуту перед ним остались два противника, потом один... Но он побежал прочь. Однако ушел недалеко – через миг дага расцвела в его спине.

Кузнец, вооруженный огромной секирой, действовал, как дровосек – каждый, кто становился перед ним, падал, мгновенно убитый страшным ударом. Он ревел и продвигался к избе, где лежала его жена. Выскочивший Влад едва не попал под его удар и чудом избежал страшного конца, вовремя закричав:

– Э-э!!! Гордей! Обалдел?! Это я!

Гордей с трудом узнал его, повернулся к нему спиной, Влад встал рядом, и они пошли вместе, снося каждого, кто оказывался в пределах их досягаемости. От клиники раздался визг – из нее вытаскивали полуголых девушек. Влад бегом кинулся туда, и вдруг увидел, что к избе бегут два мужика с факелами, явно не для того, чтобы посветить лекарю при написании медицинских трактатов.

Влад остановился и, не раздумывая, ударил магией: метнул белую молнию в поджигателя – он упал, отброшенный ударом, задымился... Второй уже размахнулся, чтобы кинуть факел, когда лекарь метнул катану так, что она навывлет пробила тело врага, и только ручка помешала ей вылететь с обратной стороны.

Силой удара тот был отброшен назад, в сугроб, образовавшийся после очистки дорожек от снега, факел зашипел и погас.

Влад, не останавливаясь и не пробуя забрать меч, кинулся на помощь похищаемым девушкам. Он сходу сбил кулаком попавшегося навстречу кряжистого невысокого мужичка, отбросил боковым ударом в предплечье несущегося на него похитителя с шашкой. Подхватил выпавшую из его рук шашку и ткнул ею того в живот.

Девушка в руках врага завизжала и упала на снег, увлеченная весом вцепившегося в нее мертвеца. Правда, тот еще не знал, что он практически уже мертвец, а потому сучил ногами по снегу, зажав вспоротый живот и пытаясь унять страшную боль.

Двое похитителей напали на Влада с тяжелыми мечами – один был с катаной. Первый упал с распоротым горлом, второй же ударом меча сломал легкую саблю Влада, зацепил его плечо, распоров кожу до мяса. Лекарь поймал его руку, другой же схватил за пояс и, поднатужившись, поднял и со всей силы метнул его в стену клиники так, что у того захрустели кости.

Обернулся – часть захватчиков добивали охранники, другие же бежала в лес – на территории клиники осталось человека четыре. Влад плюнул на все: «Пропадите вы пропадом с вашими законами!» и начал, как из пулемета, поливать их молниями. После этого на снегу остались дымящиеся трупы, от которых шел запах озона и горелого мяса. Из нападавших не ушел никто.

Влад подошел к трупу, из спины которого торчала его катана, выдернул меч и несколько раз воткнул в сугроб, очищая от крови и нечистот. Затем пошел к избе, где уже собрался народ. Они почему-то странно, и даже как-то с ужасом глядели на него. Он осмотрел себя. Оказалось, он был абсолютно голым, а с учетом того, что он весь с головы до ног был залит вражеской и своей кровью, то было чего испугаться. Только теперь он почувствовал леденящий холод в ногах и боль от многочисленных ран – как не берегся, все равно цепляли. Наверное, так выглядели берсерки, подумал он. По преданиям, они шли в бой голые, без одежды и брони, и не чувствовали боли.

Владимир повернулся и пошел к избе – надо было обтереть кровь и что-нибудь накинуть на себя. Конечно, может быть, и интересно чувствовать себя берсерком, но как-то уж больно холодно.

Двери избы висели на одной петле, засов был выдран с корнем. Видимо, нападавшие начали именно с избы. Или, скорее всего, одновременно напали и на клинику, и на избу, и на стражницкую. Непонятно только – куда смотрели дозорные, почему не подняли шум? Через полчаса все стало ясно – дозорные лежали настигнутые стрелами, у одного стрела торчала в голове, у другого две стрелы – в горле и сердце. Семен угрюмо посмотрел на трупы и сказал:

– Эх, парни, парни... я же вас учил, смотрите спиной...

Тела охранников унесли к стражницкой, а трупы бандитов – на площадку за конюшней, подальше в лес, привязывая по несколько человек за ноги к лошади. Все территория перед домами, да и сами дома, – все вокруг было залито кровью и забросано обрубками человеческих

тел. Не считая дозорных, среди охранников других потерь не было. Правда, было двое раненых – один тяжело, сабля вошла ему в бок, другой легко – стрела проткнула предплечье.

Когда трупы начали свозить в лес, перед этим раздев догола, один из нападавших проявил признаки жизни: он застонал и стал шевелиться. Как оказалось, это был один из тех, кто вломился в избу Марьяны и Влада. Кузнец тут же хотел добить его, разъяренный мыслью о том, что эти негодяи могли убить его жену, но Влад остановил и приказал доставить его в клинику. Это был мужчина лет тридцати пяти, крепкий, видно было, что оружие он держать умел.

Влад частично оздоровил его, приведя в состояние бодрствования, и они с Семеном допросили недобитка. Надо было узнать, кто они и с какой целью напали. Была ли это целенаправленная акция, или же просто залетная банда, на пути которой, к несчастью, оказалась клиника, решила поживиться добычей.

Допрос сразу же не заладился. Бандит оказался парнем крепким, и защитникам клиники пришлось прибегнуть к пыткам. Влад знал, что это неизбежно. Только в дурном кино бандит вдруг проникается доверием к захватившим его, и все им повествует в лицах, или так пугается, что выудить из него информацию становится легче легкого, и в конце концов, благородные защитники отпускают его, погрозив пальцем: больше так не делай, ай-ай-ай!

На деле же тут сантиментов быть не должно. Выживший бандит приведет еще соратников, они лучше подготовятся, будет снова кровь и смерть, так что никто его отпускать не собирался, и он об этом знал. Так зачем ему все рассказывать? Ну да, есть такая мотивация, как боль. Но если человек крепкий – он может и вытерпеть, а после прохождения определенного порога, боль отступает и настает беспамятство. Притом разбойник не верил, что эти ботаники окажутся искусными в пытке – так думал Влад. Бандит ошибался. Вначале Влад безучастно смотрел, как Семен тыкал ножом в привязанного к столу человека, непрерывно и монотонно спрашивая:

– Кто вы, откуда, говори... кто вы, откуда, говори...

Тот только рычал и ругался. Затем Владимир не выдержал, он понял, что тот сдохнет, истечет кровью, а ничего не скажет. Он отодвинул Семена и подошел к столу. Бандит смотрел на него с насмешкой – в нем было что-то от викингов, пренебрежение к смерти, наверное... Он знал, что умрет, но не собирался чего-то просить от людей, победивших его. Влад еще подумал: «Возможно, у него сильно повышен порог болевой чувствительности, вот он и выдерживает все так стойчески. Что же, сейчас посмотрим, как устоит против мага».

– Слушай, рожа, я магик, лекарь, я знаю, как тебе сделать очень больно. Ты не умрешь. Я буду лечить тебя и пытать снова и снова. Ты превратишься в обрубок, мыотрежем тебе ноги, руки, уши. Но ты будешь жить. Ты будешь валяться со свиньями, в дерьме, обрубком, тебя будут кормить, и я буду срезать с твоего тела мясо снова и снова, пока не узнаю все, что мне надо. Ты будешь умирать годами. Пока не скажешь мне все, что я хочу знать. Я сделаю так, что твоя боль увеличится в сто раз, и ты будешь визжать и гадить под себя, но это тебе не поможет. Или же – мы заключим с тобой соглашение: ты умрешь быстро, чисто, я просто остановлю тебе сердце, и ты уснешь. Выбирай – умереть с честью, чисто, как воину, или погибать в страшных муках, в дерьме и грязи. Никто не увидит твоей смерти, никто не узнает, как ты умер – останется только боль, и ты станешь умолять тебя убить, но будет поздно. Я даю тебе подумать сто ударов сердца, потом мы приступим к настоящим пыткам. Думай.

Влад отошел к Семену, стоящему поодаль у топчанов девушек – они отправили их отмыкать дома и прибираться. Начальник охраны был бледен, он негромко сказал:

– А вы страшный человек, господин лекарь. Не хотел бы я становиться на вашем пути.

Влад остро глянул ему в глаза и мягким голосом произнес:

– А ты и не становись, Семен, не надо...

Со стола раздался голос разбойника:

– Хорошо. Я расскажу вам. Я верю тебе, лекарь. Ты победил. Спрашивай.

Через полчаса Влад и его начальник охраны уже знали, кто посетил их дом. Это были остатки банды, которую перебил некогда Владимир. Это было не страшно – теперь они знали, где лагерь бандитов. Те оставили лошадей в трех верстах отсюда, и добить совсем эту банду теперь было легко.

Худо другое – произошла утечка информации от охраны клиники, и за Марьяной были посланы в погоню люди. Ее ждала на тракте засада. Каждая собака знала, что она едет нанимать строителей для постройки зданий, ну а сложить два и два – ничего сложного нет. Ясно, что она не пустая поехала, и даже примерное расположение казны видели – мешок был довольно тяжелым и его загружали под сиденье возка. Навел же банду тот охранник, что струсил идти вместе с Владом и Семеном освобождать Марьяну. Видимо, помыкавшись. Охранника с запятнанной репутацией никто не хотел брать, вот он и оказался в банде. Тут у него оставался приятель, с которым они общались, и в трактире, за кружкой пива, тот ему все и выболтал.

Дальше было дело техники. Отследили выезд Марьяны. Заодно ухудшилась охрана территории клиники, где были и деньги, и бабы, и продукты, – все, что нужно разбойнику. И не только. Постовых сняли легко – расположение постов тоже было известно, а сделали это лесные охотники, прибившиеся к банде – из какого-то народа, который они называли меря. Они специалисты по так называемому скрадыванию зверя, вот и скрали. Так что нападение не было делом рук Борислава, как и предполагал Влад, для этого еще было рано.

Умер бандит легко – как ему и обещали. После допроса Семен и Влад собрали охранников – кроме раненых, которые уже были переведены в клинику и ждали лечения. Семен подошел к одному бойцу, не ожидавшему ничего плохого, и молча сильно ударил его в лицо. Тот упал, Семен несколько раз пнул его ногой, потом спросил:

– Знаешь, за что?

Тот ответил, захлебываясь кровью и зажавшись:

– Нет, за что бьешь? Что я сделал?

– Ты всех нас подставил, своим дурацким языком. Ты выболтал Никифору в трактире о клинике, о том, что госпожа Марьяна уезжает. Поэтому они и напали. И теперь неизвестно, жива госпожа Марьяна, или нет. Ты нарушил правило – не болтать ничего посторонним о службе, о тех, у кого работаешь. В результате погибли двое наших товарищей. И, возможно, еще двое. Вот результат твоей преступной глупости. Я бы убил тебя. Но господин Влад настоял, чтобы тебе сохранили жизнь. Но ты будешь наказан. Во-первых, я лишаю тебя месячной платы, она будет отправлена семьям погибших, а во-вторых – тебе двадцать плетей. Поднимите его и привяжите к столбу.

Бойцы подняли провинившегося и потащили к коновязи. Семен достал плетку, которой погонял лошадей, и начал методично наносить удары по спине бойца. Тот скрипел зубами. Но молчал – он и сам понимал, что провинился, и был рад, что хотя бы не убили.

Влад поспешил домой, на душе у него было тяжело. Там уже хлопотали Маша и Арина. Время было ночное, глухое, но уже ближе к утру, он на глаз определил: где-то часов пять утра. Впрочем, он мог и ошибаться.

– Девчонки, помогите, давайте-ка я помоюсь, да мне надо съездить на тракт.

Он разделся, встал в корыто и стал отмываться от засохшей на нем крови – вода сразу стала красной, а Маша выскочила за порог – ее вырвало. Арина начала подругу, та заплакала. Влад прекратил все дразги, приказав достать из сундука нижнее белье и чистые брюки. Пока он вытирался, пришел Семен:

– Господин Влад, я предлагаю съездить на тракт, к трактиру, и послушать, что там говорят о происшествиях на тракте. Купцы везде ездят, точно все знают.

– Да я уже собираюсь, Семен, как видишь. К тому же выводу пришел. Сейчас оденусь и поедем. Пусть седлают лошадей. Оставь здесь половину бойцов. Остальных – со мной. По дороге навестим лагерь бандитов. Они там оставили двоих, так что нам много народа не потре-

буется. А лошади пригодятся. Впрочем, бери всех. Пусть тут останется кузнец и Олег Панфилов. Как, кстати, он там сегодня? Не перепугался?

– Ну как не перепугался... Дураки только не боятся. Но вел себя достойно, одного нападавшего убил, одного ранил. В общем, все нормально. Кузнец, конечно, зверь-зверина. Сильный мужик. Не сильнее вас, конечно, – он покосился на мощную жилистую фигуру Влада, – но очень силен. Я думаю, сегодня больше нападений не будет, но скажу, чтобы были наготове на всякий случай. Ну, я пошел... да, забыл: полечите этого дурака – я его плетью сильно отходил. Спина кровит. А у нас каждый боец на счету. Он хоть и дурной, но без злого умысла болтал, теперь будет умнее.

– Хорошо, я зайду к вам, как оденусь.

Семен ушел, а Влад натянул нижнее белье и присел у стола. Он вдруг ощутил, что в спину уперся чей-то взгляд. Влад усмехнулся. Наверное, именно это Семен называл «видеть спиной».

– Как вы, госпожа? Не испугались?

– Да я же не дура – испугалась, конечно.

– А подслушивать нехорошо! – засмеялся. Влад.

– А кто сказал, что нехорошо? Те, кого подслушали?

– Вы мне напомнили своим острым язычком кое-кого... – Влад сразу погрузился, а женщина, поняв его, сказала:

– Я уверена, что все нормально будет. Она не такая женщина, чтобы пропасть, не думайте. Вот чувствую. Что хорошо все будет, и все тут.

– Ваши слова бы богу в уши. Ну, мне пора... Я вашего мужа пришлю сюда, пусть посидит с вами. И мне спокойнее, и вам веселее. Вас кормили сегодня?

– Да кормили, как на убой кормят! Мне кажется, что я телок для заклания, которого откармливают. Скоро в дверь не пролезу.

– Ничего, нормально все. Ешьте, даже через силу, вы обязаны много есть, иначе выздоровевать долго будете. Ну-ка я вас посмотрю...

Влад подошел к больной, осмотрел ее визуально, потом магическим зрением – организм хорошо справлялся с болезнью, баланс выровнялся. Он еще подкачал энергии в ауру – на всякий случай. Потом пошел к себе. Быстро оделся и вышел, сопровождаемый взглядами девушек.

Прошагав несколько метров по дорожке, покрытой пятнами крови, Влад толкнул дверь стражницей. На топчане лицом вниз лежал парень, по пояс голый, его спина была изборождена рубцами, из которых сочилась кровь. Лекарь приблизился, вошел в транс и, не применяя обезболивания (умнее будет впредь!), начал лечение. Рубцы быстро затянулись, спина очистилась, а парень замычал, уткнувшись в матрас. Через пять минут все закончилось, и провинившийся был здоров.

Потом Влад в течение двадцати минут вылечил раненых стражников, а еще через пятнадцать – он, Семен и пятеро охранников рысью неслись по дороге. Сегодня на тракте было пусто. На лечение пока никто не ехал, да и рано еще было – только-только начало светать.

Морозец был слабым. Чем ближе к весне, тем морозы становились слабее, кроме того Влад давно определил, что если судить по климатической зоне, это был примерно район Карпат – то есть такой же мягкий климат, слабоморозные зимы и жирные почвы. Хотя это сравнение некорректно – и материк, и весь мир все-таки были другими.

Кони быстро топали по дороге, иногда срываясь в галоп, наконец, отряд подъехал к тому месту, где можно было оставить лошадей, заведя их в лес к небольшой лошадке, и пешком направился к лагерю бандитов. Ну лагерь – сказано громко, это было просто временное прибежище, там оставались кони и двое охранников.

Влад не мудрствуя лукаво и не занимаясь спаррингом с супостатами, просто спалил их двумя молниями, чем сильно взволновал лошадей, привязанных к деревьям. Кони бились, хрипели и брыкались, почувствовав запах горелого мяса и напуганные вспышкой. В конце концов,

они успокоились, кроме одной лошади, которая унеслась в лес, хрипя и мотая башкой с оборванным поводьями.

Догонять ее не стали, решив, что лучше потерять одну лошадь, чем ломать ноги на буреломе другой лошади, да еще и шею себе, налетев на сосну. Семен и Влад оставили бойцов с конями, приказав отогнать в клинику, сами же отправились к своим лошадям. Скоро они неслись по направлению к тракту.

Через час скачки рысью, переходящей в галоп, всадники подъехали к тракту. Возле водоема – что-то вроде пруда или озера, питаемого небольшой речкой – стоял трактир «Усталая Лошадь». Изыском он не отличался, но это был единственный трактир на все ближайшие села, а также на пятьдесят верст тракта, посему в нем всегда были люди, хотя его кухня и питье оставляло желать лучшего.

С утра он был почти пуст, только у двух столов сидели проезжие купцы, спозаранок собирающиеся в дорогу. Влад заказал себе и спутнику пива, попросил посветлее и полегче – он не любил горчащего темного варева, что тут называли пивом. Потом подумал и заказал тушеной зайчатины с капустой. Темное мясо оказалось неожиданно вкусным – с приправами и перцем. Влад ел и прислушивался к разговорам за столами. Внезапно, услышал что-то типа «и мертвые с косами стоять!» – купцы говорили о том, что возле дороги навалены трупы, полуобъеденные зверьем. Влад не выдержал, обернулся к ним и спросил:

– Господа, не сочтите за навязчивость, что там за история с трупами? Мы собираемся ехать в Лазутин, как там, дорога спокойна? А то такие ужасы рассказываете... – Влад усмехнулся.

– А вы не смейтесь, господин хороший, там навалено на дороге – как война была. – Купец понизил голос: – Мне по секрету рассказали, что там лихие люди напали на какую-то даму с двумя охранниками, так они всех положили, а сами дальше поехали как ни в чем не бывало. А людей тех лежит штук сто! А может, с тыщу! Говорят, магичка была. Сама всех побила.

– Ну уж, тыщу, – подначил Влад, а у самого внутри все пело: «Живая! Живая Марьяна!» – И чтобы баба всех побила... хм... – И он недоверчиво пожал плечами. Вмешался второй купец:

– Ну тыщу-не тыщу, а вот человек тридцать-сорок, наверное, положили. И в основном баба, точно. Я с командиром охраны Славой разговаривал в «Сломанном Кнута», он их подобрал на дороге. Баба та цела осталась, а вот охранников побили крепко. Но она порубила полотряда лихих людей, не меньше, это точно.

Влад про себя подумал: «Как хорошо, что я ей меч дал и белье непробиваемое... Ой я молодец, ой голова!» Они переглянулись с Семеном и лекарь спросил:

– И что, раненные охранники умерли?

– Да нет, она магичка сильная оказалась, она их в трактире вылечила, мне сказали. Вот такие дела. Разбойников побили, теперь долго никто не сунется. Так что дорога свободна, можно спокойно ехать.

– Спасибо, господа, за рассказ, удачной вам поездки и хорошей прибыли.

Купцы важно поблагодарили учтивых господ, а Влад с Семеном, расплатившись, вышли наружу. Влад потянулся, его распирала радость – только сейчас он понял, как дорога ему Марьяна, и как страшно он боялся ее потерять. Остаться одному, в этом чужом мире, без друга... Он с удовольствием расправил плечи и обвел взглядом окрестности. Тракт проходил вдоль речки, место у озера было укрыто от ветра, вокруг стояли леса, вдоль реки – заливные луга... Он подумал: «Вот бы тут сделать клинику!»

Семен посмотрел на него, Влад усмехнулся:

– Тоже об этом подумал? Да, великолепное место. Тут бы клинику поставить... Интересно, кому эта земля принадлежит?

– Ну как кому? – удивленно посмотрел на него Семен. – Магистрату Лазутина. Вся земля на полверсты от тракта принадлежит магистрату. На сто верст по тракту. И сдается в аренду,

или продается желающим, ну тем, у кого мошна тугая – земля тут очень дорогая. Неужели не знали?

– Да, не знал. Тыфу ты, черт, надо было Марьяне сказать, чтобы узнала, может пробить сумеет – что и почем. Мы-то там на земле графа сидим, помрет – могут нас подвинуть. Лучше свою землю иметь. Да и на тракте лучше... И трактир тут можно сварганить. Получше этого. Может, догадается? Ладно, давай домой – узнали что хотели, и надо дела доделывать. Погнали!

Они отвязали лошадей от коновязи, вскочили в седла и рысью поскакали в обратный путь...

Марьяна

...Утро встретило Марьяну легким морозцем, комната за ночь немного остыла. Она, дрожа, выбралась из-под теплого одеяла, опять на всякий случай надела непробиваемое белье, теплые кофты и юбки, повесила меч – ножны еще вчера Степан достал из возка. Хотела умыться – но вода в корыте была холодной, да и грязной. Передумала, схватила мешок с деньгами, баул с вещами и потащилась вниз.

Ребята-охранники уже сидели за столом и хлебали горячий фруктовый узвар. Марьяне есть не хотелось, но она заказала завтрак на себя и на них. Себе взяла только два яйца всмятку, которые по причине своей мягкости и скользкости легко были переправлены в желудок. Она с завистью поглядела на бойцов, которые уминали жареную свинину, как будто год не ели – сама она с утра ничего не хотела. Славы рядом не было, он где-то бегал по делам, но необходимости в дальнейших разговорах она не испытывала – все уже сказано, теперь дела, а не слова.

Через полчаса их лошади бодро топали по укатанной дороге в сторону Лазутина. Неожиданностей не предвиделось, тем более что места эти были очень оживленные, часто навстречу попадались конные и пешие, уже чувствовалось приближение города.

Город Лазутин был небольшой, по меркам Влада, а по меркам Марьяны, вполне даже крупный центр, с населением в тридцать тысяч человек. И эта численность считалась по половозрелым взрослым мужчинам – то есть на самом деле он был гораздо населеннее. Ну так исстари повелось, что население считалось только по мужчинам. Марьяна как-то не задумывалась над этим, и только когда однажды Влад удивился такому порядку, она подумала: «А правда. Что, бабы не люди, что ли, почему их не учитывают?»

Ворота Лазутина встретили их обычным постом стражников, досматривающих повозки и собирающих плату за въезд в город. С одним из трех стражников на воротах она была знакома, хотя узнала его с трудом – так он разъелся на тихой и сытной службе. Из двадцатилетнего худого мальчишки превратившись в совершеннейшего борова лет пятидесяти. Он не узнал Марьяну, хотя когда-то приходил к ней лечиться, когда она еще держала лавку на Цветочной улице.

Марьяна не стала напоминать ему о себе, заплатила входную пошлину за себя и за своих охранников – у стражи, как обычно, не нашлось сдачи с золотого, и сани со скрипом понеслись по брусчатой улице. Снег местами растаял от выплескиваемых на мостовую помоев, и как всегда Марьяна с раздражением вдохнула сладкий запах помоев, мочи и тлена. «Насколько же все-таки более здоровый воздух в местах, где стоит наша клиника, чем тут», – подумала она.

Наконец их сани подъехали к гостинице, оттуда выбежал мальчишка-конюх, принимая их лошадей, сани загнали во двор, под навес, укрыли брезентом и сопровождаемая охранниками Марьяна поднялась в тот номер, что ей предоставили хозяева заведения. Конечно, он отличался от трактирных помещений: спальня обита шелковой тканью, кровать с периной под узорчатым балдахином, вторая комната с настоящим унитазом и медной начищенной ванной. Правда, в нее все равно надо было таскать воду вручную, но зато сливалась она через дырку в днище, а потом вся грязная вода и нечистоты отправлялись по трубам из гостиницы в канавы по сторонам мостовой, и оттуда уже в реку.

Марьяне тут же захотелось залезть в ванну и понежиться в ней, после поездки, но она переборола себя, спрятала мешок с деньгами (честно говоря, ей страшно надоело с ним таскаться, тем более что он был объемистый и тяжелый) и пошла вниз, в обеденный зал.

Охранники сидели там, ожидая ее. Она быстро с ними вместе перекусила, затем отправила их наверх, чтобы они внимательно следили за ее номером по очереди – один будет отдыхать, другой наблюдать. Им она тоже сняла номер на двоих, вполне приличный. После этого Марьяна отправилась в город. С собой она взяла только небольшой мешочек с деньгами.

Первым пунктом ее посещения был собор святой Иросафилы, где настоятелем числился отец Пафнутий. И магическая школа, и собор располагались достаточно близко от гостиницы, где она остановилась, потому ей не пришлось долго идти.

Златоглавый храм вырос из-за поворота, как будто кто-то кинул вниз красивую игрушку – она даже залюбовалась сиянием куполов. До вечерни еще было много времени, и Марьяна знала, где найти настоятеля – он в это время обычно находился у себя дома, позади собора.

Она подошла к воротам и с силой начала бить в них кулаком так, что они затряслись. После минуты таких упражнений, в откинутое окошко ворот выглянул недовольный толстый монах и с неудовольствием спросил:

– Вы чего, госпожа, шумите? Отец настоятель почивать изволят и будить не велели.

– Давай буди его. Дело важное к нему.

– Не могу, – невозмутимо сказал монах. – Не велено. – И стал закрывать окошко.

Марьяна взревела в ярости:

– Ты, помесь осла и ящерицы, если ты не доложишь Пафнутию, он тебя отлучит от церкви. А раньше, я напущу на тебя такую порчу, что ты будешь черным поносом гадить, пока не скончаешься в луже своего дерьма, козел безрогий! Быстро давай Пафнутия сюда!

Испуганное лицо монаха исчезло, и через минут десять послышался дрожащий голос:

– Кто, кто мешает моей послеобеденной молитве?! Какой нечестивый человек требует от старого, больного священника, молящегося за всех нечестивых граждан этого города об их прощении, отвлечься от святого дела?

В окошке показалось лицо довольно-таки бодренького круглолицего человечка с красным носом и хитрыми маленькими глазками:

– Кто побеспокоил меня и напугал моего Анафима?

– Открывай, Пафнутий, разговор есть на тысячу золотых.

– На тысячу? – За воротами загромыhalo, отодвинулся засов, и Марьяна скользнула на широкий двор. Пафнутий взгляделся в лицо красивой дамы.

– Вы кто, госпожа? Я вас знаю? Мне кажется, я где-то вас встречал!

– Пафнутий, это же я, Марьяна. Забыл, как я тебе причиндалы лечила?

– Тихо, тихо... – Пафнутий оглянулся на стоящего невдалеке монаха. – Ну чего ты расшумелась. Тысячу так тысячу – пошли разговаривать. Ну что за привычка во дворе дела решать. Эй, Анафим, принеси нам вина монастырского да сыра, да смотри, гаденыш, отопьешь по дороге – я тебя поставлю на поклоны на весь вечер. И еще – бери вино не слева, для прихожан, а из-за корзин, в правом углу. Ну пошли, Марьяна.

Они взошли по широкой каменной лестнице на длинную украшенную цветными стеклами веранду. Миновав ее, оказались в светлой теплой комнате, где гудела печь, украшенная цветными изразцами. Они уселись за столом, накрытым белой скатертью с кружевами по краю. Марьяна огляделась.

– Хорошо устроился ты, Пафнутий... Я еще помню тебя, когда ты был молодым худым священником, а теперь – вон какой дородный да важный.

– Молитвами моих прихожан да скромными подношениями живу, как нищий, все о душах их молюсь денно и ночью...

Монах принес бутыль, нарезанный сыр на блюде. Пафнутий внимательно осмотрел пробку бутылки и кивком отослал его, крикнув вдогонку:

– Дверь прикрой, аспид. Вечно уши развешиваешь, подслух нечестивый!

– Ну, привет, Марьяна, – уже нормальным голосом сказал Пафнутий и остро взглянул на нее. – Молодо ты выглядишь что-то, если бы не твое нахальство, я бы тебя и не узнал. Помню, как ты крыла моего Афанасия двадцать лет назад... Как это ты омолодилась-то? Или секрет?

– Свежий воздух, правильное питание, никаких волнений – вот и секрет вечной молодости! Пафнутий, ну чего ты ерунду спрашиваешь? Я ведь магичка и лекарка, у нас есть свои секреты, за которые могут нам и голову снести, если выдадим. Понимаешь?

– Понимаю. Ладно. Давай вот винца попробуй, а потом и к делу перейдем. – Он разлил красное густое вино по бокалам, отпили, Марьяна нарочито восхищенно промычала: – У-у-у, для себя ты хорошее вино бережешь, а для причастия небось опять опивки в трактире покупаешь?

Пафнутий засмеялся:

– Наветы! Наветы друзей лукавого и завистников, коих много у благочестивого и боголюбивого священника!

– Угу... помню, как на тебя напраслину возвели три прихожанки. В одно и то же время забеременевшие, наверное, от святого духа. А проводником зачатия ты был, вроде бы, а? Силен был, кобель! Сколько по городу твоих отпрысков бегают?

Пафнутий поперхнулся вином, закашлялся, смеясь в кулак...

– Увы, Марьяна, теперь староват стал... – Он грустно потупился. – Теперь аспиды женского рода денег требуют. Нравы испортились, народ стал корыстным – такие молодые девушки и такие деньголюбивые, увы. Так что ты там говорила о тысяче золотых? Что за эти деньги надо будет сделать? Убить Анафима? Поджечь собор? – Он перекрестился на образа в углу и добавил: – Прости, Господи, нечестивого.

– Нет. Все проще. Один мой знакомый потерял метрики свои. Надо вписать его в церковную книгу... У тебя же хранятся все книги, за несколько сотен лет? Надо будет стереть одну запись и сделать на ее месте другую. И выдать справку для магистрата, датированную тем временем. Даю тысячу золотых. Идет? По рукам?

– Полторы тысячи. Сложное дело – вытравлять надпись, писать опять же... Так и вгоняешь меня в геенну огненную, буду я из-за тебя гореть на сковороде адовой! Так хоть тут порадоваться. Столько трат, столько расходов... – Он повысил голос и крикнул в сторону двери: – Одни эти дармоеды служки сколько сжирают! Жрут и жрут в три горла, бездельники! – И тихо добавил: – Полторы и по рукам.

– Ну ты зажрался... совсем обнаглел! Тысяча двести.

– Мне надо поддерживать свою троюродную племянницу... Девочка бедная на моем содержании, страдает... Тысяча четыреста!

– Ах ты, зараза! Я, может, в одном платье хожу уже два года, а ты девок в золоте купаешь... Тысяча триста и по рукам!

– Ладно, грабь несчастного старика, пей мою кровь, нечестивка, накажет тебя Господь за то, что обижаешь сирого и убогого... тысяча триста пятьдесят и по рукам!

– Ладно, ладно, хрен с тобой! Давай бери бумагу и пиши данные человека.

– Ну вот, другое дело! Эй, Анафим, хрен тебе в дышло, неси бумагу, перо и чернила, лишенец! Совсем распустились, мышей не ловят!

Монах принес требуемое, они дождались, когда он уйдет, и Пафнутий, взяв в руки перо, приготовился писать.

– Влад Вольга. Отец Станила Вольга, лекарь. Мать Бажена Вольга, домохозяйка. Уроженцы села Крутоярова.

– Это не то село, что вымерло сто лет назад под Лазутином во время чумы? Его еще выжгли все, заразу искореняли...

– То, то. Поставишь год рождения за десять лет до чумы. Когда будет готово?

– Давай завтра, после полудня, два часа пополудни. Аванс дашь? – Марьяна уничтожительно посмотрела на Пафнутия. – Ну ладно, ладно, завтра с деньгами приходи, и все будет.

Они попрощались. Пафнутий обнял Марьяну, излишне горячо расцеловал и как бы ненадолго придержал ее за тугую ягодицу. Она хлопнула по шаловливой руке, а он сделал невинные томные глазки и как бы ничего не заметил.

Скоро Марьяна шагала по улице, с удовольствием отмечая, что дело пошло. Через двадцать минут она подошла к зданию Школы магии. С удивлением Марьяна ощутила какое-то волнение – все-таки она училась здесь три года, не самые худшие ее годы. Она была молода, честолюбива, ей тогда представлялось, что вот теперь она магичка, лекарка, и весь мир у нее в кармане.

Оказалось, способности у нее посредственные, лекарское дело для простой лекарки не такое уж прибыльное, а принцы на белых конях не спешат появляться на Цветочной улице. А все больше кожевенники в вонючей, пропахшей гнилью и химикатами одежде. Как она ненавидела этот запах – так всегда пах ее отец, грубый и черствый человек, торговцы, проститутки. Кстати, проститутки и их клиенты были самыми выгодными для нее пациентами – имели деньги и платили как следует. Но все-таки она не жалела, что стала магичкой – кусок хлеба у нее был всегда, а вот теперь... теперь она была вообще в порядке.

Глубоко вздохнув, Марьяна потянула на себя большую, в полтора человеческих роста тяжелую дубовую дверь. Ее ручка двери была отполирована тысячами рук, сотни лет полировали ее...

Вестибюль встретил ее широкой каменной лестницей с углублениями на ступенях, выбитыми десятками и сотнями тысяч ног, и неизменным запахом туалета, несущимся из-под лестницы. Там всегда был засор из-за того, что тупоголовые учащиеся кидали в унитазы всякую дрянь. Марьяна поднялась наверх и свернула в длинный коридор, из которого высокие крашенные двери вели в учебные классы.

При Магической школе было свое общежитие, но Марьяна жила дома – до ее жилья отсюда было десять минут ходьбы. Как давно это было... Казалось только вчера она покинула стены этого заведения, но прошло уже сто лет. Где ее бывшие соученики? Кто знает... Она грустно улыбнулась и тряхнула головой, отгоняя воспоминания, и решительным шагом направилась к кабинету, где на дубовой двери было написано «Марина Гржимельская, директор».

Троюродная тетка Марьяны, как говорится, седьмая вода на киселе, Марина была родом откуда-то из-за границы и заняла свой пост по знакомству, удачно соблазнив кого-то из высших сфер. Тогда она была еще довольно интересной женщиной. Тетей же Марьяне она считалась лишь потому, что троюродный дядя Марьяны женился на ней. Впрочем, неудачно, так как она, по слухам, за считанные годы свела его в могилу безудержным сексуальным темпераментом. Но как раз за этот темперамент и ценили ее... покровители.

С Мариной Марьяна могла разговаривать совершенно спокойно, так как еще во время учебы в школе у них сложились вполне дружеские отношения. Кроме того все-таки родственные связи чего-нибудь да значат. Ну и Марьяна знала, как ее дальняя родственница любит деньги. Помимо денег Марина больше всего любила только себя.

Марьяна постучала в дверь, из-за нее ответил знакомый голос, и она вошла в кабинет. Там мало что изменилось. Разве что прибавилось на стенах различных грамот, наград и поощрений, которыми была награждена директор. Марина очень любила эти бумажки и всегда показывала их всем комиссиям.

Директор сидела за столом, не сразу подняла голову, изобразив, что очень занята, и ей срочно надо что-то писать, потом важно и надменно взглянула на вошедшую и спросила:

– Что вам нужно, сударыня?

Марьяна подошла и села на стул перед ее столом директорши, после чего стала внимательно рассматривать лицо, руки, плечи Марины. Время ту тоже не пощадило. Когда Марьяне было двадцать лет, Марине стукнуло тридцать пять. Для магика это не возраст... Но теперь уже никто не назвал бы Марину миленькой и не заподозрил бы, что когда-то ее называли Огненная Кобыла.

Перед Марьяной сидела пожилая дама с элегантно зачесанными волосами, в хорошем дорогом платье. Руки ее уже были с морщинами, как и шея. Сколько ни молодись – шея всегда выкажет возраст. Директорша внимательно всмотрелась в лицо пришедшей, в глазах возник огонек узнавания, потом она мотнула головой, – нет, не может быть, и тогда она снова спросила:

– Так кто вы, что вам угодно?

– Привет, Марина, не узнаешь?

– Не может быть! Марьяна, ты? Как, как ты смогла так сохраниться? Как? Боже мой, боже мой...

Она долго не могла успокоиться, пыталась все узнать, каким способом Марьяна сохранила молодость и красоту. Та ей чего-то плела о природе, травах и хорошем здоровье, но она ни одному слову не поверила, что было немудрено – ведь дура не смогла бы удержаться на посту директора Школы магии больше ста лет! Наконец, они перешли к сути дела.

– Марина, мне от тебя нужна помощь. Тебе это будет очень выгодно. Мне нужен для одного человека диплом об окончании этой школы. Диплом настоящий, с печатями, с регистрацией. Будет хорошая оплата, сколько, ты сама скажешь. Можешь сделать? Диплом должен быть датирован примерно моим годом выпуска. Тогда как раз неразбериха была, чума, так будет проще. Сколько это будет стоить?

– Я не знаю. Я такого не делаю. Мне хватает на жизнь вполне, зачем мне эти волнения, стараться... Я так понимаю – это твой мужчина?

– Ну, можно сказать и так... Он магик, но не может работать в гильдии – нет диплома.

– Да я поняла все. Но ты представляешь, сколько это будет стоить? Надо и в магистрате зарегистрировать, и в канцелярии школы, много инстанций пройти... В общем, восемь тысяч золотых. И задаток вперед – тысячу. На расходы. Что, сможешь? Торга не будет, это дело серьезное. И еще – нужна капля крови этого человека для внесения в печать – ну ты знаешь – аuru нанести.

– Хорошо. Я согласна. Сколько времени займет дело?

Директриса начала считать, загибая пальцы и шевеля губами:

– Если сегодня задаток будет у меня, то через три дня будет готово. То есть, без сегодняшнего дня. Кровь есть?

– Есть, вот... – Марьяна достала заранее приготовленный платочек с накапанной на него кровью Влада. – Тысячу золотых тебе принесут сегодня до вечера, я пришлю охранника. Запиши имя: Влад Вольга. Ну все, я буду у тебя через три дня. С деньгами. Не подведи, ладно?

Марьяна вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь. Еще одна проблема решена: Марина жадная до денег, землю рыть будет. Вообще, думалось, что она больше запросит.

Марьяна вышла на улицу и зашагала к гостинице – на сегодня хватит дел. Отдыхать. Гильдиями она займется завтра.

Глава 11

Марьяна

Гостиница встретила Марьяну сдержанным гулом в обеденной зале – она была наполовину полна, хотя время обеда и прошло. Внизу сидел Степан, разговаривая с каким-то увешанным оружием мужчиной, в нем она узнала Славу. Видимо, он давно ее поджидал. Марьяна про себя застонала – так хотелось сейчас лечь в ванну и расслабиться, а тут – вот... Но она сцепила зубы: не в ваннах же разлеживаться ехала сюда, да еще с такими приключениями, черт бы их побрал.

Подойдя к столу, она вежливо поздоровалась и улыбнулась воину. Он покосился на ее пояс с мечом, Марьяна скинула шубу на спинку стула, присела к столу и сделала знак официантке. Та приняла заказ. Марьяне как-то сразу остро захотелось есть, едва она переступила порог гостиницы. Витающие в воздухе запахи пряностей, тушеного мяса и овощей способствовали появлению таких желаний. Тем более что она сегодня хорошо поработала, выполнив то, что наметила.

Одна мысль только не давала ей покоя: Марина как-то легко согласилась с тем, что Марьяна хорошо сохранилась. Конечно, она видела ее очень давно и практически они не общались, но душой та не была, хотя как магичка не имела особых способностей.

Однако докопаться до истины в этом вопросе довольно легко: это как дважды два. Марьяна уехала в деревню давно, а выглядит – как сто лет назад. Возникает вопрос: как ей это удалось? Уровень Марьяны Марине был известен. Сильные магики все на виду, их знают наперечет, – значит, где-то в глуши есть неизвестный очень сильный магик, который помог ей помолодеть. И тут как раз появляется Марьяна, молодая, красивая, с заявкой на покупку диплома. Из ситуации уши-то торчат...

Марьяна не стала ломать себе голову. Время покажет. А пока все идет как надо. Если что-то изменится – тогда и надо будет думать.

Ей принесли заказ, и несколько минут она молча насыщалась в тишине, как будто не замечая, что Слава поглядывает на нее. Потом утерла губы и спросила:

– Ну как, Слава, лошадей продали?

– Да, конечно, вот ваша доля. – Он положил на край стола мешочек, набитый деньгами. Марьяна не стала пересчитывать, привязала к поясу и снова продолжила есть. Слава, похоже, был обескуражен. Ему казалось, что магичка сильно заинтересована в их договоренности о приобретении дворянского титула, но она молчала, и он молчал.

Марьяна специально давала ему понять, что не очень-то и нуждается в его услугах. Ну, чтобы не возникло повода к излишнему нажиму на нее. Доев рагу, она подмигнула Степану:

– Степ, иди отдохни, мне тут со Славой поговорить надо.

Степан согласно кивнул и зашагал к лестнице. Марьяна проследила взглядом за тем, как его спина скрылась из виду.

– Ну что, рассказывайте, Слава, что нового по нашей проблеме.

– Ну что, я, в общем-то, все решил. Только – одно но. Ваш человек должен приехать сюда и все оформить. Это можно сделать? Иначе не выйдет.

– Ладно. Расскажите подробнее, там уже посмотрим, что и как.

– Есть пожилой, очень пожилой дворянин. Он доживает последние дни, недели. У него нет родственников, после его смерти титул будет утрачен. Баронство. От него остался только старый замок в паутине и часть прилегающих земель. Он может усыновить вашего человека, но для этого нужно, чтобы тот приехал к нему лично. Усыновление производится при стряпчем и свидетелях и потом заверяется императором. Ну тут проблем не будет – никому не интересно копаться в делах какого-то мелкопоместного барончика, подмахнут бумаги и все. Особенно,

если подмазать кого надо. Так что я выполняю все, о чем мы договорились. Приехать на процедуру усыновления надо в течение месяца, иначе барон не доживет. Ну что думаете по этому поводу?

– Да, похоже это получится. Сообщите где вас найти, чтобы связаться. Через неделю, самое большее – две, к вам обратится человек от меня.

– Как я уже говорил, пусть обратится в гильдию и узнает, где я нахожусь в это время. Где-то с месяц я выезжать из города не собираюсь, у меня тут есть заказ на охрану, посему найти меня будет легко. За сим откланиваюсь – не буду вас отвлекать. Отдыхайте. А может, к вам вечером подойти, обсудить дальнейшие проблемы? – Владислав с интересом и надеждой посмотрел на интересную женщину, которая его притягивала к себе так, что на других красоток, даже после длительного путешествия с караваном, ему не хотелось смотреть... Ну, почти не хотелось.

– Ну зайдите вечером в гостиницу, усмехнулась Марьяна, послушаем музыку. Говорят, должен выступать какой-то музыкант, можем вместе выпить вина. Тут вроде бы неплохое. Ну и обсудим заодно дела. Сейчас прошу меня простить – ужасно хочется залезть в ванну и не вылезать ближайшие полтора часа.

Она встала, попрощалась с капитаном и, подхватив шубу, отправилась к управляющему, чтобы сделать заказ на горячую воду в ванной. Потом поднялась к себе и в течение ближайших пятнадцати минут наблюдала, как ей мыли и наполняли ванну. Затем она отпустила прислугу, разделась догола, с наслаждением огладила свое тело руками, с удовлетворением в который раз наблюдая за собой в высоком, в рост человека зеркале, привезенном, скорее всего, из-за границы – тут не умели делать таких вещей.

Вдруг вспомнила: деньги Марине! Забыла отправить!

Она достала мешок с золотыми, отсчитала тысячу и, закутавшись в покрывало с кровати, выглянула в коридор – там никого не было. Она добежала, шлепая босыми ногами, до номера охранников, постучала и, когда из двери выглянула голова Степана, недоуменно оглядевшего лекарицу в странном наряде, сунула ему мешок с деньгами, объяснив, куда и зачем надо идти и к кому обратиться, потом побежала в свой номер, скрываясь от поднимающихся по лестнице людей.

Горячая ванна расслабляла, располагала к неспешным мыслям и рассуждениям... Марьяна задумалась... А какие у них с Владом вообще отношения? Ранее она воспринимала его как данность – вот он есть, всегда под боком, они вместе, в работе, иногда в постели, и дальше по жизни рядом. Так кто он ей? Муж? Нет. Ну какая жена потерпит, что ее муж при ней спит с другими женщинами?! А она, наоборот, заботилась, чтобы у него в достатке было женщин. Друг? Ну да. Она знала, случись что – Влад всех перережет за нее, а ее вытащит. Впрочем, и она кинулась бы за него в огонь и в воду. Любовник? Можно сказать, что да. Но это не означало, что она давала ему обет верности. Он бы и сам этого не понял. С какой стати он должен ограничивать ее в чем-то, тем более что она старше его в два с половиной раза.

Они никогда не выясняли между собой отношения, даже мысли об этом не было. Партнер по делу? Да. Только договоров они не подписывали никаких, тоже как-то в голову не приходило. Ведь фактически, скажи Влад: «Я ухожу, и теперь сам буду вести свои дела!» – что бы она сделала, как остановила? Никак, особенно после того как сделает ему документы... Но почему-то она ему верила, очень сильно верила. Видимо все-таки она любила его, хотя и вполне могла лечь в постель с другим мужчиной – ну так, для удовольствия, или, как говорят, для здоровья. Впрочем, больше от скуки – ну не может женщина одна сидеть темными зимними вечерами. Эти странные отношения ее забавляли, и были ей удобны и приятны. Хорошо все-таки иметь друга – в переносном и буквальном смысле слова.

Она усмехнулась каламбурю, и задумалась уже о деле. Ну хорошо, стал он дворянином, а как получить землю? Купить, конечно. Но чтобы купить, нужны деньги, деньги же можно

заработать на клинике. Но если развить дела пошире – тут же пойдет шум, заинтересуется граф, обложат налогом, а то и какие-нибудь проблемы с землей начнутся. Главное теперь – землю получить, а там видно будет. Строить на месте хутора нельзя. Она поняла это четко и определенно.

Марьяна взяла в руку мочалку, намылила душистым мылом, привстала на колени, изогнув спину и стала медленно намыливать упругую грудь, гладкую смуглую кожу боков и спину... Усмехнулась, осмотрев себя: в этом мире загар считался признаком низкого положения, светская дама должна быть белотела, кровь с молоком... но злостный Влад «делал» ее под себя, наградив легким загаром, что, впрочем, ей нравилось.

Гладкая кожа как будто светилась изнутри, ее не нарушали никакие шрамы, прыщики или лишние складки – организм тут же устранял любые нарушения равновесия в себе. Ни следа от перелома ключицы, ни от удара в бок. Кстати, ей показалось, что перелома ребер и не было – только сильный ушиб, который рассосался в течение получаса. Она легла в ванну, погрузившись до подбородка, подняла из воды ногу, намыливая в воздухе и залюбовалась длинным гладким бедром и совершенными лодыжками. Интересно, с кого Влад брал пример, когда формировал ее тело? Впрочем, не все ли равно? Себя он тоже не обделил достоинствами... всякими.

Может, правда сегодня пригласить к себе в номер Славу? Вроде бы он мужчина интересный, как будто умеет обходиться с дамами и явно запал на нее. Марьяна хмыкнула и улыбнулась. Решила: вечером подумаю, посмотрим на поведение.

Что же с Магической школой? Марьяна не стала сразу говорить с Мариной о наборе выпускников. Хотя у Марины точно есть сведения, куда отправились и чем занимаются выпускники прошлого года. Этот еще не закончился, а ждать выпуска у них с Владом не было возможности. Пару-тройку человек надо было уже притащить с собой. Владу придется скоро уйти, на время, чтобы оформлением дворянства заняться, с купцом Панфиловым разобраться – там какая-то странная история с ним и его сыном. А этот купец может здорово пригодиться, стоит заняться его делами.

Вода в ванне стала остывать, Марьяна открыла пробку и вылезла на коврик, обтираясь махровым полотенцем. В богатстве были преимущества – и вот одно из них. Раньше она не могла позволить себе заказывать такие роскошные номера. До вечера время еще было, она подумала, оделась и спустилась вниз, предварительно предупредив охранников. В зале она нашла глазами симпатичную девушку – вроде как та была дочерью хозяина гостиницы и являлась кем-то вроде распорядительницы, подозвала к себе и села за столик, пригласив девушку последовать ее примеру:

– У меня к вам есть просьба. Мне не хотелось бы сейчас покидать гостиницу. Вы не могли бы послать человека в хороший магазин готового платья – пусть подберут несколько самых лучших, модных нарядов на меня и принесут в мой номер, я в дороге пообносила и хотела бы обновить свой гардероб.

– Хорошо, госпожа. Сейчас я отправлю мальчика в магазин модистки госпожи Бажены. Я приглашу ее к вам в номер.

– Спасибо. Я там и подожду.

Госпожа Бажена оказалась миловидной женщиной средних лет. Она явилась в сопровождении двух шустрых девушек, тащивших ворохи разнообразных платьев, чулок, белья и даже туфель, – всего, что мог предоставить приличный магазин. Платья доставались из чехлов, одобряться или отвергаться, шелковые чулки прикладывались к стройным ногам, нижние юбки разлетались по комнате, как стаи голубей, – в общем, шел процесс, который люто ненавидят мужчины и обожают настоящие женщины, – примерка.

Наконец, все, что нужно, было отобрано и оплачено. Марьяна заранее отложила мешочек с деньгами, чтобы не светить всю сумму. Теперь ей не стыдно было пойти не только в магистрат,

но и на бал к императору, если бы он тут каким-то чудом появился. Марьяна дернула веревку звонка и попросила пришедшего мальчика принести в номер чаю с печеньем.

Разгоряченные от беготни заказчица и модистки сели за круглый столик и в течение двадцати минут заливали пожар сладким чаем с вареньем и печеньями. Здесь подавали настоящий черный чай, привезенный с востока. В деревенской глуши он был редкостью, так как купцы с таким дорогостоящим и боящимся сырости продуктом не заглядывали в лесную глушь.

– Госпожа Бажена! А вы можете по моим рисункам сшить кое-что?

Модистка с легким недоумением посмотрела на заказчицу и ответила:

– Да все что угодно, в пределах ваших финансовых возможностей, конечно. А что бы вы хотели?

Марьяна сделала несколько рисунков, обозначив цвет и материал, из которого надо было это изготовить. Модистка еще больше удивилась:

– Где вы могли видеть такое, госпожа?

Марьяна на это опять стала что-то врать, что-то о дальних странах, заезжих купцах... ну не могла же она сказать, что о трусиках, лифчиках и бальных платьях ей рассказал друг из другого мира? Тут носили платья с рюшечками, бантами, накладными деталями, или же простые сарафаны, как у крестьян. Первые а повседневной носке были неудобны, вторые же – слишком просты и некрасивы. Для пробы Марьяна еще заказала несколько платьев с укороченными подолами, с большими вырезами на груди, а также несколько комплектов брючных костюмов, чем привела модистку в огромное смятение.

– Как?! Женщина в мужских брюках?! Скандал! – Потом успокоилась и с интересом стала разглядывать рисунки: – А ведь может войти в моду... Брюки подчеркивают формы, куртка обтягивает грудь... Многие дамы могут на это решиться. Госпожа, вы можете стать законодательницей мод. Если позволите, я использую ваши идеи.

– Давайте так, Бажена, возможно, мы с вами начнем сотрудничать. Я буду через ваш магазин продавать такие вот товары, так что вы будете в выгоде. Но пока пусть никто об этом не знает. Все должно быть готово через три дня. Успеете? Я оплачу за скорость.

– Придется привлечь швей со стороны... Но если госпожа гарантирует оплату, почему бы и нет. Только необходим аванс.

Они поторговались, наконец, модистки покинули ее, и Марьяна осталась наедине со своими мыслями и кучей разнообразного барахла. Вздохнула тяжело, но удовлетворенно, – тяжела ты светская жизнь! – натянула шелковые чулки, надела голубое атласное платье, подчеркнувшее ее высокую грудь, кожаные туфли и во всеоружии спустилась в обеденный зал, заперев номер и оставив вытаращившего на нее глаза охранника на посту в коридоре.

Внизу уже настраивал инструмент музыкант, столики были почти заполнены разнообразным, по большей части респектабельным народом – торговцами, мелкими чиновниками, приехавшими в город по делам и мелкими дворянчиками. К Марьяне сразу подбежал коридорный, сообщив, что ее ждет господин за столиком, и проводил ее к нему. За столиком сидел Слава, весь расфуфыренный, с начищенным до блеска оружием и с новой кожаной фурнитурой. Он так скрипел и пах выделанной кожей, что Марьяне показалось, что она попала в оружейный магазин.

– Приветствую вас, госпожа... – Он учтиво пододвинул ее стул, она важно опустилась на него, чувствуя спиной устремившееся на нее завистливые взгляды мужиков.

Ей было приятно ощущать себя в центре внимания – Марьяна уже забыла, как это бывает. Музыкант настроил свой инструмент и начал негромко петь неожиданно приятным голосом, что-то о любви, рыцарях, бросающихся прямо-таки в пасть к огромным драконам и погибающим в битве с ужасными чудовищами.

Насколько знала Марьяна, драконы совершенно не желали жрать этих невкусных и нашипигованных излишним железом существ и ограничивались лишь тем, что отрывали им

головы и бросали на месте. Гораздо приятнее сожрать честную овцу, или даже корову, чем вонючего, пропотевшего под доспехами мужлана без единой мысли в голове. Если бы Марьяна была драконом, она бы тоже так поступала, так как терпеть не могла заносчивых безмозглых рыцарей, вечно громыхающих напыленным на себя железом.

Следующая песня была о несчастной любви трубадура и принцессы. Что было еще глупее, так как для женщины уровня принцессы спать с трубадуром было равносильно тому, как если бы она пригласила в постель животное, – слишком велики были сословные различия. Марьяна откровенно заскучала, спасалась лишь поглощением фруктового салата со сливками, заранее заказанного капитаном.

Вечер прошел удивительно бездарно, за исключением танцев, которым аккомпанировал музыкант. Капитан танцевал неплохо, уверенно вел партнершу, единственно, может быть, излишне прижимал ее к себе. А впрочем, это могло Марьяне и показаться – ее объемистая грудь волей-неволей упиралась в его портупею.

Потом они поднялись в номер, обсудить дела... И обсуждали примерно часа полтора, после чего затихли, утомленные, рядом, смотря в потолок и переводя дыхание.

Марьяна сразу взяла инициативу в свои руки и скакала на мужчине до изнеможения. Любовником он оказался неплохим, но до уровня Влада никак не дотягивал, что, впрочем, ее не особенно расстроило. Она не собиралась проводить с ним все ночи. Самое главное, он был чисто вымыт, от него не пахло потом и носками, а кроме того он не был против ее доминирования в постели. К тому же не задавал глупых вопросов типа: «А тебе было со мной хорошо? А ты не хочешь переехать ко мне? А я у тебя какой по счету?» В общем, быстрый перепихон без обязательств, к взаимному удовлетворению, за что Марьяна была ему благодарна и поздравила себя, что не ошиблась в выборе партнера. Ну не с улицы же ей было вести мужика, если припичило? Влад своими изменениями, произведенными с ее телом, запустил в организме гормональные процессы на полную, и теперь гормоны бушевали в ней, как в печи сталелитейщика.

Они лежали немного, наслаждаясь истомой после соития, потом Марьяна спросила:

– Слава, скажите, вот есть такая задача: надо найти участок земли в приличном месте, рядом с большой дорогой, с водоемом, и чтобы этот участок можно было приобрести в собственность. Как можно это сделать, помимо приобретения дворянства? Вы человек опытный, ну-ка давайте идею!

– А тут и думать нечего – магистрат. Участки вдоль тракта, на сто верст по нему, на полверсты вправо и влево от него, принадлежат магистрату. Обычно они сдаются в аренду, но бывает и продаются. Правда, цены кусаются. Но они зависят от того, сколько процентов от суммы перейдет в карман чиновника.

Марьяна поднялась на локте, опершись ему на грудь и, заглядывая ему в глаза, с волнением спросила:

– Вы уверены, что можно купить эту землю?! Это бы все решило! Ну, хотя бы часть земли, конечно, по моему выбору.

– А у вас хватит денег на такое? Впрочем, что я говорю... Если вы владеете таким артефактами, почему бы вам не иметь денег на землю. Если захотите – я вам помогу. Мой двоюродный брат работает в магистрате, в земельном отделе. Можно через него проверить, и он возьмет не больше, чем у них положено в таких случаях. Завтра утром я поговорю с ним, а часа в три пополудни зайду за вами, и мы с ним встретимся.

– Да вам цены нет, капитан! Вы заслужили награду. – Она игриво укусила его за сосок и перевалила на себя, широко раздвинув колени...

Через полчаса капитан был выпровожен из номера. Все, что могла, она из него выжала – физически и юридически, а спать всю ночь с кем-то не очень знакомым, когда под кроватью лежало целое состояние, ей не хотелось. Она помылась в заново наполненной ванне, а потом быстро уснула, без сновидений и переживаний, сном праведницы.

Утром она заторопилась в гильдию строителей, ей до обеда надо было договориться со специалистами и возчиками, узнать о расценках и обсудить все нюансы строительства. В просторном помещении ее встретил сам глава гильдии, которому доложили о ее приходе. Он с интересом выслушал ее пожелания, сразу обозначив:

– Прежде чем говорить о стоимости постройки комплекса зданий, надо оценить на месте – что вы будете строить, каков объем работ, грунты, подъезд транспорта, составить план, а потом уже разговаривать. Когда поедете обратно, сообщите мне, я направлю с вами проектировщика, и он на месте все рассчитает. В рабочих руках и возчиках проблемы не будет – сейчас не сезон, строят обычно летом, а потому набрать необходимое количество рабочих не составит труда. Вы когда собираетесь ехать? Через дня три-четыре? Ну и отлично – человек будет уже готов, когда сообщите.

Они довольно дружески распрощались, и Марьяна пошла к отцу Пафнутию. На сей раз Анафим молча и быстро ее пропустил, и она оказалась в знакомой горнице. Пафнутий уже ждал ее, держа в руке свиток с церковной печатью.

– Держи. Все как договаривались. Любая проверка – все четко, комар носу не подточит.

Марьяна внимательно просмотрела документ – да, все было чин по чину. Она достала из-под шубы тяжеленький мешочек с золотыми, высыпала на стол, и Пафнутий принялся, шевеля губами пересчитывать маленькие монеты.

– Все верно, тысяча триста пятьдесят. Накинула бы на старость больному человеку? Племянница вот прихворнула, на лечение надо... Стой, да ты же лекарка! Поможешь?

– Пафнутий, опять небось обрюхатил? Сколько раз тебе говорила, я не делаю аборт, лучше бы ты пограмотнее вел себя в постели, что ты какой бестолковый-то, не юнец чай уже! Или сходил бы к лекарю, и ей поставили бы заклятие противозачаточное, неужели нельзя было позаботиться?

– Зело жаден лекарь, спросил десять золотых за противозачаточное на полгода, меня жаба задушила.

– Это ты зело жаден, вот теперь будешь за аборт черному лекарю отдавать сто золотых. Ну да ладно, некогда мне с тобой рассиживаться, дела ждут. Приятно было с тобой иметь дело, иди дотрачивай «племянницу», пока ей уже все равно, а я пойду в город.

Пафнутий с надеждой спросил:

– А у тебя там нет еще кого-нибудь сделать метрики? Я бы зараз спроворил.

– Пока нет. Но как появится – я прямо к тебе. Ну, прощай Пафнутий, не более, а особенно дурными болезнями.

– Тьфу на тебя, сглазишь – мне вдобавок только этого не хватало!

До встречи в магистрате оставалось еще много времени, и Марьяна побрела в Школу магии, узнать, как там дела у Марины, да и поговорить о рекрутах нужно было. С Мариной они столкнулись в дверях, та сразу подхватила Марьяну за руку и повела к себе. Усадив ее за стол, Марина заперла двери и загадочно сказала:

– У меня к тебе разговор есть. Давай, я приму шубу, а то жарко у нас.

Марьяна разделась, оставшись в облегающем ее голубом платье, выгодно подчеркивающим ее высокую грудь и крепкие бедра – она нарочно выбрала самые простые фасоны без рюшек и всяческих бантов.

– Я слушаю тебя, Марина. В чем дело? – Марьяна обеспокоилась, что-то шло не как надо.

– Марьян, давай поговорим начистоту. Ты думаешь, я дура? Мне под двести лет, а я не спятила еще. Я помню тебя, ты и в юности не была такой красавицей, как сейчас. Твои способности всегда были не выше второго уровня, чуть выше просто лекарки-травницы, и ты мне рассказываешь, что хорошо сохранилась? Я знаю, что ты каким-то образом омолодилась, и понимаю, почему ты скрываешь, как именно ты это сделала. И еще: я знаю, что тебе очень нужен диплом магика. Я бы могла тебе заломить и тридцать тысяч, и ты бы ничего не смогла

сделать – больше до самой столицы никаких школ нет, а там, если ты даже найдешь концы, тебе это в такие деньги обойдется... Может, ты их и потянешь, вот только стоит ли? Подумай.

– Ты к чему ведешь? – насторожилась Марьяна.

Марина, умоляя, взглянула на нее:

– Помоги мне! Сделай меня молодой! Я всю ночь не спала, думала. Я все тебе сделаю: и диплом, и потом буду помогать, если надо. Ты меня давно знаешь, я всегда была шалавой и деньги люблю, но я никогда не подличала с тобой, и помогала тебе, как могла, вспомни. Ты даже жила у меня какое-то время, когда папаша тебя побил и из дому выгнал.

Был такой случай, когда однажды Марьяна не пришла ночевать домой, увлекшись одним парнишкой. Он и стал у нее первым мужчиной. Впрочем, довольно бестолковым и никудышным. Марьяна с ним вскоре порвала.

– Я не возьму с тебя за диплом денег, помогу тебе с гильдией магов – меня там знают хорошо, через меня решают некоторые дела. Помоги, Марьян!

Марьяна посмотрела на Марину. Ее даже немного трясло при ожидании ответа Марьяны. Они действительно нуждались друг в друге. И Марьяна подумала: а почему бы и нет? Так она и деньги сохранит, и с гильдией уладит, и приобретет союзника. Они немного помолчали, Марьяна еще раз внимательно посмотрела на покрытую красными пятнами от волнения Марину и сказала:

– Хорошо. Я тебе помогу. Да ты, верно, догадалась, это не я сделала себя красоткой, у меня, да и вряд ли у кого еще хватит на это Силы. Ну может, только у эпических героев. Ты делаешь диплом, и помогаешь мне с моими проблемами. Мы же делаем так, что ты становишься молодой красоткой, лучше, чем была в юности. Только одно но. Ты не болтаешь на каждом перекрестке о произошедшем. Разработай версию, как ты вернула себе молодость. Я понимаю, что если тебя будут пытаться, ты все равно расскажешь, что и как, но до тех пор – ни слова о Владе и обо мне. В противном случае, предупреждаю, мы все равно тебя найдем, и ты умрешь. Мне будет жаль... Да, ты моя родственница, я к тебе хорошо отношусь, но убью, не сомневаясь и не раздумывая. Если моему другу и мне будет грозить опасность. Ты это понимаешь? Ты согласна на это?

– Согласна. Я на все согласна. Я ноги тебе буду лизать и зад – только верни молодость. Я ничего не хочу так, как вернуть молодость. – Марина горела огнем, глаза ее сияли, лицо покраснело. Она была счастлива.

– Хорошо. Тогда больше возвращаться к этому не будем. Я скоро уеду. Дня через три-четыре, через неделю, примерно, от меня к тебе придет человек, Влад, он тебе все сделает. А ты отдашь ему готовый диплом. И вот еще что, по гильдии: надо, чтобы его приняли в гильдию. Я тебе уже передала тысячу золотых – пусть остаются у тебя, но он должен быть принят в гильдию. Только я не хочу, чтобы он и я платили за вступление деньги. Как устроить, чтобы плата была минимальная?

– Проще простого. Я принимаю вас в штат Школы, вы становитесь как бы преподавателями, я буду присылать к вам время от времени своих учащихся или выпускников, вы с ним или занимаетесь, или отправляете назад.хлопотно, конечно, зато вы и платить ничего не будете. – Марина скромно потупилась. – А причитающаяся вам как преподавателям зарплата пойдет на нужды Школы... Ну там поправить чего-то, покрасить, закупить циркулей... – Она слегка покраснела и отвернулась.

Марьяна хихикнула про себя: «Как же, циркулей ей! Математичка хренова! Тут же потратит все на шмотки».

– Замечательно, Марина. Как раз второй вопрос в том, что я хотела тебя просить направить к нам человека три из твоих выпускников. Задумали мы основать клинику, нужны лекари. Возможно, будем расширяться. Сможешь устроить?

– Запросто! – обрадовалась Марина и уже предвкушала, как за направление на работу сдерет с лекарей кругленькие суммы. – Тебе кого, парней или девушек? Какие условия?

– Они будут жить на всем готовом и получать тридцать процентов от суммы оплаты. Но подпишут контракт на минимум пятьдесят лет. Нам не надо, чтобы они выучились и разбежались портить нам клиентуру, сбивать цены. Кстати, ты не знаешь, как накладывается заклятие верности?

– Марьян, я слыхала о таком заклятии, но ни разу не сталкивалась. Это может проделать очень, очень сильный магистр, притом не только владеющий магией материальной, но и ментальной. Я таких в Лазутине не знаю, да и в столице о них что-то не слыхивали. Говорят, на востоке есть такие магики. Там больше внимания уделяют ментальным умениям. Ходят слухи, они даже с драконами разговаривают. Но возможно, это все вранье, досужие вымыслы. Драконы вообще вряд ли разумные существа – только бегают, летают, плюются ядом и воруют скотину. Ну да ладно. Академические споры о природе существ оставим на потом. Есть у меня на примете три-четыре перспективных лекаря – я с ними переговорю. Тут им места нет, перебиваются с хлеба на квас – за последние годы что-то много лекарей развелось. Лазутин уже скоро будет состоять из одних лекарей, – фыркнула она, – вот только сильных нет. Способны только заговаривать бородавки да выписывать травку от поноса. Мельчают магики. В общем, договорились. Когда твой человек придет, ему будет готов диплом. Он и ты будете вписаны в число преподавателей в ранге руководителей практикой, ну а от вас жду того, что вы обещали.

– Марин, ты обязательно проработай с ними наши условия. Предупреди, что это серьезно, и при нарушении правил они могут быть жестоко наказаны. Но если будут соблюдать наши условия – жить будут безбедно. Если у них семьи – возьмем с семьями, тем лучше. Поставим им дома.

– Я смотрю вы там серьезно развернулись... Может, и мне местечко найдете, – протянула Марина полушутя, и посмотрела на Марьяну.

– Ты нам тут нужнее... Да и папиков с хорошими тугими мошнами здесь проще найти. – Они засмеялись, Марьяна откланялась и быстро полетела к гостинице.

У ее дверей уже нервно прохаживался Слава. В ответ на его замечание по поводу опоздания, Марьяна ответила, что она только задерживается, а не опаздывает, уселась в подогнанный им возок, и они понеслись к магистрату.

Чиновник оказался довольно приятным молодым человеком, с испачканной чернилами правой рукой. Как печать лукавого – подумала грешным делом Марьяна, недолюбливающая чиновничью братию.

Они без сложных расшаркиваний развернули карту и принялись изучать местность вдоль тракта. Марьяна сразу указала на место, где стоял сейчас трактир, возле поворота на ее хутор, чиновник посмотрел по документам и выяснил, что земля под трактиром находится в аренде на пятьдесят лет по договору, заключенному, видимо, то ли отцом, то ли дедом нынешнего владельца трактира, и аренда заканчивается через две недели. Трактирщик как раз на днях подал прошение о ее продлении.

Марьяна сразу взяла быка за рога и заявила, что желает приобрести землю, примерно на триста саженей вглубь от дороги, справа и слева, и на расстояние версты, начиная от и до. Чиновник с глубокомысленным видом задумался, посчитал на бумажке и заявил, что стоимость этой земли составит сто тысяч золотых, плюс три тысячи оформление. Марьяна сразу пришла в уныние. Чиновник же, видя это, слегка улыбнулся и успокоил:

– Во-первых, эта сумма может выплачиваться не сразу, а в рассрочку на тридцать лет. Все прекрасно понимают, что сумма, сравнимая с несколькими годовыми доходами дворянских владений, не может быть внесена в кассу сразу практически ни одним предпринимателем. Можно первоначально уплатить всего пять тысяч золотых. Ну, плюс за оформление. Ну и... – чиновник выразительно потер палец о палец, – две тысячи на руки для ускорения и устранения

задержек по канцелярии. Если условия устраивают, то сегодня три тысячи в кассу магистрата, и тысяча на руки, и работа пошла. Будет составлен договор, вы его подпишете и примерно через недели две вступите во владение землей. Ну как?

– Хорошо. Меня устраивает, но только с поправкой: я вам даю не две, а семь тысяч золотых на руки. Договор на землю должен быть у меня через три дня, а трактирщик должен получить отказ на продление аренды и ультиматум – срочно освободить территорию.

Чиновник с уважением посмотрел на даму:

– Н-да... умеете вы делать дела. Да, реально. Через четыре дня, после бала, устраиваемого главой города, вы получите подписанный документ. Внесете сразу три тысячи в кассу, как я говорил, и три тысячи мне на руки. Остальное – как только глава города подпишет документы. Не беспокойтесь, вас не обманут, тем более мне брат рассказал... Еще порубите на рагу, вы женщина решительная. – Чиновник улыбнулся и стал вполне милым и приятным человеком. Хотя он и был из числа презираемой Марьяной шайки обдирал и крючкотворов, но ей понравился.

– Хорошо. Я успею сегодня внести деньги, чтобы вы начали работу?

– Давайте так. Я верю, что у вас деньги есть. И чтобы не терять время, мы уже сейчас начнем рисовать план местности, делать его привязку, готовить документы. Завтра вы с утра приедете, внесете деньги, мы подпишем подготовленные документы у стряпчего, останется лишь подписать главе города, но он сейчас на выезде в столице и вернется к балу. Вот тогда все и закончим. Глава мне доверяет, деньги он любит, задержек не предвидится. По поводу трактирщика не беспокойтесь – считайте, что его там уже нет. Землемера я пошлю с вами, когда поедете обратно, чтобы он на месте очертил вам границы участка.

Они распрощались, договорившись увидеться в полдень следующего дня. Чиновнику все-таки нужно было время, чтобы как следует подготовить документы. Пока Марьяна замечательно укладывалась в сумму, взятую с собой. Все шло отлично.

Она поблагодарила Славу за нужное знакомство, намекнув, что он получит свое вознаграждение сегодняшней ночью. Чему он был несказанно рад. Потом Марьяна осведомилась, что там будет за бал у главы, и кто на нем собирается присутствовать, и получила ответ: на балу будут именитые люди города, а сам бал дается уже лет пятнадцать в честь окончания зимы. Естественно, Слава ей сказал, что если она пожелает, то он сможет ей устроить приглашенный билет, вместе с ним, разумеется.

Марьяна задумалась: а почему и нет? Там будут влиятельные люди города, может какие-то связи завяжутся, да и просто интересно посмотреть, какой народ соберется, да хотя бы просто потанцевать в красивых платьях. К тому времени как раз должны быть готовы ее обновки. Опять озаботилась: а в какой обуви идти?

Она попросила сидевшего рядом в возке Славу свернуть к лавке обувщика. Они подъехали к мастерской, одновременно являющейся магазином. К Марьяне сразу подскочил приказчик, осведомляясь, что желает госпожа. И получил ответ, что госпожа желает лицезреть хозяина.

Владелец лавки вышел, радушно приветствуя красивую женщину, и проводил ее в свой кабинет, где он принимал важных клиентов. В том, что она именно такой клиент, мастер не сомневался – достаточно было взглянуть на ее одежду и внешность.

– Чем могу служить, госпожа? Желаете что-то приобрести из обуви?

– Нет. Готовая обувь меня не интересует. Я хочу заказать у вас нечто особенное, по моим рисункам. Можете?

Хозяин выразил живую готовность, заверяя, что у них самая модная в империи обувь, но если госпожа желает, то может попробовать что-то придумать сама. Марьяна точными движениями нарисовала на бумаге то, что ей хотелось, причем в нескольких вариантах. У мастера просто отвалилась челюсть и он спросил:

– Где вы это видели, госпожа? Неужели на этом можно ходить?

Она заверила, что можно, и ходят, вот только где – говорить отказалась. Марьяна нарисовала ему несколько вариантов туфель на высоком каблуке, а проще говоря, на шпильках.

Они часто беседовали с Владом, коротая долгие зимние вечера, и он много рассказал ей о жизни в его мире, делая кое-какие зарисовки. Тогда ее поразили эти туфли, она представила, как должны выглядеть женщины на таких сооружениях и позавидовала. Теперь она решила осуществить свою мечту.

– Вас как звать? Мастер Третьяк? Так вот, мастер Третьяк, меня звать госпожа Марьяна, и мне эти все туфли нужны к балу у главы, через три дня. Успеете?

– Госпожа, это нереально. Срок очень маленький. Да и у меня есть еще заказы... К тому же туфли эти дорогие получатся... по десять золотых.

– Так. Мне нужны две пары – одни черные, лакированные, другие белые, как снег. Плачу за каждые по двадцать золотых. Через три дня они должны быть у меня в гостинице. Согласны? Или мне ехать к другому, более сговорчивому мастеру?

– Хорошо, хорошо, не стоило так волноваться, для такой красивой дамы мы оставим все остальные заказы и примемся за ваш! Только для вас!

«И еще для сорока золотых», – с усмешкой подумала Марьяна.

– Хочу вас предупредить – информация не должна покинуть этой мастерской. Никто не должен знать, что вы делаете эти туфли, вам понятно? Да, вот еще что, сделайте мне две пары меховых кожаных сапожек из самой лучшей кожи. Чтобы теплые были, как валенки.

– За все шестьдесят золотых. – Мастер появился: – Можно аванс небольшой, на кожу, материалы? Я, конечно, вам верю. Но мне надо закупать...

– Вот вам вся сумма, – перебила его Марьяна, – но если через три дня обувь не будет готова, я взыщу с вас все эти деньги до медяка, и еще вдвое против этого – штраф. У меня есть возможности. Вы меня хорошо поняли?

– Конечно, конечно, госпожа.

– Я вас заверяю, после того, как я схожу на бал, вас завалят заказами на эту обувь. Мы заключим договор: с каждой следующей пары обуви будете отдавать мне десять процентов. Я же вам предоставляю еще много разных моделей. Вы озолотитесь. Но если будете меня обманывать, сильно пострадаете.

Она движением руки зажгла в углу кабинета светильник величиной с футбольный мяч, ярким светом осветивший помещение. Хозяин побледнел и закивал головой как игрушка-болванчик.

– Я имею возможность узнать, обманываете ли вы меня. Я даже ничего не скажу, но вы начнете чахнуть, сохнуть и помрете через месяц. Вы меня понимаете?

Мастер кивнул. Он был явно уже не рад, что к нему завернула такая страшная колдунья.

Марьяна погасила светильник и добрым голосом сказала:

– Не беспокойтесь, ваша честность будет вознаграждена – вы разбогатеете, клянусь. И вот еще что, смотрите, чтобы туфли были крепкими – при всей их ажурности внутри каблука идет стальной стержень, подошва тоже укреплена металлом. Не дай бог я на балу грохнусь с них из-за сломанного каблука – это будет последний день нашего с вами сотрудничества, и не потому, что я расторгну наш договор – я просто вас удавлю своими руками, даже без магии, приеду и удавлю. – Марьяна взяла в руки медную кружку, стоявшую на столе, и, глядя мастеру в глаза, смяла в руке до состояния небольшого комка. Потом нежным мелодичным голосом, с ласковой улыбкой произнесла:

– Я была рада познакомиться с таким хорошим мастером, надеюсь, что наше сотрудничество не разочарует меня. Проводите меня, пожалуйста, до дверей.

– Госпожа, минутку, за разговорами забыли снять мерку с ваших ножек. Присядьте, пожалуйста. Макар! Быстро сюда с меркой!

На его крики прибежал расторопный молодой парнишка, они аккуратно и как-то трепетно сняли мерку с ее одетых в шелк ног, и через пятнадцать минут Марьяна уже ехала в гостиницу, став легче на шестьдесят монет.

«Что-то я уже привыкла деньгами сорить, – со смешком подумала она, – прямо как дворянка».

На улице уже смеркалось – капитан довел Марьяну до гостиницы, открыв перед ней дверь, потом быстро ретировался, пообещав вскорости приехать, а она пошла к себе в номер. Все было спокойно. Охранники доложили ей обстановку, и Марьяна, переодевшись, спустилась поужинать.

Есть ей особенно не хотелось. Она перекусила фруктовым салатом, съела копченое свиное ребрышко и запила клюквенным морсом. Потом заказала в номер ужин на двоих: фрукты, вино и копчености. Надо же было отрабатывать услуги капитана... Да и самой ей было скучно одной в чужом городе, а так все ж веселее. Алкоголь на нее не действовал, но пить хорошее вино было приятно.

Потом она приказала набрать ей в ванну горячей воды, разделась и погрузилась на дно. Она уже привыкла к этому действию, даже подумала: «Надо завести у себя такое чудо, только побольше, Влада туда посадить, и на него верхом, верхом...» Она засмеялась похотливым мыслям и почувствовала, как у нее проснулось желание.

В дверь постучали, она спросила, кто. Это был Слава. Марьяна вылезла из ванны, обмотав вокруг себя полотенце, и открыла ему дверь. Он вошел с белой розой в руках, счастливо улыбаясь. «Небось какую-то теплицу ограбил, – подумала она. – Белая роза – цвет непорочности, и это мне-то, похотливой двадцатилетней выдавшей вида бабе!» Ее разобрал смех, но она подавила его и с улыбкой поставила розу в стакан.

Слава потянулся ее поцеловать, но Марьяна отстранилась и приказала ему быстро раздеваться и залезать в ванну. Гость слегка обиделся, но быстро исполнил ее желание. Марьяна наблюдала за ним с усмешкой, потом кинула ему мочалку и мыло и велела вымыться как следует. Он еще больше надулся, что привело ее в восторг.

Влад подавлял ее своей харизмой, своим сильным характером, а Слава исполнял все ее прихоти – и она с наслаждением им помыкала. Она и на Влада любила иногда порываться, потягивать, но знала, что он, как всякий по-настоящему сильный человек, просто позволяет ей порезвиться в мелочах. Но если придется пойти против него в чем-то серьезном – просто подымет одной рукой и свернет ей голову, как подсолнух. Ей нравилась его сила. Будучи сама сильной духом и телом женщиной, Марьяна могла подчиняться только еще более сильному мужчине.

Наконец Слава помылся под насмешливые комментарии Марьяны, она сняла с себя полотенце и бросила в него: – Вытирайся!

Он вытирался, поглядывая на ее распростершееся на постели смуглое тело, потом подошел к ней, ожидающей, стал целовать, начиная с пальчиков ног, выше, выше...

Через час они, удовлетворенные и расслабленные, лежали рядом под опущенным балдахином... Марьяна заснула, утомленная ласками партнера – он как с цепи сорвался сегодня, возбужденный ее провокациями и ее притягательными зелеными глазами.

Ему даже подумалось, что, может быть, она околдовала его? Он готов ходить за ней, как собака на поводке, лишь бы она позволила ему прикоснуться к ее гладкой коже, дала вдохнуть ее сладкий, тревожащий запах... Она же спала, не догадываясь о его мыслях, закинув руку за голову, бесстыдно выставив вверх девичьи груди и откинув в сторону согнутую в колене смуглую гладкую, как у трехлетнего ребенка, ногу...

Посреди ночи они простились, Слава поехал к себе домой – он жил один где-то на окраине, с кухаркой и слугой, семьи у него не было, Марьяна же плюхнулась на постель, еще хранящую тепло под теплым балдахином и стала добирать сна, прерванного уходом любовника.

На следующий день к обеду она прибыла в магистрат с приготовленными деньгами. У входа ее ждал Слава. Он такими влюбленными глазами посмотрел на нее, что она подумала: «Ну, вторился, похоже, парень по полной, как бы проблем не возникло. Он мне особо-то и не нужен, дома мне есть с кем спать, как-то надо будет растолковать ему, не дай бог увяжется за мной и начнет права качать. Влад ему башку оторвет, а я потом буду переживать».

Документы были уже готовы. Чиновники, с лицами помятыми от недосыпа, уже ждали ее в кабинете. Процедура подписания договора не заняла много времени, деньги переключевали к чиновникам, три тысячи под расписку, другие три быстро испарились в неизвестном направлении.

– Итак, через два дня, прямо на балу, Слава мне сказал, что вы туда тоже идете, я вам передам подписанные документы. Оставшуюся сумму передадите через Славу, а первый взнос положите на следующий день в Имперский банк на счет магистрата, укажете в платеже: «Взнос за землю, и номер документа». Потом так и будете платить. Все расписки сохраняйте. Когда выплатите полностью – мы вам дадим справку и сделаем отметку на договоре. Ну все, удачного вам бала!

Марьяна покинула магистратуру в приподнятом настроении – она сделала больше, чем ожидала. Скоро двинется домой – она соскучилась уже по клинике, по Владу, по суете и тишине в ее доме. Как там они? Как им без нее? Все ли в порядке?

Интересно, скучает ли по ней Влад, или ему хватает общества молодых девчонок? Она усмехнулась, неужели вдруг ревность проснулась? Потом покопалась в себе: да нет, как-то это чувство выгорело за последние сто лет. Ей даже приятно доставить ему удовольствие – ну пусть покувыркается с девками, от него не убудет, а они все равно не смогут конкурировать с ней ни по красоте, ни в энергии и умении. Им еще до-о-олго расти до нее. Целых сто лет...

Глава 12

Марьяна

Следующие два дня перед балом прошли тихо, нудно, Марьяна бродила по городу, вспоминая свою юность, прошедшую на этих улицах. Многие уже изменилось. Лавки, знакомые ей годами, нашли новых хозяев – детей, внуков бывших владельцев, или же просто новых владельцев, купивших эти заведения. Впрочем, жизнь в городе как бы застыла – менялись люди, а брусчатая мостовая, загаженные стены домов с потеками от нечистот, выплескиваемых на улицы, остались прежними, как будто и не прошло много десятков лет. Она задумывалась и раньше: почему развитие цивилизации в этом мире так затормозилось? Что тысячу, что сто лет назад – техника та же, одежда та же, структура общества та же, никаких изменений. Что-то тут было не так...

На следующее утро после посещения магистрата и оформления документов, Марьяна внесла пять тысяч за землю на счет администрации города, а остальные деньги положила на другой счет – на свое имя и на имя Влада, получив нужные документы. Слава богу, она теперь могла спокойно оставлять номер, без охраны и волнений. Однако свой меч она на всякий случай таскала с собой. Места он много не занимал, под шубой его практически не было видно. Она не думала, что его придется применять, тем более что с ней всегда находился кто-то из телохранителей, если рядом не было Славы. Но, во-первых, ей не хотелось оставлять его в номере – кто знает, кто туда может зайти, пока ее нет в гостинице, ну а во-вторых – на всякий случай, слишком уж много они наделали шума своими исцелениями. Вполне могла докатиться волна слухов и до города.

Марьяна старалась не ходить по вечерним улицам, и тем более там, где криминал расцветал буйным цветом, поэтому риск был минимальным.

Через день обувщик доставил ей две пары заказанных туфель – сапоги еще не были готовы. Марьяна надела их в номере и... чуть не сломала себе ногу. Как оказалось, ходить на каблуках было очень непросто. Ноги затекали, каблук вертелся во все стороны... Она поняла, что без практики только опозорится. Так как делать ей было особо-то и нечего, все свободное время она посвятила тренировкам. Она ходила в новых туфлях по лестнице, по обеденной зале, по коридору, цокала каблуками по номеру – пока, наконец, не стала вполне сносно двигаться. Как ни странно, она не представляла, насколько это сложно, хотя Влад и заранее предупредил. Своими хождениями в гостинице Марьяна вызвала немало недоуменных взглядов – но из-за того, что платья были длинные, не было видно, на чем она стоит, только вот рост увеличился – на те семь сантиметров каблуков. Но разве кто-то обращал на это внимание?

Вечерами ей скрашивал досуг Слава, таскавшийся за Марьяной каждую свободную минуту, она дрессировала его, как верного пса, жалея слегка, что не может взять его с собой, – Влад точно бы этого не понял. Одно дело гулять где-то там, потихоньку, соблюдая правила игры, другое – развлекаться с одним любовником на глазах другого. Впрочем, она знала и такие случаи, и даже сталкивалась в своей жизни с тем, что некоторые аристократические семьи предпочитали такие развлечения: жена подбирала любовницу мужу, а муж любовника жене. Но Марьяна была не такой продвинутой, как утонченные аристократы при дворе, посему довольствовалась тем, что есть. Влад рассказывал ей, будто что-то подобное было и у них: при дворе одного из их королей считалось неприличным, когда супруги хранили верность друг другу. Эти рассказы ее совсем даже не удивили.

Через два дня и платья были готовы – модистка доставила их лично. Опять были два часа примерки, уже с новыми туфлями, на которые модистка смотрела, вытаращив глаза и открыв рот.

Наконец, настал день бала. Глава города, господин Вернер, прибыл из столицы накануне, глубокой ночью. Бал начинался с наступлением темноты, около семи часов вечера. Гости медленно стекались к дворцу главы на возках, каретах, просто пешком. Прийти рано считалось неприличным, но и слишком поздно тоже было нехорошо, а потому все ринулись в одно и то же время, и на дороге возникали скандалы, даже доходило до драки.

Так, два купца сцепились бортами возков и поливали друг друга отборной бранью, жены их визжали и брызгали слюной, обличая противников в плохом происхождении и неумении вести дела. В конце концов, один из купцов взял на abordаж возок другого и все слились в тесном поединке, разнять который удалось лишь городской страже.

Марьяна пробиралась через эту свалку в сопровождении охранников и Славы, которые словом божьим и руганью расчищали себе дорогу, а больше злобным видом и бряцанием различными видами оружия. Применять, конечно, они его не собирались, но все вкупе позволило им все-таки добраться до места. Все это было довольно весело, но хлопотно и Марьяна обрадовалась, когда, наконец, показались колонны дворца.

Их проводили в отдельную комнату, где усадили в кресла за большой круглый стол темного дерева. Охранники остались за дверью, в кабинете были лишь Марьяна, Слава, и его двоюродный брат, тот самый чиновник.

Наконец дверь распахнулась, и вошел глава города, господин Вернер. Он был довольно статным мужчиной, правда, невысокого роста, но очень обаятельным и с умными, оценивающими собеседника глазами. Вернер оставался главой уже на протяжении пятнадцати лет, хотя недоброжелателей у него было более чем достаточно. Он обложил приличным налогом гильдию купцов города, подбирался даже к магам, что вызвало их недовольство и кучу злобных писем, отправленных в канцелярию императора.

Надо сказать, что Вернер не был ангелом и не упускал свою выгоду, но притом заботился об этом городе, в котором, как он говорил, «имел несчастье родиться и жить всю свою жизнь». На него уже было совершено несколько покушений, одно из которых оставило ему на память скрюченный палец на левой руке и шрам на подбородке – результат нападения нанятых кем-то наемных убийц. Он подозревал, кем они наняты, и даже точнее, знал, но без весомых доказательств не мог ничего сделать. Руку ему можно было вылечить – но те, кто мог это сделать, с вежливой холодной улыбкой заявляли, что сделать это не в состоянии. А они-то как раз относились к верхушке гильдии магов, низшие же маги сделать ничего действительно не могли – сращивание сухожилий и восстановление мышц не было им доступно. Вернер часто говорил, что его сильно беспокоит тот факт, что исключительное право гильдии магов распространяется на всю магию, но изменить ничего не мог.

В общем, руководство города Лазутина, как впрочем, и во всех других городах и мирах, раздирали противоречия, противоположные устремления и многолетняя вражда, которая обязательно должна была вылиться во что-то кровавое и неприятное для всех. В этот момент и появилась в городе Марьяна, со своими планами покупки земли, организации клиники и со своими странными способностями.

Глава, прежде чем подписать ей документ, заранее выяснил все, что мог о ней узнать: магичка, красива, сильна характером. Способности выше среднего, но никто не знает насколько. Появилась из глуши и что-то хочет там затеять – что, скорее всего, не понравится гильдии магов. Деньги, конечно, она платит неплохие, но не все измеряется деньгами. Прежде чем что-то делать, надо прощупать – не будет ли это направлено против него и его интересов и интересов города. Посему он пока не подписал документ о передаче земли.

Войдя в кабинет из внутренних покоев, он увидел невероятно красивую женщину, сидящую простоволосой, без какой-либо затейливой шляпки, но тем не менее ее голову украшала странная, но очень красивая прическа: темные волосы свисали до плеч гладкими блестящими локонами, челка открывала высокий смугловатый лоб, под которым горели зеленые, как у

какой-то эпической колдуньи, глаза. Небольшой носик задорно смотрел вверх, пухлые красные губы как будто слегка улыбались и обещали наслаждение всякому мужчине, впившемуся в них. Она была невысока. Хотя это сложно было определить – женщина сидела за столом, в шубе, накинутой на плечи. Ее руки, спокойно лежащие на ручках кресла, были нежны, и на них он не заметил ни единого украшения, что показалось ему странным.

Вернер привык общаться с купеческими женами и дочерьми, считавшими для себя невозможным выйти в свет, не имея на пальцах хотя бы трех золотых перстней, а отдельные представители этого сословия нанизывали украшения на себя так, что казалось, будто разговариваешь не с человеком, а с манекеном в витрине ювелирной лавки.

В общем, эта женщина сильно отличалась от тех, с кем ему приходилось общаться последние пятнадцать лет. «Может, это влияние глубинки, – подумал он, – ведь сказали, что она уже двадцать лет сидит в глухом лесу и... Чего там они делают, магики?.. А, медитирует. Вот бы загнать наших толстозадых клушек туда, в лес, на хлеб и воду. Может, тоже бы поумнели и похорошели...» – Он усмехнулся про себя, подошел к столу и представился:

– Я Вернер, глава города Лазутина. Здравствуйте, госпожа Марьяна. Прежде чем закончить сделку, нам надо поговорить: кто вы, и что вы.

Он присел за стол и внимательно посмотрел в лицо красотки. Подумал: «Боже мой, ну откуда берутся такие красивые женщины, и почему она не моя? С кем она спит? Похоже с этим мужланом... Даже мысли путаются... Вот как вести дела с такими женщинами?» Он сделал усилие и отбросил грешные мысли.

– Господин глава, разве у нас все не договорено? – Марьяна яростно посмотрела на чиновника, через которого она вела дела, и на Славу. – Мне казалось, все уже улажено!

Она досадливо закусила губу белоснежными зубами и заметила, что градоначальник смотрит на нее как-то странно. В комнате повисла густая тишина, прерываемая лишь дыханием и скрипом паркета под ножками кресел. Потом глава посмотрел по сторонам и сказал, обращаясь к чиновнику и воину:

– Господа, позвольте, мы поговорим с дамой с глазу на глаз. Дождался, когда мужчины выйдут из комнаты, и начал:

– Госпожа Марьяна, о вас ходят противоречивые слухи. Вы вдруг выскочили откуда-то из леса, обладаете большими финансовыми возможностями, но самое главное – организуете какое-то гнездо магов не так уж далеко от Лазутина – чего вы добиваетесь? Кто вы, и что вы можете? Угрожает ли ваше существование, и существование такого вот магического центра моему правлению, и моему городу? Кто тот мужчина, с которым вы там все это устроили? Да-да, я все знаю, вы что думали, в пустыне живете? Ходят караваны, рассказывают люди... Я знаю, что вы не афишируете свою деятельность, и знаю почему. Ну так какие у вас планы? Говорите, но не думайте, что можете меня обмануть. Ставки здесь гораздо выше, чем вы думаете.

– Господин Вернер, никаких планов, кроме как обеспечить свою жизнь, чтобы заработать побольше денег и жить спокойно, у нас нет. Да, вы верно догадались – у меня есть партнер, могущественный магик. В основном он все и делает, хотя и я не из последних. Мы хотим обезопасить себя на будущее и обеспечить настоящее. Все просто.

Глава помолчал, испытующе посмотрел на Марьяну, потом сделал знак и из-за тайной дверцы в стене вышел человек. Вернер, не обращая внимания на Марьяну, обратился к нему:

– Ну что?

– Она не лжет. Я бы увидел, – кивнул тот.

– Каков ее уровень магии?

– Я в замешательстве. Судя по ауре, она на первых ступенях, судя по тому, что она делала в мастерской башмачника, ее уровень – магистр. Такой светляк нельзя создать магию, находящемуся на низших уровнях Марьяна закусила губу – прокол. Какого черта ей понадо-

билось кичиться силой и так пугать башмачника? Он бы все равно никуда не делся. А глава-то молодец, умница. Она, конечно, чувствовала, что будто кто-то наблюдает за ней, но обнаружить наблюдателя так и не смогла. Всего за три дня они сумели собрать полную информацию о ней. Она задумалась и внимательно посмотрела на главу. Тот тоже следил за ней и, видимо, ему было понятно, о чем она размышляет.

– Я вам не враг, просто я пытаюсь понять, как извлечь из этого выгоду – для себя и города. Вы, наверное, слышали о моем противостоянии с крупными гильдиями, а особенно гильдией магиков. Уже было несколько покушений. Возможно, следующего я не переживу. Мне надо иметь поддержку, сторонников. Вы с вашим партнером – темные лошадки. Я бы сейчас мог разорвать сделку, и вы бы ничего не смогли сделать. Но мне вы нужны. Зачем? – Вернер взмахом руки отпустил своего мага, тот ушел за дверь. – Гильдия магиков набрала слишком много силы, не подчиняется никому, и что еще опаснее для меня – сейчас объединилась с торговыми гильдиями в борьбе со мной. Чтобы склонить как можно больше на свою чашу весов, я цепляюсь за все возможности. Скажите откровенно: вот тот маг, что вышел, он бы справился с вами? Марьяна подумала, оценила увиденное и сказала:

– Нет. Я бы его порвала за три секунды. При желании.

– Я не спрашиваю, как вы смогли закрыть ауру от моего мага, но он имеет уровень магистра. А ваш компаньон, он такой же сильный магик?

Марьяна подумала и решила:

– Нет. Он гораздо сильнее. В разы. Я не знаю, с чем его сравнить.

– Хорошо. Примерно так я себе и представлял. Ладно. Я подпишу вам все бумаги, более того, я буду поддерживать вас в ваших начинаниях, а вы поддержите меня в моей борьбе с гильдиями. Согласны?

– А в чем будет выражена наша поддержка? Что вы конкретно от нас хотите?

– Во-первых, я сделаю так, что по документам будет ясно, что вы уже выплатили все деньги за землю. Вы же будете вносить суммы не в банк, не на счет города, а передавать мне. Скажем, семьдесят тысяч. Пять вы уже внесли. Итого остались должны – шестьдесят пять тысяч. Больше отдавать ничего не нужно – моим работникам хватит и того, что вы уже дали. Второе: вы поддержите меня в случае физического или магического на меня воздействия. Тех, кто будет к вам прибывать, магиков я имею в виду, но можно и не магиков, вы приведете к присяге, а лучше к заклятию повиновения. Вы умеете им пользоваться? Нет? Я пришлю к вам мастера-менталиста, он вас научит, что надо сделать. Возможно, будет открытый бунт – я уже докладывал об этом императору, но он занят развлечениями и играми, ему некогда. Но ситуация очень серьезная. Если паду я – вам тоже будет несладко, учтите. Начнутся разбирательства, по какой причине вам дали землю, с какой стати, ну и так далее. Вы уже слишком засветились, и какая-то из сторон все равно прибрана бы вас к рукам, так почему не я? Вам все понятно? Вы согласны?

– Конечно, согласна, – вздохнула Марьяна. – Интересно, а что бы я могла сказать? Глава, пошли бы вы подальше? Риторические вопросы, не так ли?

– Ну, в общем-то, да, – улыбнулся он. – Да все не так плохо – умирать я никак не собираюсь, землю вы свою получите, и даже дешевле чем рассчитывали, а то, что теперь вы имеете серьезного партнера, разве это не хорошо?

– Хорошо. А еще лучше было бы получить то, о чем мы говорим: документы на землю. Как залог нашего партнерства.

– Да без проблем. – Вернер подписал несколько документов и заверил своей печатью, капнув на свиток сургучом из небольшого бруска, бывшего на столе. Марьяна их проверила – теперь она стала обладательницей крупного земельного участка вдоль тракта.

– Тут еще вопрос, господин Вернер: на моем участке находится некий трактир, нельзя ли послать туда стражников со стряпчим и потребовать, чтобы трактирщик покинул мою землю? Мы бы могли сделать это сами, но хочется, чтобы это сделали власти.

– Хотите прибрать трактир по дешевке? – понимающе кивнул Вернер. – Хорошо, сделаю сегодня же. И вот вам, – он подписал еще документ, – свидетельство, что вы выплатили деньги полностью. Отметки на договоре я уже сделал. И еще такой вопрос: вы можете помочь мне лично?

– А в чем дело?

Вернер выложил левую руку на стол.

– Видите, палец скрючилось, и он не шевелится, можете помочь? Гильдия заявила, что это не в их силах. Может, вы попробуете?

– Ну я не гарантирую... давайте. Похоже на удар ножом... или мечом?

– Нож. Точнее, кинжал. Человек-манкурт. Знаете что такое? Нет? Это человек, которому в мозг внедрили одну идею, одну мысль – сделать что-то. Это вид заклинания верности, но гораздо более извращенного. Он фактически сам не понимает, что делает, в определенный момент он просто бросается... и убивает. И он сам может не знать, кто его превратил в манкурта. Для этого его или похитили, или усыпили, или заставили принять заклинание... и стерли память об этом. Ему может быть отдан приказ – умереть после совершения убийства, или когда поймут. Что они и делают – умирают. Этот не успел сделать дело. Но порезал меня сильно. Ну что, бал скоро начинается, посмотрите руку?

– Положите на стол... не бойтесь, сейчас вы уснете...

Марьяна провела рукой над Вернером, сосредоточилась – сухожилие было порезано, плюс, видимо, нож занес инфекцию, и ткани отмерли. Она стала управлять процессом регенерации... пять минут... десять... пятнадцать... Сила таяла – случай был сложный, из-за его давности. А ресурс у нее все-таки был меньше, чем у Влада. Она напряглась... Уфф, есть! Рука была немного похудевшей, но теперь все было в порядке. Марьяна разбудила главу, тот очнулся, посмотрел на руку, пошевелил пальцами и сказал:

– Я вам благодарен. И если даст бог – отплачу. Вы очень сильная магичка... Если ваш партнер еще сильнее, как вы говорите, мы сделаем великие дела.

Глава поднялся с места, незаметно разминая руку и постоянно поглядывая на нее.

– Разрешите, мы вместе пойдем с вами в бальный зал, пусть ваш спутник – как его звать? Вячеслав? Пусть он заходит, потом можете пройти вот в ту комнату, оставить шубу, я же сейчас подойду.

Он исчез за той дверью, из которой приходил, Марьяна поднялась и, открыв другую дверь, позвала скучающего Славу, разговаривающего с ее охранниками. Охранники сделали попытку пойти с ней, она их остановила и попросила подождать где-нибудь у входа.

Пройдя со Славой в соседнее помещение, она обнаружила там уютный кабинет с широкими диванами, столиком, заставленным каким-то напитками, а рядом туалетную комнату. Что-то ей подсказало, что глава использует этот кабинет не только и не столько для общения со своими деловыми партнерами... тут так и пахло развратом. «Ну что же, я тоже не ангел, – подумала Марьяна. – А глава вообще-то мужчина интересный... хотя и некрупный. Интересно, каков он в постели? – усмехнулась она. – Да что это меня так и тянет на сладенькое... отрываюсь за все годы затворничества, что ли?»

Она сняла шубу и положила ее на диван, оставшись в платье. Скинула меховые сапожки – башмачник принес их ей утром, достала из сумки, принесенной Славой, туфли-шпильки, надела их, затянула ремешки и прошла для пробы по кабинету. Хлопнула дверь за спиной, Марьяна обернулась и увидела Вернера, буквально превратившегося в столб. У него выпучились глаза и отпала челюсть... через несколько долгих секунд он опомнился, и сдавленно проговорил:

– Вы прекрасны! Боже мой! Я даже не представлял, как вы прекрасны! Готовьтесь – вас будет ненавидеть весь бал в лице всех женщин и хотеть – в лице всех мужчин, включая городского казначея, импотента.

Даже Слава не ожидал, что Марьяна так будет выглядеть – она не показывала ему новые наряды, а тем более обувь – он был ошеломлен. Марьяна, как будто не замечая их взглядов, посмотрела на себя в зеркало и стала приводить себя в порядок. Расчесала свои пышные волосы, осмотрела и разгладила платье, проверила, как застегнуты ремешки на лодыжках ног.

В зеркале отразилась невероятно красивая женщина, лет двадцати пяти-тридцати, с волной волос почти до плеч, открывающей высокую, слегка смуглую шею, переходящую в гладкие плечи и умопомрачительную высокую грудь. На ее руках были кружевные белые перчатки по локоть. Бирюзовое шелковое платье, чуть ниже колен, облегало ее как вторая кожа, по левой стороне его шел разрез, открывающий бедро почти до пояса и при ходьбе в разрезе была видна длинная, стройная нога, заканчивающаяся туфлями-шпильками белого цвета с ремешками, поднимающимися чуть ниже колена и оплетающими ногу. Белые туфли и ремешки подчеркивали гладкость и смуглый цвет ног, на которых ничего не было – ни одни чулки не подходили под это платье.

Марьяна заказала модистке и трусики, но тоже не стала их надевать – не для этого платья. Под этим платьем нельзя было бы спрятать даже булавку. Держалось оно на двух широких лентах, переходящих в глубокое декольте, оставляя обнаженной гладкую смуглую кожу. Если бы тут был Влад, он бы сказал, что Марьяна чем-то похожа на Мирей Матье в лучшие свои годы, только красивее и повыше, за счет очень длинных ног. Из-под челки сияли зеленые глаза.

– Подождите! – Вернер бросился из комнаты и через минуту вернулся с какой-то коробочкой. – Это вам моя плата за исцеление – примите мой скромный дар! – Он достал что-то из деревянной коробки, подошел к ней, стоящей у зеркала и, закинув руки спереди нее, открыл великолепное кольцо белого металла, украшенное массой сверкающих прозрачных камешков. Оно было выполнено в виде неширокого ремня и полностью охватывало шею, оттеняя гладкость и смуглость ее кожи. – Вот теперь вы вообще богиня. Смотрите, как вам идет это кольцо!

– Вернер, это очень дорогой подарок... Вы уверены, что хотите мне его отдать? – с удивлением спросила Марьяна и почувствовала, как его пальцы как бы невзначай погладили ее по шее... Может быть, случайно. А может, и нет...

– Я уверен. Вы заслужили. А теперь – пойдемте к гостям.

Они прошли через анфиладу комнат, глава слегка придерживал Марьяну под руку, как бы направляя, но Марьяна чувствовала, что ему просто хочется прикоснуться к ней. Слава уныло брел сзади, будучи немного смешон в своем новом камзоле, с мечом в украшенных золотом и серебром ножнах.

Бальный зал распахнулся перед Марьяной, как солнечный день, ослепив ярким светом из магических светильников и лучиками, отражающимися от многочисленных драгоценных камней, украшавших тех, кто пришел сюда себя показать и людей посмотреть. Это был обычный бал в честь зимнего солнцестояния, когда люди отмечали то, что солнце уверенно пошло на весну, что кончается тяжелая снежная зима и скоро наступит горячее, сытное лето. Простые люди праздновали это, прыгая через костры, выпивая и объедаясь различными печениями и пирогами, а богатые – по-своему. Впрочем, обычай отмечать этот праздник балом завел еще император, а глава Лазутина лишь повторил его пример.

В зале танцевали пары, играла музыка, потом кто-то из музыкантов заметил пару, главу и Марьяну, и сфальшивил: скрипка взвизгнула и замолчала, за ним и другие музыканты замолкли. Пары распались и разошлись по залу. Церемониймейстер громко объявил:

– Глава города Лазутина, почетный гражданин города, кавалер орденов святого Станислава и Преподобной Анны, Игорь Вернер!

Вернер протянул руку в белой перчатке Марьяне, она грациозно подала ему свою, и они вышли на середину зала. Церемониймейстер подал знак и оркестр заиграл...

Вернер и Марьяна кружились по залу под восхищенными и завистливыми взглядами мужчин, женщины гудели, обсуждая – что это за странная красотка, да еще с главой, – ведь, как известно, он уже несколько лет как вдовец, и пока что никто не смог его окрутить. А тут такая сногшибательная дама.

К танцующим присоединились еще пары и скоро весь залы заполнился вальсирующими. Женщины и мужчины как бы невзначай приближались к Марьяне и рассматривали ее грудь, спину, мелькающее в разрезе платья бедро. Ей самой было довольно неудобно танцевать на шпильках, но она уже приспособилась, тренируясь в гостинице, кроме того ее природное чувство равновесия, усиленное преобразованиями в ее теле, сделанными Владом, позволяли ей, не спотыкаясь, легко, как будто она всю жизнь это практиковала, кружиться по залу. Она откровенно наслаждалась вниманием, словно получая компенсацию за все годы затворничества.

Во время обучения в Школе магии им преподавали танцы, поэтому она без труда могла участвовать в общем веселье, но первые шаги дались ей с трудом – слишком давно она не упражнялась в этом деле.

Наконец Вернер подвел ее к столам в дальнем конце зала – они были уставлены закусками, напитками – и удалился, сославшись на срочные дела, которые он должен обсудить с членами гильдий. Музыка сменялась, Марьяна время от времени танцевала с кем-то из гостей, оставив сумку с документами у Славы, стойчески выполнявшего роль пажа.

Мужчины постоянно норовили заглянуть ей за вырез платья, погладить по задку и периодически спрашивали: замужем ли она и как можно с ней увидеться. В конце концов, ей это надоело, и она стала держать оборону у стола с напитками, взяв в руку бокал с белым вином.

Марьяна рассматривала гостей. Публика была разношерстная – купцы, мелкие дворяне, торговцы, промышленники, чиновники и наемники, отличавшиеся тем, что они выглядели в своих новых костюмах как корова с седлом, явно им были гораздо привычнее кожаные куртки под кольчугами, увешанными разнообразным оружием. Дамы, пришедшие со своими мужьями, увлеченно обсуждающими свои торговые мероприятия, усиленно подмигивали и всячески флиртовали с наемниками, видимо, для того и пришедшими сюда. В стороне стояла группа людей с перстнями магов, явно это было руководство гильдии. Кое-кого Марьяна знала, некоторых нет.

Толпа бурлила, сходилась и расходилась, обсуждая и бал, и неизвестную красавицу в странного покроя платье и в туфлях на удивительных каблуках, и похотливых мужиков, которые все время на нее пялились, и главу, возможно, нашедшего себе подругу жизни.

Наконец пришло время ужинать. Тут люди параллельного мира ничем не отличались от своих собратьев на Земле: они сметали все со столов, как будто после продолжительной голодовки. Дамы с громадными декольте и феерическими прическами, толкая друг друга, хватали куриные ножки и бутерброды, а потом дружно чавкали, запивая еду вином и другими напитками.

Когда трапеза подошла к концу, вечер перешел к следующей части: маги начали показывать свое умение. В зале погас свет, остались только небольшие тусклые светлячки... Один из магов взмахнул рукой, в воздухе поплыли странные птицы, с закрученными хвостами и сияющими глазами, на полу выросли заросли экзотических растений. Многие гости попытались их потрогать, но их руки проходили сквозь стволы и ветви. Марьяна подумала: «У нас в школе иллюзии изучали на третьем, но так качественно может сделать только очень сильный магик».

Красивые иллюзии продолжались еще минут пятнадцать, маг уже собирался отойти в угол, когда Марьяну вдруг охватило неумное желание похулиганить. Она сосредоточилась, незаметно повела рукой, и вдруг зал заполнили миллионы бабочек-махаонов! Они закружились у светляков, вокруг людей, как снежная метель, облепляли их головы и плечи. Люди

замолчали, потом начали бурно хлопать в ладоши. Магик гильдии вначале ошеломленно смотрел на происходящее, потом сделал вид, что это его произведение и отправился в угол к кучке товарищей, что-то им тихо и бурно доказывая.

Светильники зажглись еще ярче, начался последний этап праздника – конкурсы артистов оригинального жанра. На середину зала выходили акробаты, которые то метали друг друга в воздух, то ловили. Толпе ужасно нравилось, что девушки-акробатки были почти обнажены – только в прозрачных шальварах и в не менее прозрачных курточках, через которые были видны все анатомические подробности, а дамам нравились акробаты, у которых обтянутое мужское достоинство торчало так, что Марьяна подумала ехидно: «Небось заячью лапку подкладывают для важности». Потом акробатов сменили жонглеры, мечущие вверх кучи шариков, булавы, каких-то совершенно неудобных для метания предметов, один даже жонглировал глиняными кружками.

Конкурс закончился вручением наград артистам – суммы, как обычно выделялись из бюджета города. Глава встал на небольшом подиуме, зачитал имена артистов, удостоенных наград (списки предоставил секретарь). Лауреаты подбегали к главе, и он вручал им награды, поздравлял. Причем мужчин – ласково, по-отечески, а женщин... Что греха таить, любил глава акробаток!

Марьяна забавлялась, стоя рядом и наблюдая, как он ненароком поглаживал их, а некоторым секретарь вместе с наградой совал в мешочек с деньгами записочку. Что было в ней, Марьяна не знала, но догадывалась. Неожиданно она почувствовала какое-то неудобство, поглядела на группу артистов, ожидавших своей очереди на награждение, и поняла: что-то было в них неправильное. Она не могла понять что именно. Посмотрела на их ауру и заметила, что она полыхает желтыми оттенками – акробаты были фальшивые!

Она вспомнила, что они и не выступали, а просто появились откуда-то в своих костюмах в конце представления и теперь дожидались очереди, чтобы подойти к главе. Марьяна напряглась, наклонилась к Вернеру и вполголоса сказала:

– Акробаты! Это личины!

Вернер впился глазами в акробатов, стоящих сзади, они вдруг почувствовали его взгляд и кинулись вперед, разбрасывая артистов и стоявших перед ними гостей. Женщины завизжали, а лжеакробаты выхватили мечи и бросились к главе.

Стоявший рядом Слава рванул из ножен свой клинок. Камзол был неудобный и тесный – с него посыпались пуговицы, но воин успел перехватить направленный в Вернера меч. Зазвенели клинки, истошно, как сирены, завопили женщины, и гости толпой кинулись на выход, снося все на своем пути и заблокировав двери, в которые пыталась прорваться охрана магистрата.

Слава схватился с двумя лжеакробатами, ловко отбивая удары мечей и не подпуская их к главе. Марьяна заметила: третий «акробат» вдруг окутался сиянием ауры, и воздел руки в сторону их группы. Она оттолкнула Вернера, и воздух в том месте, где он стоял, с гулом прошел фэйрбол. Марьяна взъярилась, сосредоточилась, и выскочившие из ее вытянутых рук молнии с треском прошли воздух и неизвестного мага. Он подлетел в воздух, ударился о стену и замер куском обожженного мяса и тряпья.

Бой Славы с двумя мечниками проходил с переменным успехом. Из руки Славы сочилась кровь, но и один из мечников зажал рану на бедре, из которой бил красный фонтанчик.

В зал, наконец-то, прорвались охранники Вернера. Он яростно закричал, указывая на нападавших:

– Живыми взять, живыми!

Террористы оглянулись на бегущую к ним толпу охранников, отпрыгнули от Славы и одновременно с силой воткнули друг в друга мечи. Так закончился этот вечер.

Глава города с неудовольствием посмотрел на нападавших и плюнул на их тела:

– Опять не удалось взять живыми! Кстати, забыл вам сказать спасибо за свое спасение. Впрочем, вы больше спасали свои инвестиции, а не меня, но все равно благодарю.

Марьяна с усмешкой посмотрела на него:

– Вообще-то я спасала интересного мужчину, а про инвестиции как-то и забыла...

– Правда? Вы меня обнадеживаете. Я начинаю думать, что у меня есть шанс...

– Ну, кто знает. Шанс есть у каждого. Надо только уцепиться за него, понять, что это шанс. – Она невинными глазами посмотрела на главу, затем отошла от него и занялась Славой. Через несколько минут ее друг уже был здоров, хотя очень зол – испорчен новый костюм, испорчено настроение.

Глава увлек всю компанию в свой кабинет, оставив на месте лишь сотрудников службы безопасности, чтобы те занялись установлением личностей нападавших. Впрочем, он был уверен, что установить ничего не возможно, как обычно. Сработано очень профессионально и четко.

В кабинете Марьяна сняла туфли, с наслаждением пошевелив затекшими пальцами. «И как это в мире Влада женщины целыми днями ходят на этих сооружениях, – подумала она, – я вечер походила и чуть не лишилась ног!» Натянув сапожки, она отправила туфли в сумку к подписанным документам, накинула шубу и, сопровождаемая главой и Славой, отправилась на выход из дворца. Вернер тихонько шепнул ей на ухо:

– Может быть, задержитесь? Обсудим инвестиции...

– Может, в другой раз? Я рада была с вами познакомиться, уважаемый глава, надеюсь, что наше знакомство продолжится при других обстоятельствах, не таких... хм, необычных.

Вернер сморщил лицо, как будто выпил кислого:

– Да уж, обстоятельства еще те. Кстати, в этот раз и маг был. Они и мага не пожалели. Ставки растут.

– Господин Вернер, а вам не приходило в голову, что когда-нибудь они до вас доберутся? Что в следующий раз рядом может не оказаться спутников, вооруженных мечом и магией?

– Я знаю, госпожа Марьяна, принимаю меры. Вот и с вами договорился... Как только ваш партнер окажется в городе, пусть ко мне зайдет. Передаст на входе, что от вас, и его сразу пропустят. Мне есть с ним что обсудить. Вы когда уезжаете? Завтра? Послезавтра? Давайте я приглашу вас завтра к себе в особняк. У меня есть очень редкие картины, приобретал всю свою жизнь, посмотрим вместе. Приедете?

Марьяна посмотрела на главу, слегка улыбнулась:

– Хорошо. Я подъеду к вам в два пополудни, как завершу свои дела в гильдии строителей. Кстати, вы отправили гонца к трактирщику, чтоб сообщить об окончании прав аренды?

– Да, еще в начале вечера дал задание секретарю. Гонец завтра рано утром с рассветом выедет на место, после полудня будет уже там. Видите, я выполняю свои обещания. – Он подвел Марьяну к дверям, попрощался, поцеловав ей руку, и напомнил: – Так я вас жду... Выполните и вы свои обещания.

Они с улыбкой переглянулись и Марьяна, сопровождаемая встревоженным охранником, пошла к своему возку, ожидавшему за углом. Скоро они были в гостинице, гости уже разъехались и не блокировали улицы. Больше в этот день, к облегчению Марьяны, приключений не было.

Слава было нацелился осесть в постели Марьяны, но она решительно отправила его восвояси, решив: хватит на сегодня развлечений и удовольствий. Ее неудержимо тянуло спать и, быстро сорвав с себя одежду, она скользнула под покрывало, опустив балдахин и с наслаждением вытянув натруженные ноги. «Боже мой, я так не уставала, – подумала она, – даже когда весь день занималась лечением больных, а потом два часа скакала на Владе. Нет, эти балы не для меня, все-таки я же старушка...» Она хихикнула, представив похотливые взгляды всех мужчин в зале. Что же, завтра придется переспать с Вернером. Так сказать, закрепить

делку. Это пригодится. Человек он вроде как ответственный и деловой, более тесные связи с ним пригодятся, тем более что как мужчина глава вполне привлекателен. Небось все торговые семейства в городе мечтают засунуть своих дочек к нему в постель. Он не забывает своих любовниц, насколько она слышала. Кому-то дело организует и поддерживает его, кому-то дарит богатые подарки... но вот замуж никого не зовет. Говорят, после того как умерла его жена от неизвестной болезни, он и слышать не хочет о женитьбе. И ходят слухи, что гильдия магов отказалась ему помочь, когда жена умирала. То-то он так их ненавидит...

Через полчаса, возбужденная и усталая Марьяна уже спала. Ей приснился Влад, пытавшийся ей что-то сказать, она не поняла, что, и только послала ему улыбку. Потом ее сознание потухло и лекарка провалилась в густой черный сон.

Утром Марьяна проснулась разбитой, звонком пригласила в номер прислугу и приказала наполнить ей ванну. Через два часа она, наконец, пришла в себя, попила крепкого несладкого узвара и съела омлет из двух яиц. Затем позвала охранников, они запрягли застоявшуюся лошадь в возок, и, сопровождаемая еще и охранником на коне, она понеслась по улицам проснувшегося города. Там было довольнолюдно, горожане отмечали праздник зимнего солнцестояния, веселились, бродили пьяные по улицам. Кое-где вспыхивали драки, тут же утихомиривавшиеся городской стражей.

Надо сказать, что порядок в городе глава держал железной рукой, на время праздника на улицы были выведены дополнительные силы, чтобы пьяные выходки не переросли во что-то большее. Горожане всегда и во все времена любили побунтовать, пожечь дома, поорать и в мутной водичке половить рыбку – под шумок помародерствовать. Такой возможности Вернеру никак не хотел им давать.

Первым пунктом в плане Марьяны было посещение гильдии строителей, где также радушно встретил ее их глава. Они договорились, что завтра с рассветом к ней в гостиницу придут два проектировщика, с которыми она и отправится в обратный путь. Транспорт им выделит гильдия, только надо будет внести в кассу некоторую сумму, размер которой тут же обозначили. Это была плата за консультацию и первый взнос в счет проектировочных и строительных работ.

Затем Марьяна отправилась в Школу магии, к Марине. Та обрадовалась ее приходу и сообщила, что в соседнем кабинете ее ждут четверо магов, в прошлом году закончивших школу. У них не было денег на уплату гильдии взноса, кроме того они были должны за учебу, а возможности выплатить долг не было, поскольку гильдия волевым решением сократила число выдаваемых лицензий на деятельность в городе. По этой причине им нужно было искать место где-то еще, во избежание долговой ямы и позора.

Марьяна мельком осмотрела претендентов, в целом они ее удовлетворяли, ну а чтобы иметь о каждом более конкретное представление, ей надо было бы увидеть плоды их деятельности, что на тот момент не казалось возможным. Переговорив, Марьяна выяснила, что они в основном сироты, и тут их ничего не держит, после чего кивнула Марине: мол, да, забираю всех. Она сообщила своим потенциальным помощникам, что будет ждать их в гостинице на рассвете, с вещами и документами.

Покинув Маринину резиденцию, Марьяна в гильдии возчиков наняла возок для перевозки нанятых магов и была свободна. Вячеслава где-то занимался своими делами, пообещав подъехать к вечеру в гостиницу, так что Марьяна отправилась к Вернеру.

Дом главы впечатлял. Похоже, подумала Марьяна, глава ничего не делает наполовину. Это был, дом так дом, с колоннами, с мраморными лестницами, с паркетом из дорогих пород дерева – он походил на картинку, или музей. На стенах висели картины художников. В искусстве Марьяна не разбиралась, но видно было, что хозяин ими сильно гордился. Возможно, и правда это были картины очень известных художников, Марьяна не знала этого, да и особенно

не хотела знать, но виду хозяину дома не подала и неустанно восхищалась уродливой, как ей казалось, мазней.

Вернер удивил ее еще больше, когда провел ее в зал, где среди стен, расписанных эротическими сюжетами, в пол был вделан огромный бассейн, наполненный теплой водой. На ее поверхности плавали лепестки белых и красных роз. Марьяна подумала: «Неужели он действительно так хочет заполучить меня, что ободрал половину оранжерей города, ради этой горсти лепестков! Ну, Марьяна, ну, старушка, ты сегодня в ударе!»

Она действительно выглядела великолепно. В этот день Марьяна надела брючной костюм, обтягивающий ее длинные круглые ноги и позволяющий заглянуть в декольте. Впрочем, ее костюм дополнял меч в ножнах, который как бы показывал, что нескромную руку, желающую без разрешения проникнуть за лацкан пиджака, можно и обрубить.

Вернера привел в восторг ее наряд, он пригласил даму в гостиную, за богато сервированный стол, где они еще полчаса обсуждали насущные дела клиники и города. Затем Вернер, как бы невзначай предложил гостье принять ванну после дороги и поплескаться в бассейне, на что она без раздумья согласилась. Он отвел ее к бассейну и скромно удалился.

Марьяна разделась. Потрогала ногой воду, ей показалось, что она немного прохладная, и она запустила в бассейн довольно большой фэйрбол. Вода забурлила, Марьяна подождала, пока кипяток разойдется, и скользнула в прозрачную, усыпанную лепестками воду. Затем поплыла, рассекая воду красивыми плечами.

Поплавав немного, она улеглась на воду, раскинув руки в стороны. Через несколько минут она нисколько не удивилась, обнаружив рядом с собой обнаженного Вернера. Он с улыбкой заявил ей, что надо нанять магов в прислугу – бассейны греть. Потом они поплавали рядом... А закончился заплыв, как этого и следовало ожидать, на огромной кровати, где Вернер постарался продемонстрировать все, чему он научился за время общения с акробатками и танцовщицами.

Любовник он был неплохой, думал не только о своем удовольствии, и потому Марьяна осталась довольна встречей. Конечно, он все время предлагал ей стать его постоянной подругой, переехать к нему, говорил, что засыплет ее подарками и деньгами. Марьяна ему ответила, что ей было с ним хорошо, она считает его своим другом и партнером, но... у нее есть уже постоянный мужчина. И если, не дай бог, он узнает об их тайных встречах, то раскатает этот дом по камешкам. Это немного обеспокоило главу города и как предусмотрительный и умный мужчина, он решил, что игра не стоит свеч, и лучше он будет продолжать пользоваться услугами танцовщиц. Расстались они довольные друг другом и проведенным свиданием.

Вечером Марьяну ждал бурный «прощальный» секс со Славой, после которого она заявила ему, что увы, ее сердце отдано другому, но она его не забудет, потому что он самый-самый и что-то в таком роде... Впрочем, она не хотела совсем уж отталкивать его – он еще пригодится, как для дела (ведь он должен еще помочь с дворянством), так и для всего остального. Если ей еще раз придется посетить Лазутин – так лучше иметь дело с проверенным любовником, чем искать кого-то нового. Вряд ли им придется путешествовать вместе с Владом, ведь кто-то из них должен оставаться в клинике.

На рассвете в дверь постучали охранники. Она уже была готова. Опять надела непробиваемое нижнее белье, прикрепила к поясу меч, только на сей раз она была не в валенках, а в теплых кожаных сапожках.

Накануне вечером она посетила башмачника и швею, заключила договор, что они будут платить ей по пять процентов с каждого изделия, созданного по ее рисункам. Десять процентам им показалось много и они долго ныли о тратах, налогах и несчастной жизни истринского производителя. В конце концов, она махнула рукой и согласилась на пять процентов, оставив им еще несколько эскизов будущей продукции.

Как оказалось, мастерские уже были завалены заказами. Дамы после бала кинулись к модисткам и башмачникам выяснять, где вчерашняя дама взяла эти красивые вещи, методом тыка нашли искомые мастерские и взяли их штурмом. Мастера были немного ошеломлены напором страждущих приобщиться к новой моде, но предпринимательская жилка их взяла верх, и в мастерских вовсю пошла работа.

Утром, когда еще только начало светать, кавалькада из трех саней и всадника подъехала к воротам города. Заспанный стражник с проклятиями в адрес ранних путников открыл ворота, и караван отправился в дорогу. Марьяна уже не ждала никаких неожиданностей, дорога обещала быть спокойной, тем более что вчера здесь проехал отряд, посланный главой, который сопровождал стряпчих. Если и были какие-то разбойники на дороге, то, скорее всего, они уже разбежались.

Путешественники сделали остановку в трактире – в том, где она недавно лечила охранников, наскоро пообедали и к вечеру уже были возле поворота на клинику. Прошла ровно неделя с того момента, как она отправилась в Лазутин, а казалось – целый год. Столько событий в ее жизни не было за последние пятьдесят лет.

Уже подъезжая к трактиру, Марьяна заметила возле него группу людей, в одном из которых узнала Влада. Он ждал ее, так как по времени она уже должна была быть на месте. Марьяна выскочила из саней, помчалась навстречу и с разбега кинулась ему на грудь. Он закружил ее и, поцеловав в холодные от мороза губы.

– Ну наконец-то... Что-нибудь сумела сделать в городишке?

– Все смогла, – счастливо засмеялась она, – и больше того.

И они, обнявшись, пошли в трактир...

Глава 13

Влад

Несколькими днями ранее... После отъезда из трактира, Влад и Семен, не задерживаясь нигде, отправились прямо в клинику. Там уже были охранники, которых они оставили перегонять лошадей убитых разбойников. Лошадей было много. Два десятка с лишним. Влад нештучно озаботился: а куда же их девать-то? Ставить их некуда – помещений нет. Конюшня и так переполнена, да она и не рассчитана на такое количество коней. Убить их и пустить на мясо? Хороший конь стоит приличных денег, да и жалко убивать великолепных животных, они-то не виноваты в человеческих разборках.

Поломав голову еще с полчаса, Влад пришел к выводу: надо договариваться с деревенскими и разместить лошадей на постой у них в коровниках. Пусть за эту услугу придется заплатить, но зато они сохраняют коней. Расплатиться за постой можно и частью табуна. Довольный этим решением Влад срочно отправил Семена в деревню договариваться с Селифаном, вооружив его убойным аргументом: если не примешь коней – лечить деревню бесплатно не будут. С тем Семен и уехал в Карауловку.

Следующая задача – надо было уничтожить тела убитых разбойников. Влад собрался с силами и подошел к куче трупов в лесу. Они уже заиндевели, были похожи на поленницу бревен. Он создал файрбол и начал палить тела. Через несколько минут мерзкой работы кремация была завершена, а у него во рту остался отвратительный привкус пепла.

В клинике уже было все прибрано, стражники вместе с девушками навешивали двери, убирали разбитую мебель. Никто из персонала не пострадал, и через короткое время она была готова к приему больных. Их было в этот раз немного, но все-таки были. В основном пациенты, которым требовалась пластическая хирургия.

Влад быстро разобрался с этим делом и после обеда засел за исследование магических артефактов-амулетов. После полутора часов работы он пришел к выводу, что для того, чтобы создать магический амулет, ему надо внедрить сознание в предмет, который он хочет сделать амулетом, почувствовать его структуру и связать эту структуру с Силой, как бы напитать ее.

Когда амулет был уже напитан Силой, ему не составило труда придать ему те свойства, которые необходимы магу. Вся сложность оказалась в том, что структура предметов сопротивлялась тому, чтобы ее связали с Силой. Сила являлась как бы дестабилизирующим фактором. Атомы и молекулы предмета приходили в движение от соприкосновения с магией, и он или нагревался до температуры плавления, или просто рассыпался – как те деревяшки, на которых тренировался Влад.

Но все-таки ему удалось добиться, чтобы Сила держалась в амулете и не разрушала его. Теперь предстояло придать ему свойства. Это оказалось проще. Надо было просто желать, чтобы амулет стал обладать определенными качествами. То есть, если требуется, чтобы он защищал от стрел и клинков, надо сосредоточиться на том, что всякое движение с ускорением примерно равным ускорению стрелы или клинка останавливалось полем, охватывающим тело, защищаемое амулетом. Но тогда возникала другая опасность: если медленно вдвигать в тело нож или стрелу, амулет не должен был сработать.

При разработке амулетов Влад осознал одну, не дающую ему покоя, проблему. Например, есть маг, у него Сила, почему тогда он не может выставить такие щиты, через которые не пройдет ничего опаснее мухи? Как оказалось, маг не мог долго держать щиты, для этого нужна была длительная тренировка – уходило сосредоточение, и лишь сверхтренированные боевые маги могли удерживать защиту в течение довольно долгого времени. Если же и их непрерывно бомбардировать стрелами или бить клинками, то, во-первых, Сила, затрачиваемая на защиту,

все-таки кончалась, а во-вторых, и это главное – маг не мог удерживать состояние концентрации длительное время, особенно в битве. Щит слетал, и маг тут же умирал от простой стрелы.

Даже Влад с его сверхсилой и невероятной регенерацией не мог гарантировать себе защиту от перспективы быть убитым. Регенерация все равно забирала силы из организма, на восстановление. Если он получал тяжелые раны, терял сознание, то достаточно было просто отрезать ему голову – и все. Действовали амулеты столько, насколько у них хватало запасов Силы. Объем ее разнился в зависимости от материала. Медяшек хватало на небольшой запас, золото держало заряд подольше, серебро почти столько же, это зависело от размера амулета. Но лучше всего накапливали и сохраняли Силу драгоценные камни. Влад провел эксперимент с красным алмазом, который подарил ему за излечение Борислав, так алмаз вместил в себя весь запас Силы Влада, и еще осталось процентов тридцать свободного места.

Первое, что сделал Влад, зарядил серебряную монету, превратив ее в амулет против физического воздействия. Силы в нее вошло немного, Влад не мог определить, насколько хватит этого амулета, и как он будет действовать.

Лекарь взял амулет и пошел в стражницкую, вызвал Семена и объяснил ему ситуацию. Тот надел на себя кольчугу и встал на площадку, взяв в руку амулет. Влад захватил пояс с метательными ножами, размахнулся и... передумал. Позвал из стражницкой парнишку-охранника, вручил ему ножи и велел кидать их в командира. Надо было видеть лицо парня, после этого предложения... Семен объяснил ему, что идут испытания боевого амулета и только тогда тот согласился метать ножи в начальника.

Дело в том, что сам Влад боялся как-то неосознанно или усилить, или подправить магией бросок. Тогда, во-первых, эксперимент был бы не чистым, а во-вторых – если амулет не работает, парнишка не пробьет кольчугу броском, а вот Влад... Влад скорее всего пришил бы Семена к столбу.

Эксперимент начался. Парень метал ножи до тех пор, пока очередной клинок не ударился о кольчугу и не прогнул ее. До этого случая ножи скользили, как будто по намащенной поверхности, уходя с линии удара и улетаая в сугроб. Амулета хватило на десяток бросков.

Влад опять зарядил амулет, потратив на это несколько минут и вручил парню уже тупую тренировочную саблю – тот бил по командиру с размаху, со всей силы, пока Семен не начал ругаться – амулета тоже хватило на десять ударов. Влад сделал вывод: нет разницы между скоростью объекта или его массой – эффективность амулета зависит только от объема содержащейся в нем Силы. Он снова зарядил амулет, но при этом заставил Семена держать его в руках. Целью было связать амулет и ауру хозяина, чтобы им не мог пользоваться никто, кроме того, кому он предназначен.

Первые пробы. Сабля не пробивает защиту, скользит и уходит в сторону. Теперь кольчуга напялена на парня – удар! – как в ковер, только пыль полетела, – пробивает. Амулет берет Семен, даже не надевая кольчуги, – удар – соскользнула, еще удар – мимо. Все, работает. Серебряника величиной с ноготь хватает на десять ударов.

Влад подумал над этим: в скоротечном бою это решит все – десять пропущенных ударов не дойдут до цели. Если ими вооружить небольшую группу, с ней можно прорваться сквозь серьезные силы врага.

Теперь нужно было испытать магический амулет. Влад дал Семену перстень с алмазом, отвел подальше от домов, на площадку. Если фэйрбол или молния отразится от поля, создаваемого амулетом, не хотелось бы спалить клинику. Создал маленький фэйрбол – Семена окутал кокон огня, – цел! Еще один, мощнее, – опять цел!

Влад подошел к нему, посмотрел на перстень – Силы почти не убавилось. Тогда он ударил по Семену голубыми молниями, сразу с обеих рук – раз и два! – посмотрел перстень: уровень Силы чуть-чуть уменьшился. Ага, значит, держит нормально.

Влад вытянул к нему руки, улыбнулся успокаивающе:

– Не бойсь, держит хорошо, я слежу за зарядкой амулета – там еще на несколько часов!

Он оглянулся – сзади стояли все сотрудники клиники и смотрели, как он «терзает» начальника охраны. Зрелище, конечно, было красивое и ужасающее. Владимир опять ударил молниями – они срывались с рук, ветвились голубыми извилистыми нитями и стягивались по направлению к Семену, спокойно стоявшему вполоборота к магу, как будто он вышел подышать воздухом, а не служить мишенью для безумного экспериментатора. Вокруг него трещал воздух, резко пахло озоном и падали срезанные отраженным ударом ветки сосен. Зрители сзади ахали и причитали:

– Гляди, гляди что делается!

Мало кто из них видел в действии работу боевой магии. Да что там – практически никто и не видел. Они могли увидеть ее только на войне, а серьезных войн не было уже давно.

Влад закончил бомбардировать Семена молниями, посмотрел на амулет – даже после мощных ударов в течение десяти минут, в нем оставалось половина заряда. Экспериментатор был очень доволен сделанным мощным артефактом и пошел домой, поблагодарив Семена за помощь в испытании:

– Спасибо, что помог. Скажи, а ты не боялся, ведь если бы хоть одна молния пробила защиту, ты бы уже был труп!

– Господин Влад, я верю вам. Вы не причините вреда по глупости или недомыслию. Я же вижу, как вы бережете своих людей и заботитесь о них. Поэтому я спокоен. Я доволен, что служу у вас. У меня были гораздо, гораздо худшие хозяева, которые заставляли делать то, что мне было не по душе. Здесь же мы помогаем людям, у нас есть будущее, и вы не дадите нас в обиду и не бросите в пекло ради каких-то своих прихотей. Ребята тоже вас сильно уважают. И госпожу Марьяну. Дай бог вам успеха в начинаниях. Только боюсь я... – он замолк и остановился, как будто подбирая слова, – боюсь, что вам не хватит решимости и характера, чтобы завершить начатое. Именно потому, что вы слишком беспокоитесь о своих людях... Извините, если что не так сказал. – Он улыбнулся, его жесткое лицо расправилось, и из сурового, выдавшего вида воина он превратился в того, кем он в общем-то и был – тридцатилетнего простого парня, волею судеб кидаемого с одной войны на другую...

Влад кивнул ему, повернулся и пошел к избе. По дороге он думал: «Правда, а смогу ли я их бездумно бросить в пекло?» и пришел к выводу, что раньше – да, а теперь – нет. Как-то незаметно они сжились все вместе, сроднились. Тут же он нахмурился: надо было похоронить двух погибших бойцов. Живых теперь осталось, вместе с теми, кто уехал с Марьяной, шестеро. Правда, эти шестеро стоили тридцати – Семен гонял их целыми днями, заставлял тренироваться и тренироваться, и результат был налицо: при ночной вылазке врага, даже такой неожиданной, они не потеряли голову, выстроили оборону и не понесли потерь перед превосходящим их противником. Конечно, помогли и кузнец, и даже Олег, вполне уже сносно владеющий оружием, но все-таки если бы не обученность бойцов...

Влад надел перстень – теперь он решил не снимать его никогда, на войне так на войне, привыкать надо к амулету, – и пошел к стражнице. Семен возился возле входа, распекая кого-то за мелкие грешки.

– Опять оружие не вычистил как следует! Ты ослоухий обезьян! Ты не понимаешь, что ли, что нечищенное оружие для воина, это опасность! Ты лучше сам завшивей весь, но оружие должно сиять! Оно спасает тебе жизнь, оно кормит тебя! В общем, три наряда тебе вне очереди. Полы в стражнице будешь мыть. А пока будешь мыть, будешь приговаривать: «Я, болван, опять не вычистил оружие. Мне, болвану, непонятно, зачем это делать. А потому я, болван, опять ползаю по полу». Запомнил? Повтори!

Молодой парень, под хохот остальных парней повторил эту присказку срывающимся от смеха голосом. Влад улыбнулся, потом погрузился и подозревал Семена:

– Как они быстро забыли о погибших товарищах... уже смеются.

– Это естественно, господин Влад... Мальчишки, они не верят что их тоже могут убить и забывают о плохом. Вы насчет погибших пришли? Хоронить надо.

– Да. Вот думаю, что делать. Не сжигать же их... но как хоронить? Земля твердая, промерзла, как вы будете копать могилы-то? Я могу предложить помочь – постреляю в землю фэйрболами, она и отогреется.

– Да, точно. Я сейчас соберу парней, свободных от службы, пойдем копать. Я предлагаю похоронить на взгорке...

Через пятнадцать минут они, группой, уже пробирались по снегу к месту будущего захоронения. Землю покрывали сугробы, доходившие местами до пояса, Влад взмок пока пробираясь через завалы. Форсировав замерзшую реку в ложине, они взойшли на небольшой взгорок. С него открывался вид на заснеженную реку, на деревню, окутанную дымками из труб, и на чернеющий вдали лес.

– Тут, – сказал Семен, – тут им будет хорошо лежать, никто не потревожит.

Влад попросил всех отойти и ударил в пригорок фэйрболами. Снег шипел, выбрасывая струи перегретого пара, разлетались кусочки земли, хвоя, подгнившие ветки. Наконец он выжег пятно, диаметром метров пять, пострелял в его центр, целенаправленно выбивая и рыхля землю, и остановился:

– Ну вот и все, давайте, копайте.

Парни споро навалились, выбрасывая наружу из котлована высохшую от огня землю. Глубина промерзания была довольно невелика – верхний слой мерзлоты составлял только сантиметров тридцать, несмотря на длинную зиму и морозы. Укрывали и деревья, и нападавшая хвоя, и густая трава в подлеске. Мешали копать только корни, пронизавшие почву.

Наконец, могила была вырыта, и Семен с еще одним парнем отправились за телами погибших. Траурная процессия подъехала через минут двадцать. За санями шли шмыгающие носом девушки, теряющие слезы, и кузнец, хмуро топающий в колее, а рядом и Фекла, причитающая и завывающая, как приличествовало ситуации.

Бойцов, завернутых в простыни, положили в могилу, Семен сказал небольшую речь: что-то о том, что они верно несли службу и погибли на посту. Могилу закопали и побрели обратно, решив, что поставят большой крест попозже, как время будет.

Скоро о них забудут, как и не было парней, подумал Влад, – такова жизнь. На улице уже стемнело, горели светляки. Над могилой он светляк погасил – пусть покоятся в мире.

Владимир приказал девушкам натопить баню, после сегодняшних событий хотелось отмыть с себя грязь, кровь, пепел. А сам он, в ожидании парилки, пошел заниматься амулетами. Он добавил Силы в свой амулет и привязал его к собственной ауре – сделал так, что тот срабатывал только в случае, когда находился в пределах ауры, – она служила своеобразным пусковым механизмом, активирующим его свойства. Кроме того Влад обнаружил хорошую вещь: он мог забирать Силу из амулета, если срочно понадобилось. Правда, не без потерь – по его расчетам, терялось примерно десять-пятнадцать процентов. Зато он мог настроить канал прямо из амулета к совершаемому колдовству и одновременно перекачивать в магический узел. Это его обрадовало. Просто отлично – носить с собой аккумулятор с запасом Силы, превышающей даже его собственный на данный момент.

Подключиться к нему можно было молниеносно, в отличие от реки Силы, налаживание связи с которой занимало минимум минут десять, в течение которых работать с колдовством было нельзя, да и находясь в трансе, легко можно было стать добычей любого противника. За те полтора часа, что протапливали остывшую печь и носили воду, он успел наклепать десяток серебряных амулетов-монет, зарядив их и подготовив для своих бойцов. Осталось только провертеть в них дырки, чтобы ребята могли их носить на шее. Одну монетку оставил на всякий случай себе.

Амулет он накачивал до тех пор, пока тот не оказался переполнен под завязку. В голову пришла дурная мысль: а если попробовать еще в него воткнуть Силы? Но потом он опомнился, справедливо решив, что строить новую избу на месте воронки как-то стремно, да и ночевать в бане не хотелось... если будет кому.

Дверь хлопнула и девушки сообщили, что баня готова, и он может туда отправляться. Белье они уже отнесли в предбанник, как и полотенце. Он не стал снимать амулета – надо было привыкать таскать его на пальце, хотя с юности Влад терпеть не мог носить что-то такое, даже обручальное кольцо он всегда оставлял дома – оно то и дело за что-то цеплялось, прищемляло палец, да и вообще... хм, мешало.

На улице кривились ночные тени домов, отбрасываемые углами строений, снег скрипел под ногами, и если бы не отсутствие телевизора и радио, можно было подумать, что он находится на турбазе. Вот только на турбазах не убивают, не льется кровь... Впрочем, как набухаться.

С этими жизнеутверждающими мыслями он и шагнул в теплый зев бани, пахнувший дубовыми листьями и нагретой древесиной. Влад предпочитал дубовые веники, они не так растрепывались, как березовые, и были не менее пахучи. Он разделся, уселся на верхнюю полку, сразу поддав ковшик воды на раскаленные камни. На его теле еще местами оставались следы крови и грязи. Он наскоро вымылся утром, не было времени как следует оттереть все. Тело отходило от перегрузок, на коже выступили маленькие капельки пота, покрывшие ее бисеринками.

Распахнулась дверь – вошли уже раздетые Аринка с Машкой, и он с удовольствием отдался в их руки. Его намыливали, парили, перекачивали, опять намыливали и парили, в конце концов, он блестел, как свежеотчеканенный серебряник. Правда, до настоящего секса дело не дошло – Влад не был любителем корячиться на голых досках, в банном пару и обмылках. Куда лучше делать это культурно, на широкой постели, без прилипающих к задку листьев веника и обмотавшейся вокруг шеи мочалки. Его обтерли, одели, и он, расслабленный побрел по легкому морозцу в избу, посетовав про себя: «Когда же эта чертова зима кончится? Лето тут длинное, но и зима просто охренительно велика!»

В избе было чисто, пахло ватрушками – девки уже успели напечь, пока они там героически да носились по сугробам. Больная жена кузнеца, на Марьяниной постели, уже сидела, ее кормила одна из санитарок. В принципе она уже могла ходить, но Влад пока запрещал – не дай бог треснется башкой, потом опять лечи... если успеет.

Он осмотрел ее, подкачал ауру – против того что было раньше, состояние уже не вызывало опасений. Через пару дней ей можно спокойно ехать домой. Лекарь дал себе задание – еще раз поговорить с кузнецом перед отъездом и, успокоившись, уселся пить чай.

Девушки захлопотали вокруг него. Он вспомнил – отправил Машку сказать охранникам, чтобы тоже сходили помылись, пока баня не остыла, только чтобы убрали за собой все. Она сбегала, вернулась и тоже села пить чай с ним и Ариной.

Они расслабленно сидели и обсуждали дела клиники. Маша сообщила, что в последние дни доход у них немного упал. Виной спада посещаемости, видимо, стали или метели, или что-то еще. Влад их успокоил:

– Еще так навалятся, что продохнуть некогда будет. Не все же стоять очереди, каждый день.

Аринка рассказала, что девушки справляются с работой хорошо и вообще довольны: им тут лучше, много народа. Охранники опять же веселые и неглупые, не то что деревенские увальни.

– Только вот обижаются, – они с Машкой хихикнули и переглянулись: – Вы обещали, господин Влад, их красавицами сделать... ну и хочется им. Обижаются. С нами вы занимаетесь, а с ними нет.

– Девки, ну я же не племенной жеребец, мне и вас хватает. А набегаясь с больными, так какая тут постель... Да ладно, подправлю я их, вот с делами разгребусь и займусь этим вопросом. Специально буду выделять час после обеда. Довольны?

Девушки заулыбались, а Аринка мстительно сказала:

– Вы особенно-то их не старайтесь делать – руки-ноги есть, сиськи есть – хватит. Нечего им красотками ходить! Ну, убрать там родинки большие, глаза косые... Я бы их вообще такими как есть оставила, да ноют ходят. Замучили!

Влад посмеялся про себя. Ну никак девки не терпят, чтобы рядом были другие женщины, даже немного приближающиеся к ним по красоте. Наверное, это закон природы такой – сильный организм старается устранить соперников... или соперниц.

– Девчонки, не беспокойтесь – я вас никем не заменю. Раз я сказал: вы в руководстве, приближенные, вы всегда будете рядом. Ну а те девки... Ну нехорошо, когда в больнице, которая делает людей красивыми, кривой и косой персонал, понимаете?

Девки покивали, но ясно было, что им глубоко плевать, что надо в этом плане клинике, а главное, чтобы они сами были красотками, а остальные кривыми корягами.

Погасив свет, Влад пошел спать. Через минут пять к нему пришла Арина, они позанимались сексом, вполне как-то обыденно и деловито, что, впрочем, не помешало ей покричать на всю округу. Потом она попросила подождать, выскользнула из постели и через минуту к нему заскочила Машка, которую пришлось тоже ублажать как следует, впрочем, практически все она проделала сама. Наконец Влад прогнал Машку, заявив, что ему надо отдохнуть и поспать, несмотря на ее бурные протесты.

Утром у клиники стояла очередь, все пошло как обычно. После обеда, он вернулся на рабочее место: был большой наплыв народа, и пришлось работать практически до вечера. А в конце дня к нему заявила первая из санитарок, которую привела недовольная и сердитая Арина:

– Вот, господин Влад, хочет стать красавицей. Бунтуют там. Можете заняться с этой образиной?

Влад вздохнул, кивнул, чтобы Арина закрыла дверь на засов и приказал «образине» снять одежду. Она, в общем-то, оказалась вполне миловидной девчонкой. Хотя по меркам деревни совсем никудышной – худенькая, ручки-ножки тонкие, – а им ведь надо широкобедрую, здоровенную, чтобы и избу разломала, и коня на себе унесла! А тут – что-то вроде Твигги.

Владу вообще-то нравились худенькие девицы, но когда из тела страшно торчат тазовые кости, когда плечи напоминают вешалки для одежды, – это страшно. Он поправил ее обмен веществ, сформировал грудь побольше, сделал подлиннее ноги. Теперь ей осталось только наесть побольше мяса, и будет вполне приличная моделька.

– А ну-ка, девчонки, давайте их по очереди сюда, пока настроение есть.

«Твигги» уже оделась и радостно побежала в клинику. Потянулась вереница санитарок, каждая из них в чем-то была ущербна – потому злостный Селифан и сплавил их. Да еще и втридорога.

Одна была заросшая, как грузчик, по мужскому типу, другая косила на один глаз и прихрамывала, третья отличалась толстыми отекающими лодыжками и отсутствием талии. Четвертая не имела одной груди – повредила, когда она упала в детстве с дерева на забор, – а также неправильно сросшиеся ребра с той же стороны, после перелома. Влад даже разозлился. Вот, Селифан, скотина, какую-то кунсткамеру решил из клиники устроить. Кого прислал! Уродка на уродке! Но, кстати сказать, с этими он справился гораздо легче, чем с «Твигги». Их масса тела позволяла ему управлять переносом химических элементов в организме, не боясь истощить его ресурсы. Вроде того как, если бы он взял большой кусок глины и начал лепить из него нужные скульптуры.

Он поймал себя на том, что девушки начинают повторять друг друга как близнецы. Похожие фигуры, тела (он убрал с них все оволосение, поскольку не любил волосатых женщин), причёски (у всех стрижка а-ля паж), как будто это уже стало фирменным знаком клиники: красotka с причёской паж, длинными ногами и грудью третьего размера. Влад посмеялся: «Киборги... они заплонили!» Да ну и по фигу, мне нравится, глаз радуют, сами довольны – почему и нет? Пусть и по одному лекалу. Ну, типа сестры».

Девки, совершенно счастливые, помчались набивать желудки едой – голод после изменений в организме. Влад задумался. А если взяться и сделать из своих охранников непобедимых воинов? Создать группу преданных бойцов, сделать им супертела – и вперед! Только вот с какого хрена они будут бездумно ему подчиняться? Только если внедрить в них повиновение... Но это тоже вид рабства: человек, не осознавая себя, готов по первому приказу хозяина вспороть себе живот, – это разве правильно? А что если просто внедрить верность, ограничившись тем, что эти люди никогда его не предадут, всегда будут соблюдать его интересы, – что в этом такого? Одно но – они должны так верить ему, чтобы позволить копаться в своих мозгах, зная, что он не превратит их в бездумных рабов. Он слышал еще от Марьяны, что есть ментальные магии, умеющие заниматься такими вещами. Но она ничего не могла пояснить – как это делается.

Влад отбросил эти мысли и занялся рутинными делами: проверил меч, почистил и протер его, достал из-под кровати кольчугу, задумался, войдя в транс... Раз уж она будет надета сверху, так какого рожна он будет допускать, чтобы порубили и ее, и одежду под ней? Ну да, нижнее белье непробиваемое, все равно одежду посекут, даже если он станет действовать очень быстро. Но если будет свалка и неразбериха, всегда есть шанс получить клинок в спину. Конечно, для того есть амулет, но... «береженого Бог бережет». Вдруг выронил, забыл зарядить, истратил заряд... да мало ли чего.

В общем, посидев полчаса, он уплотнил проволоочки кольчуги до степени непробиваемой танковой брони. Теперь можно было спокойно принимать в спину даже болт из крепостного арбалета. Или стрелу из лука английского лучника – по легендам, прошивающего всадника в латах насквозь, – впрочем, он в это не особо верил. Хотя... кто знает. Он-то не жил во времена Ричарда Львиное Сердце...

Следующие несколько дней прошли ровно, без волнений и проблем, кроме одной – каждый вечер злостные девки подкладывали ему по одной санитарке. Он сопротивлялся: ему вначале было смешно, а потом стало казаться, что он племенной бык-производитель и к нему насильно водят телок. Потом смирился, как всякий мужик: ну грех отказываться от молодых красоток, которые сами прыгают к тебе в постель!

Он вспомнил, как в юности перебирал девиц, бросал их через пару встреч, а они писали ему письма, звонили... Он же вероломно не отвечал. Как он потом, в возрасте, жалел: вот бы, мол, тех девок сейчас да под бочок – а уже поздно. Уже этот дед никому не нужен – только за деньги, или сверстницу... Посему решил для себя: здоровье есть, процесс нравится, так хоть будет что вспомнить... через четыреста лет.

В общем, вначале он «пробовал в деле» одну из санитарок, потом к нему, уже немного уставшему, запрыгивала или Машка, или Аринка. Он думал: это только с виду бабы такие хилые и нежные, дай им повод – мужика в бараний рог скрутят, будь он хоть эпическим героем или злым черным некромантом.

Он ждал, когда придет Марьянка, она хоть разгонит эту толпу озабоченных девок. Он скучал по ней – скорее бы приехала. Хоть будет с кем поговорить, поплакаться в жилетку, да и в постели она была на голову выше всех девок вместе взятых – все-таки опыт. Он не задумывался об их жизни. Почему-то у него не было к ней такого, как у мужа или любовника, потребительского отношения. Он вполне допускал, что она там, в отъезде, спит с кем-нибудь. В любом случае он знал, что она за него всем глотку перегрызет, и никогда не предаст, даже

скорее не знал, а чувствовал это. Она всегда была непосредственна в своих желаниях и в своих действиях, не юлила и не обманывала его. О таком друге, как она, можно было только мечтать. В который раз он благодарил судьбу, что оказался рядом с ней.

Как-то ночью, лежа рядом с уснувшей Ариной, он потянулся разумом к Марьяне, попробовав связаться с ней. Ему стало казаться, что у него получилось: он увидел ее глаза, она посмотрела, улыбнулась ему и сказала сонно: «Вла-ад...», а потом картинка потухла. Он не знал, что это было – то ли он правда коснулся ее через расстояние, то ли ему приснилось, пока он лежал рядом с посапывающей обнаженной девушкой. Решил: как только она появится, он ее спросит. С тем и уснул.

Через пару дней из клиники уехал кузнец со своей женой-«эльфийкой», пообещав вернуться с пожитками через два месяца, как только построят кузницу для него. Его жена при прощании потянулась к Владу и сказала ему на ухо, что наконец-то выпится после ночных концертов, которые давали его женщины, и что если бы не муж... Она многозначительно помолчала и добавила: мол, лучшего мужчины она не представляет. Потом поцеловала его в щеку и отправилась в дальнюю дорогу.

Девки потом долго не давали ему покоя вопросами: что же сказала эта бесстыжая баба? Влад подумал: «Ну теперь-то скорее всего у них с мужем интимная жизнь наладится. Тем более, – усмехнулся он, – ей продемонстрировали, что это может все-таки приносить удовольствие женщине».

Настал седьмой день с момента отъезда Марьяны, и Влад, завершив дела и быстро перекусив, собрался ее встречать, захватив с собой Семена. Уже привычно он засунул сзади за пояс кистени – меч он брать не стал, – положил в карман амулет и взгромоздился на коня. Семен был одет по форме, как полагается телохранителю: стальная кольчуга, меч у пояса, стальные поножи, сапоги, окованные металлом, шлем, подбитый мехом с лисьими хвостами сзади и стрелка, опускающаяся на нос. На плечи он накинул широкий тулуп, который в случае чего мог сразу сбросить и вступить в бой.

Но по дороге ничего особого не случилось, и чрез час они прискакали к трактиру. В обеденном зале было тихо, ассортимент скудный, хозяин угрюм и немногословен. Влад поинтересовался у него, что случилось? И получил ответ, что чертовы служащие из магистрата приезжали к нему, потребовав освободить землю от строений, так как она продана.

Влад задумался. Ну не может быть, неужели... Марьяна? Но он не стал ломать себе голову – как приедет, так будет ясно. Через два часа ожидания вдалеке послышался звон бубенцов, Влад и Семен выскочили наружу. Там стояли люди из небольшого каравана, пришедшего, пока они сидели в зале. Купцы говорили о том, что трактир испортился – ни ночевать тут, ни есть не хочется. Влад не обратил внимания на их разговоры, он всматривался в снежную равнину, по которой неслись знакомые санки... Рядом гарцевала лошадь, другая была привязана сзади, а за ними ехали еще двое каких-то саней.

Видимо у Марьяны что-то получилось, подумал он. Его распирало от нетерпения. Он даже подпрыгивал на месте, от нахлынувших чувств. Наконец, санки подъехали и остановились у трактира. Из них выскочила румяная Марьяна и с разбегу кинулась к нему на шею, он закружил ее и поцеловал в холодные пунцовые губы.

– Ну наконец-то! Что-нибудь смогла сделать в этом городишке?

– Все смогла! И больше того! Пошли в трактир, посидим и решим, что делать. Вот, смотри – это наши новые работники, – представила она четырех, довольно скучных на вид молодых людей. Двух девушек лет двадцати с небольшим и двух парней такого же возраста. Лица их были нерадостны – куда приехали? Что их ждет? Вокруг заснеженная пустыня... ни города, ни людей, – что будет?

– Это вот Оля, это Миранда, а это Саша и Арефий. Давайте, заходите в трактир. Сейчас мы подумаем и решим, где вам обосноваться, и как все это будет. А вот это – уважаемые

проектировщики. Мы с ними определимся, где будем строить, и что. Итак, все в трактир. Будем разговаривать.

Они зашли в помещение, трактирщик был очень удивлен, увидев свалившихся на него посетителей. Он с неохотой принял заказ на какую-то еду и напитки. Все расселись по столам, а Марьяна и Влад уединились в дальнем углу. Марьяна достала документы и рассказала Владу, чего она сумела добиться за неделю. Сказать, что он был потрясен ее успехами – это не сказать ничего. Она решила практически все проблемы, что наваливались на них за последнее время. Влад посидел, переваривая полученную информацию, и спросил:

– Трактирщик тоже твоя работа?

Марьяна виновато усмехнулась:

– Моя. У него аренда заканчивалась через две недели. Теперь уже через неделю... Как я могла упустить эту возможность? Сейчас вот тут надо размещать строителей – где им еще жить? Не лето чай... А трактирщик бы заломил такие суммы, ай-ай... Да и зачем он нам тут? Смотри, теперь мы на своей земле, нас никто не сгонит отсюда, правда, еще выплачивать часть суммы, но зато теперь у нас в друзьях глава города. Давай-ка сразу поговорим с трактирщиком... Пошли, надо сразу решать.

Они поднялись с места и подошли к трактирщику, уныло смотревшему на гостей. Он поднял на них глаза и спросил:

– Чего хотели, господа?

Он не узнал Марьяну, хотя она не раз бывала тут. Но где тут узнать в цветущей красавице пожилую, плохо одетую женщину, которой она была последние двадцать лет?

– Мы слышали, что вас обязали уехать и снести с этой земли трактир за ваш счет, это так?

– Да. Я вообще-то думал уехать отсюда – тут глушь, выгоды мало. Даже жену тут не найти. Хотелось продать трактир и купить лавку в Лазутине. Но теперь кому он нужен, трактир, без земли-то?

У Марьяны заблестели глаза, и они с Владом переглянулись.

– А сколько вы бы хотели за свой трактир?

– Вы что, серьезно, господа? Учтите, земля под ним мне не принадлежит и его того и гляди могут снести! Я не буду отвечать, если его снесут, а вы предъявите мне претензии!

– Давайте к делу. Я еще раз спрашиваю: сколько вы хотите сейчас получить за это здание и комплекс построек вокруг него. С учетом, что земля под ним теперь не ваша? – Влад нахмурился и внимательно посмотрел на трактирщика.

– Ну-у-у... – протянул тот, – тысячу золотых хотелось бы.

– С припасами? С оборудованием – столами, стульями, кроватями? – уточнил Владимир.

– Ну да. Куда я их потащу-то. Только личные вещи заберу да лошадку с санями. И все... за все тысячу золотых. Этого хватит мне, чтобы открыть лавочку в Лазутине. Я хочу там торговать.

– Давайте к делу, – перебил Влад излишняя трактирщика, – сейчас мы составим договор, при свидетелях, и завтра утром вы отсюда съедете. Согласны? Деньги передадим сразу. Сегодня. Наличными. Идет?

– Конечно, – оживился трактирщик, – только в договоре укажем, что я продаю только здание с оборудованием, чтобы вы не засудили меня потом.

– Да без проблем... – Влад наклонился к Марьяне и тихо сказал: – Сходи к строителям, у них точно бумага есть, составь договор, я же неграмотный. Давай, а я пока с проектировщиками схожу посмотрю на местности, определюсь.

Марьяна засуетилась с трактирщиком, подвела его к столу, а Влад, после того как Марьяна взяла у строителей пару листов хорошей бумаги, повел их наружу. Они вышли, осмотрелись, и лекарь стал им рассказывать, что и как они задумали. Рассказ занял не менее полчаса. Все это время они бродили по дороге, по полю за трактиром, по берегу озера. Наконец,

ситуация была ясна, и они зашли в трактир, где Марьяна уже расплачивалась с бывшим его владельцем, передавая при свидетелях деньги. Пересчитав их, он быстро засобирился, а Марьяна устало села напротив Влада и негромко сказала:

– Ну вот и началось... Ты рад? Я сделала все, что могла. Во что это выльется, сама не знаю. Ты представляешь, сколько теперь будет зависти, злобы, сколько пакостей нам предстоит вынести? Вот сидели себе и сидели в лесу, никому не нужные. Никому не интересные. А теперь мы вылезли на свет, как мокрицы из-под теплой коряги... Стоило это того?

– Ну если и мокрицы, так вполне симпатичные, особенно ты... и я тебе это сегодня докажу!

– Надеюсь, – засмеялась Марьяна. – Небось все соки девки высосали без мен?

– Ну не без этого... самки еще те... Марьян, ты представляешь, что я мог бы всю свою жизнь просидеть в лесу, в глуши, без интересного дела, жить растительной жизнью... ты представляешь это?

– Нет, не представляю, – честно ответила Марьяна. – Это был бы не ты.

– Ну а тогда о чем речь?! Вяжемся в драку, а там посмотрим, как говорил один наш военачальник. Одно тебе скажу: тот, кто думает, что может взять нас голыми руками, жестоко ошибается. Я не из тех, кто подставляет вторую щеку, когда ударили по первой. Да и ты такая же. Вообще, я потрясен твоей расторопностью и умением налаживать контакты. Даже не представляю, как тебе это удалось.

– Ну не зря же ты красоткой меня сделал... тоже оружие. – Марьяна подвигала бровями вверх и вниз. – Да ну, не будем об этом. Это было непросто, но я смогла. Теперь дело за тобой. И еще... Влад, мне пришлось оформить все на себя. Ты не подумай, это на нас двоих, я никогда тебя не обману... Это все наше с тобой. Если хочешь, можно это оформить дополнительным договором.

– Марьян, честно говоря, мне по фигу. Но если тебе так будет спокойнее, ну сделай договор партнерства. Случись что, мы сможем управлять имуществом совместно. А так – я верю тебе на сто процентов и не испытываю особой необходимости в договорах. Делай как надо. Делай. И закроем этот вопрос. Мне, если честно, он как-то неприятен.

– Хорошо, я сделаю договор, мы положим его в Имперский банк, и пусть там лежит. Понимаешь, не дай бог, что со мной случится, ты должен быть защищен. Иначе просто все отберут в пользу империи. Сегодня же сделаем партнерский договор и подпишем его.

– Вот хрень какая – я писать то не умею. Да и читать!

– Да перестань! С твоей абсолютной памятью – мы тебя научим грамоте за час.

– Хорошо. Сегодня и займемся. Давай-ка теперь подумаем вот о чем: трактир купили, а кто тут рулить будет? Кто управлять-то будет, пока не подберем трактирщика?

– А может, этого пока оставить? Пусть рулит?

– Не-е-ет... У него рожа кислая, да и он дела-то вести не умеет. И не хочет тут оставаться. Зачем он нужен?

Они помолчали... Кого поставить на управление трактиром? Все люди наперечет.

– Слушай, давай поговорим с Семеном? – Влад посмотрел на Семена, расслабленно прикрывшего глаза на стуле в углу. – Он-то знает своих подчиненных. Может, кого-то из них подберем?

– У нас и так охраны уже поубавилось, и я не наняла в городе, решила подождать. Кстати, у вас тут как, тихо было?

– Теперь – да. Было у нас тут... – И Влад рассказал Марьяне и о ночном нападении, и о связи нападения на нее с тем налетом. Она пораженно слушала и потом сказала:

– Везучий ты, Влад. И сильный. Другого уже раздавили бы. Горжусь тобой.

– Перестань, – засмутился Влад. – Если бы не ты, ничего бы не было. Я никогда не забуду твоей помощи, ты мне как родная. Ладно. Хватит признаваться в любви и дружбе друг к другу, давай решать, кто будет управлять трактиром.

Влад взял хлебную корочку, отломил кусочек и метнул его через зал в Семена. Тот, якобы спящий, ловко перехватил «снаряд» и, улыбнувшись, спросил:

– Что?

Влад махнул ему рукой – мол, айда сюда! Тот поднялся и подсел к их столу. Лекарь обрисовал ему ситуацию, Семен не удивился – видимо, рядом с этой странной парочкой он привык к любым выкрутасам жизни, подумал и сказал:

– Есть у меня парень, он сын трактирщика и знает это дело. Жалко, конечно, его отпускать, но что делать... честный парень, шустрый. Разбирается в продуктах, вине. Можно ему еще помощницу поставить. Феклу, например. Вот и контроль будет. Сейчас я съезжу за ним. Согласны?

– Конечно, – облегченно вздохнули Влад и Марьяна, – одной проблемой меньше. Давай. Сюда не возвращайся – тут два охранника есть. Да и мы сами вроде не беззубые.

Семен вышел из дверей, и скоро его лошадь исчезла за поворотом.

– Ну, теперь займемся нашими рекрутами. Зови их сюда, Марьян.

Марьяна крикнула ребятам, и они подсели к столу начальников.

– Ребята, вот наш главный. Звать его Влад. Вы слушаетесь его беспрекословно... Честно говоря – не советую ослушиваться. Зверь еще тот. Сама боюсь... – Она прикрыла лицо руками, вроде невзначай и потихоньку засмеялась.

– Марьян, ну ты и расписала меня, Глянь, как у них челюсти отвисли! Ребята, не верьте ей, не такой я уж и страшный. Почти. Вся суть вот в чем: здесь будет большая клиника, вы будете лечить людей. Основное направление нашей работы не только лечение, но и пластическая хирургия. Будем переделывать людей, делать их красивыми. Вы станете хорошо зарабатывать, заверяю вас. Но подпишете контракт на пятьдесят лет. Мы вас научим лечить как следует, исправлять уродливые тела, но мне нужно быть уверенным в вашей полной лояльности. Если вы подпишете контракт и согласитесь на заклинание верности, я сделаю так, что ваша сила увеличится в несколько раз. При удачном стечении обстоятельств – до уровня магистра. Я сейчас не требую от вас согласия. Вы эту ночь проведете в трактире, если кого-то не устроит мое предложение – завтра он может вернуться в город со строителями. Те, кто останется, будут обеспечены, могучи как маги и уважаемы. Решайте. Одна ночь на раздумья. Теперь выбирайте себе комнаты и отдыхайте. Ключи от номеров лежат на стойке.

– Ребята, вы не пожалеете. На вашем месте мечтали бы оказаться сотни магов, поверьте мне. – Марьяна поднялась из-за стола, и вместе с Владом они пошли к строителям. Подсев к ним, чего-то живо обсуждающим, лекари осведомились: – Ну что, господа, что решили? Во что примерно обойдется нам стройка?

– Вы знаете, не так уж и много. Место чистое. Грунты тут устойчивые. Вода рядом. Лес можно свой рубить, но я бы не советовал. Можно вполне недорого купить на лесопилке в деревне, дальше по тракту. Там и доски есть, и брус. Я бы советовал вам не заниматься наймом возчиков – гильдия строителей возьмет это на себя – просто к стоимости строительства добавится десять процентов, за перевозку. Во что все выльется? Ну, думаю, пока тысяч пятьдесят. Для начала. В это войдет... – И строитель начал перечислять объекты строительства, сыпля терминами и понятиями. Влад откровенно заскучал, Марьяна тоже. В общем и целом они должны были сначала выстроить жилье для самих лекарей, жилье для персонала, большие вместительные конюшни, казармы для стражников, прилегающие дворы и обнести все это заборами.

– Давайте проще, – предложил Влад. – Мы вносим деньги, когда будет стоять то, что мы перечислили? Готовое, жилое. И вот еще что: нам нужны в домах удобства – унитазы, ванны,

слив, значит, и выгребные ямы, планируйте. Мы внесем вам часть суммы сразу, остальное будем вносить по мере сдачи объектов. Вас так устроит?

Старший из строителей согласно кивнул седой головой:

– Конечно. Это стандартная практика. Первые дома будут сданы через две недели, после того как стройматериалы будут доставлены на объект и строители примутся за дело. Летом было бы быстрее, но сейчас зима, работа замедляется.

– Тогда не будем медлить – вы завтра отправляетесь в Лазутин. Сейчас я вам напишу расписку, по которой вы получите пятнадцать тысяч золотых, после того как договор будет готов. Вы имеете полномочия подписания договора? Есть? Хорошо. Тогда сейчас же и займемся им. Бумага есть, чернила есть. Давайте, а госпожа Марьяна прочитает и оценит его правильность. И вот еще что: питание работников за ваш счет, насколько я понял? Ага, хорошо. Жить они будут пока в трактире, до тех пор пока не закончат гостевое здание, потом перейдут туда. Ну все, занимайтесь... – Влад легонько хлопнул ладонями по столу и встал, решив прогуляться по трактиру. Надо же осмотреть свою собственность.

Глава 14

Влад

Стражники у ворот тусклыми и неприязненными взглядами окинули одинокого всадника, потребовали спешиться, после чего приняли от него две серебряных монеты – плату за вход. Затем старший из них, оглядев закованную в кольчугу мощную фигуру приезжего, с огромным тяжелым мечом за спиной, сказал:

– Если будешь в городе безобразничать, сразу окажешься за решеткой. У нас не любят бродячих громил. Ты понял?

– Понял, уважаемый. Скажи мне, как проехать к гильдии наемников? Я тут недавно, города не знаю.

– Откуда ты такой взялся, что города не знаешь?

– Я с севера. Мне надо найти капитана наемников Вячеслава, у меня дело к нему.

– Ааа... ясно теперь, почему ты так легко переносишь холод. Вы все такие, северяне?

– Мы всякие... – улыбнулся открытой улыбкой приезжий и продолжил: – Так как найти гильдию?

– Да очень просто. Сейчас едешь вот по этой улице до... раз, два... третьего поворота, поворачиваешь налево, там табличка есть «Улица Бронная». Умеешь читать-то?

– Умею, – ответил приезжий и усмехнулся про себя: «Аж три дня как умею. Весь вечера Марьяна гоняла, пока не вдолбила в память все, что нужно для чтения и письма».

– Так вот, по Бронной до следующего поворота, потом направо и еще пять перекрестков. Вот там на углу и гильдия. Можно спрямить, но я бы не советовал – плохой район. Могут ограбить. Стража наша там ходит, но не часто. Захочешь тут пойти – вон, вдоль стены и через три улицы повернешь налево, через две улицы и гильдия. Улицы тут кривые, так что имей в виду, можешь заблудиться, осторожнее.

Приезжий согласно кивнул и повернул направо, вдоль стены. Его не прельщала перспектива бродить по городским лабиринтам, рискуя получить на голову содержимое ночного горшка. От этого на улицах средневекового города, каковым и являлся Лазутин, никто не был застрахован.

Копыта громыхали по булыжной мостовой, местами переходящей в брусчатку, лошади очень не нравилась жесткая поверхность дороги, больно бьющая по копытам, несмотря на железные подковы. Она волновалась, и все время норовила дернуть головой в сторону. Так что всадник вынужден был врезать ладонью ей по башке, в результате чего она еще больше взвилась и едва не выбросила его из седла.

«Наездник из меня хреновый», – подумал он, спешился, и пошел дальше, ведя лошадь в поводу. Его ляжки горели от долго соприкосновения с седлом, и он пришел к неожиданному заключению: так вот почему у монголов кривые ноги! Наделать бы таких супервсадников: ноги колесом, смыкаются под брюхом лошади, а руки огромные на маленьком широком теле, чтобы держать лук и стрелять сходу. Вот только как они будут с коня слезать? Ходить-то не смогут! А если им с него и не слезать? Как посадили, так он пусть и катается с детства! Приезжий хохотнул и за этими зверскими рассуждениями не заметил, как подошел к зданию гильдии наемников.

Он закинул повод на коновязь, внимательным глазом осмотрев окрестности. Не хватало только «автоугонщиков» – сигнализации, кроме ржания, никакой! Затем он поднялся по лестнице в гильдию. Там, у входа сидел охранник, видимо поставленный для того, чтобы утихомиривать буйных наемников, которые, поддав лишнего, могли прийти качать права или выяснять с кем-то отношения. Эти визиты, в зависимости от комплекции пришедшего, обычно заканчивались тем, что или гостя выкидывали сразу, или он вначале выкидывал охранника, а потом,

всей толпой, спускали с лестницы его самого, при этом слегка поломав ребра, чтобы он понял: гильдия – это свято, а если хочешь покочевряжиться, для этого есть трактир.

Приезжий вежливо поприветствовал охранника, уже оценивающего его на предмет той или иной перспективы, потом осведомился, где ему найти капитана Вячеслава. Капитана в это время уже не было.

– Гильдия скоро закроется, до завтрашнего утра, – ответил ему охранник.

Как только он появится, сегодня вечером или завтра утром, передать ему, что его ждет человек, приехавший от Марьяны, – попросил незнакомец.

– А где ждет-то? – с усмешкой спросил охранник.

– Где? А где тут приличная гостиница?

– Приличная, говоришь? Приличная для тебя вот туда, еще саженной сто, и направо. «Сломанный меч» называется. Так что отправляйся туда. Я передам.

Приезжий подумал, достал из пояса серебряную монету и положил охраннику на столик:

– Это на пиво, чтобы не забыл передать.

Охранник удовлетворенно кивнул, и снова отвернулся, продолжив разглядывать под столом порнографические картинки, привезенные ему из столицы зятем.

На улице уже темнело, дорога заняла у него как раз день. Влад не стал задерживаться в трактире по дороге и сразу поспешил в город. Его лошадь никто не умыкнул, хотя у коновязи уже сустились какие-то подозрительные личности. Но увидев здоровенную, закованную в сталь фигуру, с высоченной рукоятью меча за спиной, быстро куда-то испарились.

Приезжий отправился по указанному ему адресу и скоро обнаружил ободранную стену с широкой дверью и вывеской. На ней был изображен сломанный меч, который держал в руке облупленный рыцарь, с каким-то дефективным выражением лица, он как бы говорил: «Ну ни фига себе! Сломался!» А на заднем фоне был нарисован предвкушавший глумление над человеком дракон, с умильной игривой рожей. Приезжий усмехнулся: по законам жанра вестернов, сейчас из дверей должен вылететь пьяный, вышибленный из трактира. Тут двери распахнулись... Он вытаращил глаза – неужели?! Но из них спокойно вышла дама под ручку с каким-то наемником. Дама была, так сказать, не очень... строгих правил, но вполне интересная на вид, что отметил Влад. Впрочем, когда он взглянул на нее магическим взглядом, для интереса, пробурчал себе под нос: «Да, друг, трепак тебе обеспечен... А мы никогда не останемся без работы».

Из ворот выскочил парнишка:

– Господин воин, прошу к нам, давайте, я приму коня, поставлю в самое лучшее стойло! Не сомневайтесь, я и почищу, и расседлаю, все будет в лучшем виде!

Приезжий бросил поводья мальчику и кинул вслед три медяка. Тот поймал их с ловкостью жонглера, затем снял с коня переметные сумы, перекинул через плечо и зашагал внутрь трактира. Как и ожидалось, публика была непрезентабельная: наемники, случайные проезжие охранники, проститутки.

Зал еще был не до конца полон – время пик не настало. Он прошагал к стойке и, вызвав хозяина, попросил предоставить ему комнату, которую сразу же получил – за два серебряника. Освободившись от сумок, он запер комнату на замок и спустился вниз. Жрать хотелось, как из ружья... Влад осведомился у официантки, что сие великолепное заведение может ему предложить? Та в ответ фыркнула и сказала, что великолепное заведение может предложить ему тушеную баранину с острым соусом, оленину в пирогах и горячительные всякого рода.

По поводу горячительных воин ответил отрицательно, попросив кваса или клюквенного морса. За что был удостоен презрительного фырчания и задет по лицу бантом (из-за резкого поворота недовольной девки).

Воин снял перевязь с мечом, и прислонил клинок к ноге возле ножки стула, чтоб был под рукой. Через некоторое время перед ним были плюхнуты глиняные миски с бараниной и

кусками пирога, на которые он с жадностью набросился, думая лишь о том, почему его везде преследует советский общепит, даже в параллельном мире. Наконец, он насытился, желудок уже не терзал его, и настроение улучшилось.

Он был в городе впервые, поэтому все вызвало его интерес, скоро, впрочем, угасший. Такие трактиры, напоминающие помесь борделя, студенческой столовой и игорного заведения он видел уже не раз, и в реале, и в исторических кино. Ему стало скучно, и он заказал кружку пива, надеясь, что это не будет та бурда, что обычно подают в трактирах. Ну по крайней мере в тех двух, что он знал. Принесли кувшин с чем-то, правда, пахнущим пивом, и он, надеясь, что туда не плюнули, налил себе в кружку. Пиво оказалось неплохим и светлым, как он и заказал – почему-то большинство здешних заведений предпочитало темное густое крепкое пиво.

Он сидел, расслабившись, краем уха прислушиваясь к болтовне и смеху наемников, обсуждавших какого-то купца, обманувшего их с оплатой, за что они нагадили ему в телегу с шелком. С другой стороны разговор шел о каком-то бароне, умирающем от болезни, что разъедает его внутренности, – дескать жаль, лихой был рубака. Влад стал прислушиваться внимательнее, но тут забренчал на мандолине музыкант в углу, и все разговоры сразу стихли.

Музыкант пел душещипательные песни о наемнике, который украл принцессу и укачал с ней непонятно куда, явно с развратными целями. Вдруг ему вспомнилось: «Спрячь за высоким забором девчонку, выкраду вместе с забором», и он тихонько засмеялся. У него даже настроение улучшилось – как будто получил привет с далекой родины.

Внезапно его довольные мысли прервало появление здоровенного типа, который без приглашения уселся за его столик и, дыхнув перегаром, заявил:

– Чо смеёшься? Не по ндраву тебе наши песни? Чо, бла-ародный, что ли?

– Может, и бла-ародный. И что?

– А вот что! – Тип с характерным звуком харкнул в кувшин приезжего. – Вот так мы поступаем с бла-ародными!

Влад с тоской помолчал, потом обвел глазами зал трактира – все с интересом наблюдали за происходящим, и он мог поставить «рупь за сто», что еще и подначили пьянчугу на этот наезд. Он подумал: «Ах вот как... Это типа у вас вечернее развлечение»... Он с ленцой протянул руку, схватил типа за всклокоченные рыжие волосы и прижав к столу, после чего аккуратно вылил ему кувшин на голову со словами:

– Остудись, малый!

Малый не внял голосу разума. Видимо не понял, что обращаются к нему. Он был не менее метра девяноста ростом и в ширину как два холодильника «Саратов», кроме того на его ухе висело то, что он недавно отправил в кувшин, и это его расстраивало, поэтому он с ревом попер на Влада через столик, попытавшись сходу въехать ему кулачищем.

Этого Влад не позволил. Схватив его за руку и используя его же инерцию движения, он переправил нападавшего в противоположный угол. Там рыжий и затих, но по дороге он все-таки снес пару столиков с сильно обидевшимися наемниками, посчитавшими, что не надо кидать всякое дерьмо к ним на стол, где стоит недопитое пиво. После этого веселье уже понеслось по полной. Влад подхватил левой рукой меч, чтобы его не потоптали и не стащили в драке, а правой стал отправлять противников то в один угол, то в другой, стараясь не сильно их повредить, ведь в этой гостинице ему еще жить... Ну не вырезать же весь зал?

Последний, брошенный в очередной раз в угол наемник потянул из ножен кинжал. Это сразу было пресечено хозяином, треснувшим ему по затылку дубинкой. Наконец веселье завершилось, рыжего утащили протрезвлять, наемники расселись – вполне дружелюбно поглядывая на здоровенного воина, безоговорочно признав его за своего, – и вечер покатился дальше, дымя подгоревшей уткой и шипя пенными кружками.

Зал постепенно наполнялся, через часа два в трактир зашел высокий, добротнo одетый наемник с мечом у пояса, подошел к трактирщику, что-то спросил. Тот кивнул ему на сидящего Влада и незнакомец подошел к нему и поинтересовался:

- Это ты искал меня от Марьяны?
- Если ты Вячеслав, то тебя.
- Говори. Что именно хотел.
- Ну ты присядь, наверное. Налить тебе пива?
- Нет. Давай о деле. Так что нужно?
- У вас была договоренность, о бароне. Вот я и прибыл, как договаривались.
- Я понял. Вещь у тебя с собой? Меч в смысле?
- Да, с собой. Как только сделаем дело – меч твой.
- Хорошо. Завтра на рассвете я заеду за тобой. Будь готов.
- Далеко ехать?
- Полдня пути. Все, расстаемся до завтра.

Вячеслав, не прощаясь, поднялся и вышел из трактира. Влад посидел, немного недоумевая, чего это он такой неприветливый, но не пришел ни к какому выводу, кроме одного: «Да пошел он... Что с ним, детей крестить? Получит награду – и прощай».

Через некоторое время Влад отправился спать. Комнатка была маленькая, удобства чисто символические, и это его удручало. Он не стал раздеваться и завалился на кровать как был, только без кольчуги.

Утром в дверь уже забарабанил Вячеслав, Влад открыл, сообщил, что сейчас он будет готов, и через двадцать минут их лошади уже грохотали копытами по улицам спящего города. Ворота города открылись, со скрежетом поднялась решетка, и воины выехали на тракт.

Около часа они скакали молча. Один спросонок не хотел разговаривать, да еще чувствовал явное недоброжелательное отношение спутника, что также не располагало к беседам. Вторoй ехал с каменной физиономией, кипя ревностью. Ну почему, почему она предпочла его мне, что в нем такого? Ну да, здоровенный мужичина, вон какой меч торчит. Что у него, и там такой же?.. Как она могла предпочесть его?! А может, грохнуть его, забрать артефакт, и сказать потом Марьяне, что на них напали разбойники? Как бы он сам меня не грохнул – вон как поглядывает, будто прожигает взглядом.

А Владу просто так хотелось спать, что он начал ненавидеть все, что подняло его в такую рань с постели. Ну отчего в этом мире все дела начинаются с рассветом? Нельзя, что ли, как все цивилизованные люди: встал, сходил в туалет, попил кофе, оделся... посмотрел слегка телевизор и отправился себе на подвиг? А тут тащись на вонючей лошадиной спине, рядом с закованным в железо тупым мужланом, так бы и врезал ему по кумполу.

Ему захотелось сказать какую-то гадость, чтобы спутник напал на него, и он с полным основанием начистил бы ему рыло. Влад с трудом сдержался от такого великолепного решения проблемы... еще полчаса прошли в молчании. Когда они проезжали небольшой сосновый бор, возле которого была поле, на котором кое-где под лучами солнца растаял снег, он сказал:

– Послушай, Вячеслав. Мне ужасно хочется дать тебе в морду. Тебе хочется дать мне в морду. Есть два варианта. Первый – мы даем друг другу в морду, после чего один из нас остается с перекошенной и разбитой мордой, а другой все равно злой на себя, что не сдержался. Второй вариант – ты просто объяснишь мне: где и в чем я виноват. И я, может быть, не разобью тебе морду. Выбирай.

– А сможешь мне набить морду? Осилишь?

– Знаешь, смогу, – спокойно сказал Влад, и после этих его слов Вячеслав как-то сразу ему поверил. – Давай лучше, Расскажи, в чем дело. Я вину за собой как-то не чувствую.

Они еще помолчали, потом Слава сказал с горечью:

– Люблю я ее. Я сплю и вижу ее... Я просто горю. Я для нее все сделаю – убью, ограблю, обману, только бы она была рядом со мной. Я вижу ее зеленые глаза, ее пышные волосы, ее руки... И как я представлю, что она этими руками ласкает тебя, мне хочется тебя убить. Я понимаю, что это глупо, но это так. Вот сейчас я ехал и думал: а может, убить тебя, забрать меч и Марьяну? Мне самому стыдно, что я дошел до такого. Я ведь не подлый, понимаешь? Как я могу допускать такие мысли себе в голову? Что если она меня околдовала? Вот скажи, Влад!

– Слава, мне жалко тебя. Ты не можешь владеть Марьяной, да и никто не может. Она сама выбирает себе мужчину, сама, понимаешь? Мы с ней не муж и жена, она делает, что хочет. Я понял: она тут с тобой покувыркалась, и ты принял это за любовь, но это не так. Я гораздо старше тебя, да-да, поверь, старше. И видел в жизни больше. И я тебе скажу: ты должен выжечь эту любовь из сердца, она до добра не доведет. Марьянка вскружила тебе голову, но это пройдет, со временем. Встретишь хорошую девушку, заведете детей... Марьяна ведь не будет иметь детей, по крайней мере, сейчас. Если бы ты знал, сколько ей лет, ты бы ахнул. Забудь ее. А если хочется выместить зло, ну ударь... Легче станет? И еще скажу: ты бы не смог меня убить. Когда-нибудь поймешь, почему. Давай, раз нас свела судьба, будем, если уж не друзьями, так и не врагами. Я же вижу, что ты порядочный парень, не негодяй какой-то. Я же не виноват, сам подумай, что она отвергла тебя и выбрала меня! Давай мы хотя бы сойдемся на том, что мы ее оба любим и уважаем. И не будем поганить эту любовь драками и грязью между собой, ага?

– Я знаю, что ты прав. Но ничего не могу поделать. Ладно, хватит ныть! Дело есть дело. Слушай меня, это барон Унгерн...

– Кто-о-о? – поперхнулся Влад. – Унгерн?! – Он закашлялся и сплюнул на дорогу.

– А что? Ты его разве знаешь? – подозрительно поинтересовался Вячеслав.

– Нет. Я знал... Вернее, слышал о другом Унгерне, и тоже бароне. Извини, продолжай.

– Так вот. Это капитан отряда наемников... был. Теперь он высохший полутруп, умирающий в своем полуразвалившемся замке. Реально – одна половина рухнула. Воды подмыли. С ним только слуга – такой же, как он, рухлядь. Этот барон согласен усыновить тебя... Ну, на определенных условиях. Но это мои проблемы. Тебе не надо знать. Для этого нужно два свидетеля: это будем я и его доверенное лицо, слуга. Он приложит свою баронскую печать, и ты станешь бароном Унгерном – единственным его наследником. Все, что достанется тебе, это развалины замка. Земля вокруг давно заложена и продана, крестьяне тоже проданы. Так что, титул будет – богатства не будет. Я не знаю, зачем тебе понадобился этот титул, но толку от него немного. Только разве что при дворе появиться. Но то, что ты будешь бароном уже скоро, – гарантия.

– Я одно не пойму, Слава, а почему его не вылечили магики? Магики ведь лечат все... или нет?

– Ты что, прикидываешься? Чтобы получить лечение от магистра надо выложить столько, что не хватит, даже если заложить поместье, вместе с крестьянами.

– А почему такие большие цены? Ты не удивляйся, я с севера, из глуши, ваших дел не знаю.

– Потому что гильдия магов строго следит за тарифами на подобные услуги, и если магик вылечит кого-то по заниженной цене, а они это узнают, он все равно будет должен заплатить налог в гильдию с той суммы, которую установила гильдия. Если не отдаст, будет наказан. Никто не хочет связываться с нищими. Гильдия магов жестко контролирует лекарей. Ладно, за разговорами почти приехали. Вон за тем поворотом, в версте от дороги, замок.

Копыта лошадей простучали по мосту, опущенному на заваленный мусором и заиленный ров, воины проехали под сводами выщербленной арки ворот и остановились на площадке перед зданием. Они спешили, осмотрелись – к ним шел седой человек лет шестидесяти, в простой одежде, по виду слуга:

– Здравствуйте, господа. Вы, наверное, господин Вячеслав? Барон предупреждал о вашем приезде. Позвольте, я отведу лошадей на конюшню. Барон ожидает, я вас проведу.

Слуга ушел, ведя в поводу их коней, потом опять появился и сопровождал их в здание. Замок был огромен, наверняка он знал лучшие годы. Видимо, предки барона были довольно воинственными людьми и, боясь возмездия, укрывались за мощными крепостными стенами. Теперь от бывшего могущества остались лишь воспоминания. Некоторые зубцы стены обвалились, а одна сторона замка рухнула, провалившись внутрь. Внутри самого здания царили холод и запустение... Шаги вошедших гулко отзывались в высоких стрельчатых потолках. Стены были украшены некогда роскошными портретами, теперь потускневшими настолько, что с трудом можно было понять, что на них изображены люди. Оружие на стенах проржавело, и все в целом производило удручающее впечатление. Владу даже почему-то вспоминалось некрасовское «Только не сжата полоска одна, грустную думу наводит она»...

Слуга привел их в комнату, в которой стояла жаровня, распространяющая удушливый запах углей. «Они, ко всему прочему, его еще углекислым газом травят», – подумал Влад и стал рассматривать лежащего на подушках бледного человека довольно высокого роста. Дон Кихот какой-то – возникла ассоциация.

Наверняка раньше это был очень сильный и волевой человек, который и сейчас сохранил ясность мысли. Его терзала боль, которую он стоически сносил, видимо, пользуясь и наркотиками. На вид ему было лет шестьдесят, но по его болезненному лицу невозможно было точно определить – могло быть и гораздо меньше.

Вошедшие поздоровались, он слабо кивнул, внимательно и цепко осматривая их, потом тихим, но уверенным голосом сказал:

– Вячеслава я знаю. А вы, вероятно, тот молодой человек, что желает стать бароном. Вы видите, что у меня ничего не осталось, кроме старого слуги и этих развалин... ну и титула. Я не спрашиваю, зачем он вам нужен, но... мне хотелось бы видеть, что он не пропадет зря. Мне не нужны деньги, хотя Вячеслав их дает, они пойдут моему слуге после моей смерти. Я хочу, чтобы он не умирал с голоду в подворотне, а был обеспечен. И хочу, чтобы имя барона Унгерна не пропало вместе со мной. Подойдите ко мне, я на вас посмотрю. Присядьте здесь. Не хотите ли вина? Слуга принесет.

– Нет. Спасибо, не хочу. – На самом деле Владу хотелось скорее выбраться из этого замка, ему было реально тошно. Ему уже не хотелось никакого титула, но раз уж они затеяли это дело, надо завершить. Просто жалко работы Марьяны.

– Ладно. Я вижу, что вы торопитесь, давайте заканчивать. Мирон, подай бумагу! Я уже подготовил нужные документы, осталось вписать имя и расписаться свидетелям. И вы станете сыном барона Унгерна. Как вас зовут? Влад? Влад Вольга? Ну что же, Влад Вольга, барон Унгерн. Хорошо звучит.

Влад смотрел на этого человека, и ему становилось не по себе – как стервятники они слетелись на его изможденное тело... Слуга принес бумагу, они вписали имя Влада, Вячеслав в стороне передал слуге тугой мешочек с деньгами, и процедура была завершена. Документы передали Владу.

– Ну все, господа, осталось только заверить передачу баронства у императора, когда меня не станет, и вы, Влад, барон. Не посрамите имя Унгернов.

Влад поклонился умирающему, потом вдруг решил и сказал:

– Я прошу оставить меня с бароном наедине. Вячеслав, Мирон, выйдите. Барон удивленно посмотрел на него, но кивнул, и воин со слугой вышли.

– Господин барон! Я, пока мы говорили с вами, осмотрел ваше тело. Я лекарь и, как мне кажется, лучший лекарь в этой стране. Но я ничего не могу сделать – вы умираете. Вы уже сейчас задыхаетесь – легкие ваши убил рак, а лечить вас магией уже нельзя. Ваше тело не выдержит лечения. Но я могу попробовать, если вы хотите. Я не знаю, получится это или нет –

я до сего дня еще не лечил такую страшную болезнь. Скорее всего, вы умрете, когда организм потянет из себя силу на лечение. Если бы раньше, если бы чуть раньше! Почему эти ублюдки не стали вас лечить?

– Вы хороший парень, Влад. Я доволен, что титул достанется вам. Я уже знаю, что ничего сделать нельзя. Они отказались меня лечить. У меня не было столько денег, а гильдия монополист в магии. Я верю, что вы могли бы помочь, но увы, поздно. Не печальтесь. Все не так плохо. Я любил, меня любили, я дружил и был ненавидим, я ненавидел и прощал... Я прожил хорошую жизнь. Не жалею ни о чем. Прощайте, Влад, помните меня.

Он откинулся на подушки и застыл... Только по слабому дыханию его можно было определить, что он еще жив. Влад повернулся и вышел в коридор. Его душил комок в горле. Дай Бог, когда наступит его час, встретить смерть так же мужественно, как этот барон. Слуга тихо подошел к нему и сказал:

– Господин Влад... через неделю уже можете ехать в столицу оформлять баронство. Я позабочусь о его погребении. Он наклонил голову и молча нырнул в комнату умирающего хозяина.

Влад и Вячеслав тихо ехали рядом по дороге от замка, потом Влад вдруг яростно закричал:

– Уроды! Это гильдия его грохнула! – Он воздел руки, и из них в придорожный дуб с грохотом ударили синие молнии, расщепляя его. – А-а-а-а-а!!! Суки!!! – вопил он, а молнии все били и били...

Потом Влад успокоился, поискал глазами побелевшего как мел спутника и сказал:

– Не бойсь. Нет к тебе претензий. Вот твой меч. – Он достал тот меч, что делал для Марьяны, и отдал сверток Вячеславу. – Теперь наши пути расходятся. Мне нужно в столицу, ну а ты... удачи тебе.

Они пожали друг другу руки, и Влад поехал по тракту. Время еще приближалось к обеду, до постоянного двора он успевал к вечеру – ему примерно рассказали дорогу.

До столицы было четыреста верст. Столица называлась Пазин, в ней и жил император, практически не покидающий своей резиденции.

На дорогу Влад рассчитывал затратить примерно около недели, если хорошо поторопится. Дело в том, что кроме дел по оформлению баронства, в столице его ожидал купец Панфилов, выехавший туда на несколько дней раньше вместе со своим сыном Олегом, которого он забрал у лекаря.

Как понял Влад из его рассказа, у него назрел кризис. Ему надо было срочно найти в рядах своих служащих предателя и узнать, кто из партнеров желает смерти ему, и его сыну. Самое главное – враги подключили к делу неизвестного мага, наложившего проклятие на сына.

Они с Панфиловым договорились встретиться в столице через несколько дней. Влад должен был изображать из себя охранника, нанятого купцом в дороге, а на самом деле он обязался найти «крота». Зачем Влад согласился на это дело? Во-первых, деньги. Купец пообещал при нужном результате выплатить ему пятьдесят тысяч золотых – такая сумма по меркам этого, да и не только этого мира была фантастической, и была нужна для строительства клиники. Во-вторых – банальная причина – Влад скучал. Он хотел посмотреть Мир, увидеть столицу, людей. Ему до чертиков надоело сидеть на одном месте.

Строительство шло полным ходом, отделялся и старый трактир, поток людей увеличился, лекари справлялись с потоком больных. Марьяна уже по лечению и пластической хирургии почти что не уступала Владу. Ее уровня хватало, чтобы обеспечить желающих новой грудью или красивыми ушами.

Последние дни перед отъездом Влад и Марьяна уделяли внимание улаживанию дел и... безудержному сексу, прерываемому только сексом с Машей и Ариной, поскольку сама Марьяна строго требовала, чтобы он и их не забывал, ублажал... или, скорее, они его.

Вот так он выехал в дорогу, немного потрепанный своим «гаремом», но довольный и веселый. Впереди неизвестность, новые впечатления, новые люди, его мозг, отвыкший уже от такого массированного поступления информации, жадно впитывал все новое. Влад наслаждался дорогой. Если бы еще не стертый в седле зад... Ему так хотелось взять возок и сидеть в нем, но статус не позволял – грозный воитель и в саночках с пологом. Смешно. И потому он скрипел зубами и седлом, тащась по дороге в Пазин.

Эта дорога была глуховата. Лазутин стоял на северной окраине Истрии, в легендарных местах, посреди бескрайних лесов и болот, в которых, как ему говорили, водятся еще и драконы. Он в эту ерунду не верил, как-то спросил у Марьяны: «Что это за драконы, о которых все говорят?» Она ответила, что вроде: где-то они есть, но никто их давно не видал, она в том числе.

Рассказы о драконах были противоречивы. В одном все сходились: что они – как вспомнил Влад, когда-то писали казаки в Сибири о встречающемся им там звере по имени Вес «Чудище обло, озорно огромно, стозевно и лаяй!»³, – здоровенные, пакостные и шибко орут.

День тянулся долго, лошадь брела по тракту, обгоняя иногда тяжелые подводы купцов, с подозрительно осматривающими одинокого вооруженного путника охранниками, а иногда часами он ехал, не встречая никого.

Ночевал Влад в трактирах, похожих друг на друга как две капли воды: чад кухонь, тесные комнатки, купцы с разговорами о дороге и прибыли, задиристые охранники, которые, впрочем, не рисковали задевать огромного мужика с здоровенной рукоятью меча над правым плечом, конюшни с запахом навоза и ленивыми конюхами... Так проходили день за днем.

В одном из таких трактиров Влад с интересом услышал, что якобы в лесу возле деревни, в трех верстах от тракта, завелся дракон, который таскает у местных крестьян скот и всячески пакостит, пугая людей. Они уже послали в город за рыцарем, но что-то никто не спешит ехать, так как дурнее телеги никого нет, и рыцарю как-то неохота подставлять башку под драконью лапу.

Владу ужасно захотелось посмотреть на дракона – кто знает, может никогда больше не удастся этого сделать. Утром, оседлав лошадь, он вместо тракта свернул по направлению к деревне, о которой шла речь. Через полчаса тряски и лицезрения дремучего леса он выехал к большому озеру, рядом с которым стояла деревня.

Население деревни вывалило на улицу встречать его. Они решили, что это тот рыцарь, о приезде которого они подавали прошение императору. Крестьяне слышали, что с чудовищами должны бороться рыцари и, соответственно, решили вызвать «драконобойца».

Первым навстречу вышел староста. Услышав ответ приезжего, что он к драконобойцам не имеет никакого отношения, староста с надеждой все-таки спросил Влада, может ли он пойти и отпугнуть чудовище от деревни. Влад согласился посмотреть на чудище (в общем-то, он для этого сюда и приехал, как в цирк). Расспросил народ о месте, где его видели в последний раз, и поехал в лес, глубже и глубже забираясь в чащу по полузасыпанной снегом дороге, видимо, служащей для вывоза бревен.

Покатавшись по опушке, Влад развернулся назад, разочарованный и недовольный. Неожиданно слева от него, в лесу, раздался дикий рев, (чудище лаяй?). Его конь понес, и Влада выбило из седла веткой дуба, низко наклонившейся над дорогой... Потом раздалось дикое ржание, тут же оборвавшееся, и он остался в тишине, посреди незнакомого леса, без лошади и переметных сум.

Он ругал себя последними словами: «Дурак, посмотрел на дракона! Теперь пешком придется тащиться!» Подумал, и решил идти выручать свою поклажу. Деньги-то у него были в поясе, но в суммах осталась и запасная одежда, и всякие мелочи, которые нужны в путешествии.

³ Эпиграф к книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», строки из «Телемахида».

Через пятьсот метров шлепанья по дороге, он вдруг заметил справа какое-то шевеление, как будто ель ожила и сдвинулась в сторону. Влад тоже замер... ель шевельнулась опять, и вдруг рванулась в его направлении, с ревом разбрасывая сугробы.

«О, черт! – успел подумать Влад и шибко рванул от этой пакости, тяжелыми прыжками преодолевавшей сугробы и поваленные стволы. – Это же тираннозавр! Откуда эта тварь взялась в такое время и в этом мире?! Так вот кого они называют драконами! А я уши развесил и представлял себе что-то вроде такого китайского пухляка!»

– А-а-а! – Он давно так не бегал... А на деревья то тут, то там плюхались какие-то сгустки, сразу обугливающие стволы. – Зараза! Он плюется серной кислотой что ли?! А-а-а! Отвали, лягуха зеленая! – Влад запрыгнул за елку и оттуда врезал по тираннозавру молниями. Тому это явно не понравилось, и он тоже спрятался. – Чо, тварюга, не нравится?

Влад выскочил из-за дерева и побежал, обстреливая спрятавшегося дракона молниями. Теперь уже зверь бегал от него, прячась за елками и отплевываясь ядовитой горящей слюной. Влад весь взмок, от него валил пар, но ни он не мог догнать дракона, ни дракон заплевать его – слишком ловко Влад уворачивался. Наконец Владу это надоело и он, уже ни на что не надеясь, крикнул в сторону тираннозавра:

– Ну что, жаба ты зеленая, не надоело бегать?

За кустами рявкнуло чудовище, и вдруг в голове у него прогремело:

– Надоело. Но я-то к тебе не приходил. Ты ко мне пришел. Ты пришел меня убить. Я что, должен теперь поклониться тебе, что ли?

Влад опешил. Он не раз читал сказки о драконах, но разговаривающий тираннозавр – это нечто... Это просто за пределами. Влад посидел и тупо сказал:

– Ты что, разговариваешь?

– Нет, ты сам с собой разговариваешь. Потому что болван, – громыхнул в голове голос. – Вы, люди, все болваны. Сколько вас помню – никогда род людской не был умным. Вот ты приперся сюда, ты правда рассчитывал меня убить? Вот этими жалкими палками и этими синими искрами?

– Да не таким уж искрами, сам болван! То-то ты спрятался там за елку! Иди, не трусь, жабина, не обижу, поговорим!

– Ну ты наглец, – громыхнул в голове голос. – Ладно, сейчас иду. Только если будешь колотиться искрами, голову откушу.

– Кто кому еще откусит, – огрызнулся Влад и почувствовал, как у него в голове послышался смешок.

Из-за огромной ели осторожно выглянул монстр, высотой метров восемь и длиной, от кончика носа до хвоста, метров пятнадцать – зрелище просто потрясающее. Зверь тихо, необычайно тихо подошел к Владу и навис над ним. Влад подумал: «Крадется, как хореk, не слышать! Вот как они подкрадываются к добыче»...

– Сам ты хореk. Да, так и подкрадываемся... И к тебе тоже. – Тираннозавр навис над ним, глаза его как бы засветились и увеличились в размере... а потом Влад усилием воли скинул с себя морок и ударил в ответ мыслью:

– Отстань, жабина!

Тираннозавр вздрогнул и зашатался, потом справился с собой и принял позу – как будто сел на хвост и на лапы, согнув их в сочленениях.

– Ты интересный человек. Первый раз такого вижу. Ты не из нашего мира. У тебя в голове что-то странное – какие-то невиданные жилища. Птицы с людьми внутри...

– Вон из моей башки! – Тираннозавр чуть не упал опять и его голос уже неуверенно проговорил:

– Ты поаккуратнее с мыслями! Выжжешь меня!

– А ты какого хрена без спроса у меня в голове шаришь? Я тебе разрешал?

– Ну в общем нет. Извини. Вообще, странно даже то, что ты меня слышишь. Для всех людей мы безмозглые чудовища, которых надо убивать, где вздумается. Вот и мы тоже их убиваем. Но иногда и наши гибнут. Ты же палил по мне магией, но она на меня почти не действует. Когда другие люди палят, я просто подхожу и... ап! – Монстр продемонстрировал, как он прихлопывает палящего лапой. – А твои удары я почувствовал. Очень сильные, мне было неприятно. Ну как если бы тебя колоть чем-то острым.

– А я пришел не убивать тебя вообще-то. Все твердили: драконы, дракон... Очень уж захотелось на тебя поглядеть.

– Ну и поглядел? – Дракон явно забавлялся. – Понравилось?

– Да ни хрена. На кой ты моего коня сожрал?! Мне теперь пешком тащиться несколько верст. И сумки мои нужны. Ты их тоже сожрал, что ли?

– Я что, болван? Вон, кинул их там с седлом вместе. На хрена они мне сдались. И коняка твоя поганая – я предпочитаю оленину.

– Ну если поганая – чего ты тут вокруг деревни тогда лазишь? Они ведь все равно объединятся, и тебя грохнут – уже заявку подали на тебя управу найти. Чего ты их пугаешь? Да и вообще, зачем коров-то ворует? Неужели оленей мало?

– Ну, во-первых, мало, зима снежная, отошли они южнее, по сугробам плохо бегать догонять.

– А плевки твои? Стрельнул плевком – и ага, вот тебе и олень.

– А ты все жрешь, что оплевал? Вот ты достал жратву, и давай на нее плевать? Вот и мы не любим. Это боевое оружие, когда попадает на что-то – обугливает. А потом жрать эти обугленные куски? Нет уж, мы не люди, чтобы жрать обугленные куски трупов. Мы предпочитаем свеженькое. Или чтобы полежало немножко, размякло... сок вкусный дало. Людей тоже не любим жрать – вы вонючие, и у вас привкус противный, горчит.

Тираннозавр навис над Владом огромной тушей, и тот подумал:

«Куснет вот этими пиками – и конец...»

– Да не кусну я. Потом весь день привкус во рту противный будет. Вы нарочно, что ли каким-то дерьмом мажетесь, чтобы вас есть неприятно было?

– Да нет... Ну одеколоном иногда, мыло душистое... масла там всякие ароматные...

– Фф-фу! То-то я чую, смердит от вас.

– Слушай, а ты как можешь разговаривать мысленно?

– А я откуда знаю? Как себя помню – всегда мог. Ходили легенды, что и некоторые люди могут с нами так разговаривать, а я не верил. Вот дурак, теперь сам вижу. Точно не врал.

– А ты все мои мысли слышишь?

– Ну слышу... Ты вон как вопишь, не закрываешься. Ты закройся, и я не буду слышать. Чему только вас учат... Я еще когда только из яйца вылез, уже умел закрывать мысли.

– Ну научи, раз умеешь.

– А зачем? С какой стати я тебя учить чему-то буду? Обоснуй.

– Ну-у... во-первых, ты коня сожрал моего. Мне должен, значит.

– Ни хрена не должен. Ты чего приперся сюда – смотреть на меня. Посмотрел? Рад? А насчет коня договора не было. Давай дальше.

– Ну а если я просто тебя попрошу?

– А я просто откажу. Мне всегда мама говорила: не связывайся с людишками – они или дурную болезнь тебе передадут со своим вонючим мясом, или настроение испортят, будут гоняться за тобой, не дадут спокойно переваривать.

– Слушай, дракон, как тебя звать? Меня Влад.

Дракон помедлил и нехотя ответил:

– Зеленушка.

– Как-как? Зеленушка? – Влад покотился со смеху. – Эти вот тонны мускулов, костей и зубов – Зе-ле-нушка?! Ой, я не могу.

– Ну чего ты ржешь, как твой дохлый конь, – обиженно прогремел дракон. – У тебя в голове так преобразуются мои мыслепередачи, подбирая нужные образы и слова, на самом деле ты мое имя и не выговоришь. Все-таки надо тебе башку откусить, пусть потом во рту весь день воняет. Зато моральное удовлетворение. Вонючка.

– Ладно, не обижайся, – отсмеявшись, проговорил Влад, – научи меня хотя бы ради того, чтобы просто поболтать. Как скучно будет, ты же можешь на расстоянии мыслями обмениваться? Вдруг приспичит поболтать, и тебе интересно, и мне. Что-то новое узнаешь, я тебе о нашем мире расскажу. Будем информацией делиться. Может, когда-то поможем друг другу. Это причина?

– Хм... это причина. Может и есть смысл. Хорошо. Сейчас я поговорю с мамой. Посоветуюсь, потом тебе отвечу.

Он посидел минут десять, тараща глаза в пространство, затем сообщил:

– Ругается. Говорит, я вечно найду себе дурную компанию. Все меня за маленького держит. Научу. Назло ей. Значит так: смотри в мои глаза и не сопротивляйся, я вложу в твою голову знания об управлении мыслями. Постарайся откинуть все мысли и не двигаться. Начали!

Влад почувствовал, как чужая мысль вливается в его голову, мозг заливают вереница странных образов, мыслей, понятий... Он стал захлебываться в них, сильно заболела голова... и вдруг все кончилось. Дракон захлопнул свои гипнотизирующие глаза, и Влад очнулся. В мозгу была мешанина, затылок трещал.

– Ну что, живой? – громыхнул голос в голове, и Влад автоматически снизил его грохот до нормального звучания. – А я уж думал, ты окочуришься. Ты правда не из этого мира, здешние бы не выдержали.

– А что ты мне передал?

– А все. Все, что мы умеем в ментальности. Теперь и ты умеешь гипнотизировать взглядом, разговаривать мысленно с такими как мы менталистами, много чего... Честно говоря, я не знаю, что ты теперь можешь – мозг у тебя другой, потом сам попробуешь и узнаешь, что умеешь. Мне самому интересно, что получилось. Ладно, с тобой хорошо болтать. Но надо идти.

– Слушай, помоги мне, а? Ты коня завалил моего, а мне надо в столице быть скорее. Может, поможешь? Отнес бы меня поближе? А я там бы коня купил. Я по дороге буду тебе оленей подстреливать молниями. Свежак, без яда!

– Хм, в общем-то, я и сам собирался поближе к югу податься. Ладно. Давай. Только как ты держаться на мне будешь-то?

– Давай мы седло подберем, я его как-то пристрою... Где ты там его выкинул?

– Пошли за мной. – Тираннозавр плавно и бесшумно пошел по сугробам, через сто метров они приблизились к месту гибели коня.

– Давай, ты собирай свое барахло и думай, как приделать седло. А я пока перекушу – чего пропадать мясу.

И дракон принялся с хрустом раздирать тушу несчастного коня, оказавшегося не в то время не в том месте... Влад прикинул, как и что будет, нашел попону с коня, сумки, потом связал вместе порванные ремни подпруги и стал дожидаться, когда Зеленушка доест лошадь. Затем они еще полчаса провели в переругиваниях и попытках пристроить на шею тираннозавра конское седло. Зеленушка сильно ругался, поносил человеческий род и приговаривал, что правильно мама говорила: дай людям волю, они на шею сядут.

Наконец, седло кое-как было пристроено. Влад вцепился в шею дракона, и тот с огромной скоростью, стелясь над землей и вытянув длинный хвост, понесся по дороге на юг. На тракте было уже темно, все путники и караваны разбрелись по постоянным дворам, или заночевали

в лесу у костра, и дракон с Владом неслись вперед, как шоссейный мотоцикл. В глаза била снежная крошка, Влад все это время боялся слететь с шеи ящера и вцепился в нее так, что Зеленушка стал ругаться: мол, такая шмокодявка того и гляди задушит нежного интеллигентного дракона.

После ночи дикой скачки, Влад с драконом оказались в окрестностях столицы. Зеленушка пожелал поохотиться, и Влад, сидя на нем, выступал в роли орудия главного калибра, положив молниями сразу стаю косуль, с хрустом и урчанием съеденных его новым другом. Потом они попрощались, довольные друг другом. Всю ночь во время бега они обменивались мысленно, рассказывали друг другу о себе и своем мире.

Влад вышел к постоялому двору, расположенному у въезда в столицу, стуком разбудил хозяина и наконец-то оказался в теплой комнате, с куском колбасы и кувшином пива... Так он и уснул на кровати, успев только сбросить сапоги, кольчугу.

Глава 15

Влад

Утро встретило Влада отвратительно. Все тело затекло, во рту что-то застряло. Он с отвращением выплюнул, ожидая увидеть нечто ужасное. К счастью, это был всего лишь кусок колбасы. На груди крошки, в руке засохший кусок хлеба...

Он, кряхтя, поднялся с не разобранной постели и схватился за голову. Что там происходило, ему было непонятно. Он отругал себя последними словами, из которых «болван неосторожный», было чем-то вроде похвалы. Что там намешал в его голове этот зеленый ящер – непонятно. Влад и сам себя не мог понять: как это он доверил вместилище разума неизвестному существу. «А все мой авантюризм, – думал Влад уничижительно. – Интересно, с какой сотни лет я от этого избавлюсь, если доживу? Хотя вон, Марьяне сто двадцать, а по нашим годам так все двести, а она еще мальчикам головы задуривает и носится, как электровеник. Так что не один я болван».

Это неожиданное заключение немного улучшило его настроение, и он потащился вниз, в обеденный зал, чтобы определиться, что делать дальше. А дальше он решил помыться. Если плотоядной ящерице этот его натуральный запах понравился бы больше, то лично Влад предпочитал, чтобы от него пахло мылом и ароматическими маслами. Лекарь заказал в номер большое деревянное корыто с горячей водой, что ему и принесли, пока он пил чай с куском пирога. На более основательный завтрак у него не было сил – слегка подташнивало и кружилась голова.

Влад задумался. Почему при его регенерации он до сих пор пребывает в состоянии зомби? Он давно должен был скакать как огурчик, свежий и сияющий. Но ему хотелось кого-то обложить матом, а еще залезть в горячую ванну и смыть недельную грязь. Почему-то никто не предупреждал в романах, что путешествие – это натертая седлом задница (от чего не спасает даже великолепная регенерация), грязь, холодные номера в придорожных постоялых дворах и отвратительная еда. А еще запах пота, который даже сам чувствуешь.

Наконец великий маг, друг тираннозавров, плюхнулся в деревянное корыто и блаженно замер, чувствуя, как отходят вместе с недельной грязью все его заботы. Выбравшись из ванны, он надел свежее белье. Хотел постирать старое, но передумал, – вроде как не по чину: «таперича оне ж баронского рода!», свернул его в кучку, сложил в сумы. Теперь ему надо было купить коня – без коня как-то нехорошо настоящему воину появляться в славной столице. Скаун был приобретен тут же, в конюшне постоялого двора – не шибко хороший, но и не оранжевый мерин д'Артаньяна.

При въезде в ворота столицы Владу пришлось расстаться с тремя серебряниками. Почему-то стражники всего мира страдают алчностью, всегда недовольны и постоянно подзревают в каждом потенциального преступника, которого разыскивают. Его грозный вид был воспринят ими с неудовольствием. Гостю тут же было заявлено, что у них не северные дикие провинции, где ему подобные головорезы сносят друг другу тупые башки, а культурная столица, где все поребрики моют с мылом, а в парадное заходят не сморкаясь одним пальцем. Что, кстати, стражник немедленно продемонстрировал на личном примере, испугав бродячую шавку, которая путалась под ногами в поисках пропитания. Приезжий посмотрел на собаку и подумал: «И я вот так же брожу по этому миру, как бродячий пес без роду и без племени».

Столица была довольно чистой, напоминала чем-то улицы Кракова. Дальше его путь лежал в дом торговца Панфилова, где его ожидала опасная служба охранника. Влад ехал по городу, наслаждаясь свежестью утра. Вышло солнце и осветило стены старинных домов, мостовые, спешащих куда-то людей... Как будто они то ли убегают от смерти, то ли как раз догоняют ее. Все-таки в провинции жизнь как-то спокойнее, благолепнее, думал он – эта суета действо-

вала ему на мозги. Или виной тому все же было вмешательство здорового ящера... Влад со стоном потер раскалывающийся затылок.

Особенных изменений в своем организме после ментальных упражнений дракона он не заметил: вещи силою мысли он поднять не мог, стражников заставить плясать – тоже. Грешным делом он попытался сотворить над ними какую-то гадость – ну просто ради испытания своей мощи, но ожидаемой мощи не оказалось. Возможно, драконий мозг слишком отличался от человеческого, чтобы возможности драконов передались человеку.

Он задумался: почему тираннозавр бегает по сугробам? Ведь из всего курса палеонтологии Влад знал, что динозавры бродили по Земле в юрский период, когда все было занято тропическими лесами... Стоп, Земля! А это не Земля. Но кто сказал, что динозавры не способны жить там, где существуют различные климатические зоны? Тот удар метеорита (вообще-то Влад подозревал, что это была Луна – недаром тут ее не было видно), что разделил Землю и Мир, вполне мог привести к таким последствиям: динозавры на Море выжили, материки исчезли и объединились в один, оставив в океане лишь группы островов.

С тем, что происходит здесь, надо было еще долго разбираться, а у Влада имелись гораздо более насущные проблемы, например, найти купца Панфилова, получить свои деньги и вернуться назад, к своей строящейся клинике.

Влад не стал в Лазутине заезжать к директорше Школы магии. Он подозревал, что как только он ее омолодит, тут же на него навалится вся гильдия магов. Невозможно скрыть факт того, что он обладает такими способностями, которые им недоступны. Он даже задумался: а стоит ли ее вообще омолаживать и так светиться? Но потом пришел к выводу, что раз уж она все равно знает о Марьяне и Владе, то лишившись своей мечты, может начать мстить. Так что не имеет смысла наживать врага, когда можно найти в ней друга. А может убить ее? И концы в воду... Но и эту мысль Влад отбросил. В конце концов, она ничего ему не сделала, и он же не какой-то эпический злодей, – за что бабу убивать-то?

В голову ворвался голос Зеленушки:

– Прибей эту курву. Я как-то одного козла так укусил за шею, аж зуб у него в позвонке оставил – повадился сука бегать на мои охотничьи угодья... Лучший способ отвадить недруга от своих угодьев – перекусить ему шею. А лучше всего...

– Стоп! Ты как опять мне в голову залез?! – прервал откровения дракона Влад. – Как ты опять тут у меня хозяйничаешь?

– Ты бы закрывался, что ли! Вопишь на всю округу!

– А как закрываться-то? Ты мне ни черта не показал!

– Хм-м... я вроде тебе все засунул в голову... Ну да ладно, представь себе, что ты находишься в пещере – и ни один звук к тебе не доходит, над тобой тол... – Голос дракона исчез, Влад облегченно вздохнул и открыл мозг. – Ага, у тебя получилось. Вот и тренируйся теперь, все время держи мозг закрытым. Ну, когда не хочешь со мной поболтать.

– А ты всех людей с ментальными способностями слышишь?

– Нет, так чисто только тебя, а остальных обрывками, какими-то образами, в общем, каша и мешанина, неохота прислушиваться.

– Скажи, а вас вообще-то здесь много? Ну драконов? Неужели, если вас так много, никто вас не видит?

– Ну почему никто – ты же увидел. Сколько? Ну, несколько тысяч точно. Есть еще на юге племена, а мы тут живем. У всех свои территории. Мы ходим на юг чтобы оплодотворить яйца, они к нам приходят поохотиться и отдохнуть от жары... Никто не пересчитывал нас... А зачем? И если мы не захотим – нас не увидят. Мы умеем глаза отводить. Кстати, и ты должен был бы уметь, но что-то видно не сработало. Ваш мозг, человеческий, хилый и неразвитый. Не зря мама говорит, что вы тупые.

– Сам ты тупой, – обиделся Влад, – свали из моей головы! – Он закрылся, отключив дракона, и поехал дальше по извилистой улице.

Мысли опять двигались в том же направлении: как они, рептилии, поддерживают необходимую температуру в теле? Они, по всем канонам биологии, зависят от внешней температуры! Ты, парень, все время пытаешься объяснить все земными понятиями, фыркнул он. Вот почему ты сам можешь тут черпать Силу из реки, а на Земле не можешь? Почему тут могут то, что не могут на Земле, а на Земле то, что не могут на Море? Если дракон – надо его и называть так, несмотря на сходство с тираннозавром – способен говорить, обладает ментальными способностями, так почему он усилием воли не может поддерживать температуру тела? Кстати, подумал Влад, а если и мне самому вместо ношения теплой одежды попробовать регулировать температуру тела магией? На досуге надо попробовать... Пока хватает и меховой куртки, благо, климат в столице гораздо более мягкий, чем на севере, явно мягче... Просто я, как любой человек, заиклен на расхожих штампах». Вот дракон – он должен летать, орать, изрыгать пламя и сидеть на куче золота. А тираннозавр? Он также должен орать, быть тупым, обладать мозгом с горошину, питаться живыми объектами и падалью, бегать по лесам и драться с трицератопсами... Хм, может и этот травоядный танк где-то бегает? Тираннозавры-то выжили! Впрочем, тут они вряд ли будут. Только если на югах. Здесь слишком мало травяной массы, а чтобы прокормить такое тело надо мно-о-ого жрать травы и веток. Тираннозавру проще – дичь всегда есть. Кто знает, что бы случилось за миллионы лет, если бы динозавры выжили? Может, и разумная раса была бы другая: зелененькие, с хвостами... Ах, какое у вас симпатичное яйцо в колясочке! Это у вас уже второе?..

Впереди лошади Влада с гиканьем бежал какой-то пацаненок, рубя на бегу воздух палочкой, как саблей. Влад понял, что за своими размышлениями он заблудился, и ему теперь нужен проводник. Панфилов говорил ему, как проехать, но то, что местному кажется таким простым – повернул туда, повернул сюда – приезшему видится чем-то запредельным и непреодолимым. Он крикнул пацаненку:

– Эй, рыцарь с грязными пятками, иди сюда, ежели заработать хочешь!

Мальчишка остановился. Внимательно посмотрел на воина глазами городского постреленка и спросил:

– А что дадите... и за что?

– Проводник мне нужен. Даю сейчас медяк, по приезде на место еще один. По рукам?

– Два медяка по прибытии на место, – мальчишка весело скалился и помахивал палкой, – а медяк сейчас.

– Черт с тобой, вымогатель. На! – Влад кинул огольцу медяк. – Проводи меня к дому купца Панфилова, знаешь такой?

– Знаю, конечно, известная личность. Только вы не туда заехали, господин. Вам на другой конец города, в купеческий квартал.

– Если бы я заехал туда, я бы тебя не нанимал. Давай-ка ко мне залазь, а то будем тащиться еле-еле.

– Да я вашего коня обгоню! – рассердился пацан, но на коня все-таки залез, с помощью руки Влада, поднявшей его за шкирку, как щенка.

Всю дорогу мальчишка болтал, доставая Влада вопросами типа: а что это за меч? А откуда воин приехал? А зачем ему палки с шарами за поясом? А он здорово умеет ножики кидать? А эта лошадь быстро скачет? – надоев Владу хуже горькой настойки.

Через полчаса они все-таки прибыли на место, на что лекарь уже и не надеялся. Приставучий мальчишка был высажен на мостовую, получил гонорар, но убегать медлил и с интересом наблюдал за тем, как Влад стучал в закрытые ворота дома.

На стук выглянул привратник и сообщил, что Панфилова с сыном еще нет, дескать, в отъезде, а посему гостей не принимают. Влад постоял, подумал... Надо было куда-то пристра-

иваться на ночлег. Видимо, когда он рысачил на драконе, он где-то обогнал купца, расположившегося на ночлег на постоялом дворе. Ну что же, делать было нечего, – в гостиницу.

Давешний мальчишка с интересом наблюдал за его манипуляциями, потом крикнул:

– Два медяка – и я вас веду в гостиницу!

– Засранец ты. Один медяк и ведешь в гостиницу. И я не надеру тебе уши за жадность!

– Это если поймаете, – засмеялся мальчишка. – Ладно, для вас скидка – один медяк.

Только деньги вперед... – И хитро сощурился.

Влад кинул ему медяк и взгромоздился на лошадь. Он проехал за мальчишкой метров десять, завернул за угол, и вдруг обнаружил перед собой дверь с надписью «Желтая цапля». Он обернулся к хохочущему мальчишке и показал ему закованный в стальную перчатку кулак.

– Ну, предприниматель хренов, далеко пойдешь, если не остановят!

Влад привязал лошадь к коновязи, открыл двери и вошел внутрь. Гостиница ничем не отличалась от среднестатистической ночлежки такого класса, правда, цены его удивили. На что хозяин важно сказал:

– А что вы хотели, это столица!

Наконец мальчишка-конюх принял коня, сумки были перенесены в простенький номер, и приезжий смог расположиться в общем зале, уплетая вполне приличный гуляш из непонятного мяса. Он надеялся, что не из бродячих собак.

Влад вполне мог себе позволить и шикарный номер со всеми возможными в этом мире удобствами, но он не хотел привлекать к себе внимание. Скоро ему предстояло изображать охранника у Панфилова, так что засветка ни к чему. Делать ему было нечего, он задумчиво сидел в углу, ковыряясь в зубах зубочистками, которые торчали из стаканчиков, расставленных на всех столах, и думал о всякой ерунде. «Вот хорошее дело – зубочистки. Надо завести у себя такое в клинике»...

Тут двери распахнулись, в гостиницу вошла большая компания солдат – то ли регулярных войск, то ли наемников. Они заказали обед и выпивку и шумно стали обсуждать какого-то сержанта, который «зверь» и высек Клима совсем не за дело. Мол, что с того, если солдат немного задремал под утро на посту – не на войне же. Потом серьезно обсудили двух баб, к которым уже переспало все их отделение, и очень все остались довольны, затем переключились на тему «скорее бы зарплата – а то проигрался на прошлой неделе», ну и всякое такое прочее.

Влад усмехнулся – во всех мирах солдаты одни и те же... только оружие разное. Он наслаждался теплом, ощущением не шатающегося под ним пола, светлым пивом, которое по мере приближения к столице становилось все лучше и лучше.

Пожинав и выпив, солдаты достали кости и стали с азартом кидать их. По мере увеличения объема выпитого, их баталии стали еще более бурными и яростными. Владу было скучно – телевизора нет, газет тоже, ему хотелось чем-то занять время, и он неожиданно для себя спросил:

– Парни, примете в игру?

Солдаты осмотрели его с ног до головы, оценив снаряжение (меч он снял, оставив только кистени), потом согласно кивнули.

Влад подсел к столу, некоторое время изучал правила: надо было выбросить из трех попыток двумя кубиками наибольшее количество очков. Все просто. Участвовали две группы, по пять человек. На кон ставили по серебрянику, каждый из пяти человек. Выигрывал один, с наибольшим количеством очков, но если очки были равные, то те, кто оставался в игре, перебрасывали заново, поставив еще по серебрянику. Это было тупо, но довольно весело.

Солдаты ругались, игральные кости падали на стол и на пол, вспыхивали споры: ровно лежит на полу или нет, правильно ли считать с этой стороны или с той, если кубик встал в щель на ребро, – ну и всякое другое, располагающее к перебранке и хорошей потасовке. Владу

не везло. Он продул уже штук пятнадцать монет, там тоже был свой ритм игры, при котором можно проиграть наименьшее количество денег, но он никак не мог его уловить.

Потом ему стало неожиданно везти: он внимательно всматривался в падающие кости, и с удивлением понял, что он может ими управлять. Он своим восприятием скорости как бы замедлял движение кубиков, и они падали медленно-медленно, потом он всей душой желал: шестерки, шестерки, шестерки... кубики катились, медленно переворачиваясь, и замирали на тех ребрах, что ему были нужны.

Он отыграл все, что раньше спустил за столом, потом стал тихонько, чтобы не привлекать внимания, выигрывать и около него скопилась кучка монет. Его партнеры вначале бурно поздравляли удачливого противника, потом притихли... А когда почти все их монеты перекочевали к Владу, начали злобно на него поглядывать и перешептываться.

Влад понял – надо заканчивать. В общем-то, деньги ему не были нужны, в банке на его имя лежали несколько десятков тысяч золотых, в поясе тысяча, – ему был интересен сам процесс, но он увлекся и потерял осторожность. Надо было уйти, когда отыграл свои деньги, но азарт... азарт великое дело.

Ему сразу вспомнилось, как он играл в карты, в очко, в общежитии геологов в Киргизии. Они ставили на кон по рублю, потом сумма удваивалась, учетверялась... в общем, в одном банке он проиграл за раз свою месячную зарплату. Причем, несмотря на то, что играли со своими. Рожи у всех были красные, злобные, напряженные – нож бы в руку, и понеслось. А тут... тут были чужие люди, солдаты, разгоряченные вином и проигрышем.

Влад хотел спустить все выигранные деньги, но опоздал. Он встал, поблагодарил партнеров за игру и только хотел уйти, как один из солдат, заводила, поймал его за руку и тихо сказал:

– Что, собрал денежки и собираешься уйти? Парнишка, ты не прав. Ну-ка садись на место... С выигрышем не уходят, пока не отпустили. Парни, я сам с ним сыграю. Эй, наемник, у меня есть золотая цепь, – он достал из кармана внутри куртки здоровенную золотую цепь толщиной в мизинец, заканчивающуюся медальоном, – ставлю ее против твоих всех монет. – Он с грохотом кинул цепь на стол так, что задребезжали кружки и крошки полетели в стороны. Все вокруг затихли, а хозяин гостиницы закричал жалобно:

– Эй, эй, парни, мне не нужны неприятности! Кончайте игру, я стражу позову!

– Цыц, – полуобернулся к нему солдат, – щас не заткнешься, я эту лавочку разнесу! – Он повернулся к приезжему и пьяным голосом сказал: – Играй. Я бросаю первым!

– Хорошо. Но я смогу после этого встать и уйти? Ко мне не будет претензий? Вне зависимости от того, выиграю я или проиграю, я ухожу, договорились?

– Договорились. Не дрейфь, уйдешь.

Весь зал замер, наблюдая за поединком, только хозяин наклонился и что-то шепнул кухонному мальчишке, после чего тот выскользнул за дверь и исчез.

Солдат кинул кости – две шестерки. Зал взорвался радостными криками. Бросил еще раз – шестерка и пятерка. Еще бросок – шестерка и шестерка! Он передал кости Владу:

– Ну что, наемник, плакали твои денежки! Может, и бросать не будешь? Сразу бабло отстегнешь?

Все радостно заржали, восклицая:

– Ну Малюта, ну фартовый!

Влад спокойно принял кости и сказал:

– Да нет, лучше я немного помучаюсь.

Он улыбнулся и кинул первый раз – две шестерки. Еще раз – так же. Третий – снова обе шестерки. В гробовом молчании он ссыпал свои деньги в мешочек, забрал со стола цепь и поднялся со стула:

– Всем удачи, пока.

– Ста-я-ать! Шулер! Кости фальшивые! – Его недавний партнер вцепился ему одной рукой за вырез кольчуги вверху, размахнулся как следует и врезал в лицо. Вернее, попытался врезать, но почему-то промазал, его рука ушла за спину противника, а он провалился вперед всем телом. Влад схватил его за руку, вцепившуюся в отворот кольчуги, вывернул ее и припечатал буяна мордой в стол.

Тот затих и обвис, лежа грудью на столе и стоя коленями на полу. В наступившей тишине было слышно хриплое дыхание солдат и скрип отодвигаемого Владом стула. Потом кто-то отчетливо крикнул:

– наших бьют! Вали его! – И вся ватага толпой надела на Влада.

Его оттеснили к стене, двое схватили за руки справа и слева, один держал сзади, поперек туловища. Вырвав из-за пояса кистени, еще двое начали молотить его в лицо, в грудь, в живот. Влад резко выпрямил ногу вперед, один из молотильщиков улетел под столы, зажав пах и подывая, потом лекарь напрягся, зацепил за предплечья двух справа и слева – они ломая столы и сбивая стулья, разлетелись по углам зала. Солдат сзади загнулся от боли в треснувших ребрах – локоть Влада с хрустом врезался ему в бок.

Еще четверо противников налегли, размахивая стульями и скамейкой. Скамейку он принял на предплечье, раздробив в щепки, и ответным выпадом кулака сломал челюсть нападавшему. Остальные разлетелись, как кегли, под ударами...

Вдруг неожиданно у него потемнело в глазах, он зашатался, получил еще один страшный удар дубинкой в затылок... и уже лежа на полу, он услышал чей-то голос:

– Это шулер, капитан! Его поймали, он стал наших метелить, вовремя вы прибыли! Его еще приложить надо – вишь, шевелится, здоровый бугай. – Еще два удара погрузили Влада во тьму.

Он очнулся в тесной камере, в одном нижнем белье – это было то самое белье, модифицированное, конечно. Об этом никто не знал и снимать никто его не собирался. Сняли кольчугу, верхнюю одежду, забрали кистени и засапожный нож. В общем, он остался голым и беззащитным, если не считать того, что на нем была броня, а сам он был более совершенным оружием, чем весь отряд стражи. Он осмотрел руки – перстня с алмазом тоже не было. Ссадины и ушибы на лице уже прошли, наверное, тогда, когда его тащили в тюрьму. Если бы они по дороге не добавляли по голове, скорее всего он бы очнулся еще в гостинице.

Загремела железная дверь, и в нее вошел мужчина лет сорока пяти, на нем была потертая кожаная одежда и простая кольчуга на плечах. Он поднял седую голову, внимательно осмотрел пленника, немного удивился – под потеками крови не было видно, что Влад уже исцелился, но выглядел он как-то слишком свежо – после того как его отметелили больше десятка человек, включая прибывшую дежурную городскую стражу.

– Ну что, наемник, наделал дел? Сначала шулерствовал, потом побил бойцов городской стражи на отдыхе, переломал им ребра, челюсть сломал, нос, разгромил гостиницу. Тянет на каторгу, а? Что скажешь?

Влад попытался сказать что-то, но из дырки, возникшей на месте двух выбитых зубов, раздалось нечленораздельное шипение. Новые зубы уже росли на месте выбитых, но только лишь показались из десны. Потом он сосредоточился и сказал:

– Это все ложь. Я выиграл, они не захотели отдавать, набросились на меня.

– И ты избил десять человек? Ты вообще кто такой, откуда взялся?

– Я личный телохранитель купца Панфилова, он нанял меня для охраны его и его сына. Сам я с севера. Прибыл накануне и остановился в этой гостинице. Было скучно, решил поиграть, вот и нарвался.

– Поиграть решил? А откуда кости фальшивые? Для игры притащил, от скуки?

– Какие кости? Я никаких костей не приносил!

– А вот эти! – Мужчина достал и показал на ладони какие-то кубики. – Эти кубики утяжелены с одной стороны. Все говорят, что ты ими и выигрывал!

– Да что за бред! Я вообще никаких костей не приносил! В общем, так: сообщите Панфилову, что вы задержали меня и держите в тюрьме! И верните вещи – перстень с алмазом, кольчугу, оружие!

– Прямо сейчас вернем. Только вот переобуться надо мне. А то упаду бежамши. – Человек ехидно подмигнул ему и пошел к двери.

– Господин, не знаю, как вас там... сообщите Панфилову, что я тут. Иначе будут неприятности, гарантирую. У него влияния хватит, чтобы вам навредить. А если сообщите, сможете приобрести влиятельного друга.

Человек остановился, подумал – на лице его отражалась усиленная мыслительная деятельность. А вдруг наемник говорит правду? Ссориться с Панфиловым, которому принадлежит четверть городских лавок, как-то не хочется... В общем, подумать надо.

Он пошел в караульное помещение и там, рассматривая побитых, охающих стражников, спросил:

– Кто стянул перстень с наемника? Ну-ка быстро сюда, сучата! Мало того что в пьяных разборках участвуете, так еще потихоньку от начальника карманы обшариваете, уроды!

С лавки поднялся чернявый молодой парень и угрюмо протянул перстень.

– Ух ты! А перстенок-то... хм-м, непростой это наемник. Переведите-ка его пока в общую камеру, пусть там сидит. А ты, Афанасий, сбегай шеметом к Панфилову и спроси: не ждет ли он какого-то охранника, опиши его внешность. Давайте, давайте, чего расселись?

Дверь опять загромыкала, и стражник с опухшей с одной стороны рожей («Уж не я ли его приложил?» – подумал Влад) повел пленника по длинному коридору. Конечно, он легко мог уйти – перебить охранников, скрыться из города, но зачем? А потом как? Как жить? Всю жизнь (и до-о-олгую!) провести в бегах? Не-ет. Он будет выпутываться законными методами, притом что он ни в чем не виноват.

Его привели в здоровенную камеру, где на полу лежали охапки соломы и шевелился разнообразный народ. Заключенные сидели. Кто группками – видимо, знакомые или подельники – кто поодиночке, кто по два-три человека. Некоторые разговаривали, некоторые, отвернувшись к стене, спали. Свет был очень тусклым и доходил до половины камеры из маленького окошка под потолком. Влад молча нашел себе местечко у стены, с более-менее чистой соломой, впрочем, кишасей тараканами, подьедавшими крошки от скудных обедов заключенных. У него болела голова – и не от ударов по ней, а по-прежнему от знаний, закачанных драконом.

Он посидел, потом потянулся мыслью и позвал:

– Зеленушка! Через несколько секунд ему ответили:

– Слушаю тебя, букашка. Что, твои соплеменники тебя засадили в клетку? Видишь, род человеческий какой поганый!

– Как будто ваш лучше. Чуть что – и клык в шею. Чем лучше-то?

– Лучше. Клык в шею лучше, чем клетка. Теперь вот будешь сидеть, а в тебя будут кидать камни и веселиться!

– Ну у тебя странные представления о наших тюрьмах. Ты что, сидел в клетке, что ли?

– Да нет, но кое-кто из наших сидел. Пока не убежал. Как у тебя с головой? Что-то усвоилось из знаний?

– Ну, похоже, усвоилось кое-что. – Влад засмеялся: – Вот теперь в кости выигрываю всегда.

Он открыл глаза – перед ним сидели на корточках несколько типов, явно уголовной наружности, один что-то ему говорил.

– погоди, Зеленушка, не сваливай пока, тут какие-то придурки чего-то хотят от меня, типа я на их территорию зашел.

– Да ну, клык им в позвонок и всех делов-то! Хм, ну клыки у тебя слабые. Тогда полягай их.

– Похоже придется... Сейчас, повиси пока в голове, я с ними улажу.

– Что вы хотели, уважаемые? Входную плату? Ну вы же видите, я в одном белье. Откуда плата?

– Ну отработывай. Покатай нас. По очереди. – Щербатый предводитель шпаны радостно заржал и протянул руку, норовя схватить Влада за лицо. Тот поймал руку и деловито переломил ее повыше кисти. Уголовник дико завыл, Влад взял его за другую руку и тоже переломил, как сухую ветку.

– Ну что, кто еще хочет комиссарского тела? Есть желающие?

Желающий нашелся – один из «группы поддержки» попытался припечатать лоха ногой к стене. Нога прошла мимо и врезалась в стену, а нападавший оказался на полу, с торчавшей под девяносто градусов лодыжкой – перелом обеих костей. Сразу накал страстей спал, и пострадавшие отползли в угол, подвывая и угрожая.

– Вот ничо, ночь придет, пожалуй уснешь ты, получишь гвоздь в ухо, тогда узнаешь!

На их вопли прибежала стража, но бить Влада не стали. Видимо, начальник приказал не трогать, хотя и позыркивали на него злобно. Скорее всего, они и напустили на него шпану. Стражники пригласили лекаря и пострадавшим в драке поставили шины на конечности, привязав к палкам. Конечно, лечить магией их никто не собирался – кому нужна эта шваль, тратить на них время.

– Все, разобрался со своими человеками? – прогремел Зеленушка.

– Разобрался... Поубивать бы их! Да могут опять докопаться за их убийство. А теперь ночью будут лезть. Хрен знает, что делать, всем что ли ноги-руки переломать?

– Давай так сделаем: ты спи, а я тут поохочусь, а сам буду слушать твоими ушами, и если подкрадутся, я тебе крикну.

– Классно, я бы поспал немного, тем более уже довольно поздно, – обрадовался Влад.

– Это вам поздно, а у нас самый разгар. Ночью лучше всего охотиться – олени спят, темно, можно подкрасться поближе. Ладно, спи.

Влад заснул, погрузившись в целебный сон, а в голове продолжала крутиться вереница образов, понятий, летали какие-то фразы, буквы, раздавались непонятные звуки... Память дракона расчищала себе место в ячейках и укладывалась на нужные места. Результат сожительства драконьей памяти и памяти абсолютной, человеческой, был не очень хорошим: они перемешались, и теперь вместо четких данных память вдруг выдавала не то, что надо. Как будто ожидал получить один файл, а открывался другой.

Ночью Владу пришлось отбивать нападение. В голове загремел голос дракона:

– Проснись! Ползут к тебе! – Три фигуры, одна с самодельным ножом, уже были в двух шагах от него. Он поймал нож за лезвие, вывернул из рук и кинул к стене за соломой. Потом легким ударом сломал нападавшему нос и следом – указательный палец, чтобы уж не мог ничего держать этой рукой в ближайшее время. Двое других, видя такую яростную и жестокую расправу, тут же убежали и больше не беспокоили.

Два дня прошли в ожидании решения своей участи, отдыхе на соломе с тараканами, разглядывании грязного потолка да за беседами с драконом.

Один раз в день давали какую-то баланду, с плавающими там отвратительными рыбьими головами. Дракон ему сообщил, что пахнет она замечательно, как полежавшая неделю в тепле оленина, очень пикантно. Влад же эту пикантность есть отказался, пил только воду, предвзительно обеззараживая ее магией, иначе бы его постигла участь большинства сокамерников, которые буквально не слезали с параша.

На третьи сутки дверь открылась и, поморщившись, в нее вошел Панфилов, в сопровождении начальника охраны.

– Вот где ты! А я тебя жду на тракте! Господин следователь, это мой телохранитель Влад. Я вам очень благодарен, что вы сообщили мне. А его я сам накажу за те безобразия, что он устроил, и штраф оплачу. Пойдем, Влад.

Лекарь поднялся, покинул камеру и зашагал в караулку. Там ему выдали отнятые у него вещи, только без серебра и цепи, которые уже присвоили стражники. Влад не стал качать права, он был доволен, что хотя бы вернули амулет-перстень. Воспользоваться им, конечно, не смог бы никто, но он сам по себе стоил как минимум три тысячи золотых. Пояс с тысячей золотых остался в номере гостиницы, как и его меч.

На улице Панфилов усмехнулся и сказал:

– Ну что, лихо вас встретила столица, господин Влад? Вот ведь угораздило вас ввязаться в драку с городской стражей! Чуднее и придумать нельзя было, – покачал он головой. – Но знаете, это нам на руку. Немного дурноватый, – он хихикнул, – охранник, любитель побуянить, которого хозяин вытащил его из тюрьмы, должен быть по гроб обязан хозяину и везде за ним таскается. Великолепная легенда. Захотели бы лучше придумать – не смогли б. Ваши вещи в гостинице рядом с моим домом? Ну пойдемте, заберем.

Они дошли до гостиницы, Влад открыл дверь и увидел испуганную физиономию хозяина, который быстро порскнул куда-то в подсобное помещение. Лекарь в несколько прыжков поймал его, схватил за шиворот и потребовал:

– Ну-ка, пошли проверим, целы ли мои вещи?!

Он поволок подвывающего человечка по лестнице наверх. Рванул дверь, выломав замок, и вошел в свой номер. Его весь перерыли, меч оказался на месте, а пояса с тысячей золотых не было. В вещах тоже кто-то рылся, но перевязь с метательными ножами и всякие мелочи были на месте. Влад тихо, ласково и вкрадчиво спросил:

– Ты куда мои деньги дел, уродец... – И резко ударил вора под дых так, что того вырвало на пол. Он согнулся, покраснел, потом просипел:

– Я все верну, я все верну, пойдемте, я отдам!

Они прошли вниз в подсобное помещение, где из-под груды тряпок, ящиков и бутылок трактирщик выволок пояс Влада. Лекарь дотошно пересчитал деньги, не выпуская из поля зрения воришку, – все было на месте, не успел украсть, а затем вытащил его в зал, где сидели двое посетителей, старательно не обращавших внимания на то, что происходит.

Влад подумал, взял табуретку и метнул ее в пирамиду бутылок за спиной трактирщика. Со звоном разлетелось зеркало, посыпались осколки, засыпая голову перепуганного гостиничного деятеля. Потом лекарь подошел к стойке, уперся в нее и оторвал от пола, выворотив с корнем и прижав визжащего от страха человечка к стене:

– Это тебе за вранье, это за кражу, это за мои двое суток в тюрьме, тварь облезлая!

Он посмотрел по сторонам – что бы еще сломать, потом плюнул – хватит, надел перевязь с мечом, закинул сумки на плечо и сказал трактирщику:

– Быстро оседлал мне лошадь, козлина! Если еще и лошади на месте не окажется, я тебя кастрирую!

Панфилов с интересом наблюдал за производимым Владом погромом, не вмешивался и посмеивался в бороду. Его это явно забавляло.

Лошадь оказалась на месте, уже оседланная, Влад закинул на нее сумки и они пошли к дому купца. Они прошли во двор через открытые створки ворот, там их встретила толпа челяди. Конюх выхватил из рук Влада поводья, кто-то из слуг кинулась открывать двери. Владу, не особенно знакомому с жизнью богачей – если только по книжкам – видеть все это было забавно и немного странно.

Дом оказался огромным, с колоннами, позолоченными ручками дверей, сияющими люстрами с множеством свечей и всеми удобствами. Только теперь Влад понял, какой фигурой в столице был торговец. Этот дворец был по карману только очень, очень богатому человеку.

Панфилов отдал распоряжение, чтобы Владу показали предназначенные ему комнаты, а также проводили в баню.

Комнаты ему выделили рядом с апартаментами купца, прямо через коридор, чуть наискосок. Тут же рядом были покои Олега. Купца звали Мирон Семенович, но он просил, когда кто-то был рядом, звать его «господин Панфилов» – телохранителю так положено. Они расстались. Купец сказал, что как только Влад закончит омовение, его проводят в столовую и покрывают.

Влад оставил вещи в комнате и пошел за слугой в баню. Она выглядела просто шикарно: кругом мрамор, в пол вделан бассейн, наполненный теплой водой, а рядом – куча всяких ароматизированных мыльных растворов, душистых притираний и всяких солей.

Влад разделся и с наслаждением плюхнулся с головой в воду. Он плавал, раскинув руки и ноги, как тюлень, потом услышал, что в помещение кто-то вошел – это были две девушки в легких халатах, они тут же скинули одежду и прыгнули к нему в воду, принявшись его намыливать, оттирать, массировать. Через полчаса плескания и намывания он решил, что хватит.

Массажистки вытерли его и осведомились: не надо ли ему еще что-нибудь? Ему, конечно, было надо, но только не после двух суток отсидки в камере, без крошки еды во рту, но об этом он девушкам сообщать не стал, сказав только, что сейчас ему некогда, а вот вечером – милости просим к нему в комнату. На это массажистки ответили обнадеживающе, что хозяин приставил их к нему для оказания любых услуг. В голове Влада сразу возник голос Зеленушки:

– Хе-хе... ну какие вы похотливые существа. То-то вы заполонили весь мир. Мы вот размножаемся раз в год. Уходим на юг оплодотворять яйца. Подеремся, самый сильный и оплодотворит. А вы готовы каждую минуту блудить, как животные какие-то.

На это Влад ехидно осведомился: а сколько раз ему, Зеленушке, приходилось оплодотворять яйца? Дракон обиделся и сказал, что на провокационные вопросы не отвечает. Явно ему было, что скрывать. Влад развеселился и послал ему картинку плачущего дракончика, трущего глаза лапой, которого пинает в зад здоровенный ухмыляющийся дракон. На что дракон ответил картинкой человека-члена, с ножками и глупым выражением лица.

В столовой, вернее, в столовой Панфилова – слуги, и телохранители, пользовались другой столовой – его уже ждал хозяин дома с сыном. Олег тепло поздоровался с Владом и, посмеиваясь время от времени, рассказал, что по их кварталу ходят легенды о том, как какой-то здоровенный наемник перебил в трактире половину городской стражи, а потом хотел изнасиловать кухарку и его повязали только с помощью роты солдат.

– Это случайно был не господин Влад? – лукаво усмехнулся Олег. – Зачем он хотел кухарку? Она ведь толстая и пахнет луком... Странные вкусы у господина Влада...

Они дружно посмеялись, и Влад стал усиленно кидать в рот всевозможные деликатесы, что были на столе. Панфилов тоже себя не ограничивал в еде, одновременно обмениваясь последними новостями.

Дорога от клиники у Панфиловых не вызвала никаких затруднений. Они же не тряслись на взмыленном лошаке, а как все порядочные люди ехали в крытом возочке, с жаровней и горячим чаем. В городе тоже никаких особых событий не произошло, не считая вытаскивая господина лекаря из самой вонючей тюрьмы города. Так что, поговорив о мелочах, они перешли к делу.

– Итак, у меня три партнера, – начал Панфилов. – Это Васнев Семен, Кучина Василий и Краснев Николай. Со всеми я работаю уже давно, взаимовыгодно. Мы начинали еще мальчишками, бегали вместе по улицам, потом организовали свое дело. Сразу скажу: да, не все было законно, и контрабанда была, и еще там кое-чем крутили... Я надеюсь, это останется между нами, да? – Влад кивнул. – Претензий к партнерам у меня не было, пока не начали происходить странные события. То сделка сорвется, то сгорит груз, то корабль пропадет... А потом вдруг я узнаю, что его видели под пиратским флагом близ островов. У нас торговля

на паях, но еще каждый может держать свое дело, и вот все беды начались именно с моим имуществом, а общее осталось целым и невредимым. Вначале я думал, что это совпадения, но после пятого пожара в доках, уничтожившего мой груз тканей, тут даже дураку стало бы ясно – это целенаправленный саботаж, диверсия. Вскоре с сыном начались проблемы, от которых вы меня избавили. Наше товарищество на паях организовано так, что если умирает пайщик, его доля распределяется между остальными. Если нет наследника. Это сделано для того, чтобы государство в лице императора и его прихлебателей не могло урвать кусок, им не принадлежащий. Если есть наследники – пожалуйста, наследник может или продать долю в товариществе другим пайщикам – у них первоочередное право покупки акций, или же продать на сторону, если все пайщики отказались. Составлено было довольно умно, вот только никто не предусмотрел, что может настать такой момент и кому-то захочется убрать всех наследников и самого пайщика заодно. Смотрите, что получается: мой личный бизнес гробят, подталкивая, чтобы я больше вложил в общий бизнес, а потом гробят меня и сына, а все вложенное достается остальным пайщикам! Великолепный план. Элегантно продумано. Я уверен, что тут замешан один, а может, и несколько пайщиков. Все они мои друзья детства, и я с горечью констатирую – деньги всех изменяют. Ну, почти всех. Честно, я всегда вел себя по совести, хотя и занимался часто незаконными делишками. Но что поделать, если император обложил торговлю шелком и драгоценностями непомерными налогами?! Надо же было думать, что мы будем платить эти грабительские поборы! – Панфилов в сердцах стукнул кулаком. – Я не знаю, кто из них троих виноват. Я даже не могу, не хочу никого обвинять. Но кто-то из них подослал магика, замаскированного под прислугу, кто-то травил меня и сына. Нужно выйти на предателя и устранить его. Любым способом. Я уже говорил вам о сумме вознаграждения – я добавлю еще, только устраните опасность и вскройте нарыв. Я чувствую – что-то назревает. Я буду вас таскать с собой везде. Вам подберут хорошую неброскую одежду, вы должны будете в полном вооружении, с мечом – кольчугу, правда, спрячем под длинным кафтаном – сопровождать меня везде. И сына. Мы будем в основном вместе, я как бы буду ему передавать знания о предприятии... Вернее, не как бы, он ведь действительно займет место после меня. А вы будете смотреть, анализировать, а вместе с тем определять, где в поместье спрятался магик, под чьей личиной. Вам предоставят все услуги – от девушек-массажисток, до охранников – вы можете использовать их как хотите.

Олег тихонько захихикал, а Панфилов укоризненно, но со смешинкой в глазах покосился на него. Явно было, что они очень любили друг друга.

– Вы можете ходить по дому везде, – продолжил Панфилов, – спрашивать кого угодно о чем угодно, вам обязаны все отвечать. Я их предупредил. Ну а по обстоятельствам уже смотрите, как и что. Ведь магик должен выдать себя аурой?

– Не обязательно. Например, если бы вы были магом и глянули на меня, вы бы увидели ауру обычного человека. Я закрыл себя от взглядов посторонних магов. Так же и он может сделать. И еще, я прошу вас, прежде чем что-то есть, показывать еду мне. Я посмотрю ее на яды и магические воздействия. И вот еще что... Вот, возьмите эти монетки. Это амулеты для защиты от магии. Они выдержат несколько магических ударов сильного мага. Вам хватит этого, чтобы убежать, спрятаться, или же вывести его из строя. Они заряжены, носите с собой ближе к телу. Не перепутайте с другими монетами – они ничем не отличаются от обычных серебряников.

Все в общем-то было ясно, остаток ужина они провели в обычной беседе: расспрашивали Влада, как там в тюрьме, как он оказался там. Ну, Влад не стал говорить, что оказался за решеткой из-за того, что каким-то образом управлял игральными костями.

Кстати сказать, головные боли его еще мучили, но, похоже, процесс «укладывания» знаний подходил к концу. Правда, это было практически незаметно. Он не поднимал предметы усилием мысли, в его поведении не было каких-то странностей. Он не мог, например, читать

мысли людей... Хотя иногда ему казалось, что он улавливал будто чувствуют собеседники, – настроение, самочувствие. Но он не был уверен в этом и отнес эту эмпатию к своему долгому опыту общения с людьми.

Этот день закончился у Влада вполне традиционно. В комнату пришли массажистки, он выбрал одну, жгучую брюнеточку, очень миленькую, маленького роста – ему по грудь, с очень хорошей фигурой и пылким темпераментом. Она долго выжимала из него соки, и он уснул довольный, послав дракону картинку счастливого человека на пригорке, раскинувшегося на солнышке. Дракон прислал картинку этого человечка в зубах у счастливого дракона.

Наконец, Влад уснул на шелковых простынях рядом с посапывающей, пахнувшей ароматными кремами девушкой Марой. Следующий день для доморощенного Холмса должен был стать очень непростым.

Глава 16

Влад

Разбудил его стук в дверь – слуга сообщил, что господа желают его видеть. Массажистки уже не было, остался только тонкий запах ее волос на подушке... Возле постели лежал черный костюм, видимо, приготовленный для него. Влад померил – все было впору. Надел меховую куртку, тоже лежавшую рядом, – и она тоже подошла, натянул кольчугу, начищенные меховые сапоги, затем закрепил перевязь с мечом, метательные ножи... попрыгал на месте – вроде ничего не болтается и не стесняет движений.

Одевшись, Влад прошел в столовую хозяев – они уже завтракали. Влад поздоровался и присоединился к ним.

– Сейчас поедem к компаньонам, у нас собрание, будем обсуждать дела. Внимательно посмотрите на них, может, что-то заметите.

Они вышли во двор. Возок для торговца был уже приготовлен, а слуга держал поводья лошади телохранителя. Через пять минут ворота раскрылись и выпустили кавалькаду на улицу. Влад ехал позади повозки купца и думал.

Что я там смогу заметить? Попробовать посмотреть – врут они или нет? Но купец сказал, что он не может задавать прямой вопрос: «Ты причастен к покушению на моего сына?» – чтобы не обидеть своих друзей детства. Все-таки хорошо было бы сразу – подошел и в лоб: «Ты организовал нападение на сына? Ты вредишь моему бизнесу?..» Жаль, что ментальные способности у меня пока не развились... Ну, будем работать, чем есть.

Встреча прошла обыденно – никаких неожиданностей, никаких нападений. Влад внимательно смотрел по сторонам, ожидая какой-то гадости, но ничего такого не было. Все, что он смог сделать, это посмотреть на компаньонов, попробовать их просканировать. Сканирование ничего не дало: все были вежливы, радушны, целовались и обнимались, как будто собравшиеся были самыми родным в их жизни, впрочем, возможно, так и было. Влад попробовал почувствовать их настроение: один из них чего-то боялся. Ясно было, чего, но лекарь не мог определить – кто? По виду нельзя было понять, кто из них злейший враг купца. Все они были приятные, интересные, умные люди.

Встреча в этот раз проходила в доме седоватого обаятельного человека – Семена Васнева, торговца редкими товарами. Он шутил над угрюмым видом охранника Панфилова и спрашивал: неужели такого здоровенному медведю, как Мирон, нужна защита, когда он сам любого медведя задавит. А не задавит, так купит.

Другие компаньоны тоже понравились Владу – в них была спокойная сила, они не кичились своим богатством, но это действительно были сильные мира сего. Василий Кучина специализировался на зерне. В этом году урожай не удался, и Кучина, скрежеща зубами, говорил, что придушит этих уродов из налоговой, которые стали требовать у него срочно оплатить какие-то поборы и штрафы. Николай Краснев тоже жаловался, что два его судна затонули в этом году из-за штормов, а два пропали, и нужны деньги на постройку новых, но дела идут плохо. Панфилов им на это сказал, что последние двадцать лет он только и слышит от них, что они нищие, доходяги, что им еле хватает на хлеб, да только кони у них все лучше и лучше, пузо толще и толще, а любовницы красивее и красивее, на что компаньоны долго и весело смеялись. Вот только Влад опять ощутил чью-то злобу, зависть и раздражение...

По приезде Панфилов сразу спросил:

– Есть какой-то результат?

– Увы, все, что могу сказать: один из ваших компаньонов чего-то сильно боится. От кого-то исходит тяжелая волна страха и неприязни. К кому? Не знаю. Но об этом мы можем только догадываться.

– Догадываюсь... Я сейчас поработаю с сыном в кабинете, а вы пока ходите по дому, поговорите с людьми. Да, ваши амулеты мы повесили на шею – сделали дырочки. Не повлияет, что в них теперь дырочки?

– Нет. Не снимайте их никогда. По крайней мере до тех пор, пока не кончится вся эта заваруха.

Влад вышел из кабинета и пошел бродить по дому, рассматривая коридоры, окна с мозаичными стеклами, стены с шелковыми обоями. На дворе, на тренировочной площадке, занималась охрана поместья. Он вышел во двор и стал с интересом наблюдать за охранниками. Их уровень он определил как выше среднего – вполне тренированные парни, но ничего исключительного. Может быть, пару-тройку охранников он мог бы поставить на верхнюю ступеньку – это были отличные спецы, остальные же не особо выделялись.

Бойцы, в свою очередь, внимательно смотрели на него – странная личность, появился неизвестно откуда, с хозяевами в непонятных отношениях, беседует с ними при закрытых дверях, ездит с ними. Владу, в общем-то, было наплевать на их к себе отношение – ему хотелось побыстрее выполнить поручение и заняться своими делами. Он просканировал охранников на предмет магической ауры – нет, все обычные люди, ничего ненормального. Проследовал дальше, шагая медленно, каждого встречного человека осматривая внимательно и прослушивая его настроение. Настроения были разные, и он терялся: кто-то чего-то боялся, кто-то испытывал желание, кто-то тосковал, – ну что можно было выяснить из этого потока эмоций? Ничего.

Влад пошел к мажордому – тот должен был знать, кто появился в доме в последние месяцы. Скорее всего, посланный магик прибыл недавно – вряд ли умелец такого уровня находился в доме много лет. Мажордом, невысокий старичок с острым взглядом, выдал ему список тех, кто был принят на работу за последние полгода, их насчитали двадцать человек. Влад начал опрашивать с кухарки, пройдя для этого на кухню. Потом были три охранника, конюх, дворовый мальчишка... потом еще прислуга, еще, еще...

К концу дня у него уже рябило в глазах от лиц, гудела голова от разговоров и потока новой информации. Никто из этих людей не имел признаков мага, никто не вызывал подозрений, но все чего-то боялись. Естественно, если тебя допрашивает доверенное лицо хозяев, значит, что-то хотят предъявить...

Чужие эмоции захлестывали Влада, он с неудовольствием думал, что дар эмпатии не только дар, но и проклятие. Наконец, он попробовал закрываться от эмоций так, как закрывал мысли от дракона. Кстати, Зеленушка по-прежнему время от времени появлялся в его голове. Скрывать Владу от него особо было нечего – ну что можно утаивать от разумной рептилии, какие у них общие интересы? Да, они были любопытны друг другу, но исключительно как представители разных наделенных разумом видов, между ними даже возникло что-то вроде симпатии. Хотя Влад никак не мог освободиться от чувства нереальности. Действительно, как можно вот так запросто общаться с чудовищем, тираннозавром?

Дракон тоже не был свободен от предрассудков, свойственных его соплеменникам. За миллионы лет существования их цивилизации, они так и не привыкли считать людей разумными существами. Люди оставались для драконов грязными, глупыми обезьянами. Просто этим двоим было любопытно общаться.

Владу надоело бродить по дому, отвлекая недовольных людей от их дел, он пришел к себе и бросился на постель. Спустив ноги на пол и закинув руки за голову, он стал думать, что делать? Опрошены практически все те, кто был в списке новоприбывших, никто не вызвал подозрения. Сидеть тут в доме долго было невозможно – своих дел хватает. Теперь он понял, почему ни сам купец, ни маги, ни Влад не смогли обнаружить скрытого врага. Нужно было ждать, когда враг выдаст себя сам.

Три дня прошли впустую, Влад тренировался на площадке с охранниками, время от времени проверявшими его на «крепость». Они старались то отлупить его боккэнами на тренировке, то в рукопашном бою норовили заехать ему в ухо – он не поддавался, но и не показывал всех умений. Он изо всех сил старался не превысить общего уровня подготовки телохранителей.

Постепенно интерес к нему угас, что позволило ему спокойно общаться с охранниками на разные, довольно отвлеченные темы. Так он узнал, что конюх спит с прачкой, что охранник бегают в город к невесте, что у мажордома есть сын а деревне и еще много-много очень важных для обитателей дома сведений.

Купец выходил из своей резиденции нечасто, предпочитая принимать своих агентов и управляющих в кабинете. В этом случае Влад обычно сидел в темном углу и наблюдал за посетителями. Но и тут ничего не происходило. Он задумался: как бы ускорить события? Конечно, тут он как на курорте – гуляет, ест, спит с красивыми массажистками, но у него есть и свои дела. Клиника, Марьяна... вот-вот должна была активизироваться гильдия магиков, а у него все застопорилось.

Он пришел к выводу, что в последние месяцы враг начал торопиться. А если распустить слух, будто бы купец переезжает, а дом вместе со всем персоналом собирается оставить как есть? Тогда тот, кто проник в дом с определенной целью, начнет торопиться, ведь потом добраться до купца и его сына будет трудно.

Надо, чтобы Панфилов объявил своим партнерам, что собирается перебраться на север, так как у него там свои интересы, да и чувствует он себя лучше в прохладном климате. Вот он съездил туда – и ему стало легче. Да и лекари на севере хорошие, лучше, чем в столице. Потому что они сохранили какие-то древние знания и всякое тому подобное... Мол, выезжать они собираются уже послезавтра. Да, вот теперь все и сложится.

«А сумею ли уберечь купца и его сына? – вдруг с сомнением подумал Влад, но тут же пресек эти мысли: – Решил, должен. Не может быть, что не смогу». Он решительно поднялся, вышел в коридор и постучал в дверь кабинета Панфилова.

Купец сидел обложенный свитками, весь взлохмаченный и озабоченный. Увидев Влада, Панфилов отпустил казначея и управляющего одного из филиалов и пригласил его присесть:

– Ну что, как я понял, вы что-то надумали?

– Да. Надумал. Я предлагаю выкурить ос из гнезда, потыкав палкой.

– Как это?

– Я считаю, что есть заговор, руки которого протянулись в ваш дом. Ситуация, судя по обстановке, должна разрядиться в ближайшие недели – мы все это понимаем. Но не знаем, когда точно. Предлагаю: сегодня вы объявите всем, что послезавтра с утра вы уезжаете на год в клинику на север, так как северный чистый воздух способствует вашему здоровью, весь персонал, охрану, слуг вы оставляете здесь, или увольняете, с выдачей пособия в виде полугодовой зарплаты. С собой никого не берете. Результат будет такой: или сегодня ночью, но скорее всего, завтрашней ночью, будет совершено покушение на вас. Уверен, что у них время не терпит, тем более что за последние годы вы вложили в общее дело почти все свои средства, чтобы возместить потерю личных. Ведь вы сами заметили, что паевые взносы не теряются, а личный бизнес гибнет, и неосознанно размещали туда средства. Есть два пути: или вас попытаются захватить, или вашего сына, чтобы заставить подписать документы, или же просто попытаются устранить обоих.

– А если правда уехать?

– Ну вы же не первый день живете... Знаете, чем это кончится. Начнут потихоньку гробить ваш бизнес, подсылать убийц и в конце концов доберутся до вас. Конечно, это ваше дело, но я предлагаю вскрыть этот нарыв. Есть вероятность, что вас попытаются перехватить по дороге, но я сомневаюсь. В этом случае вас придется отслеживать, подготавливать ловушки, а

тут вы под боком. И магик есть и, я уверен, кто-то из челяди или охраны подкуплен. Чего зря суесться – всегда можно попробовать и потом перехватить, если тут не выйдет.

Они посидели, помолчали. Было ясно, что это дело просто так не кончится, и Влад прав. Но человек всегда надеется, что все как-то рассосется само. Но Панфилов не был бы успешным купцом, если бы не умел просчитывать ситуации и делать правильные выводы.

– Хорошо. Так и поступим. – Он дернул за веревку и в глубине дома прозвенел звонок. Через несколько минут в комнату постучали, вошел мажордом.

– Клим, собери всех слуг во дворе, я хочу сделать объявление. Жду их всех через двадцать минут.

Мажордом удалился, не сумев скрыть на лице очень удивленное и встревоженное выражение.

Купец и Влад посидели еще минут пятнадцать, обмениваясь фразами по поводу дел, затем они пошли во двор. Там уже собралась небольшая толпа – человек тридцать, начиная от охраны и конюхов, заканчивая массажистками.

Панфилов вышел на верхнюю площадку входной лестницы дома, подумал немного, оглядывая лица слуг – напряженные, любопытные, удрученные, и начал:

– Объявляю вам, что в связи с тем, что мои дела и здоровье, требуют моего отъезда на год, я оставляю тут небольшой персонал во главе с мажордомом для присмотра за хозяйством, остальных же слуг я рассчитываю, с выплатой на полгода вперед. Мажордом потом назовет вам имена тех, кто остается, и тех, кто будет уволен. Спасибо всем за службу.

Купец повернулся и вошел в дом. Влад еще немного постоял снаружи, якобы дыша воздухом и рассматривая возбужденно обсуждающую новости толпу. Он ощутил ярость, ненависть, сожаление и разочарование. Прощупать всех сразу он не мог, кроме того Влад подозревал, что у заговорщиков есть магические амулеты, блокирующие ауру.

Все. Шаг был сделан. Назад дороги нет. Он снова вернулся в кабинет купца, где тот вместе с Олегом бурно обсуждал ситуацию.

– Пап, я надену кольчугу и тоже меч возьму, я буду участвовать в бою!

– Перестань! Какой из тебя боец! Ты только что еле-еле дышал, да и что ты умеешь-то?

– Ну умеет он уже неплохо, – вмешался Влад. – Но участвовать?.. Я бы советовал вам вот что: вы баррикадируетесь в своем кабинете вместе с сыном и не вылезаете оттуда, пока не позову вас я, и только я! Пусть хоть тут стены рушатся – сидите и ждете! Меня взять очень непросто, а вас прихлопнуть – как комаров. До этих пор ваш враг хотел, чтобы все выглядело пристойно, как несчастный случай или болезнь, теперь же у них нет времени. Вы ускользаете. Притом что недавно вы вернулись из поездки со здоровым сыном да и сами не собираетесь покинуть этот свет. Значит, вас надо только убивать. Это, конечно, вызовет огромный скандал, будет расследование, но в итоге – там подмажут, тут подмажут – дело и затихнет.

Про себя Влад подумал: «А у нас мало ли громких дел затихло, ушло в тину? Таких людей убивали – вся страна на ушах стояла, и что? Пшик. В крайнем случае найдут какого-нибудь козла отпущения, взвалит на него убийства и... прощай козел. Концы в воду. Люди нигде не меняются».

– Точно. Не меняетесь вы. Такие же противные, как всегда. – Зеленушка в мозгу засмеялся и продолжил: – Вот только мне как-то интересно с тобой поболтать бывает, не хочется, чтобы тебя загрызли. Я могу чем-то помочь?

– Помочь? Хм-м... в общем-то, да. Я не смогу не спать беспрерывно две ночи, можешь послушать моими ушами? А если услышишь, почувешь – не ушами, так ментальным восприятием кого-то, сразу буди меня, хорошо?

– Хорошо. Только ты, похотливый обезьян, закрывайся, когда вы с самкой оплодотворяете яйца! Я прошлым вечером оленя упустил, следил за вами. Отвратительное, скажу тебе, зрелище!

– А ты не подглядывай. Извращенец!

– Да я так, в научных интересах. Ты в детстве глядел, как амебы делятся? Вот так и мне интересно – столько шуму, движений, а яйца не сносят! Непродуктивно. То ли мы – вжик-вжик и яйцо в гнезде! Все-таки мы совершенные существа, не то что вы.

– Если бы мы вжик-вжик и все, наши бы самки разбежались сразу. Они любят вжик-вжик-вжик... и так двадцать минут минимум. А тех, кто вжик-вжик называют ящерицами зелеными.

– Да-а-а? То есть хвалят? Не поймешь вас, людей. Ладно, поговорим потом, тут какая-то скотина на коне и в железе, чегой-то орет мерзко. Пойду ему голову откушу. Обнаглели ваши совсем, поспать не дадут.

Влад засмеялся – получилось невпопад – купец и его сын с удивлением уставились на лекаря:

– Мы что-то веселое рассказали? Чего вы смеетесь?

– Да не обращайтесь внимания – я так, друга одного вспомнил. Орясина такая безмозглая, но довольно сильный боец.

В мозгу возмущенно фыркнул дракон:

– Сам глупая орясина! – И опять отключился.

– Ну все, господа. Амулеты на вас вижу, есть. Наденьте кольчуги – придется два дня потерпеть железо, оружие положите на виду... и старайтесь не вылезать с ним. Вы только помешаете мне, если что. Заверяю вас, я готов встретить любую угрозу.

Про себя Влад подумал: «Хорошо бы, что б любую, а то хрен его знает, что будет. Ну не говорить же им, что я тоже боюсь и не уверен! Я должен, как настоящий герой, вещать с бодрым видом, вселять надежду и знать все шаги наперед! Иначе какой же я герой... так, друг ящерицы».

– А за ящерицу огребешь ты у меня хвостом! Тоже мне... амеба.

– Ну что, погрыз супостата?

– Само собой, погрыз! Хе-хе... этот дебил мне какую-то зубочистку железную в нос совал. Ну вот что за дураки, почему они думают, что смогут восьмитонное разумное существо затыкать своей иглой?!

– Но затыкивали же. Мне говорили, что есть спецы такие, драконобойцы. Что, врут все?

– Ну конечно, ребенка какого-нибудь застанут, от матери отошедшего... Или в яму поймут с кольями на дне, и умирай там на дне в муках – вот все их геройство. Вот ты сам веришь, что человек может победить кого-нибудь из нас?

– Ну-у-у... верю. Я бы смог. Надо просто оружие нормальное, да скорость с силой приличной. И можно попробовать.

– Так ты и не совсем человек... так что это нереально. Таких как ты больше нет. Может, у тебя в предках драконы были?

– Ну когда уроки не хотел делать... – засмеялся Влад, – тут драконы в предках и просыпались...

– Вот-вот! Я же говорил! Ладно, посплю пойду, надо рыцаря переварить. Опять отрыжка будет противная... Ну до чего вы несвежие все-таки.

– Слушай, прекрати тут свои излияния по поводу поедания людей, слушать противно! Неужто нельзя просто оторвать голову и не жрать рыцаря?! Маньяк какой-то.

– Нельзя. Раз убил – надо добычу есть. Мы же цивилизованные существа, не люди какие-то. Природу беречь надо и просто так не убивать, – назидательно сказал дракон и явно зевнул. – Все, до вечера.

– До вечера.

День прошел в хлопотах. Слуги собирали вещи купца, готовили сумки, кофры. Сам Панфилов бежал, отдавал распоряжения...

Вечер настал неожиданно и упал на город, как байковое одеяло. Возбужденный дом затих, готовясь ко сну. Влад ушел в свою комнату, разделся и лег в постель, глядя в потолок. Сон не шел, в голову лезли мысли, события дня, какие-то воспоминания – земные уже при-
тухли, осталась только тоска по дому. Но он заглушил ее, загнал как можно глубже.

Он вспомнил, что когда-то читал статью журналиста о зимовке на Северном полюсе. Очень трудно сидеть, и все время ждать, когда же кончится зимовка, отсчитывать дни. Мучиться мыслями, как там, на материке... Из-за этого можно сойти с ума. Главное – не думать, главное – жить так, будто эта жизнь навсегда. И тогда будет легче. Так он и старался жить. Вернется он на родину, или нет – кто знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.